

СТРАНЫ
И
НАРОДЫ
ВОСТОКА

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

ВЫПУСК

ВЫПУСК

U. S. S. R. ACADEMY OF SCIENCES
ORIENTAL COMMISSION GEOGRAPHICAL SOCIETY OF THE USSR

COUNTRIES AND PEOPLES OF THE EAST

Under the general editorship

of Corresponding Member
of the Academy of Sciences
of the USSR

D. A. OLDEROGGE

VOL. IX

COUNTRIES AND PEOPLES OF AFRICA, 2

Editorial Board:

Y. D. Dmitrevsky, D. A. Olderogge, I. N. Oleinikov, V. L. Sheinis

NAUKA PUBLISHING HOUSE
Central Department of Oriental Literature

Moscow 1969

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА СССР

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫП. IX

СТРАНЫ И НАРОДЫ АФРИКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1969

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

*Ю. Д. ДМИТРЕВСКИЙ, Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ,
И. Н. ОЛЕЙНИКОВ, В. Л. ШЕЙНИС*

Сборник посвящен широкому кругу проблем экономики, географии, истории стран Африки.

Авторами статей являются советские африканисты, использовавшие для исследований новейшие материалы. В некоторых работах отражены личные наблюдения авторов, побывавших в африканских странах.

Б. А. Вальская

ВКЛАД РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА В ИЗУЧЕНИЕ АФРИКИ

В последние годы в нашей стране опубликовано много работ, посвященных изучению Африки в России и в Советском Союзе. В них освещается крупный вклад, сделанный учеными нашей страны в изучение Африки [7; 13; 15; 16; 31; 45]. В настоящей статье по архивным и малоизвестным печатным источникам рассказывается о роли Русского географического общества в изучении Африки, главным образом во второй половине XIX в.

Географическое общество, основанное в 1845 г., внесло большой вклад в изучение африканских стран, в особенности Алжира, Туниса, Египта, Судана, Эфиопии и некоторых глубинных районов Центральной Африки.

В 1847 г. Географическое общество приняло участие в экспедиции Е. П. Ковалевского в Египет, Судан, Западную Эфиопию, организованную по просьбе египетского паши Мухаммеда Али для поисков и разведки золота в Восточном Судане и для устройства там золотопромыселов. От Географического общества в состав экспедиции вошел Л. С. Ценковский. Его задачей было изучение физической географии и этнографии стран, «еще мало в этом отношении известных». В инструкции Географического общества, составленной акад. К. М. Бэр, указывалось, что вклад русских путешественников в исследования Восточной Африки будет содействовать связи Географического общества с мировой наукой в изучении важнейших проблем географии и этнографии Африки, которые обсуждаются наукой уже в течение столетий [6]. К таким проблемам Бэр прежде всего относил изучение нильской системы от истока до устья.

Экспедиция Ковалевского была первой экспедицией в страны зарубежного Востока, в которой приняло участие Географическое общество. Она не только выполнила поставленную перед ней задачу, но и проникла в глубь Африки, в область, расположенную между Белым и Голубым Нилом. Секретарь Русского географического общества Ф. Р. Остен-Сакен писал, что Ковалевский один из первых, если не первый, «восстановил поколебавшееся в то время в географическом мире исконное убеждение, что источники Белого Нила следует отыскивать далеко на юге, а не между 5 и 10 градусами широты, в месте, где на прежних картах изображали Лунные горы» [25]. Важнейшей заслу-

гой Ковалевского является составление карты Восточного Судана и Эфиопии, а также описание природы и населения этих стран [8]. Следует отметить, что в отличие от Азии в Африку Географическое общество экспедиции не снаряжало, лишь сочувствуя и покровительствуя исследователям Африки.

Еще до Ковалевского, в 1846 г., по Африке путешествовали Э. И. Эйхвальд и А. А. Рафалович. Оба они были активными деятелями Географического общества, которое напечатало отчеты об их путешествиях [34; 43].

Эйхвальд во время путешествия по Малому Атласу дал описание его геологического строения, растительности и животного мира и впервые указал на связь между ним и средиземноморскими странами Южной Европы.

А. А. Рафалович был отправлен в Северную Африку и другие страны Востока в 1846 г. в составе русской учено-врачебной экспедиции, организованной Министерством внутренних дел. Ее целью было изучение районов наибольшего распространения чумы, а также проверка правильности утверждений некоторых западноевропейских ученых о незаразительности чумы и об изменении в связи с этим карантинных устройств.

В изданиях Общества печатались материалы о ходе экспедиции Рафаловича. В. В. Григорьев в «Географических известиях» писал, что Рафалович присылал на родину «подробные и в высшей степени важные по содержанию и занимательные по изложению отчеты... Обладая разнообразным и прочным образованием, умом наблюдательным и сообразительным, г. Рафалович обращал внимание в путешествии своем и на такие предметы, которые не имеют большой связи с чумой, но интересны для всякого образованного человека; поэтому, хотя страны, им посещенные, изъезжены вдоль и поперек сотнями других путешественников, он сумел подсмотреть и сообщить об них много новых климатологических, топографических, статистических и этнографических подробностей, тем более ценных, что все это излагается у него в живой картине и с умением владеть пером, вообще довольно редким между учеными». Отчеты Рафаловича сразу переводились и перепечатывались в зарубежных журналах. Григорьев высказал уверенность, что Рафалович еще одарит «русскую литературу и европейский ученый мир сочинением капитальным, которое, обогатив новыми данными географию важной части Азии и Африки, в отношении медицинском сделает, может быть, эпоху в науке» [11, стр. 95—96, 111].

Рафалович возвратился в Петербург в 1848 г. почти одновременно с Ковалевским. Хотя в «Географических известиях» писали, что «африканский климат несколько не расстроил здоровья обоих наших путешественников», в действительности это было не так. В 1850 г. Рафалович издал за свой счет первый том своего «Путешествия по Нижнему Египту и внутренним областям дельты» с планом и картой, который не разошелся. Второго и следующих томов он уже не смог издать из-за болезни. А. А. Рафалович скончался 3 мая 1851 г. от чахотки, оставив неопубликованным интересный дневник путешествия по Азии и Африке [12, стр. 79].

В первые годы после основания Общества члены его проявляли большой интерес к Африке. Это подтверждается тем, что в «Географических известиях» печаталось много разнообразных сообщений об Африке. В 1848 г. таких сообщений и заметок было опубликовано 8, в 1849 г.—26, в 1850 г.—11. Значительная часть их была написана Рафаловичем, Ковалевским, Эйхвальдом и другими русскими путешествен-

никами, которые внимательно следили за ходом исследований Африки.

С 1848 г. в изданиях Общества начинают появляться и обобщающие статьи по истории исследования Африки, написанные Д. Кемтцем, К. Ф. Свенске, А. Б. Бушеном и др. [5; 18; 35; 36].

Свенске называет Африку самым загадочным материком: он «до сих пор еще остается тем же таинственным сфинксом, к загадкам которого издревле обращалась любознательность человека, не будучи в силах разгадать их сокровенного смысла» [35, стр. 1]. Свенске сообщает, что за десятилетие (1838—1848) было много сделано для изучения Африки, но главная задача — «проникновение в самое сердце Африки» — не была разрешена. Свенске подробно описывает экспедиции, организованные Мухаммедом Али, для исследования Африки.

В 1857 г. Бушен выступил на общем собрании Географического общества с докладом на тему «Результаты новейших исследований и открытий в Южной Африке». Сделав подробный обзор открытий Ливингстона, он сказал, что «Южная Африка составляет теперь главный географический вопрос, и загадочный мир ее медленно начинает делаться доступным для нас» [5, стр. 134].

В 1860 г. Географическое общество впервые наградило медалью за труды, посвященные Африке. Серебряную медаль получил член Общества А. И. Макшеев за две статьи — «Очерк современного состояния Алжирии» и «Заметки о современном Египте» [22; 23]. О цели своего путешествия Макшеев сообщил в «Дневнике русского путешественника по Алжирии». Пробыв «шесть лет на юго-восточной окраине России в то время, когда только что началось непосредственное движение русских в киргизские степи и на Сыр-Дарью, я невольно увлекся вопросом об отношениях России к Азии и вообще Европы к Востоку. Теоретические занятия по этому вопросу нуждались, однако, в расширении массы личных наблюдений, и поэтому я с жадностью воспользовался предоставившейся мне в 1858 и 1859 годах возможностью посетить Алжирию, Египет и Сирию. Путешествия эти дали для моих занятий много новых материалов...» [21]. Макшеев собрал большой материал о природе, населении и хозяйстве Алжира и Египта.

Георг Швейнфурт, известный натуралист — исследователь Африки, с 1868 по 1871 г. занимался изучением природы и населения западного притока Нила — Бахр-эль-Газала и достиг р. Уэле. За блестящие исследования Центральной Африки Швейнфурт был награжден по ходатайству Географического общества орденом и избран членом-корреспондентом Русского географического общества. В 1872 г. «Известия Русского географического общества» сообщали: «Недавно возвратился на свою родину, в г. Ригу, из далекого путешествия молодой естествоиспытатель доктор Швейнфурт, успевший уже составить себе громкое имя в научном мире своими путешествиями и работами, произведенными преимущественно в области естествознания на берегах Аравийского залива и в верховьях Нила». Швейнфурт посетил «совершенно неизвестные местности Средней Африки, откуда он вывез богатейшие коллекции по всем частям естественной истории и в высшей степени любопытные сведения для географии страны» [41, стр. 260].

В 1876 г. П. П. Семенов и Г. Швейнфурт были представителями Русского географического общества на Брюссельской международной конференции. По возвращении в Россию Семенов представил в совет Географического общества предложение об учреждении постоянного русского комитета для содействия лицам, желающим изучать Африку, и для распространения достоверных сведений об Африке. Признав полезность такого комитета, совет Географического общества избрал осо-

бую комиссию в составе П. П. Семенова, Ф. Р. Остен-Сакена и А. И. Макшеева, которая должна была составить проект его устава. 16 декабря 1876 г. проект был утвержден советом Общества и передан в Совет министров, который признал, что «не представляется практической необходимостью утверждать отдельного устава особого комитета при Обществе»¹.

Впоследствии Семенов писал, что комитету так и «не удалось возбудить в среде не только Географического, но и вообще русского общества стремления к путешествиям и исследованиям во внутренней Африке» [37, стр. 950].

Этот комитет взял под свое покровительство экспедицию в Камерун, инициатором которой был мичман первого флотского экипажа Стефан Людвигович Шольц-Рогозинский, который был на два года откомандирован в распоряжение Географического общества для проведения экспедиции. В экспедиции участвовали Яниковский, Осташевский и Томчек. В ее состав должны были войти итальянские ученые Бианки и Ликата, но так как участие иностранцев было основано, как писал Шольц-Рогозинский, «единственно на коммерческих, может быть политических, видах», то он отказался от привлечения их в состав экспедиции. Вот что по этому поводу писал С. Будиловский:

«Как известно из плана экспедиции в Географическом обществе, представленного Шольцем, она, предполагалось, будет руководима опытными итальянскими путешественниками и учеными, каковы — гг. Бианки и Ликата, вносящие значительные материальные средства.

К сожалению, первоначальный проект экспедиции не осуществился. Гг. Бианки и Ликата предложили Шольцу некоторые требования политического характера, на которые Шольц согласиться не мог, вследствие чего эти ученые отстранились от экспедиции. С выбытием гг. Бианки и Ликата бюджет экспедиции настолько уменьшился, что Шольц выразил сомнение в возможности экипировать меня, почему я по взаимному соглашению с ним оставил экспедицию и являюсь обратно в распоряжение Русского географического общества»².

На собственные средства Шольц купил в Бордо судно и отправился в Африку, где на побережье Камеруна основал опорную станцию для дальнейших исследований. В архиве Географического общества сохранилось несколько писем Шольца-Рогозинского из Камеруна. В письме от 22 сентября 1883 г. он сообщал, что с мая по июль занимался строительством станции на о-ве Мондоле. 19 июля, оставив на географической станции Яниковского и Осташевского, Шольц-Рогозинский вместе со своим другом и старым товарищем Томчеком отправился вверх по р. Мунго до Букунду. Отсюда они намеревались двинуться в Байонгу, но дожди заставили прекратить продвижение в глубь страны. 15 сентября путешественники открыли в верховьях Мунго большой катаракт, расположенный под 4°53' с. ш. и 9°31' в. д., а также расположенное вблизи катаракта оз. Мбу.

«В густых лесах, однако ж, — писал Шольц-Рогозинский, — покрывающих все здесь, слоны так изобилуют, что путешествия в них всегда опасны... я вернулся в Букунду с такими пораженными ногами, что до сих пор раны гноятся. Здесь очень тяжело. Я не в состоянии покинуть Букунду. Однако время не было потеряно. К. Томчек отправился сам в путь...». Томчек открыл верховья р. Рио-дель-Рей и озеро, названное Аллигаторовым.

¹ Архив Географического общества СССР (далее АГО), ф. I, оп. 1, д. 22, 1876, л. 13.

² Там же, д. 24, 1881, л. 41.

Шольцу-Рогозинскому и его спутникам удалось установить дружественные отношения с местным населением. Вначале, писал Шольц, «туземцы бежали в величайшей панике» перед незнакомыми людьми, «появившимися у них в первый раз», но очень скоро они становились нашими друзьями. Далее он замечает, что почти никогда не сталкивался со случаями враждебного отношения к ним со стороны местного населения.

В конце ноября обстоятельства вынудили путешественников возвратиться к берегу, «причем,— писал Шольц,— мы прошли весь хребет Камерунских гор; к счастью, однако, я здесь, на нашей географической станции, нашел новые средства, присланные мне из дома, и после дождей снова намерен пуститься вглубь, только по иной дороге»³.

Дальнейшие исследования затруднялись недостатком средств и болезнью Шольца. Несмотря на неоднократные просьбы, он не получал жалованья из России. Это заставило его покинуть Камерун.

Результаты экспедиции Шольца-Рогозинского были использованы Н. Каульбарсом для составления карты Африки [17].

9 апреля 1887 г. в Географическом обществе состоялось чрезвычайное собрание, посвященное возвращению из путешествия по Центральной Африке выдающегося русского путешественника В. В. Юнкера. В докладе о своем семилетнем путешествии по Экваториальной Африке Юнкер сказал: «Моя цель состояла в исследовании стран, орошаемых рекой Уэле, и в определении течения этой реки возможно далее на запад. Я надеялся при этом окончательно решить научный спор, принадлежит ли эта река к системе Конго или же к системе реки Шари и, следовательно, к озеру Чад» [44, стр. 414].

В приветственной речи, обращенной к Юнкеру, П. П. Семенов рассказал о крупном вкладе Юнкера в исследование Африки, о том, что русский путешественник окончательно доказал, что р. Уэле относится к бассейну р. Конго. Еще за месяц до этого собрания Юнкер был избран почетным членом Русского географического общества.

В мае 1887 г. на заседании отделения этнографии Географического общества был заслушан доклад А. П. Магнуса об обитателях Абиссинии. Он рассказал о своем путешествии в Эфиопию вместе с «вольными казаками» в 1885 г. Магнус охарактеризовал «правителей, духовенство и народ Абиссинии, коснувшись его племенного деления, наружности, одежды, жилища, образа жизни и религиозного состояния» [20, стр. 755].

В 1891 г. В. Ф. Машков обратился в Географическое общество с просьбой снабдить его открытым листом и инструкцией для путешествия в Эфиопию. Машков в первый раз был в Эфиопии в 1889 г. в составе экспедиции Н. И. Ашинова вместе с черногорцем Сладо Златычаниным. Тогда ему даже удалось побывать у негуса Менелика [39]. Во время второго путешествия Машкова тоже сопровождал черногорец Сладо Златычанин. В архиве Географического общества сохранилась инструкция по изучению природы и населения Эфиопии, данная Машкову⁴. О втором путешествии он опубликовал ряд статей в «Новом времени» [24].

В 1891 г. по ходатайству Географического общества в Северную Африку был командирован инженер путей сообщения Х. В. Гельман для ознакомления с местной ирригацией и сбора сведений о «борьбе с летучими континентальными песками». «Эти вопросы,— писал Гельман,— имеют большое значение в смысле сравнения и для применения

³ Там же, л. 50.

⁴ Там же, д. 24, 1858, лл. 12—14.

их к нашим среднеазиатским владениям, где я провел почти 14 лет и ознакомился достаточно с положением дела»⁵. Гельман также интересовался методами и способами обработки сельскохозяйственных культур в Египте и Алжире, пригодными для Туркестана. Отчет Гельмана был опубликован [10].

Изучением способов орошения в Северной Африке для использования их в Средней Азии занимался также член Географического общества С. Ю. Раунер, который с 1889 по 1891 г. путешествовал в дельте Нила и в Верхнем Египте. «Мне удалось,— писал Раунер,— подробно ознакомиться с характером реки Нил как источника орошения и с рациональным распределением вод этой реки для культурных целей» 29 января 1893 г. Раунер выступил на заседании отделения статистики Географического общества и рассказал об исследованиях и изысканиях, которые проводились в последнее время на Ниле, о проекте «восстановления древнего Меридова озера» и о работах в дельте Нила «по выщелачиванию солончаковых почв низин, тянувшихся вдоль побережья Средиземного моря».

«Я особенно интересовался,— писал С. Ю. Раунер,— теперешним положением ирригационного дела в Египте, т. к. оно может дать ценные указания для правильной постановки этого вопроса и в наших среднеазиатских владениях, и в особенности в Мервском оазисе. Экскурсия в оазис Фаум в этом отношении была особенно поучительна, т. к. оазис напоминает Мервский» [32, стр. 543]. Исследователь установил, что еще при Мухаммеде Али в Египте были заложены глубокие каналы без предварительного нивелирования, в результате чего очень понизился уровень оросительных вод. Для исправления этой ошибки Мухаммед Али начал в 1835 г. строить плотину на Ниле, что вызвало расходы на механический подъем воды, а также заболачивание и засоление почв. Раунер пришел к важному выводу, который актуален и в наши дни. «История культуры Египта,— писал он,— поучает нас, что при больших ирригационных работах, какие исполнены в Египте и какие предстоит, может быть, произвести у нас в Средней Азии, необходимо прежде всего детальное изучение: 1) физико-географических особенностей бассейна реки, 2) изучение состава почвы и ее орографического характера, 3) климатических особенностей. Без этих основных сведений всякие ирригационные работы не могут привести к желаемым результатам» [32, стр. 561].

В 1892 г. совет Географического общества наградил серебряной медалью художника П. Г. Щербова «за принесенные в дар Обществу им же вывезенные из страны Масаи в Африке предметы из быта и обихода племени масаи». Щербов путешествовал по Африке вместе с А. А. Чижиным в 1886 г., пройдя путь от Момбасы до Килиманджаро. В Архиве Географического общества сохранились дневники, рисунки, карты и другие материалы этой экспедиции⁶.

В 1893 г. в «Записках Географического общества» по отделению статистики была опубликована интересная статья русского генерального консула в Палермо А. С. Троянского «Эритрейская колония Италии», которая в 1894 г. была удостоена серебряной медали Географического общества. В предисловии редактор «Записок» В. И. Масальский писал: «Несмотря на то что африканские земли не входят в состав тех стран, коими по преимуществу интересуется Русское географическое общество, тем не менее, ввиду обнаружившегося в последнее

⁵ Там же, д. 9, 1891, л. 26.

⁶ АГО, р. 116, оп. 1, № 87; р. 98, оп. 1, № 4, 24, 26.

время внимания к Абиссинии, оно сочло не лишенным значения напечатать очерк Эритрейской колонии — важнейшего соседнего с Абиссинией владения одной из европейских держав. Труд А. С. Троянского при всей своей краткости дает полное понятие о предмете и представляет ценный вклад в нашу крайне небогатую африканскую литературу» [38].

В мае 1894 г. на общем собрании Географического общества выступил выдающийся путешественник доктор А. В. Елисеев. Он рассказал о неудачной попытке пройти в Судан в 1893 г., когда караван русского путешественника в Ливийской пустыне был разграблен кочевниками. Елисееву все же удалось собрать интересные сведения о народном восстании, принявшем религиозную окраску. Во главе восставших стоял Мухаммед Ахмед, объявивший себя посланником Аллаха на земле (махди). Государство Махди просуществовало 17 лет до 1898 г., когда оно было разгромлено англичанами и Судан был превращен в англо-египетский кондоминиум (а по существу колонию Англии).

Вскоре после этого доклада члены Географического общества организовали новую экспедицию в Африку. Начальной целью экспедиции было: «1. Проникнуть в область махдистов, недоступную уже несколько лет европейцам для изучения движения в Судане. 2. Попутное, по возможности всестороннее, исследование Абиссинии»⁷. Экспедицию возглавил Н. С. Леонтьев. Участниками ее были А. В. Елисеев и К. С. Звягин. Перед отъездом в Африку, 12 ноября 1894 г., Елисеев написал в совет общества большое письмо:

«Отправляясь в новое путешествие под авторитетным покровительством Р[усского] Г[еографического] общ[ества], ввиду сложности задач, возложенных на меня нашей экспедицией, я никак не мог определить в точности времени, потребного для свершения путешествия в задуманных размерах. Зарабатывая себе хлеб тяжелым повседневным трудом и состоя на государственной службе без содержания, я при всех своих усилиях в последнее время никак не мог заработать столько, чтобы обеспечить свой дом и семью на время всего путешествия, срока которого определить невозможно. Ввиду того что мои товарищи по путешествию, не особенно стесненные материальными средствами, предполагают пробыть в Африке 1 и даже 1½ года, что было бы весьма желательно для целей нашей поездки, то я нахожусь в весьма затруднительном положении, обеспечив свою семью всего на 8 месяцев, я должен по необходимости по истечении этого срока вернуться в Россию, даже оставив своих товарищей в Африке, потому что в противном случае в доме не осталось бы уже ни одной копейки.

Ввиду таких обстоятельств, я осмеливаюсь обратиться с покорнейшею просьбой к Совету Р[усского] Г[еографического] общ[ества], который, быть может, найдет возможным тем или другим способом поддержать мой дом по истечении 8 месяцев, если наша поездка продолжится более этого срока. Такая помощь сняла бы окончательно мои неизбежные заботы о будущем своих близких и позволила бы остаться в Африке столько времени, сколько потребовали бы задачи, поставленные нашей экспедицией. Субсидия в сто рублей ежемесячно, начиная с 15 августа 1895 г., была бы вполне достаточной для обеспечения моего дома. Субсидия эта могла бы быть выдаваема г. секретарем Общества одному из лиц, близких мне и известных лично А. В. Григорьеву»⁸.

Нельзя без волнения читать это письмо Елисеева, написанное за

⁷ АГО, ф. I, оп. 1, д. 13, 1894, л. 44.

⁸ Там же, лл. 94—95.

полгода до его смерти, накануне экспедиции в Эфиопию, которая стала для него последней. В январе 1895 г. экспедиция прибыла в Обок и далее направилась в Джибути и Харар, где произошла встреча русских путешественников с Рас Маконеном и Менеликом. Русским был оказан такой горячий прием, что Леонтьев вынужден был направить Елисеева в Петербург для переговоров об отправлении в Россию из Эфиопии первой дипломатической миссии.

12 февраля 1895 г. Елисеев выехал из Харара, захватив с собой коллекции, собранные экспедицией. Вот что по этому поводу писал Леонтьев в совет Географического общества 11 февраля 1895 г.:

«Представляя... собранные экспедицией коллекции насекомых (около 800 шт.), птичьих чучел (21) и животных (5), имею честь сообщить, что по отношению другого научного материала сделано экспедицией следующее: а) Снята глазомерно в масштабе 5 верст в дюйме с компасом (засечка бусолью) новая дорога от Джибути до Харара через Бейаде, Аджин, Далаймалэ, Арату и Гильдесса. б) Сделано теодолитом Гильдебрандта два астрономических определения: Дагаго — важный пункт для картографии Данакильской пустыни и г. Харар... в) Ведется метеорологический дневник (психрометр. и анероидн.). г) Определено положение 9 точек над уровнем моря. д) Сделан краткий обзор флоры и фауны Данакильской пустыни. е) Произведен ряд антропологических наблюдений над племенем сомали и данакильским. ж) Снято 88 фотографий видов и типов.

Весь этот материал будет представлен по обработке. Доктор А. В. Елисеев, который временно возвращается в Петербург по обстоятельствам, не имеющим прямого отношения к интересам общества, сделает подробный отчет о пройденном пути... Все члены экспедиции здоровы. Завтра 12 февраля разъезжаемся с доктором А. В. Елисеевым, которому дана часть конвоя, а с остальными едем в Шоа через горную дорогу Черчера. В ожидании возвращения А. В. Елисеева надеемся посетить страну галасов и Каффу»⁹.

В начале мая Елисеев приехал в Петербург. 10 мая он выступил на общем собрании Географического общества с докладом о путешествии в Эфиопию, уже тогда он был болен дифтеритом. 22 мая А. В. Елисеев скончался в возрасте 37 лет. Леонтьев и Звягин вернулись на родину вместе с первой эфиопской дипломатической миссией.

Несмотря на короткий срок, русским путешественникам удалось провести в Эфиопии важные исследования: маршрутную съемку пройденного пути от «Таджурского залива [на] северо-восточном берегу Африки на Харар до г. Энтото (Аддис-Абебы. — Б. В.)»¹⁰, астрономические определения, климатические наблюдения. Экспедиция собрала важные антропологические и этнографические материалы для характеристики африканских племен и доставила в музеи Академии наук ценные естественноисторические и этнографические коллекции.

П. П. Семенов писал: «В приеме русской экспедиции в Абиссинии не могло не обнаружиться политического оттенка и сочувствия, с которым экспедиция была принята не только Рас Маконеном, а затем и Менеликом, но и всем абиссинским духовенством и народом. [Это] вынудило послать Елисеева согласно желанию абиссинцев в Петербург для переговоров о принятии абиссинского посольства...

Но всего важнее с точки зрения научных интересов то, что научная рекогносцировка экспедиции Леонтьева может впоследствии открыть

⁹ АГО, ф. I, оп. 1, д. 13, 1894.

¹⁰ Картографический отдел Географического общества, РУК—211.

путь и для дальнейших исследований разных путешественников в Абиссинии и сопредельных странах»¹¹.

За большие научные труды и содействие в установлении дружественных связей между Россией и Эфиопией все расходы этой экспедиции русское правительство приняло на свой счет.

В январе 1896 г. Леонтьев вновь отправился в Эфиопию, где вскоре стал военным советником негуса во время итало-эфиопской войны 1895—1896 гг. В сентябре 1897 г. он вернулся в Петербург вместе с эфиопской миссией и после короткого пребывания на родине вновь отправился в Эфиопию, где был принят негусом на постоянную службу. В 1899 г. Леонтьев был назначен правителем экваториальных провинций Эфиопии. Экспедиция под его руководством исследовала огромную территорию по р. Омо и оз. Рудольф.

Последние годы жизни Леонтьев провел в Париже, где и скончался 17 июня 1910 г. «Питая глубокое уважение к Русскому географическому обществу, высоко ценя и любя его деятельность и считая себя как бы обязанным Обществу за свои первые успехи, в особенности первые годы своих путешествий в Абиссинию» [28, стр. 61], Леонтьев еще в 1908 г. составил завещание в пользу Географического общества.

По завещанию его средства должны были быть использованы на снаряжение научной экспедиции его имени «из русских путешественников в Абиссинию» и смежные с ней местности¹². Находящиеся в парижской квартире коллекции Леонтьев завещал Русскому музею, с тем чтобы музей перевез их в Петербург и «поместил отдельной группой под названием: коллекция Н. С. Леонтьева».

В 1896 г., во время итальянской агрессии, из России в Эфиопию был отправлен санитарный отряд Российского общества Красного Креста, в составе которого работали активные члены Географического общества К. С. Звягин, А. К. Булатович, Г. Г. Федоров, П. В. Щусев, Н. Д. Пацукевич; они собрали интересные сведения о природе, населении и хозяйстве Эфиопии, которые сообщили на заседаниях Географического общества [30; 40; 42].

Находясь в Эфиопии с осени 1896 до весны 1897 г., А. К. Булатович исследовал огромную территорию, расположенную к западу от Аддис-Абебы. Результаты своих исследований он изложил в книге «От Энтото до реки Баро. Отчет о путешествии в юго-западные области Эфиопской империи 1896—1897 гг.».

Второй раз Булатович посетил Эфиопию в 1897—1899 гг. в составе первой русской дипломатической миссии. Результаты своего второго путешествия он изложил в докладе «Из Абиссинии через страну Каффа на озеро Рудольфа», который прочитал общему собранию Географического общества 13 января 1899 г.

В докладе говорится, что «часть Средней Африки, заключающаяся между областью больших озер и южными границами Абиссинии, представляла из себя до последнего времени географическую тайну» и путешествия в эти «неисследованные страны» давно стали его «заветной мечтой» [4, стр. 259]. «Задача, которую я себе поставил, — сказал он, — была выполнена. Удалось пройти через южные абиссинские области, удостовериться в действительности того, что р. Омо впадает в озеро Рудольфа, и найти образующий истоки р. Джубы и разделяющий бассейны Нила и Омо хребет. Последний до сих пор не значится на картах Африки, т. к. в этом направлении из Абиссинии к озеру Рудольфа еще

¹¹ АГО, ф. I, оп. 1, д. 13, 1894, л. 131.

¹² Там же, д. 19, 1911, л. 2.

никто не проходил и я был первым» [4, стр. 283]. Совет Географического общества наградил Булатовича малой серебряной медалью.

Третье путешествие Булатович совершил в 1899 г. по маршруту от Аддис-Абебы к Тумату, притоку Голубого Нила, где 50 лет назад путешествовал Е. П. Ковалевский.

В 1901 г. Булатович был награжден большой золотой медалью им. П. П. Семенова. В отзыве о трудах А. К. Булатовича Ю. М. Шокальский писал, что результатом путешествий Булатовича явились не только географические описания местностей и этнографические коллекции, но и новая карта пройденных стран, составленная на основании съемок самого путешественника по 34 астрономическим пунктам, определенным Булатовичем [27, стр. 35]. Материалы съемки экспедиции от Аддис-Абебы до Фазогло и рукопись Булатовича о путешествии по Абиссинии сохранились в Архиве Географического общества¹³.

В феврале 1897 г. Географическое общество приняло под свое покровительство действительного члена Общества Н. К. Дмитриева и «классного художника Полякова», которые в сопровождении двух казаков отправились в Эфиопию: первый — для изучения местной флоры и фауны, а второй — с тем чтобы собрать материал для картин из абиссинской природы и жизни. Открытый лист был дан путешественникам сроком до 1 января 1899 г. К сожалению, результаты этой маленькой экспедиции не были опубликованы, если не считать двух картин художника Полякова, которые в настоящее время сохранились в Ленинграде: портрет негуса Менелика (Музей антропологии и этнографии) и картина «Прибытие абиссинского посольства в Россию» (находится в Государственном Эрмитаже).

Кроме Булатовича в составе первой русской дипломатической миссии в Эфиопию находился еще один выдающийся путешественник и географ — Л. К. Артамонов, известный исследователь Кавказа, Ирана и Средней Азии, член Географического общества с 1882 г.

По поручению негуса Менелика Артамонов в марте 1898 г. отправился из Аддис-Абебы к Белому Нилу и по пути исследовал огромное пространство на протяжении свыше 5 тыс. км. О ходе экспедиции Артамонов информировал совет Географического общества. В отзыве на труды Артамонова, написанном сотрудником Географического общества А. А. Большевым, дается описание хода экспедиции и ее важнейших результатов. Начиная от Аддис-Абебы Артамонов вел маршрутную съемку, собирал коллекции и производил барометрические наблюдения. Обстоятельства путешествия, писал Большев, для Артамонова сложились весьма неблагоприятно. Менелик поручил Артамонову догнать корпус дадызмача Тасамы. Пройдя 700 км от Аддис-Абебы до Горе, Артамонов узнал, что корпус Тасамы три недели назад оставил Горе. «Обстановка была такова, — писал Большев, — что возвращаться назад было немыслимо без ущерба достоинства русского имени, и он решил продолжать путь через совершенно неизвестные страны на соединение с Тасамой...». Вместе с корпусом Тасамы Артамонов продолжал путь к Белому Нилу, а когда движение стало невозможным, он с отдельным отрядом отправился вверх по р. Джубе до р. Собат и далее по ней до впадения ее в Белый Нил.

Из отзыва Большева видно, что Артамонов собрал огромный материал, зафиксированный в 22 книжках-дневниках. Он определил барометрически высоту 2 тыс. пунктов, доставил коллекции насекомых, ра-

¹³ АГО, р. 98, оп. 1, № 23 и 28.

стений и большую этнографическую коллекцию. Маршрутные съемки Артамонова были сведены в один маршрут и напечатаны.

Подводя итог «посылным трудам» Артамонова «на пользу географии», Большев писал, что в бассейне Джубы Артамонов был первым европейским исследователем, а «на р. Собате, на развалинах крепости Наср, его работы примыкают к исследованиям русского путешественника доктора Юнкера, бывшего у Насра в 1876 г.» [26, стр. 9].

28 апреля 1899 г., вскоре после возвращения на родину, Артамонов выступил в Географическом обществе с сообщением «об участии своем при весьма неблагоприятных условиях в походе абиссинских войск к Белому Нилу» [26, стр. 24]. В том же году за географические работы на Кавказе, в Иране, Средней Азии и Эфиопии он был награжден золотой медалью им. Ф. П. Литке.

В мае 1899 г. Артамонов обратился в совет Географического общества с просьбой наградить его ближайших помощников по экспедиции в Центральную Африку Василия Щедрова и Василия Архипова, оказавших «широкое содействие при сборе разного рода сведений о странах и населении, а особенно в самом пути при сборе коллекций», ходатайствовал Артамонов также о награждении участника первой русской дипломатической миссии в Эфиопии К. Н. Арнольди. «В период с марта по декабрь 1898 г., — писал Артамонов, — мы считались погибшими. Для розыска наших следов вызвались отправиться в Абиссинию некоторые из офицеров, уже бывших в этой стране». В их числе был Арнольди, который встретил Артамонова в семи днях пути от Аддис-Абебы. «Энергия, — писал Артамонов, — проявленная этим офицером, доставившим мне медикаменты, письма и деньги и содействие на обратном пути, а также фотографирование (мои filmy давно иссякли) и предоставление своих фотографий в мое распоряжение для напечатания в издании Русского географического общества заслуживают внимания».

Артамонов просил также отметить отставного казака Ивана Демченко и переводчика — галласа — Ато Фаиса, сопровождавшего экспедицию к Белому Нилу. Он также хотел, чтобы Географическое общество наградить его сотоварищей по путешествию к Белому Нилу швейцарца Мориса Поттера, убитого копьем в стране Бессанго, и француза Февра, оказавшего ему «посылное содействие в трудное время в пути».

Совет Географического общества постановил: «Присудить серебряные медали поручику Арнольди и урядникам Щедрову и Архипову, переводчику галласу Ато Фаиса послать от Общества подарок и просить Парижское географическое общество передать г. Февру признательность Русского географического общества, а семейству Поттера выразить от имени Совета соболезнование о его безвременной гибели с объяснением, сколь благодарно общество погибшему за содействие, им оказанное действительно члену Л. К. Артамонову» [2, стр. 815—816].

В. М. Недзвецкий за обработку метеорологических наблюдений Артамонова в 1903 г. был награжден малой золотой медалью. Отчет о путешествии Артамонова по Центральной Африке сохранился в Архиве Географического общества в рукописи и даже в перепечатанном виде. Там же хранится рукопись В. М. Недзвецкого о гипсометрических определениях и метеорологических наблюдениях Артамонова¹⁴.

Единственное, что удалось опубликовать Артамонову о путешествии в Эфиопию, — это краткий конспект своего сообщения в Обществе ревнителей военных знаний — «Русские в Абиссинии» [3]. Вот главные раз-

¹⁴ АГО, р. 98, оп. 1, № 22 и 30.

дела конспекта: «Географический очерк Эфиопии», «Очерк сношений России с Эфиопией», «Положение дел в Эфиопии и сопредельных с нею странах ко времени прибытия миссии», «Экспедиция лектора с корпусом полковника дадыязмача Тасама к Белому Нилу», «Общее положение дел в Эфиопии к началу 1899 г.». Очерк сношений России с Эфиопией начинается с путешествий Ковалевского и кончается первой официальной русской миссией (1897 г.). Большой интерес представляет приложенная к конспекту опись предметов (более 90) быта и вооружения некоторых африканских народностей из коллекции Артамонова, о судьбе которой до сих пор ничего не известно.

В 1903 г. Географическое общество оказало содействие экспедиции в Эфиопии под начальством Н. Н. Курмакова. В деле о снабжении горной экспедиции в Абиссинию научным инструментом из запасов Русского географического общества указывается, что 29 октября 1903 г. негус Менелик обратился к русскому правительству с просьбой прислать «горного инженера для производства изысканий и разработки золота во вновь открытом золотоносном участке в стране Уаллага в Абиссинии, эксплуатацию которого желает предпринять местное правительство»¹⁵.

Экспедиция была организована Министерством иностранных дел, Министерством земледелия и Горным департаментом Министерства финансов. Кроме разведочных работ экспедиции поручалось произвести маршрутные съемки от Энтото (Аддис-Абеба) к стране Уаллага. Член Горного ученого комитета, профессор Горного института Н. А. Иосса просил Географическое общество выдать Курмакову универсальный теодолит Гильдебрандта и две пары хронометров.

Экспедиция выехала из Петербурга в январе 1904 г. Об этом сразу было опубликовано в «Вестнике золотопромышленности» [9, стр. 87]. Вскоре в этом же журнале было напечатано «извлечение» из книги Е. П. Ковалевского «Путешествие во Внутреннюю Африку» (1872 г.), составленное Е. Т. Албычевым. В предисловии указывалось, что экспедиция Курмакова отправлялась для «исследования золотоносности Нильского бассейна. В 1848 г. местность эта исследовалась уже русским же горным инженером Е. П. Ковалевским, составившим весьма интересное описание исследованного им района» [1, стр. 232].

Экспедиция Курмакова открыла месторождения золота и платины. «Мы открыли глаза абиссинскому правительству,— писал он,— на те богатства, которые оно имело» [19, стр. 29].

В 1914 г. Географическое общество выдало командировочный лист Е. Н. Павловскому для поездки в Алжир и Тунис с зоологической целью. Е. Н. Павловский вступил в члены Географического общества в 1910 г., а с 1952 до 1964 г. был президентом Географического общества СССР. Результаты поездки были опубликованы в «Известиях Русского географического общества» [29] и в медицинских и естественноисторических журналах.

После Великой Октябрьской социалистической революции Географическое общество продолжало интересоваться изучением Африки. Следует отметить таких выдающихся деятелей общества, как Н. И. Вавилов, И. Ю. Крачковский, В. В. Струве, З. Ю. Шокальская, и многих других.

В декабре 1955 г. в Географическом обществе была организована Восточная комиссия для всестороннего изучения стран и народов Азии

¹⁵ АГО, ф. I, оп. 1, д. 15, 1903, л. 1.

и Африки и для распространения географических и исторических знаний о странах этих континентов. Деятельность комиссии содействовала более планомерному изучению Африки. В настоящее время Восточной комиссией руководит крупнейший ученый-африканист Д. А. Ольде-рогге.

ЛИТЕРАТУРА

1. Албычев Е. Т., Путешествие во внутреннюю Африку... Е. П. Ковалевского, — «Вестник золотопромышленности», 1904, № 10.
2. Артамонов Л. К., Письмо в Совет Русского Географического общества от 15 мая 1899 г., — «Известия Русского географического общества», 1899, т. XXXV.
3. Артамонов Л. К., Русские в Абиссинии, — «Общество ревнителей военных знаний», 1899, № 18.
4. Булатович А. К., Из Абиссинии через страну Каффа на озеро Рудольфа, — «Известия Русского географического общества», 1899, т. XXXV, вып. 3.
5. Бушен А. Б., Результаты новейших исследований и открытий в Южной Африке, — «Вестник Русского географического общества», 1857, т. XX, кн. 1.
6. Вальская Б. А., Академик К. М. Бэр о путешествиях Е. П. Ковалевского в Египет и Китай в 40-х годах XIX в., — в сб.: «Страны и народы Востока», М., 1959, вып. 1.
7. Вальская Б. А., Вклад Русского географического общества в изучение стран Востока, М., 1960.
8. Вальская Б. А., Путешествие Егора Петровича Ковалевского, М., 1956.
9. «Вестник золотопромышленности», 1904, № 4.
10. [Гельман Х. В.], Отчет по поездке инженера путей сообщения Х. В. Гельмана в 1891—92 гг. Египет, Тунис, Алжир, Италия, Франция, СПб., 1893.
11. [Григорьев В. В.], Русская учено-врачебная экспедиция, отправленная на Восток от Министерства внутренних дел, — «Географические известия», 1848, вып. 4.
12. Григорьев В. В., А. А. Рафалович, — «Вестник Русского географического общества», 1851, ч. 1.
13. Дмитриевский Ю. Д., Русские исследователи природы Восточного Судана, — «Ученые записки Вологодского педагогического института», Вологда, 1952, т. 10.
14. Елисеев А. В., Махдизм и современное положение дел в Судане, — «Известия Русского географического общества», 1894, т. XXX.
15. Забродская М. П., Русские путешественники по Африке, М., 1955.
16. «Изучение Африки в Советском Союзе», М., 1966.
17. [Каульбарс Н.], Карта Африки по новейшим источникам, составлена генерального штаба генерал-майором Н. Каульбарсом, 1894.
18. Кемтц Д., Об успехах землеведения с первой половины XVIII столетия, — «Карманная книжка для любителей землеведения, издаваемая от Русского географического общества», 1848.
19. Курмаков Н., От Индийского океана к границам Верхнего Судана, СПб., 1905.
20. Магнус А. П., Сообщение об обитателях Абиссинии, — «Известия Русского географического общества», 1887, т. XXIII.
21. [Макшеев А.], Дневник русского путешественника по Алжирии, — «Всемирный путешественник», 1896, т. 5—6, вып. 32.
22. Макшеев А., Заметки о современном Египте, по поводу сочинения: *L'Egypte contemporaine* par Paul Megeau (1858), — «Вестник Русского географического общества», 1860, ч. 28, вып. 2.
23. Макшеев А. И., Очерк современного состояния Алжирии, — там же, вып. 3.
24. Машков В., Путешествие в страну черных христиан в 1891—1892 гг., — «Новое время», 1893, № 6069, 6076, 6095, 6102, 6131.
25. [Остен-Сакен Ф. Р.], Слова на память Егора Петровича Ковалевского, сказанные в заседании Русского географического общества секретарем Общества Ф. Р. Остен-Сакеном 2 октября 1868 г., — «Русский инвалид», 1868, 17 октября, № 284.
26. «Отчет Русского географического общества за 1899 г.», СПб.
27. «Отчет Русского географического общества за 1901 г.», СПб.
28. «Отчет Русского географического общества за 1910 г.», СПб.
29. Павловский Е., Заметка о поездке в Алжирию и Тунисию летом 1914 г., — «Известия Русского географического общества», 1916, т. LII, вып. 3.
30. Пацукевич Н. Д., Поездка в Хараф. Этнографические наблюдения в Южной Абиссинии, — там же, 1897, т. XXXIII.
31. Райт М. В., Русские экспедиции в Эфиопии в середине XIX — начале XX в., — «Африканский этнографический сборник», 1956, т. I.

32. Раунер С. Ю., Орошение в Египте и Меридово озеро, — «Известия Русского географического общества», 1893, т. XXIX.
 33. [Рафалович А.], Путешествие по Нижнему Египту и внутренним областям дельты А. Рафаловича, СПб., 1850.
 34. Рафалович А. А., Этнографические заметки о жителях Нижней Нубии, — «Записки Русского географического общества», 1850, кн. 4.
 35. Свенске К. Ф., Обзорение главнейших путешествий и географических открытий с 1838 по 1848 г., — «Вестник Русского географического общества», 1851, ч. 2.
 36. Свенске К. Ф., Обзор главнейших путешествий и географических открытий в пятилетие с 1848 по 1853 год, — там же, 1855, кн. 13.
 37. Семенов П. П., История полувековой деятельности Русского географического общества. 1845—1895, ч. II, СПб., 1896.
 38. Троянский А. С., Эритрейская колония Италии, — «Записки Русского географического общества по отделению статистики», 1893, т. VII, вып. 2, предисловие.
 39. Федоров В. (Машков В. Ф.), Абиссиния. Историко-географический очерк, СПб., 1889.
 40. [Федоров Г. Г.], Географический очерк Абиссинии. Доклад участника Русского Красного креста в Абиссинии, — «Известия Русского географического общества», 1897, т. XXXIII.
 41. «Швейнфурт, д-р», — там же, 1872, т. VIII, вып. 6.
 42. Щусев П. В., Сообщение о почвах, растительности и земледелии в Абиссинии, — там же, 1897, т. XXXIII.
 43. Эйхвальд Э. И., Отрывки из путешествия в Алжир, — «Вестник Русского географического общества», 1851, ч. II.
 44. [Юнкер В. В.], Доклад В. В. Юнкера о семилетнем путешествии его по экваториальной Африке, — «Известия Русского географического общества», 1887, т. XXIII, вып. 4.
45. «Russia and Africa», М., 1966 (на англ. яз.).

М. П. Забродская

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ АГРОКЛИМАТИЧЕСКОГО РАЙОНИРОВАНИЯ АФРИКИ

ПРИНЦИПЫ АГРОКЛИМАТИЧЕСКОГО РАЙОНИРОВАНИЯ АФРИКИ

Природная зона — комплекс взаимодействующих природных компонентов, по-разному и в различной степени влияющих на хозяйственную деятельность человека. Значение этих компонентов в зональной дифференциации сельского хозяйства до конца не вскрыто и в должной мере не отражено при физико-географическом районировании территории.

При выявлении структуры территориально-природных комплексов ландшафтных зон Африки, как и любой другой части земного шара, прежде всего учитываются климатические особенности территории. Климат оказывает влияние не только на гидроморфологические процессы и биогеографические особенности зоны, но и на характер использования ее природных ресурсов. Иными словами, при оценке природных ресурсов зон необходимо в первую очередь показать потенциальные возможности их климата для развития земледелия.

О зависимости между климатом и хозяйством писал Ю. Г. Саушкин: «Сельское хозяйство сильно зависит от того или иного типа климата, хотя эта зависимость исторически изменчива и в первую очередь связана с уровнем развития производства, что обязательно надо иметь в виду, когда говорится о хозяйственном использовании различных климатических зон и областей» [21, стр. 22].

Как уже подчеркнуто в работах С. А. Сапожниковой [18; 19], нельзя признать правильным, что природные ресурсы земледелия в основном сводятся к плодородию почвы. «При сравнении и оценке природных ресурсов крупных территорий на первый план выступает комплекс факторов, которые можно объединить под общим понятием плодородие климата» [20, стр. 78]. Определение последнего в зональном разрезе возможно только при агроклиматическом районировании. Границы регионов с различным агроклиматическим режимом в основном соответствуют физико-географическим районам. Поэтому агроклиматическое районирование ближе к природному, чем к экономическому. Иными словами, природное и агроклиматическое районирование так тесно связаны, что взаимно обогащают и дополняют друг друга.

Методика агроклиматических исследований территории СССР разработана в трудах Г. Т. Селянинова, П. И. Колоскова, С. А. Сапожниковой, Д. И. Шашко, В. П. Попова [15; 17; 22—24; 27] и др. Детальный анализ всех этих работ не входит в нашу задачу, ибо все они в основ-

ком вскрывают особенности агроклиматического районирования территории СССР, простирающейся в высоких широтах, аспект оценки климатических ресурсов которых отличается от такового в тропической Африке. Тем не менее многие положения советских агроклиматологов являются исходными и при районировании этого континента.

Оценка климатических ресурсов земледелия в зональном разрезе в любой точке суши начинается с учета обеспеченности растений теплом и влагой. Большинство авторов основным агроклиматическим фактором, определяющим сельскохозяйственную ценность климата, считают температуру воздуха. Безусловно, при агроклиматическом районировании умеренного пояса без учета обеспеченности растений теплом невозможно обойтись. Значение тепловых ресурсов сохраняется и при агроклиматическом анализе субтропического пояса, но с движением в низкие широты, в тропический и экваториальный пояса, тепловой баланс территории отходит на задний план, а анализ обеспеченности растений влагой приобретает первостепенную роль.

Температуры в названных поясах являются лимитирующими показателями лишь при определении высотных границ земледелия. Однако способ сумм активных температур абсолютно не может быть игнорирован, ибо продолжительность вегетационного периода культурных растений выражается чаще всего в сумме активных температур [22; 27].

По тепловым ресурсам поверхность суши расчленяется на агроклиматические пояса, названия которых совпадают с названиями географических поясов. Так, Африка располагается в субтропических, тропических и экваториальном агроклиматических поясах. В нашей литературе подчеркивалась нецелесообразность выделения в агроклиматическом отношении экваториального и субэкваториального поясов [17], но, по-видимому, с целью показа максимальной энергетической основы земледелия все же необходимо условное выделение экваториального агроклиматического пояса. Условность его заключается в недостаточной обособленности набора культурных растений.

Т а б л и ц а 1

**Энергетическая база земледелия агроклиматических
поясов Африки**

Пояс	Радиационный баланс, ккал/см ² в год	Сумма температур выше 10°C	Период интен- сивной веге- тации (темпе- ратура выше 15°C	Заморозки
Тропический	60—80	6000°	Весь год	Нет
Субтропический	60	от 3600 — 4000° до 6000°	160 дней	Периоди- ческие понижения ниже 0°

Из табл. 1 видно, что в агроклиматическом отношении тропики начинаются там, где исключается опасность зимних заморозков, т. е. на территориях с температурой самого холодного месяца выше 15°.

По совокупности условий увлажнения эти пояса делятся на агроклиматические зоны, которые некоторыми авторами именуются зонами увлажнения, ибо они отражают характер изменения увлажнения в ге-

чение года. Зона является важнейшей единицей агроклиматического районирования, так же как и природного. При частом совпадении границ названных таксонов районирования встречаются отклонения, о причинах которых уже писали Д. И. Шашко и В. П. Попов [17; 27]. Степень увлажнения территории характеризуется обычно величинами коэффициентов увлажнения, отражающих соотношение осадков, температур и испарения.

Сопоставление карт коэффициентов [6; 14; 16] с картами природного районирования Африки [13] имеет лишь подсобное значение для определения критических изолиний коэффициентов на зональных рубежах, а также общего показателя избытка или недостатка увлажнения данной территории. Более важным для сельскохозяйственной оценки климата зон тропического пояса является годовой режим осадков, большая или меньшая продолжительность сухого периода. По Г. Т. Селянинову, момент перехода месячного баланса влаги через 0,5 считается началом сухого периода.

Г. Вальтер предложил построить диаграммы различных типов климата Африки для показа сезонности климата, его термического режима и осадков. На основании этих климатодиаграмм он произвел климатическое районирование материка [33].

Наконец, о продолжительности влажных и сухих периодов можно судить по числу дней с осадками. Многие авторы считают этот показатель более надежной величиной (по сравнению с суммой осадков) для оценки обеспеченности влагой.

Итак, для сельскохозяйственной оценки климата различных регионов Африки необходимы составление карты или таблиц коэффициентов увлажнения; детальный анализ годового режима осадков.

Подобная характеристика агроклиматических зон поможет установлению границ в связи с избыточным или недостаточным увлажнением.

Важной стороной агроклиматического районирования является также выявление границ фитоклиматических областей, которые отражают потенциальный набор культурных растений в связи с теми или иными климатическими условиями. Понятно, что для этого необходимы, во-первых, тщательный анализ экологии важнейших культурных растений Африки, их связи с объективными климатическими показателями и, во-вторых, выявление географического размещения важнейших сельскохозяйственных культур, которое зависит не только от природных условий, но и от различных социальных факторов.

Каждая природная зона характеризуется целым рядом различных культурных растений. Их можно объединить в группы по сходству их требований к климату. Подобная группировка субтропических культур проделана Г. Т. Селяниновым. При этом за основу были приняты требования к климату ведущих субтропических многолетних культур; все остальные культуры рассмотрены им как аналоги первых [22; 23]. Эти группы растений В. Н. Степанов предлагает называть эколого-климатическими типами [25]. Они определяются одинаковой продолжительностью вегетационного периода и общностью остальных агроклиматических показателей. Еще в 1930 г. Г. Т. Селянинов подчеркнул, что имеющиеся в литературе сведения недостаточны для составления климатических характеристик культур и что этот пробел можно восполнить климатическим анализом географических границ культур. С того времени в соответствующей литературе почти не прибавилось сведений по этому вопросу.

Понятно, что границы фитоклиматических ареалов ведущих культур отразят границы фитоклиматических или агроклиматических обла-

стей — составных частей агроклиматических зон. С другой стороны, установление эколого-климатических типов растений необходимо для определения потенциального набора культурных растений в том или ином регионе. Поэтому следует установить весь диапазон климатических условий для произрастания сельскохозяйственной культуры. Оптимальные климатические показатели выявляются по данным центра ареала, т. е. территории, выделяющейся плотностью посевов и наибольшей урожайностью данной культуры. Однако эти показатели могут быть зависимы не только от климатических условий. Во всех направлениях от центра ареала урожайность уменьшается при одинаковых агротехнических мероприятиях. На многих экономических, сельскохозяйственных и других картах показаны внешние границы ареалов культурных растений, агроклиматические показатели которых легко определяются по более или менее детальной климатической карте. Выявленные показатели ареалов культурных растений легко отразить на графиках, составленных методом В. Р. Волобуева [7], или сопоставить их с климатическими условиями природных регионов и т. д.

Таким образом, при агроклиматическом районировании Африки выделяется несколько этапов:

- детальный анализ климатических показателей, особенно по характеру увлажнения;

- характеристика эколого-климатических типов растений;

- определение агроклиматических регионов различного таксономического ранга и их связи с физико-географическими районами.

ГРАНИЦЫ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ В АФРИКЕ

При агроклиматической характеристике Африки неизбежно возникает вопрос о границах земледелия в связи с избыточным или недостаточным увлажнением, ибо в условиях преимущественно тропических климатов Африки, безусловно, первенствующее значение имеет граница земледелия по сухости.

В географической зарубежной литературе, а в последнее время и в советской было несколько попыток определения климатических границ земледелия, в том числе и в Африке.

Пристального внимания заслуживает прежде всего карта Ф. Фалькнера «Осадки и земледелие в аридных областях Африки», где показаны фактические и предполагаемые границы земледелия [28]. В Южной и Восточной Африке граница земледелия по сухости показана на мало-выразительной карте Ф. Егера [29]. На обеих картах названные границы примерно совпадают с изогией 400—500 мм, а в Атласских странах — с изогией 350 мм. На карте аридных гомоклиматов П. Мейджса выделены аридные климаты с индексом Торнтвейта от 40 и выше, где количество осадков недостаточно для земледелия без искусственного орошения.

Более детально вопрос о границах земледелия в Африке разработан Ю. Д. Дмитриевским [9; 10]. Согласно составленной им карте гидротермических коэффициентов Г. Т. Селянинова, с коэффициентом 0,7 совпадает граница устойчивого земледелия, проходящая несколько южнее границы тропической полупустыни.

Сопоставление всех этих данных с картой природного районирования Африки [12; 13] свидетельствует, что границы земледелия (возможного без искусственного орошения и фактические) совпадают с границей полупустыни (коэффициент увлажнения Н. Н. Иванова — 25). Очаги

земледелия в полупустыше связаны не с атмосферными осадками, а с почвенным переувлажнением (в поймах рек, в заболоченных депрессиях и т. д.).

Вывод о границах земледелия можно сделать и на основе фактического размещения сельскохозяйственных культур по территории материка и его стран (карты Шанца, монография Филиппса [31; 32]).

Следовательно, земледельческая территория Африки разделяется на три области:

- 1) субтропическое Средиземье,
- 2) тропическая Африка,
- 3) субтропический юг и юго-восток Южной Африки.

Это — области различного агроклиматического режима, различной структуры сельского хозяйства, отличающиеся своеобразием эколого-климатических типов культурных растений. К ним приурочены следующие агроклиматические зоны: агроклиматическая зона тропических лесов; агроклиматическая зона тропических саванн; субтропическая агроклиматическая зона Северной Африки; субтропическая агроклиматическая зона Южной Африки.

По примерным данным Г. Шанца [32], на долю пустынь в Африке приходится 32% и полупустынь — 11% всей территории. Таким образом, только немногим более половины территории материка характеризуется распространением тех или иных земледельческих угодий¹.

АГРОКЛИМАТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЗОНЫ ВЛАЖНОТРОПИЧЕСКИХ ЛЕСОВ

Зона влажнотропических лесов занимает те области Экваториальной Африки, где годовое количество осадков превышает 1500 мм и продолжительность дождливого периода не менее девяти-десяти месяцев в году. Сумма температур за период роста растений более 10 000°. Основные агроклиматические показатели этой зоны приведены в табл. 2.

Зона влажных тропических лесов простирается на территории многих африканских государств (Гвинеи, Сьерра-Леоне, Либерии, Берега Слоновой Кости, Ганы, Того, Дагомеи, Нигерии, Камеруна, республик Конго и др.), хозяйство большинства которых всецело основывается на земледелии. Скотоводство имеет подсобное значение в связи с распространением мухи цеце. Природный хозяйственный потенциал (термин Ю. Д. Дмитриевского) названной зоны заключается прежде всего в ее лесных ресурсах, но подсечная или переложная система земледелия приводят к катастрофическому уменьшению лесопокрываемой площади. Лес уничтожается для того, чтобы расширить удобные земледельческие территории. Поэтому здесь сельскохозяйственные культуры возделываются на небольших участках, которые после истощения почвы надолго оставляются под залежь (часто до десяти и более лет).

География сельскохозяйственных культур каждой названной выше страны свидетельствует о большом разнообразии культурных растений в пределах зоны тропических лесов.

Разнообразие культур определяется не только земледельческим природным потенциалом этой зоны, но и целым рядом социальных факторов: увеличением спроса на мировом рынке на экспортные культуры, введением плантационных культур, экспроприацией земли европейскими монополиями и многими другими причинами.

¹ Площадь животноводческих угодий в Тропической Африке (354 млн. га) превышает площадь обрабатываемых земель (202 млн. га) в 1,7 раза [1].

Агроклиматические показатели зоны влажных тропических лесов

	Широта	Высота, м	Сумма температур выше 10°, тыс. °С	Температура самого холодного месяца, °С	Гидротермический коэффициент Селени- нова	Коэффициент увлаж- нения Иванова	Годовая сумма осадков, мм	Распределение осадков по месяцам, мм										Влажные месяцы (количество осадков выше 50 мм)	Сухие месяцы (K < 30)	Тип климата и годовой ход увлаж- нения*		
								январь	февраль	март	апрель	май	июнь	июль	август	сентябрь	октябрь				ноябрь	декабрь
Яунде . . .	3° 49' с.	730	8,1	21,2	3,4	205	1579	40	69	151	230	207	115	65	83	194	2261	49	50	Февраль — ноябрь	Нет	Э(пв)
Болобо . . .	2° 10' ю.	330	6,4	24,9	3,4	140	1600	125	175	120	180	145	10	0	70	95	165	245	260	Август — май	Июнь — июль	Э(в)
Либревиль .	0° 32' с.	35	7,2	22,7	5,1	270	2515	250	235	335	34	245	15	0	20	105	345	375	250	Сентябрь — июнь	Июнь — август	»
Лагос . . .	6° 26' ч.	5	8,0	24,3	6,5	192	1845	30	50	95	160	260	490	260	60	135	220	60	25	Февраль — ноябрь	Декабрь — январь	»
Фритаун . .	8° 29' с.	62	6,9	22,1	13,3	330	4000	10	10	30	100	290	520	900	930	720	320	130	40	Апрель — ноябрь	Январь — март	Э(п)
Лулабур . .	5° 56' ю.	620	5,6	24,4	3,1	118	1570	185	140	200	155	80	5	5	65	165	170	230	170	Август — май	Июнь — июль	Э(в)

* Здесь и далее в таблицах: Э(пв) — экваториальный постоянновлажный; Э(в) — экваториальный влажный (девять с половиной влажных месяцев); Э(п) — экваториальный переходный (от трех до четырех сухих месяцев).

Главнейшие сельскохозяйственные культуры Африки вообще, а зоны гилей в частности делятся на две группы:

продовольственные, большей частью потребляемые в странах Африки и возделываемые в мелких хозяйствах африканцев: кукуруза, рис, просо;

плантационные культуры, идущие на экспорт: масличная пальма, арахис, какао и др. [см.: 1].

Это разделение культурных растений представляет интерес также с ландшафтной точки зрения, ибо к районам размещения плантационных культур приурочены ландшафты с наибольшей степенью антропогенной деградации. Однако для агроклиматической характеристики зоны важнее экологическая классификация: все культуры этой зоны относятся к группе культур экваториального климата, которые требуют много влаги и не переносят сухой сезон, длящийся более трех месяцев [8]².

Огромные площади территории зоны заняты под маниоком (кассавой) и ямсом, которые относятся к основным продовольственным культурам республик Конго, Нигерии, Дагомен, Того, Камеруна и др.

Маниок (*Manihot utilissima*) — многолетнее растение, малотребовательное к почве, хотя и предпочитает хорошо дренированные суглинистые почвы. В условиях избыточного увлажнения дает невысокие урожаи, в то же время его посевы гибнут при длительных сухих периодах. Основные климатические показатели маниока даются по центру ареала маниока, который ориентированно совпадает с восточной областью Нигерии, где в 1959—1960 гг. было собрано свыше 8 млн. т (посевная площадь — 683 тыс. га) [2].

Наиболее плотными посевами маниока выделяются южные части Дагомеи, Того, юго-восток Ганы. По валовому сбору сельскохозяйственных культур маниок занимает первое место, и из многих районов названных стран он идет на экспорт.

Подобные агроклиматические показатели сохраняются на территории всей зоны, и, следовательно, маниок растет повсюду, исключая лишь заболоченные местности. (Общая посевная площадь в 1959/60 г. — 3,8 млн. га)³.

Точных данных о пределах культуры маниока нет. Известно лишь, что эта культура имеет в посевной площади саванны Анголы, хотя и дает там жалкий урожай (возделывается на случай неурожая остальных культур)⁴. Основными агроклиматическими показателями саванн Анголы являются среднегодовое количество осадков 1000—1300 мм, продолжительность сухого периода до четырех-пяти месяцев в году ($K < 30$). Иными словами, урожай маниока лимитируют не осадки (их диапазон — от 1250 до 3000 мм), а продолжительность сухого периода — не более четырех месяцев. Поэтому нельзя согласиться с утверждением П. М. Жуковского, что маниок «очень урожайное и засухоустойчивое растение» [11]. Наоборот, в странах Африки он районирован в основном в зоне влажнотропических лесов и является ведущей культурой этой зоны.

Так же зависит от характера увлажнения и ямс (*Dioscorea elata*) (табл. 3). Ямс — травянистая лиана, поэтому на полях этой культуры стоят подпорки. Некоторые разновидности его дают высокие урожаи

² Биологическая классификация некоторых тропических культур по отношению к теплу разработана В. Н. Степановым [25].

³ Здесь и далее цифровой материал взят кроме специально оговоренных источников из справочника «Африка в цифрах» [3].

⁴ На карте Г. Шанца посевы маниока ограничиваются югом Танганьики и Конго.

в областях избыточного увлажнения и на богатых суглинистых почвах. Черенки ямса обычно сажают в начале периода дождей, а урожай снимают в конце его. Центральными районами ареала ямса в Нигерии является провинция Илорин (южная часть Среднего пояса) [2]. В Того — это район севернее Сокоде, а в Гане — северо-запад Ашанти [5; 30].

Таблица 3

**Климатические показатели центров агроклиматических ареалов
некоторых сельскохозяйственных культур зоны гилей**

	Сумма активных температур, тыс. °С	Количество осадков в год, мм	Влажные месяцы (K ≥ 100)	Продолжи- тельность сухого периода (K < 30), месяцы	Тип климата и годов- ой ход увлаж- нения
Маниок					
Восточная область Ни- герии	9,0 — 9,3	2000 — 2500	Март — ноябрь	Нет	Э(пв)
Ямс					
Провинция Илорин . .	9,0 — 9,5	1300 — 1500	Март — октябрь	3 — 4	Э(п)
Область Ашанти . . .	9,0 — 9,5	1400 — 1700	Март — ноябрь	2	Э(в)
Масличная пальма					
Акаса	9,3	3650	Февраль — ноябрь	—	Э(пв)
Калабар	9,3	3125	»	—	»
Лагос	—	1845	»	1 — 2	»

Согласно этим агроклиматическим показателям, культура ямса районирована на северной окраине гилей (продолжительность сухого периода — не более трех-четырех месяцев). При таком продолжительном сухом периоде маниок дает небольшие урожаи. Кроме того, маниок — многолетнее растение, в то время как посев и уборка ямса в какой-то мере определяют ритм земледельческих работ в мелких африканских хозяйствах Ганы, Дагомен, Того, Нигерии и др. Так, сев ямса начинается в январе — феврале, а уборка — в октябре — ноябре (вегетационный период ямса — до 8—11 месяцев).

Итак, маниок и ямс составляют группу культурных растений с почти одинаковыми требованиями к режиму увлажнения и теплу. Продолжительность сухого периода не должна быть более трех-четырех месяцев в году. Как правило, сбор урожая происходит в короткий сухой период, и большую часть года растения находятся в культуре. Возможен сбор нескольких урожаев этих культур в год.

Однако возделывание продовольственных культур в большинстве стран данной зоны вытесняют плантационные и экспортные культуры.

Как уже говорилось, маниок и ямс производят в мелких хозяйствах африканцев, на участках выкорчеванного леса; они идут в основном на потребление внутри страны (маниок называют хлебом бедняков). В противоположность им экспортные технические культуры, особенно какао, кофе, каучук, хлопок и др., выращивают на плантациях европейцев, имеющих огромные и постоянные земледельческие участки.

В районах производства маниока и ямса в связи с подсечно-переложной системой земледелия обычным в ландшафте является так называемый вторичный тропический лес, в то время как в районах развития плантационных культур доминируют окультуренные ландшафты. Таковые прежде всего характерны для какаопроизводящих районов. Страны Западной Африки дают $\frac{2}{3}$ мирового производства какао, а

основные районы его произрастания находятся в зоне влажных тропических лесов. Деревья какао очень требовательны не только к влаге, но и к почве. Например, какао не растет в восточной части Нигерии, где хотя осадков и достаточно, но распространены легкие песчаные почвы. Поясом какао является район возвышенности Ашанти, Кумаси и Аквапим-Того в Гане и южные склоны плато Йоруба в Нигерии. Гана и Нигерия дают половину мирового сбора какао.

И. А. Денисов, характеризуя какао, подчеркивает, что это — «одна из самых требовательных тропических культур» [8]. Весь сложный комплекс условий, требующихся для возделывания какао, охарактеризован в работах В. Мансхарда и Н. Асоян [2; 30].

Оптимальными климатическими условиями произрастания какао являются крайние минимальная и максимальная температуры — от $+18^{\circ}$ до $+35^{\circ}$ (при средних температурах $21-26^{\circ}$); равномерновлажный дождливый сезон не менее девяти месяцев; не слишком выраженный сухой сезон (ноябрь — март), но общая сумма осадков которого должна быть не ниже 250 мм. Благоприятствует второй короткий сухой сезон в августе. Урожай уменьшается при обильных дождях в июне или октябре. Молодые и старые деревья требуют сравнительно прохладного и влажного воздуха и лучше плодоносят в тени.

Необходимы также особые условия влажности воздуха, освещения, циркуляции атмосферы, особых почв и т. д.

Наиболее широкий диапазон в характере условий произрастания какао свойствен количеству осадков 1000—1700 мм, в связи с чем эта культура могла быть и культурой подзоны влажных саванн. Но продолжительный сухой сезон и, главное, большая резкость его ограничивают районирование какао зоной влажнотропических лесов, а именно тех частей ее, где рельеф схолмлен обрывами песчаниковых плато или отдельными выходами кристаллических пород (на склонах выше 450 м какао не культивируется).

В противоположность локальному агроклиматическому ареалу какао масличная пальма занимает почти весь овал характеризуемой зоны. Она является основной лесообразующей породой вторичного тропического леса, растет вдоль рек и на полуболотистых местах.

Масличная пальма (*Elaeis Quineensis*) — полудикая культура Западной и Экваториальной Африки, встречается не только в диком виде, но и в культуре. Общая площадь плантаций масличной пальмы достигает 300 тыс. га [4].

Еще с 1900 г. основное производство пальмового масла было сосредоточено в Нигерии, особенно в дельте Нигера. (Поэтому рукава ее получили название Масличных берегов [26].) К востоку от нижнего Нигера масличная пальма образует сплошной пояс. На долю Нигерии и в настоящее время приходится $\frac{1}{2}$ всего количества ядер и $\frac{1}{3}$ пальмового масла, идущих на мировой рынок. В 1959 г. производство пальмового масла в стране составляло 470 тыс. т, из них экспортировалось 173 тыс. т; вывоз пальмовых ядер — 437 тыс. т [2].

Помимо Нигерии плантации масличной пальмы распространены на водораздельных плато республик Конго, Камерун, а также в Дагомее и Береге Слоновой Кости. В последних странах масличная пальма распространена на узкой полосе гвинейского побережья шириной не более 100 км. Прибрежный пальмовый пояс характерен для Дагомеи (до параллели г. Абомея), которую нередко называют страной масличной пальмы. Таким образом, насаждения масличной пальмы концентрируются вдоль океанических и речных берегов, т. е. к ним приурочен центр агроклиматического ареала ее (табл. 3).

Масличная пальма — типичная культура зоны влажных тропических лесов. Дело в том, что она малотребовательна к почве и даже количеству осадков (однако не менее 1250—1300 мм), но плохо переносит сухой период, т. е. хорошо плодоносит при более или менее равномерном распределении осадков в год.

На многих картах показаны внешние границы ареала масличной пальмы⁵. Ниже приводятся агроклиматические показатели этой границы:

	Количество осадков в год, мм	Влажные месяцы	Продолжи- тельность сухого периода, месяцы
Западная Африка	1250	Март — октябрь	4 — 5
Восточная Африка	1250	Ноябрь — апрель	5
Ангола	1250	Октябрь — апрель	5

Однако возможные пределы произрастания масличной пальмы Г. Шанц отодвигает далеко к югу, вплоть до границы саванн [13].

Овал влажнотропического леса в бассейне Конго характеризуется меньшей плотностью земледельческих угодий. Здесь обычным спутником масличной пальмы в местах особо обильного увлажнения являются каучуконосные деревья как местных видов (лиана ландолфия — *Landolphia owariensis*), так и чужеземных — гевея (*Hevea brasiliensis*). Гевея — плантационная культура европейцев в республиках Конго и Камеруне.

По-видимому, широкое распространение каучуконосных деревьев в Конго связано не со своеобразием агроклиматических показателей, а с причинами социально-экономического порядка. Однако для интродукции гевеи в Африке наиболее благоприятные агроклиматические условия, аналогичные родине гевеи — Амазонии, имеет приэкваториальная полоса Конго, ибо эта культура требует экваториального постоянно гумидного климата с равномерными среднемесячными температурами 25—27°. Помимо этого выше 300 м над уровнем моря она не культивируется. Как раз экологические условия гевеи исключительно отчетливо выделяют этот регион зоны влажнотропических лесов.

В агроклиматическом отношении обособляется Верхне-Гвинейская провинция этой зоны [13]. Маниок и ямс здесь не культивируются, уступая первое место зерновым культурам, прежде всего рису.

Посевы риса распространены по болотистым дельтам и побережьям Гвинейского побережья, особенно в Сьерра-Леоне и Либерии. На горных склонах Леоно-Либерийской возвышенности возделывают нетребовательные к осадкам виды риса. Рис в этих странах является главной продовольственной культурой, и Р. Черч на юго-западе Гвинейского побережья выделяет зону риса и древесных культур [26].

Африканский рис (*Oryza glaberrima*) чаще встречается в суходольной культуре на склонах плато Фута-Джаллон. Сеют его в начале дождливого периода, и развитие риса протекает в условиях обильного увлажнения почвы. Однако урожайность его невелика (5—7 ц с 1 га), а, главное, посевы на горных склонах способствуют интенсивной эрозии. Поэтому в последние годы усиленно внедряется равнинная культура азиатского риса (*O. sativa*) на заливных участках.

⁵ Carte agricole de L'Afrique Occidentale Française. Es.: 1 : 5 000 000, Paris, 1954.

Другой плантационной культурой этой провинции, имеющей большое экспортное значение, являются бананы. В Гвинее $\frac{1}{4}$ стоимость экспорта составляют бананы.

Очень благоприятны климатические условия для произрастания этой культуры на западных склонах Леоно-Либерийской возвышенности, где отсутствует продолжительный сухой период. Но из-за конкуренции и отсутствия удобных дорог бананы здесь возделываются на ограниченных площадях.

Бананы как важнейшая продовольственная культура широко культивируются в Гане, где их валовой сбор больше, чем маниока (1256,2 тыс. т против 504,2 тыс. т).

Однако более оптимальные условия для произрастания бананов имеет зона влажнотропических лесов на территории Берега Слоновой Кости благодаря более равномерной ритмике осадков по сезонам года: количество осадков в год — 1750—2500 мм; влажные месяцы — февраль — декабрь, февраль — ноябрь; продолжительность сухого периода — один-два месяца.

Амплитуда условий увлажнения для культуры бананов сравнительно большая, ибо они плодоносят и имеют экономическое значение и в подзоне влажной саванны (например, в Гвинее, Центральноафриканской Республике).

На упомянутой выше карте «Сельское хозяйство Западной Африки» даны северные пределы произрастания бананов по линии Сансанне-Манго (1085 мм, пять аридных месяцев) — Бамако (1080 мм, шесть аридных месяцев) — Бобо-Диулассо (1020 мм, шесть аридных месяцев), поднимаясь к северу к Батерсту (1200 мм, до семи аридных месяцев). Иными словами, внешние границы ареала банана совпадают с границей влажной саванны.

Таким образом, важной особенностью эколого-климатического типа зоны гилей является приуроченность центров агроклиматических ареалов к ее территории. Культуры этого эколого-климатического типа хотя и отличаются общностью требований к условиям тепла и влаги, но, остро реагируя на внутризональную дифференциацию климата (прежде всего увлажнения), в редких случаях в одинаковой степени размещаются по всей зоне, чаще же являются особенно типичными для того или иного ее региона.

Так, рис распространен по всей зоне, но, однако, он — ведущая культура для крайнего запада зоны гилей, для Леоно-Либерийской возвышенности. То же можно сказать о маниоке, масличной пальме, какао и других указанных выше культурах. Все остальные растения (кофе, кола, таро, ананасы, некоторые цитрусовые и др.) — спутники основных культур, т. е. по своим агроклиматическим показателям являются их аналогами. Поэтому первые являются ведущими в наборе культурных растений для всей зоны, т. е. образуют эколого-климатический тип растений агроклиматической зоны тропических лесов.

Итак, географическое размещение культурных растений по территории помимо влияния социально-экономических и исторических факторов отражает климатические различия в пределах границ зон. Следовательно, выделение районов по ведущей культуре является одновременно агроклиматическим районированием зоны влажных тропических лесов. На территории ее выделяются следующие агроклиматические области:

- 1) Леоно-Либерийская область риса и бананов.
- 2) Прибрежная Гвинейская область масличной пальмы и маниока.
- 3) Внутргвинейская область какао и ямса,

4) Конголезская область каучука и масличной пальмы.

Иными словами, метод агроклиматического анализа территории зоны помог более ощутимо проследить различия между природными регионами зоны влажнотропических лесов Африки, отличающейся большим однообразием структуры территориально-природных комплексов.

Кроме характеристики и оценки одного из важнейших природных ресурсов ландшафтных зон — климата — агроклиматическое (прикладное) районирование существенно дополняет физико-географическое районирование в выявлении внутризональных природных рубежей.

ЛИТЕРАТУРА

1. «Аграрный вопрос и крестьянство в Тропической Африке», М., 1964.
2. Асоян Н. С., Нигерия, М., 1963.
3. «Африка в цифрах» (справочник), М., 1963.
4. Баранов П. А., По Тропической Африке, М., 1956.
5. Боатенг Е. А., География Ганы, М., 1961.
6. Бudyко М. И., Климатические условия увлажнения на материках. Сообщение 1, — «Известия Академии наук СССР», серия географическая, 1955, № 2.
7. Волобуев В. Р., Экология почв, Баку, 1963.
8. Денисов И. А., Использование тропических почв Африки в сельском хозяйстве, — «Почвоведение», 1962, № 7.
9. Дмитриевский Ю. Д., Англо-Египетский Судан, М., 1951.
10. Дмитриевский Ю. Д., Некоторые вопросы ирригации в Африке, — в сб.: «Страны и народы Востока», М., 1961, вып. 2.
11. Жуковский П. М., Культурные растения и их сородичи, Л., 1964.
12. Забродская М. П., Африка, М., 1963.
13. Забродская М. П., Опыт физико-географического районирования Африки, — «Известия Всесоюзного географического общества», 1966, № 5.
14. Иванов Н. Н., Атмосферное увлажнение тропических и сопредельных стран земного шара, М.—Л., 1958.
15. Колосков П. И., Агроклиматическое районирование Казахстана, М., 1947.
16. «Мировой агроклиматический справочник», М.—Л., 1937.
17. Попов В. П., Агроклиматическое районирование УССР, — в кн.: «Вопросы агроклиматического районирования СССР», М., 1958.
18. Сапожникова С. А., Опыт агроклиматического районирования территории СССР, — там же.
19. Сапожникова С. А., Проблемы агроклиматического районирования территории СССР, — в сб.: «А. И. Войков и современные проблемы климатологии», М.—Л., 1956.
20. Сапожникова С. А. и Мель М. И., Опыт характеристики агроклиматических ресурсов территории СССР, — «Труды Научно-исследовательского института агроклиматологии», М., 1957, вып. 2.
21. Саушкин Ю. Г., Климат и хозяйство, — «География в школе», 1954, № 5.
22. Селянинов Г. Т., К вопросу о классификации сельскохозяйственных культур по климатическому признаку, — «Труды по сельскохозяйственной метеорологии», 1930, вып. XXI, № 2.
23. Селянинов Г. Т., Перспективы развития субтропического хозяйства в связи с природными условиями, Л., 1961.
24. Селянинов Г. Т., Принципы агроклиматического районирования СССР, — в кн.: «Вопросы агроклиматического районирования СССР».
25. Степанов В. Н., Биологическая классификация сельскохозяйственных растений полевой культуры, — «Известия Тимирязевской сельскохозяйственной академии», 1957, № 2.
26. Черч Р. Дж., Западная Африка, М., 1959.
27. Шашко Д. И., Агроклиматическое районирование СССР по обеспеченности растений теплом и влагой, — в кн.: «Вопросы агроклиматического районирования СССР».
28. Falkner F. R., Die Trockengrenze des Regenfelbaus in Africa, — «Petermanns Geographische Mitteilungen», 1938.
29. Jaeger Fr., Klimatische Grenzen des Ackerbaus, Basel, 1946.

30. Manshard W., Die Geographische Grundlagen d. Wirtschaft Chanas unter besonderer Berücksichtigung d. agrarischen Entwicklung, Wiesbaden, 1961.
31. Phillips J., Agrikulture and Ecology in Africa, London, 1959.
32. Schantz H. L., Agricultural Regions of Africa, — «Economic Geography», 1940—43, vol. 16—19.
33. Walter H., Klimadiagramme als Mittel zur Beurteilung der Klimaverhältnisse, — «Berichte d. Deutschen Botanischen Gesellschaft», 1955, Bd LXVIII, H. 7.

Ю. Д. Дмитриевский

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СЕКТОР В СТРАНАХ АФРИКИ И ОСВОЕНИЕ ВОДНЫХ РЕСУРСОВ

Роль государства в освоении и использовании водных ресурсов в странах Азии и Африки всегда была велика. Владение водой и гидротехническими сооружениями является одной из важнейших черт азиатского способа производства, который не раз был предметом дискуссии наших ученых.

Подводя предварительные итоги новейшему этапу этих дискуссий, Ю. М. Гарушянц отмечал: подавляющее большинство их участников склоняется к той точке зрения, что азиатский способ производства — это «особый, самостоятельный, универсальный способ производства — переходная стадия от первобытного общества к обществу классовому, раннеклассовое общество с отличными от рабовладельческой формации специфическими типами эксплуатации...» [2, стр. 97]. Далее, высказывая свою точку зрения, Ю. М. Гарушянц пишет: «В общем, мы согласны с тем, что ходом исследования К. Маркс подошел к проблеме становления общества и раннеклассового строя, отличного от рабовладельческого. Но дальше этого, нам представляется, идти нельзя. Попытки конструировать особый способ производства из „вторичных признаков“, очерченных К. Марксом (община, государственная собственность на землю, ирригация, деспотизм и т. д.), противоречит самому учению Маркса о типах производственных отношений» [2, стр. 97].

Итак, независимо от позиции участников дискуссии об азиатском способе производства несомненно, что ирригация представляет собой одну из характерных черт, один из «вторичных признаков» раннеклассового общества, раннеклассового государства.

К. Маркс писал: «Принадлежащие всем условия действительного присвоения посредством труда, **ирригационные каналы**, играющие очень важную роль у азиатских народов, средства сообщения и т. п. представляются в этом случае делом рук высшего единства — деспотического правительства, вознесшегося над мелкими общинами» [1, стр. 11].

Таким образом, государственное вмешательство в ирригацию, в водное хозяйство имеет в странах Востока, странах Африки многовековую, можно сказать многотысячелетнюю, традицию. Такой же древней традицией (даже еще более древней) является общинное владение водой.

В колониальный период в области водовладения и водного хозяйства африканских стран произошли важные изменения. К ним отно-

сится, во-первых, экспроприация воды иностранным, в том числе в значительной мере государственно-монополистическим капиталом.

Экспроприация воды производилась разными методами:

1) в тех странах и районах, где, согласно существующим традициям или законодательству, владение землей влечет за собой и владение водой, смыслом данной участку, захват земли означал одновременно и захват воды;

2) в ряде стран и районов иностранный капитал воздвиг водорегулирующие гидротехнические сооружения, не только отводя при этом часть воды в свои сельскохозяйственные предприятия, но поставив под свой контроль воду, поступающую в нижележащие районы (и в той или иной мере воду всего бассейна);

3) в некоторых странах вода была объявлена собственностью колониальной администрации.

Но иностранный капитал не только эксплуатировал важнейшие источники воды. Построив плотины, ирригационные каналы, гидростанции, захватив судоходство во внутренних водах и частично товарное рыболовство, он подчинил себе тем самым основные отрасли водного хозяйства. При этом в большинстве случаев была велика (как и в других отраслях инфраструктуры) роль государственно-монополистического капитала и «колониального» государственного капитала.

«Колониальный» государственный капитал создавался за счет бюджета колоний. В значительной степени он был составлен за счет иностранных займов, тесно переплетен с государственно-монополистическим капиталом метрополий, иностранных компаний. Находился этот капитал в руках колониальной администрации, которая представляла собой агентуру метрополии и состояла в основном из колониальных чиновников, выходцев из метрополии. Поэтому в период колониального статута «колониальный» государственный капитал был в значительной мере одним из каналов для проникновения иностранного капитала, по существу одной из форм иностранных инвестиций. Как справедливо отмечал И. И. Потехин, «пока сохраняется колониальный статут, „колониальный“ государственный капитализм является на деле филиалом государственного капитализма метрополий» [3, стр. 62].

После прекращения действия колониального статута начинаются важные процессы, в ряде случаев существенно меняющие характер «колониального» государственного капитала. Значительно уменьшаются его связи с иностранными компаниями, меняется аппарат, распоряжающийся государственным капиталом (колониальных чиновников сменяют местные жители), усиливаются связи с национальным капиталом, в ряде случаев происходит национализация государственно-капиталистической собственности метрополий и реквизиция собственности иностранных компаний, приостанавливается выплата долгов метрополии по внешним займам (которые представляли собой одну из форм грабежа колоний). Все это приводит к тому, что прежний, «колониальный» государственный капитал постепенно преобразуется в национальный государственный капитал. «Когда прекращается действие колониального статута, „колониальный“ государственный капитал облегчает борьбу против остатков колониализма» [3, стр. 62].

Процесс этот, однако, весьма сложен, и, как показал опыт последнего десятилетия, государственный капитал молодых государств, облегчая борьбу против остатков колониализма, может оказаться неспособным бороться против неоколониализма и даже стать одним из рычагов, которым неоколониализм сможет воспользоваться.

Как отмечал С. И. Тюльпанов, в слаборазвитых странах «государст-

венный капитализм — это соединение силы национальной промышленной буржуазии (национального капитала) данной страны с силой своего национального государства при подчинении государственного аппарата интересам национальной буржуазии. Его экономической основой является относительно высокий уровень концентрации и централизации производства, образовавшийся в процессе национализации и конфискации собственности иностранных монополий, превращенных в государственную собственность, а также вновь создаваемая государственная собственность в решающих отраслях производства... Там, где господствующая национальная буржуазия продолжает борьбу против империализма, международных монополий (даже с различной степенью последовательности), в стране повышаются темпы роста капитализма и ликвидации феодальных отношений, государственный капитализм укрепляется, воздействуя на общее экономическое развитие. В этих случаях возрастает и потенциал экономической независимости страны. Там же, где правящие классы идут на сговор с иностранными империалистами, демократические основы государственного сектора суживаются, возможности прогрессивного экономического развития с помощью государственно-капиталистических мер резко ограничиваются или даже (временно) превращаются в свою противоположность» [4, стр. 19, 22].

Развитие государственного сектора развивающихся стран происходит в условиях существования в мире лагеря социализма, оказывающего постоянное влияние на ход экономических процессов современного мира. «Результаты соревнования двух систем окажут определяющее влияние на внутренние процессы экономического и политического развития государственного капитализма слаборазвитых стран», — отмечает С. И. Тюльпанов [5, стр. 26].

Превращение прежнего, «колонияльного» государственного капитала в государственный капитал молодых суверенных государств положило начало формированию государственного сектора их экономики. При этом важной составной частью государственного сектора являются отрасли инфраструктуры, в том числе водное хозяйство в широком смысле слова. Собственностью государства стали важнейшие гидротехнические сооружения: плотины, многие гидроэлектростанции, каналы, внутренний водный транспорт, ряд служб, связанных с добычей рыбы, водоснабжение. В разных странах это выражено с разной степенью интенсивности и последовательности.

В тех странах, где борьба за создание независимой экономики стала не только программным лозунгом правительства, но и находит свое практическое решение, государственный сектор справедливо считается важнейшим рычагом завоевания экономической независимости и его развитию уделяется первостепенное внимание. Там, где этого нет, государственный сектор играет значительно меньшую роль. Однако во всех странах Африки роль государственного сектора, который в большинстве случаев носит еще государственно-капиталистический характер, весьма существенна. Большинство африканских государств, идущих по разным социально-экономическим путям, понимает важную роль государства в развитии экономики.

Пожалуй, именно в водном хозяйстве особенно отчетливо проявляются те социально-экономические процессы, которые происходят в молодых суверенных государствах, в их государственном секторе. И это не случайно: значение водных ресурсов для развития хозяйства Африки трудно переоценить.

Во-первых, во многих районах Африки для развития земледелия необходимо искусственное орошение. Круглогодичная ирригация необхо-

дима в аридных районах, сезонная — в переменновлажных; в постоянновлажных районах она нужна для выращивания отдельных культур. Учитывая, что аридные, семиаридные, сезонновлажные районы занимают подавляющую часть материка, значение ирригации можно оценить в полную меру. По нашим подсчетам, орошаемые земли в тех странах Африки, где ирригация в большей или меньшей степени развита, составляют примерно 6% возделываемых земель. Но по своему экономическому значению они эквивалентны примерно $\frac{1}{4}$ всех земель, используемых в полеводстве названных стран. Дальнейшее развитие ирригации позволило бы значительно увеличить последнюю цифру.

Далее, во многих районах Африки пока не обнаружено крупных месторождений энергетического минерального сырья, в то же время запасы гидроэнергии в Африке огромны, составляя около $\frac{1}{5}$ мировых. Пока использованы они в самой незначительной степени (не более 1%). Отсюда вытекает энергетическое значение воды в перспективном развитии хозяйства африканских стран.

Большая часть Африки покрыта густой сетью рек и озер, многие из которых представляют собой естественные судоходные пути. Длина последних, по нашим подсчетам, составляет около 40 тыс. км. Из них фактически используется для регулярного (круглогодичного или сезонного) судоходства примерно половина. Так что даже в современном состоянии внутренние судоходные пути используются далеко не полностью. Но возможности развития внутреннего водного транспорта значительно увеличились бы в случае создания судоходных каналов в обход многочисленных на африканских реках порогов и водопадов, регулирования стока и поддержания в течение всего года необходимых для судоходства глубин, соединения рек различных бассейнов (для этого имеются благоприятные природные предпосылки), внедрения новых современных судов, оборудования речных и озерных портов.

Важное значение имеют рыбные запасы внутренних африканских водоемов. Они используются еще далеко не полностью. Лишь в зачатке находится рыболовство. Внедрение новой техники в рыболовство является весьма перспективным.

Освященное многовековыми традициями кочевое, полукочевое, отгонное животноводство основано наряду с умелым использованием пастбищ и на экономно-точном использовании источников воды. Дальнейшее развитие животноводства, увеличение поголовья скота и его продуктивности потребует важных водохозяйственных мероприятий и в этой отрасли хозяйства.

В начальной стадии находится в большинстве стран Африки современное бытовое водоснабжение, которое должно развиваться вместе с ростом культуры освободившихся народов.

Наконец, все большее значение приобретает в странах Африки промышленное водоснабжение. В связи со слабым промышленным развитием большинства стран континента эта проблема еще не была особенно острой, однако уже сейчас начали выявляться районы с дефицитом «промышленной» воды, и несомненно, проблема водоснабжения возникающих промышленных предприятий будет становиться все более актуальной. При этом нужно иметь в виду, что Африка, взятая в целом, представляет собой материк, обладающий колоссальным резервом пресной промышленной воды. Это обстоятельство необходимо учитывать при глобальном прогнозировании развития и размещения промышленности, особенно ее «водоемких» отраслей.

Все сказанное позволяет вспомнить высказывание недавно скончав-

шегося известного английского географа Л. Д. Стэмпа о том, что ключ ко всему развитию Африки — в контроле над водами [6].

Проблема состоит в том, в чьих руках находится этот ключ, какие социальные силы им владеют.

В эпоху колониализма ключ к контролю над водами находился в руках империалистических держав, в руках иностранного капитала. Теперь в странах, освободившихся от пут колониальной зависимости, ключ этот, бесспорно, стремятся взять в свои руки национальный капитал, национальное государство.

Этому способствует, как отмечалось выше, переход в руки молодых суверенных государств собственности бывшей колониальной администрации: многих гидротехнических сооружений, гидростанций, каналов, оросительных систем, внутреннего судоходства вместе с обслуживающим его флотом и т. п. Расширилось участие государства в финансировании работ по проектированию крупных гидротехнических объектов. В различных странах в зависимости от их финансовых возможностей и политики, которую проводит правительство, этот процесс идет по-разному, но отмеченная тенденция несомненна.

Поскольку национальный капитал, в первую очередь государственный (частный в большинстве африканских стран очень слаб), заинтересован в постепенном подчинении всех отраслей экономики страны, не случайно появление и частичное осуществление гидротехнических проектов, принципиально отличающихся от проектов (осуществленных и неосуществленных) колониальной эпохи.

В самом деле, в колониальный период использование водных ресурсов и водохозяйственное строительство осуществлялись односторонним путем. Одни водоемы (реки и озера) использовались только для орошения, другие — для рыболовства, третьи — для судоходства, четвертые — для водоснабжения, пятые — для энергетических целей. Комплексное использование вод и крупное комплексное гидростроительство были явлениями исключительными. Все это вполне объяснимо: колониальная администрация, капиталистические монополии, в чьих руках находились экономика и водное хозяйство африканских стран, были заинтересованы в развитии отдельных, преимущественно экспортных отраслей хозяйства, и именно эта цель диктовала строительство ирригационных сооружений в районах возделывания экспортных культур (ОАР, Судан, страны Магриба), гидроэлектростанций — в важнейших районах добычи и первичной переработки минерального сырья (гидростанции Катанги, Карибская ГЭС, гидростанция Эдеа в Камеруне и др.), в отдельных случаях — организацию крупной системы промышленного водоснабжения (Витватерсранд в ЮАР) и т. д.

Молодые суверенные государства, заинтересованные в том, чтобы раньше или позже подчинить себе ключевые отрасли экономики, стремятся к осуществлению комплексных гидротехнических проектов. В первую очередь это относится к странам, где развитию государственного сектора уделяется большое внимание, где он становится основным рычагом развития национальной экономики, важнейшим инструментом ее перестройки, диверсификации хозяйства. Особенно энергично эти процессы идут в странах, правительства которых, несмотря на возникающие трудности, стремятся идти по некапиталистическому пути развития. При этом быстрее или медленнее, но в конце концов (и нередко коренным образом) меняется социальный характер водного хозяйства, его общественное лицо. Меняются, в частности, система землепользования и водопользования, аграрные отношения в районах орошаемого земледелия, направление использования получаемой на гидроэлектро-

станциях энергии (сдвиг в сторону использования ее обрабатывающей промышленностью) и т. д.

Примерами комплексного гидростроительства и освоения водных ресурсов являются создание высотной Асуанской плотины в ОАР, строительство на р. Вольте до февральских событий 1966 г. в Гане; с определенными оговорками сюда же можно отнести современное гидростроительство на Голубом Ниле и Атбаре в Судане, на р. Меджерде в Тунисе и некоторые другие водохозяйственные мероприятия в африканских странах. Тенденция комплексного гидростроительства все более пробивает себе дорогу.

При этом формируются и в ряде случаев регулируются государством новые комплексные водохозяйственные районы. Районам односторонней, однобокой (оросительной, энергетической, транспортной, рыбохозяйственной, промышленного водоснабжения), в лучшем случае «парной», т. е. двухотраслевой (оросительно-транспортной, рыбохозяйственно-транспортной, оросительно-энергетической), специализации на смену приходят комплексные водохозяйственные районы.

Большой опыт в комплексном гидростроительстве, социальном преобразовании старых водохозяйственных районов имеют страны социализма, в первую очередь СССР. И наша страна оказывает африканским государствам большую помощь в водохозяйственном строительстве. Эта помощь охватывает широкий круг вопросов и проявляется в самых различных формах: финансовой и технической помощи, поставке оборудования, научно-технических консультациях, подготовке кадров, передаче опыта, который накопили советские специалисты в ходе гигантского гидростроительства СССР в самых различных природных условиях.

В ближайшей перспективе — дальнейшее энергичное развитие водного хозяйства стран Африки, усиление его комплексности, увеличение роли государства в решении всех водохозяйственных проблем. Об этом говорят и опыт последних лет и анализ тех проектов, которые разрабатываются для многих африканских стран.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К., Формы, предшествующие капиталистическому производству, — «Вестник древней истории», 1940, № 1(11).
2. Гарушняц Ю. М., Об азиатском способе производства, — «Вопросы истории», 1966, № 2.
3. Потехин И. И., Новые явления в колониальной политике европейских держав в Африке, — «Мировая экономика и международные отношения», 1957, № 2.
4. Тюльпанов С. И., К вопросу о государственном капитализме в слабых странах, — «Вестник ЛГУ», 1961, № 5.
5. Тюльпанов С. И., О некоторых особенностях государственного капитализма слабых стран, — «Вестник ЛГУ», 1961, № 11.
6. Stamp L. D., Africa. A Study in Tropical Development, New York — London, 1953.

В. Ф. Митенко

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О МЕСТЕ АТЛАССКОЙ ПОЛУ- ПУСТЫНИ В СИСТЕМЕ ПРИРОДНЫХ ЗОН СЕВЕРНОГО ПОЛУШАРИЯ

Как известно, между северными и южными Атласскими хребтами на западе и вдоль Средиземноморского побережья на востоке расположена переходная от средиземноморских субтропиков к пустыне полоса, которую приблизительно со второй половины XIX в. именуют степями. Приступая к рассмотрению неправильности подобного подхода, необходимо отметить, что в зарубежной литературе ранних и последних лет нет единой принципиально правильной точки зрения в вопросе о понятии «степь» как в узком ботаническом, так и в более широком географическом значении. Не углубляясь в анализ позиций отдельных ученых (это сделано М. В. Горнунгом [9]), заметим лишь, что большинство из них не делают принципиального различия между степью и пустыней. Начиная от А. Гризебаха [25] и А. Энглера [23], объединивших степи и пустыни Евразии в «степную область», и кончая работами такого крупного ученого современности, как Р. Мэр, слово «степь» употребляется для любых обширных равнинных пространств, занятых ксерофитной травянистой растительностью.

По данным Р. Мэра [27], Г. Лонга [26], Л. Эмберже [22], П. Озенды [28] и др., господствующими видами растительного покрова данной территории являются полукустарничковая полынь (*Artemisia herba albae* Asso) и два жестколистных злака — альфа (*Stipa tenacissima* L.) и спарта (*Lygeum spartum* L.). Наиболее широко распространенная полынь образует сообщества на более тяжелых суглинистых почвах, лишенных значительного засоления. Там, где количество солей в почве увеличивается, к полыни присоединяются галофиты — *Atriplex mauritanica* Boiss. et Rent., *Suaeda fruticosa* Forsek и др. Образуя особую синузию, она входит и в покров некоторых средиземноморских редкостойных древесно-кустарниковых сообществ, составляя, например, нижний ярус арчевников Марокко.

Вслед за Р. Мэром Д. Зохари [31], Н. Фейнбрун [24] и другие ученые ксерофильные полукустарничковые сообщества типа полыни относят к степному типу растительности. Как указывает Е. М. Лавренко, с этим нельзя согласиться, ибо в степях преобладают травянистые ксерофильные растения, преимущественно дерновинные злаки, в то время как полынные из *A. herba albae* должны быть отнесены к пустынной полукустарничковой растительности. Основываясь на огромном количестве литературных материалов зарубежных и отечественных уче-

ных, он отмечает, что структура столь распространенных на этой территории полынных *A. herba albae*, обогащенных эфемерами и эфемероидами, очень близка к структуре полынных сообществ Турана.

Сходство природы данной области с полупустынями СССР угадывается и в составе флоры. Как показали длительные полевые ботанические исследования В. П. Бочанцева [4], многие из семейств, родов и видов, населяющих эту область, являются общими с семействами, родами и видами растений полупустынь СССР: например, некоторые роды и виды семейств *Chenopodiaceae*, *Zygophyllaceae*. Давая общую оценку растительности рассматриваемой территории, Е. М. Лавренко приходит к выводу, что вся эта растительность является гиперксерофильной полукустарничковой и не характерна для настоящих степей. Еще И. Г. Борщов [3], а за ним Б. А. Келлер [10; 13] отмечали, что в отличие от степей, где в растительном покрове преобладают травянистые дерновинные злаки, именно растительность соседствующих с юга полупустынь отличается господством гиперксерофильной полукустарничковой биоморфы. Отсюда можно сделать вывод: растительность данной территории как по видовому составу, так и по характеру жизненных форм — полупустынного типа.

Все, кто писал о растительности этой территории, в качестве характерной ее особенности отмечали несомкнутость растений в наземной части. В более южных районах, где осадков выпадает менее 150 мм в год, общее покрытие в сообществах, образованных такими полукустарничковыми солянками, как *Anabasis articulata* (Forsek) Moq., *Ham-mada salicornia* (Moq.) Iljin, не превышает 20%, а там, где влияние пустыни наиболее сильно, оно снижается до 1% [см.: 28]. Это наряду с составом флоры не позволяет относить данную территорию к степям, ибо противоречит определению степей в понимании русских и советских ученых. Большинство из них характеризуют степь как открытые, первично безлесные пространства с густой травянистой мезофитной растительностью и растительностью более или менее ксерофитного характера из дерновинных злаков, отличающейся большой видовой насыщенностью, покрывающей поверхность сплошным травостоем в летний вегетационный период и произрастающей на различных вариантах черноземных и каштановых почв с большим количеством гумуса и других питательных веществ, обеспечивающих запросы растительного покрова [8].

Прирост растительной массы в год в степях, по А. Д. Гожеву, составляет приблизительно 2—4 т на 1 га. По данным Л. Е. Родина [20], биомасса степных травянистых сообществ в их типичном варианте на севере степной области составляет 250 ц с 1 га, падая к югу до 100 ц с 1 га. В противоположность степям, характеризующимся в течение большей части года интенсивным взаимообменом веществами и энергией между органическим миром и средой его существования, этот же процесс в пределах данной территории проявляется очень слабо, что сказывается на характере ее растительности, почв и т. п. Д. Драницын [11] указывал на то, что основным зональным типом этой полосы являются «красноземы пустынных степей», близкие к сероземам и бурым почвам азиатских полупустынь России. Но со времени появления работы Марбута [30], не принявшего во внимание результатов полевых исследований Д. Драницына, установилось мнение о распространении здесь каштановых почв. Несостоятельность подобных взглядов была доказана более поздними исследованиями З. Ю. Шокальской [21] и И. П. Герасимова [6; 7]. И. П. Герасимов выделил для этой территории

в качестве зонального типа малогумусные (2—4%), засоленные, с высоким содержанием карбонатов, пронизанные известковыми и гипсовыми корами, усеянные солончаками серо-коричневые почвы и сероземы субтропических полупустынь, подтвердив, таким образом, позиции Д. Драницына.

Данные климатологических работ по Северной Африке лишний раз подтверждают отсутствие здесь степей. Такого количества осадков в год (250—100 мм) слишком мало, чтобы можно было предполагать наличие здесь степей.

Таким образом, указанные исследования, выполненные для этой территории непосредственно в поле, и теоретические, основанные на многочисленных литературных материалах, достаточно убедительны, чтобы согласиться с выводами И. П. Герасимова, Е. М. Лавренко, М. Б. Горнунга и др. о том, что природа территории, соответствующая «степям» (у французских и некоторых других ученых), по всему комплексу признаков является полупустынной.

Особый характер данного типа природы явился причиной разноречивых толкований самого понятия «полупустыня». Была поставлена под сомнение и необходимость выделения этой полосы в самостоятельную зону (первоначальное выделение которой принадлежит почвоведом). Наличие только ей свойственных почв, отличающихся коричнево-бурым цветом, почти всегда сильно засоленных или солонцеватых, с обилием солончаков и большим количеством гипса, явилось важнейшим аргументом в пользу самостоятельности полупустыни. Но существование бурой почвенной зоны в ее самостоятельном виде вскоре начало оспариваться самими почвоведом. Так, А. И. Безсонов [1], не находя в этих почвах специфических признаков, возражал и против термина «бурые почвы» и против вкладываемого в него содержания, считая их засоленными светло-каштановыми суглинками зоны степей.

По растительному покрову зона выделялась также далеко не всеми. Кратко напомним некоторые точки зрения по этой проблеме. Еще Е. Варминг и П. Гребнер говорили об определенной группе растений, отмечая их как особый класс полупустынных, называя их «кустарниковыми, суккулентными и другими степями, только не травяными степями». Тем самым отчленялись полупустыни от степей. Но не указывалась грань между полупустынями и пустынями, так как полупустынные и пустынные растения они объединяли в серию экстрасероморфных жизненных форм.

Наибольшую ясность в понятие «полупустыня» внес Б. А. Келлер [10; 13]. Защищая понятие «полупустыня» как природную единицу, равнозначную степям и пустыням, он определял ее следующим образом: «Я считаю наилучшим выразителем полупустынного типа те растительные ассоциации, в которых при разреженности, низкорослости и т. п., — наряду со злаками степного характера — типчаком, ковылями, тонконогом, — большую роль играют такие сухолюбивые полукустарнички, как *A. maritima*, *Kochia prostrata*. Однако я причисляю к полупустынному типу те отклонения его в сторону травяной степи, в которых указанные полукустарнички имеют уже наибольшее значение, но растительность сильно разрежена, занимает лишь половину поверхности почвы, и упомянутые дерновинные злаки, главным образом типчак, сидят очень разбросанно, разделяя свое господство с двудольным травянистым растением — ромашником (*Pyrethrum achilleifolium*)» [см.: 13, стр. 147—148].

И. М. Крашенинников [16] рассматривал полупустыню как подзону пустынных бело- и чернополынных степей. Е. П. Коровин [14; 15] в

1934 г. выделил зону полупустынь, а в 1935 г. включил ее в область пустынь центральноазиатского типа.

Более широкий подход к понятию «полупустыня» находим у А. В. Прозоровского [19], с точки зрения которого полупустыни как геоботанического (эколого-биологического) типа не существует, но четко намечается область, где в плакорных условиях на огромных пространствах закономерно чередуются участки, занятые степными и пустынными ассоциациями, являющимися непосредственным выражением климатических особенностей их распространения. Он предлагает назвать эту область пустынно-степной и подчеркивает, что она — исключительно географическое явление.

Е. М. Лавренко [17], суживая понятие о полупустыне, относит к ней только те фитоценозы, в составе которых степные, травянистые, длительно вегетирующие многолетники (дерновинные злаки) занимают не более 50% общего проективного покрытия. Большая часть проективного покрытия принадлежит полукустарникам.

На карте растительности СССР, изданной АН СССР в 1939 г., полупустынный тип растительности вовсе не выделен. Растительность смешанного состава, в которой господствуют дерновинные злаки, а полукустарнички имеют второстепенное значение, отнесена к степям, а растительность, где отношения обратные, рассматривается в разделе злаково-полынных пустынь.

Несколько узкое по сравнению с Б. А. Келлером и А. В. Прозоровским понимание полупустыни отмечается у Н. В. Павлова. Возражая не только против выделения ее в самостоятельную зону, но и против термина «полупустыня», он говорит следующее: «Наконец, термин „полупустыня“ представляет значительное неудобство и со стороны чисто номенклатурной. Если название „лесостепь“ комбинирует признаки обеих растительных зон и сразу указывает на смешанный характер образования, то слово „полупустыня“ определяет только неполноту одной из них и с равным же успехом может быть заменено полустепью. Развивая дальше этот принцип характеристики ландшафта, можно сказать: полулес, полулуг, полуболото, но что это будет значить — без пространного объяснения понять нельзя» [18, стр. 227—228]. Исходя из этого, он предлагает назвать ее остепненной пустыней, если она рассматривается в последней, или, как И. М. Крашенинников, — пустынной степью, или же, как Е. М. Лавренко, — опустыненной степью, если относить ее к полосе степей.

Очень широко понимал полупустыню Л. С. Берг. В своей работе «Географические зоны СССР» он характеризовал полупустыню как переходную от степей к пустыням полосу, природа которой отличается следующими признаками: «...тогда как в степях до их распахки растительность образовывала, как правило, сплошной покров, в полупустынях мы в промежутках между растениями видим участки голой почвы, но все же площадь под растительностью в отличие от пустынь больше площади голых пространств. Характерно, с одной стороны, присутствие типичных для степей дерновинных злаков (типчак, ковыль), с другой стороны — сухолюбивых полукустарничков (полыни, кохия из лебедовых и др.), которые господствуют в пустыне. Почвы и грунты обычно сильно засолены, много соленых озер, большие площади солончаков, солонцы к югу замирают. Поверхностные и грунтовые воды обычно засолены. Максимум осадков в июне — мае, почвы светло-каштановые. Растительный и почвенный покровы отличаются пестротой. Климат засушливый, переходный от степей к пустыне» [2, стр. 79].

Достоинством названных выше определений, узких и пространных,

ботанических и более широких географических, является то, что они четко очерчивают физиономические признаки полупустыни, по которым можно непосредственно в природе опознать объективно существующее целостное природное образование, хотя названия для него и предлагались разные. Однако ни в одном из них мы не видим отражения внутреннего существа ее природы — особенностей взаимообмена веществом и энергией, исторически сложившихся взаимосвязей, в результате которых в течение длительного развития в определенных экологических условиях здесь сформировались свойственные только полупустыне экологические типы растений и животных, тесно связанные со средой. Поверхность этих определений отражает слабую изученность данного типа природы во всем его своеобразии. Этим же объясняются и разногласия в решении основного вопроса — районирования: куда ее относить — к пустыням или степям или же определить как самостоятельную зону. Вполне сложившаяся определенность в направлении всех внутренних процессов, оформляющих ее внешний облик, является доказательством полноты полупустыни как самостоятельного образования. Думается, правильность этих выводов подтверждается недавними исследованиями Т. Б. Вернандер [5], которая, изучая растительный покров полупустынь Актюбинской и Кустанайской областей СССР, пришла к выводу, что полоса, расположенная между степной и пустынной зонами, характеризуется сочетанием совершенно особых, только ей свойственных типов степей и пустынь, не повторяющихся в плакорных условиях других зон, и потому заслуживает право на самостоятельность. Т. Б. Вернандер предлагает оставить данное Б. А. Келлером название «полупустыня», а «опустыненные степи» закрепить за характеризующими ее типами степей, одним из которых являются описанные ею полынно-тырсовые сообщества, в травянистом покрове которых сочетаются степные (сарептский ковыль, типчак) и пустынные (эркек, белая полынь, ромашник) виды, из которых сарептский ковыль вне зоны полупустынь встречается только в особых условиях существования.

Явление, отмеченное Т. Б. Вернандер для полупустынь СССР, имеет место и во флоре предлагаемой вниманию полупустынной территории. Так, альфа — один из эдификаторов Атласской полупустыни, несмотря на принадлежность к одному из видов ковылей (*S. tenacissima*), по своим морфологическим особенностям отличается от ковылей — жителей истинной степи — значительно большей ксероморфностью, страдая от увлажнения (более 400 мм осадков в год), но перенося засушливые условия участков, получающих всего 100 мм осадков в год [9].

Не отвергая названных выше определений полупустыни, в которых отмечены многие характерные ее природные черты, было бы более правильно найти такое, которое отразило бы целостность природы этой системы. Скорее всего, такую характеристику дает А. Д. Гожев [8]. Он определяет полупустыню как местность, природа которой отличается специфическими, приобретенными в процессе длительного развития чертами: засушливостью климата (примерно 150—300 мм осадков в год), наличием низкорослого, засухоустойчивого и разреженного растительного покрова на светло-каштановых, сероземных и близких к ним нередко засоленных почвах, экологическими формами растений и животных, возникших в процессе взаимообусловленного со средой развития и приспособленных к крайним условиям среды, а также ничтожным взаимообменом веществами и энергией между отдельными ее сторонами (прирост органической массы в год 0,3—0,6 т на 1 га).

Итак, принимая природную полосу, окаймляющую Сахару с севера, как полупустыню, соглашаясь с доводами И. П. Герасимова об оригинальности русских степей и о закономерности существования полупустыни вдоль северной окраины Сахары, необходимо указать на ее место в системе зональности с позиций общепризнанного учения В. В. Докучаева о зонах природы [12]. Как известно, многочисленные данные не только почвоведения, но и других наук позволили ему прийти к выводу, что природа поверхности земного шара зональна в целом. Однако, говоря о проявлении зональности как мирового явления, ученый предполагал отклонения от намеченных линий зон и в каждой из них выделял «земельные угодья», т. е. естественноисторические районы, утверждая тем, что зональная в целом природа одновременно и региональна (провинциальна).

Четкого разграничения границ нет: порой происходит глубокое проникновение значительных участков одной природной зоны в другую. Такое взаимопроникновение хорошо демонстрируют карты мировой зональности независимо от принципов, положенных в основу их составления, начиная от примитивно-схематичной карты З. Пассарге [29] и кончая новейшей, помещенной в Физико-географическом атласе мира (1964 г.). Наиболее ярко докучаевский принцип воплощен в предложенной А. Д. Гожевым [8] схеме мирового физико-географического районирования, где для рассматриваемой зоны в северном полушарии совершенно отчетливо выделены восемь областей (провинций), объединенных в подзону полупустынь с теплой зимой северного полушария.

Так как большая часть интересующей нас полупустыни находится примерно между цепями Высокого, Среднего и Телль-Атласа на севере и хребтами Антиатласа и Сахарского Атласа на юге, т. е. внутри Атласской системы, и лишь узкой полоской протянулась на востоке вдоль Средиземноморского побережья, мы назовем ее Атласской.

Таким образом, исходя из сказанного выше, представляется возможным рассматривать исследуемую территорию Атласской полупустыни в системе природных зон северного полушария как природную область — одну из провинций зоны полупустынь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Безсонов А. И., О бурой зоне и бурых почвах, — «Почвоведение», 1926, № 2.
2. Берг Л. С., Географические зоны Советского Союза, М., 1952.
3. Борщов И. Г., Материалы для ботанической географии Арало-Каспийского края, — «Записки Императорской Академии Наук», СПб., 1865, т. 7 (Приложение 1).
4. Бочанцев В. П., Очерк растительности Объединенной Арабской Республики (Египта), — «Ботанический журнал», 1965, т. 50, № 2.
5. Вернандер Т. Б., К вопросу о самостоятельности полупустынной зоны, — «Жизнь Земли» (сб. Музея земледения МГУ), 1961, № 1.
6. Герасимов И. П., Аридные и семиаридные области СССР и их географические аналоги, — в сб.: «Вопросы географии», М.—Л., 1956.
7. Герасимов И. П., Коричневые почвы средиземноморских областей, М., 1954.
8. Гожев А. Д., Зонально-провинциальная природа поверхности суши, — «Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена», 1956, т. 116.
9. Горнунг М. Б., О так называемых североафриканских степях, — «Вопросы географии», М., 1957, 40.
10. Димо Н. А. и Келлер Б. А., В области полупустыни. Почвенные и ботанические исследования на юге Царицынского уезда Саратовской губернии, Саратов, 1907.
11. Драницын Д. М., Поездка в Алжир. Отчет Докучаевскому почвенному комитету о командировке в Северную Африку в 1913 г., Пг., 1915.
12. Докучаев В. В., К учению о зонах природы, М., 1948.

13. Келлер Б. А., Растительный мир русских степей, полупустынь и пустынь. Очерки экологические и фитоценологические, Воронеж, 1923.
14. Коровин Е. П., Растительность Средней Азии и Южного Казахстана, М. — Ташкент, 1934.
15. Коровин Е. П., Экологические типы пустынь Средней Азии и Казахстана в перспективе их хозяйственного освоения, — в кн.: «Хозяйственное освоение пустынь Средней Азии и Казахстана», М. — Ташкент, 1935.
16. Крашенинников И. М., Киргизские степи как объект ботанико-географического анализа и синтеза (Материалы для классификации русских степей), Пг., 1923.
17. Лавренко Е. М., Степи СССР, — в кн.: «Растительность СССР», т. 2, М.—Л., 1940.
18. Павлов Н. В., Ботаническая география СССР, Алма-Ата, 1948.
19. Прозоровский А. В., Полупустыни и пустыни СССР, — в кн.: «Растительность СССР», т. 2, М.—Л., 1940.
20. Родин Л. Е. и Базилевич Н. И., Биологическая продуктивность основных типов растительности Северного полушария Старого Света, — «Доклады Академии наук СССР», 1964, т. 157, № 1.
21. Шокальская З. Ю., Почвенно-географический очерк Африки, М.—Л., 1948.
22. Emberger L., Afrique du Nord-Ouest, — «Recherches sur la zone aride», Paris, 1955, t. VI.
23. Engler A., Versuch einer Entwicklungsgeschichte der Pflanzenwelt seit der Tertiärperiode, Leipzig, Bd 1, 1879; Bd 2, 1882.
24. Feinbrun N. and Zohary M., A Geobotanical Survey of Transjordan, — «Bulletin of the Research Council of Israel», Section D, Botany, Jerusalem, 1955, vol. 5D, № 1.
25. Griesbach A., Die Vegetation der Erde nach ihrer klimatischen Anordnung, Bd 1—2, Leipzig, 1872.
26. Long G., Contribution à l'étude de la végétation de la Tunisie Contral, 1—2, Tunis, 1954.
27. Maire R., Carte phytogéographique de l'Algérie et de la Tunisie (avec notice), Alger, 1926.
28. Ozenda P., Flore du Sahara septentrional et central, Centre national de la recherche scientifique, 1958.
29. Passarge S., Die Erde und ihr Wirtschaftsleben, — «Hanseatische Verlagsanstalt», Hamburg — Berlin, 1929.
30. Shantz H. L. and Marbut C. F., The Vegetation and Soils of Africa, — «American Geographical Society Research Series», New York, 1923, № 13.
31. Zohary D., Ecological Studies in the Vegetation of the Near Eastern Deserts, III. Vegetation Map of the Central and Southern Negev. Palestine, — «Journal of Botany Jerusalem Series», Jerusalem, 1953, vol. VI, № 1.

В. Ф. Митенко

НЕКОТОРЫЕ СВЕДЕНИЯ О РАЗВИТИИ ПРИРОДЫ АТЛАСКОЙ ПОЛУПУСТЫНИ В ЧЕТВЕРТИЧНОЕ ВРЕМЯ

Как отмечалось не раз со времен В. В. Докучаева и в последние десятилетия (А. Д. Гожев, И. П. Герасимов, К. К. Марков, Л. А. Михайлова и др.), исследование таких систем, как природные области, требует исторического подхода, так как сами они — исторические образования. Природа каждой из них, пройдя в своем развитии несколько долгих этапов, не могла остаться неизменной. Наблюдающиеся теперь следы древних событий говорят о том, что в более ранние периоды развития географической среды как общий облик природных областей, так и характер генетических взаимосвязей между ними как целостными системами, вероятно, были иными, чем в нынешнее время.

Исходя из этого, в данной статье делается попытка реконструкции палеогеографических событий четвертичного периода для Атлаской полупустыни, что, как думается, поможет выяснить процесс формирования современной природной обстановки области и уточнить ее возраст.

При этом следует отметить, что формирование природы исследуемой территории настолько тесно связано с палеогеографическими событиями всей Северной Африки, что обособить таковые для отдельного участка оказалось очень трудно, а порой невозможно.

Как уже было отмечено М. Б. Горнунгом [6], палеогеографические реконструкции четвертичного периода для Северной Африки большинством зарубежных ученых основываются на корреляции западноевропейских эпох оледенений и североафриканских плейстоценовых эпох. Оледенения и сопровождающие их явления, имевшие большое значение в формировании рельефа и почв в Европе и Северной Америке, в Африке играли подчиненную роль и наблюдались только в горных областях [21]. Но если в истории четвертичного периода в Северной Африке не было климатических изменений революционного характера, то бесспорно, что она была свидетелем колебаний климата, которые выразились здесь в циклической смене богатых дождями эпох сухими периодами. Повышение влажности, по-видимому, сопровождалось понижением температур, свидетельством чего является наличие в западном, известняковом Высоком Атласе, в северной части Среднего Атласа, в Джугджуре форм ледниковой эрозии и аккумулятивных перигляциальных форм, соответствующих, по предположениям многих авторов, нескольким влажным

фазам. Формы ледниковой эрозии наблюдаются всюду, где вершины превышают 3700 м [34].

Так, дважды посетивший Марокко Х. Меншинг [35], давая анализ палеогеографических событий страны, говорит, что Риф, не имеющий современных ледников (он оценивает положение современной высоты снеговой границы в этом районе в 3300 м), во время последнего оледенения в Европе имел небольшие карообразные формы. Снеговая граница здесь спускалась на 1000 м, до высоты около 2300 м.

В Среднем Атласе, как показал Ж. Дреш [29], высота современной снеговой границы расположена на уровне 4200 м, чуть выше вершины Тубкаль. Но в последнюю фазу она опускалась до высоты 3400—3200 м, т. е. депрессия снеговой границы достигла 800 м. Приблизительно то же наблюдается и в Высоком Атласе [4]. Перигляциальные формы рельефа, соответствующие влажным эпохам, наблюдаются также в Оре-се и даже в центре Сахары — Ахаггаре [19].

Одним из доказательств смены климатических условий в четвертичной Северной Африке является наличие морских террас вдоль океанического и средиземноморского побережий, обнаруженных французскими географами в конце прошлого столетия. Это свидетельствует об изменении уровня океана по отношению к суше под влиянием периодического изъятия из океана больших масс влаги в эпоху древнего великого оледенения. С этой точки зрения система средиземноморских террас приобрела значение важного палеогеографического документа.

Г. Шуберт [25], известный специалист по геологии Марокко, выделил семь морских уровней, из которых шесть он рассматривает как антропогенные. А Ж. Дреш [8] отмечает четыре таких уровня. Однако большинство геологов и геоморфологов признают сейчас существование на Средиземноморском побережье лишь трех террас послесицилийских берегов, приблизительно синхронных с западноевропейскими оледенениями (Миндель, Рисс, Вюрм) и имеющих каждый по несколько близких смещений [7].

До недавнего времени считалось, что эти террасы имеют выдержанное простираие и постоянную высоту. Но так как Средиземноморское побережье Северной Африки, приходящееся на самую подвижную орогеническую полосу, испытало особенно сильные деформации, проследить здесь систему уровней четвертичных пляжей очень трудно. Так, древнечетвертичные ярусы (Калабрийский, Сицилийский) деформировались настолько, что падения в них измеряются десятками градусов [28]. Наиболее четким и менее деформированным можно считать Ульджийский (10 м) и несколько более высокий Тирренский (I Тирренский) ярусы на западе Средиземноморского побережья. Они прослеживаются на этих высотах без значительных перерывов, тогда как к востоку, уже в пределах Алжирии, И. П. Герасимов [5] считает достоверной лишь одну морскую террасу высотой 10—12 м. Таким образом, до сих пор, к сожалению, нет единого мнения ни о количестве этих древних морских террас, ни об их высотах.

Показателем смены климатических условий данной области в четвертичное время являются и хорошо выраженные речные террасы, встречающиеся даже в бассейнах, которые никогда не обладали стоком к морю. Несмотря на то что значительные тектонические деформации, проявившиеся и в речных долинах, затрудняют выделение в них континентальных ярусов, в долине Мулуи известны участки, где удастся проследить одновременно до пяти террас. Как и для морских, для речных террас принято проводить параллель с европейскими оледенениями. Если исходить из наблюдений в Среднем Атласе и бассейне Мулуи,

то периоду, во время которого в Северной Африке существовали ледники и более заметно проявились мерзлотные явления, видимо, соответствует третья сверху терраса [см.: 29]. К этому же выводу приходит М. Б. Горнунг, по предположению которого время ее формирования синхронно Риссу [см.: 7]. В другое время климатические колебания проявились больше в увеличении осадков, чем в значительном похолодании.

К западным участкам полупустыни приурочены большие пространства, занятые отложениями озерного мергеля. Они распространены здесь вдоль южного края полупустыни на протяжении 250 км [11] и свидетельствуют о древней (виллафранк-плейстоцен) и очень влажной (плювиальной) фазе. Эти же отложения распространены и в восточных районах полупустыни, где продолжается начавшееся еще с третичного времени заполнение огромных котловин нынешних Высоких равнин. Иное значение имеют характерные для юга области мощные карбонатные коры выветривания, представляющие собой реликтовые образования и свидетельствующие, как думают исследователи, о климате столь же или более засушливом, чем современный.

Еще большее значение, чем озерные мергели и известковые коры, для реконструкции географических условий четвертичного периода имеют распространенные здесь красноцветы, требующие для своего образования не менее 800 мм годовых осадков, т. е. почти исключительных условий. Они наблюдаются в современном Антиатласе, несколько выше 600 м над уровнем моря — районе, получающем всего 100—150 мм осадков в год. Это дает основание предполагать, что красноцветы здесь образовались в плювиальные эпохи под лесом. По мнению французских исследователей, это был период от виллафранка до последней плювиальной фазы, но, к сожалению, точная датировка отсутствует.

А. Пюжо [39], соглашаясь, что красноцветы, содержащие водные окислы железа ($\text{Fe}_2\text{O}_3 \cdot \text{H}_2\text{O}$), являются реликтами плювиального климата, выделяет для этой территории еще два типа элювиальных образований — «черные земли» и «серые земли», из которых первые, по его мнению, образовались в конце последнего плювиала, а вторые — в последнюю послеплювиальную фазу. Наличие перигляциальных форм — африканских оледенений, морских и речных древних уровней, свидетельствующих о неоднократной смене на этой территории влажных и сухих периодов, кор и таких своеобразных образований, как красноцветы, черные и серые земли, подтверждается личными наблюдениями К. К. Маркова, побывавшего там в 1959 г.

Датировка континентальных отложений, трудно определяемая по ископаемым [26; 33], облегчается находками орудий доисторического человека. Наиболее исчерпывающей сводкой в этом отношении является книга французского геолога и археолога, крупного специалиста в области африканской предистории Анриетты Алиман [1]. Ею освещаются не только вопросы четвертичной геологии, археологии, но и дается интересная характеристика плювиалей Северной Африки путем сопоставления гумидности климата в различных ее районах.

Как и большинство исследователей четвертичного периода, она исходит из синхронности европейских ледниковых периодов и североафриканских плювиальных эпох, устанавливая на этой основе четвертичную хронологию для Северной Африки, в том числе и для Атласской полупустыни. Основываясь на имеющихся исследованиях по этому вопросу, она дает гипотетическую увязку трансгрессий, климатических изменений, культур Северной Африки и оледенений Европы. А. Алиман

выделяет для этой территории четыре плювиальные и одну гумидную фазы, соответствующие по времени оледенениям Европы.

Предполагают [27], что в период последнего европейского оледенения температуры в Северной Африке были в среднем на 5° (на экваторе) и на $6-9^{\circ}$ (на 35° и 40° с. ш.) ниже современных. В связи с этим имело место уменьшение испаряемости и усиление влажности климата, вызвавшие чрезвычайное расширение горных биомов, спустившихся вниз и захвативших огромные пространства равнины. В результате горные формы, в настоящее время занимающие изолированные ареалы, тогда широко общались. Р. Море [36] отмечает, что в ту пору с севера в Сахару на 650—700 км продвинулась палеарктическая фауна и флора, а с юга по крайней мере на 500 км — животные и растительные формы Судана. Как бы в подтверждение предположения о похолодании в Северной Африке во время последнего европейского оледенения и связи органического мира области с климатом тех времен Франсуаза Беше [20] приводит данные, которые были получены ею при изучении методом спорово-пыльцевого анализа четвертичных отложений древней долины Хасси-Цильма, относящихся к трем циклам осадконакопления: мазерскому, саурийскому и гирийскому. При этом в спорово-пыльцевом спектре травертинов мазерского цикла были обнаружены дуб, липа, ильм, сосна, кедр, орешник, береза, бук, ольха, эфедра, а также представители семейств *Caryophyllaceae*, *Chenopodiaceae*, *Compositae*, *Gramineae*, *Typhaceae*.

В спорово-пыльцевом спектре саурского цикла преобладает пыльца недревесных растений. Растительность этого времени, по-видимому, была близка современной, но присутствие *Olea europea* придает ей более умеренный характер. В верхних слоях этого цикла наряду с травянистыми появляется пыльца древесных пород, характерных для горных областей нынешнего Средиземноморья: сосна, кедр, клен, каштан, дуб. Отмечены также и такие северные элементы, как береза, ясень, орешник, липа. Вероятно, за время этого цикла произошла смена засушливых условий более умеренными, способствовавшими миграции к югу средиземноморских и северных элементов.

В отложениях гирийского цикла погребенные почвы пыльцы почти не содержали. В верхних же травертинах наряду с пылью современных форм (эфедра, лебедовые) также встречены северные элементы — береза, ольха, граб.

Подобные данные, полученные также методом спорово-пыльцевого анализа, приводят Дютиль, Мартинес и Кезель [31] для даии Мрара, в верхнечетвертичных отложениях которой была найдена пыльца: *Pinus halepensis*, *O. europea*, *Cupressus*, *Cruciferus*, *Composees*, *Papilionacees*, *Graminees*, *P. clusiana*, *Ephedra altissima*, *Almus glutinosa*. Ареал *A. glutinosa* и *P. clusiana*, широко распространенных тогда в Северной Африке, теперь ограничен пределами Джугджура и Рифа, т. е. областями, которые в настоящее время усиленно увлажнены по сравнению с полупустыней. А современная растительность этой даии очень бедна и состоит в основном из можжевельника, ююбы (*Ziziphus lotus*) в ассоциации с такими видами, как *Salsola vermiculata*, *Atriplex halimus*, *Haloxylon scoparium*, *Cynodon dactylon*.

На территории ливийского участка полупустыни плейстоценовые отложения эрга Джарабуб, состоящие из чередующихся золых и озерно-аллювиальных отложений, также отражают смену четырех-пяти плювиальных и трех-четырёх межплювиальных эпох. А на неолитической стоянке, расположенной в пределах этого же района, вместе с остатками очагов, яйцами страуса и грубыми гончарными изделиями

были встречены изделия из окремнелой древесины пальм. Это до некоторой степени является основанием определять возраст окаменелых древесных стволов и ассоциирующихся с ними песчаников как конец плейстоцена — неолит. Самые молодые образования района — современные песчаные дюны [24].

Данные палеонтологии говорят о том, что животный мир был представлен родами и видами, которых в современной фауне полупустыни нет. Животный мир, например, начала среднего плейстоцена был богаче, чем в современных саваннах, где биомасса копытных млекопитающих составляет 15—145 ц на 100 га [32].

Бесспорность наличия влажных эпох в плейстоцене доказывается не только особенностями озерных отложений, наличием древних морских и речных террас, почвенных кор, ископаемыми остатками флоры и фауны, захороненными в четвертичных отложениях. Свидетельством более влажных условий в прошлом являются и археологические данные, а также сюжеты недавно открытых наскальных рисунков неолитического человека, позволяющие восстановить природу, являющуюся средой обитания доисторического человека, и включить территорию полупустыни, как и всего Магриба, в абсолютную хронологию.

В 1947 г. Арамбур при раскопках на территории полупустыни местонахождений виллафранкского возраста для сбора данных о фауне млекопитающих обнаружил обработанные руками человека камни — многогранные шары, сделанные из доломита, со следами обработки на поверхности. Это важное открытие позволяет утверждать существование человека на территории Северной Африки уже в самом начале четвертичного периода.

Наиболее древними культурами для этой территории являются культуры шелля и ашелля эпохи раннего палеолита. Характер орудий шелля, найденных в районе Тебессы, в местечке Эльханка, а также орудий ашелля в Аль-Ма-аль-Абиоде и Бурж-аль-Сбайкии и многих других стоянках свидетельствует о жизни человека под открытым небом. Раскопки на местах этих поселений показывают, что обитатели их жили охотой на слонов, носорогов, жирафов и диких быков.

Если исходить из этого и из хронологии А. Алиман, то климат эпохи раннего палеолита был теплым и влажным. Вероятно, в этот период не только территория Атласской полупустыни, но и вся Северная Сахара была заселена преимущественно представителями средиземноморской флоры и пришельцами с севера. Об этом говорят находки ископаемого каменного дуба в центре Ливийской пустыни, а также найденные недавно в центре Сахары реликтовые кипарисы (*Cupressus dupreziana*) [17]. Деревья эти, до 6 м в обхвате, — редкие свидетели доисторического прошлого с влажным климатом. Высаженные Р. Мэром семена этого кипариса в Алжирском ботаническом саду прижились, достигнув 5 м высоты. Опыты, поставленные в Монпелье, также дали хорошие результаты. Это еще один дополнительный штрих, свидетельствующий, что в то время природа всей Северной Африки имела средиземноморский характер.

Из четвертичных отложений данной области наиболее подробно изучена фауна млекопитающих. Арамбур [16] в недавно опубликованной работе, явившейся обобщением предшествующих исследований, говорит о том, что в виллафранкское теплое и влажное время на территории нынешней полупустыни, как и всей Северной Африки, было обилие антилоп, слонов, гиппопотамов и буйволов. Это придавало существовавшей тогда фауне характер фауны современной суданской саванны. Наряду с обширными густыми травянистыми зарослями терри-

тория была покрыта лесами и кустарниками. Вдоль рек тянулись галерейные леса. И даже безжизненная теперь Ливийская пустыня в те времена была покрыта густой злаковой растительностью. Шифферс [40] определяет виллафранкскую природу как природу лесистых саванн (*Baumsavanne*). Уточняя понятие Шифферса, Л. А. Михайлова [12] высказывает предположение, что природа этих территорий имела облик не субэкваториальных саванн, а носила характер своеобразных саванн субтропиков, климат которых был не тропическим сезонновлажным, а субтропическим, по крайней мере по своим тепловым условиям.

По времени наиболее близки к историческому культуры атера, иберо-мавра и капсия¹. Культуры первого представляют собой конец раннего палеолита и названы так по месту находки в Бир-аль-Атере. Атер и иберо-мавр синхронны максимуму последнего вюрмского плювиала. На значительную влажность в этот отрезок времени указывает характер глинистых и глинисто-песчаных слоев в ряде убежищ-пещер (Дар-эс-Солтан, Тафораль). Отложения уэдов (Сиди-Максу) и источников (Тит-Меллил) позволяют говорить о том, что они были полноводными в этот период. И наконец, широкое распространение атера в Сахаре также свидетельствует если не о значительных плювиальных, то по меньшей мере гумидных условиях [см.: 1].

Тепловые условия этого отрезка времени установить трудно. Коричневые и желтые цвета отложений марокканских пещер говорят о похолодании климата. Однако образование верхних красных суглинков заставляет думать лишь о незначительном сокращении тепла при господстве влажности. Таковы были, по мнению А. Алимана, климатические условия в Северной Африке во время вюрмского оледенения Европы. Возможно, допускает она, интерстадиалы вюрма отмечены здесь второстепенными колебаниями в климате, точное положение которых относительно культур с отщепами пока не удастся установить.

Иберо-мавр и капсий следуют сразу за атером. Об этом говорит тот факт, что человек иберо-маврской культуры лишь частично заменил технику атерского человека. Позднекаменный век, или поздний палеолит и мезолит, на территории нынешней полупустыни представлен очень богато. Местом находок каменных орудий этого времени являются холмы из остатков раковинных моллюсков (в то время пища человека), перемешанных с золой и древесным углем. В этих же кучах находят кости газелей и диких быков. Особенно многочисленны такие находки в области шоттов в Тунисской части полупустыни, около Гафсы.

Фауна, столь богатая в виллафранке, в верхнечетвертичное время развивалась двумя этапами. В первую, посттирренскую фазу вымерли некоторые животные, однако сохранился ее африканский, тропический характер, если не говорить об исчезновении жирафов. Исчез махаирод. Из новых форм появились большерогий олень (*Megaceroides algericus*), медведи и носорог Мерка (*Rhinoceros mercrii*), пришедшие из Европы, карликовые слоны, бараны [см.: 16]. Вся эта фауна приурочена к посттирренским красным глинам, которыми выполнены нижние части пещер и которые подчеркивают влажные климатические условия эпохи. Эта первая фаза приурочена к атеру.

Вторая фаза верхнечетвертичного времени в самом начале отмечена исчезновением многих животных: *R. mercrii*, *Hippopotamus amphibius*, *Elephas iolensis*. Эта вторая фаза совпадает с культурами иберо-мавра. Обеднение фауны в этот период является свидетельством по-

¹ Орудия капсия в Марокко и Оране имеют некоторые особенности, поэтому их и выделяют под названием оранских или иберо-маврских [12].

степенно увеличивающейся засушливости климата [см.: 16]. Исходя из характера флоры, определенной Р. Ле-Дю, Л. Саккарди и Санта, а также из растительных остатков в кучах золы, А. Алиман приходит к тому же выводу [см.: 1].

Засушливость, наметившаяся в иберо-мавре, усилилась в капсии. Так, в отложениях типичного капсия южной части современной полупустыни обнаружена растительность полупустынной горной фации — финикийский можжевельник, а растительность верхнего капсия сходна с современной (алеппская сосна).

Если вместе с названными авторами допустить, что климат в то время был не менее засушлив, чем теперь, то станет очевидным, что капсийцы должны были решать проблему воды. В подтверждение этого предположения в пещерах, служащих местом сборищ бродячих охотников, жильем и местом, где совершались обряды, имевшие целью способствовать удачной охоте [см.: 13], встречаются изображения капсийских женщин, несущих воду в сосудах из скорлупы страусовых яиц. И наконец, обнаружены наскальные рисунки, говорящие о том же.

Указанные признаки иберо-маврского климата помогли А. Алиман связать иберо-маврскую культуру, с одной стороны, с поствюрмом, а с другой — с концом верхнего палеолита и европейского мезолита. Хронологически место верхнего капсия Дра-Мта-эль-Абиод (Алжирия) при помощи углеродного метода датируется IV тысячелетием до н. э. Иберо-маврская и капсийская культуры постепенно переходят в неолит. Определения, полученные по углю из убежища Жаача (Тунис), связанного с неолитической культурой капсийской традиции (начало неолита), показали 3050 (± 150) г. до н. э. [18]. Эти интересные данные позволяют включить неолит Магриба в абсолютную хронологию, впрочем, без определения его продолжительности.

По свидетельству нескольких авторов, во время неолита климат вновь становится влажным [1; 16; 18; 37; 38; 40]. Л. Балу [18] объясняет это тем, что в неолите не только на территорию Атласской полупустыни, но и на территорию Сахары проникали муссоны, что этот этап ее увлажнения соответствует послеледниковому климатическому оптимуму Европы, т. е. гумидной фазе восточного в принятой нами схеме А. Алиман. И вновь происшедшая смена засушливых условий более умеренными способствовала миграции к югу таких средиземноморских и северных элементов, как береза, ольха, граб [см.: 20]. Наличие их пыльцы в отложениях этого периода говорит о влажной климатической фазе, длившейся в течение неолита, ибо в настоящее время бук, граб, липа не встречаются в дикорастущем состоянии во флоре данной полупустыни и всей Северной Африки.

Представление о животном мире этого отрезка времени дают нам наскальные изображения, автором которых явился неолитический человек. На основании изучения стиля и характера рисунков археологи [см.: 13] различают четыре периода в их создании.

1. Древнейший период — изображение животных «эфиопской фауны», 5000—2000 гг. до н. э. (неолит).
2. Скотоводческий период, 2500—1000 гг. до н. э.
3. Период колесниц и лошадей, 1200 г. — начало нашей эры.
4. Период верблюда:
 - а) изображение ливийско-берберского времени, 2000 г. до н. э. — 700 г. до н. э.
 - б) изображение арабо-берберской и современной эпохи, 700 г. до н. э. — наши дни.

Как видно, первый древнейший период в создании этих рисунков,

по-видимому, падает на конец палеолита и неолит и датируется 5000—2000 гг. до н. э. Они рассказывают нам о том, что для фауны территории данной полупустыни и всей Северной Африки эпохи неолита было характерно обилие таких животных, как дикий бык (*Bos primigenius*), слоны, носороги, гиппопотамы, жирафы и многие другие, существующие теперь только в тропической Африке. Рисунки свидетельствуют и о том, что с помощью лука и стрел население тех времен занималось охотой на этих животных.

Наскальные рисунки второго периода отличаются иными сюжетами, указывающими на то, что к 2500—1000 гг. до н. э. африканский саванный характер фауны понемногу исчезает. Среди животных уже не встречаются ни гиппопотамы, ни носороги. Преобладают сцены охоты на кабанов, разных видов антилоп, оленей и других животных кустарниково-травяных формаций. Рисунки того же периода свидетельствуют о появлении к этому времени скотоводства и о кочевьях скотоводов в саванне, которая в то время еще существовала.

Одновременно с ними в долине Нила жили племена, оставившие рисунки, изображающие большие лодки с гребцами. Характер изображений этих судов и шестов со знаками номов позволяет датировать их с большой точностью. Они относятся к тому же периоду, что и гробница в Иераконполисе в Верхнем Египте, открытая известным египтологом Флиндерсом Питри в 1901 г. Эта гробница принадлежит к так называемой культуре Нагида II или Герзейской, т. е. к эпохе образования древнеегипетского государства, а именно к началу III тысячелетия до н. э. [14]. Следовательно, ко времени становления Египта как государства на территории нынешней полупустыни еще была саванна.

Найденные во многих местах этой области в числе неолитических орудий огромные жернова для размолва зерна говорят о том, что наряду со скотоводством неолитическое население области занималось земледелием. А с открытием А. Лотом [9] фрески, изображающей работающих в поле женщин, отпадают все сомнения о существовании здесь земледелия еще с неолита.

Эпоха, известная наскальными изображениями (неолит), неотделима от следующей, от которой до нас дошли письменные свидетельства и с которой мы уже вступаем в историю.

Когда в начале I тысячелетия финикийские города взяли в свои руки торговлю на Средиземном море и проникли в западные его пределы, начинается собственно история Северной Африки, основанная на письменных источниках [15].

По свидетельству первых письменных памятников, Ливия тех времен была богатой земледельческой страной. А в прибрежных частях нынешней полупустыни в пору расцвета Карфагена земледелие было доведено до очень высокой степени совершенства. Повсюду на территории алжирского, тунисского, триполитанского участков полупустыни встречаются остатки римских храмов, мощеных дорог и других сооружений, находящихся в настоящее время в местах, совершенно непригодных для земледелия или даже пустынных.

Однако к настоящему времени стало известно, что знаменитые города древности (Карфаген) получали воду по водопроводам протяжением более 150 км.

Римские историки сообщают, что вода для войск Цезаря во время его похода в Гадрумет (нынешний Сус-Тунисский район полупустыни) доставлялась издалека на специальных транспортах. Свидетельства подобного рода позволяют думать, что благосостояние римской Африки было основано на хорошо организованной системе орошения.

К этому времени исчез африканский слон. Но большое количество тропических животных (страусы, антилопы, львы и др.) еще долго сохранялось в историческое время. До наших дней здесь живет газель. По данным А. Лота, даже в Центральной Сахаре (Ихерир) до 1924 г. водились крокодилы — живые свидетельства более влажных времен, пока последний из них не был убит французскими колонизаторами.

Исходя из изложенных выше фактов, можно предположить, что влажный климат неолита к началу исторического времени стал засушливее. Однако эту засушливость, по мнению многих исследователей, нельзя преувеличивать. Изучение памятников античной культуры и свидетельств римских писателей показало, что климат Северной Африки с тех времен не изменился [15]. В советской специальной литературе имеется немало исследований, посвященных этому вопросу, среди которых особого внимания заслуживают работы Л. С. Берга [2; 3]. Анализируя вопрос об «усыхании» Средней и Центральной Азии, он пришел к выводу, что за историческое время не только климат России, но и климат Италии, Греции и всего Средиземноморья существенно не изменился. Он претерпевал лишь некоторые колебания, но не прогрессивно направленное иссушение.

М. Е. Ляхов [10] в работе, посвященной проблеме колебаний и изменений климата в XIX и XX вв., основываясь на литературных данных и материалах инструментальных наблюдений для европейской части СССР, Передней Азии и Восточной Африки, имеющих более чем столетние ряды наблюдений, приходит к выводу о том, что в целом климат не изменился, если не учитывать некоторого потепления, которому менее подвержены низкие широты.

Ж. Дюбьеф [30] на основе подробного анализа плювиометрических данных порта Алжир и сведений по другим станциям пришел к выводу, что осадки в Северо-Западной Африке не обнаруживают за последние 120 лет какого-либо определенного изменения. Температуры, по мнению этого автора, могут быть охарактеризованы слабым возрастанием в течение последних 50 лет. Однако, замечает он, вывод этот нельзя считать вполне определенным. Отсутствие иссушения климата отмечает и К. Бутчер [22].

Список подобных высказываний мог бы быть продолжен. Ограничиваясь приведенными данными по этому вопросу, мы приходим к выводу о том, что нет никаких научных свидетельств прогрессивного усыхания климата на территории данной области в исторический период. Увеличивающуюся к его началу засушливость некоторые ученые [23] ставят в связь с ростом атмосферного давления, со сдвигом к северу струйного течения, расширением области пассатной циркуляции при снижении прямой, меридиональной.

Однако трудно сказать, когда установились здесь современные полупустынные условия и только ли климатическая засушливость является истинной причиной их развития. Климат от начала исторического времени не изменился, однако же деградация природы большей части Северной Африки достигла апогея. Наблюдения над ходом современных процессов разрушения почв и органической природы данной области заставляют думать о том, что в прогрессивном превращении природы доисторических саванн в пустыню в немалой степени повинен человек с его хозяйственной деятельностью. И если рассматривать наскальные изображения как один из видов «письменных» свидетельств, то формирование Атласской полупустыни как природной области — почти на памяти человечества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алиман А., Доисторическая Африка, М., 1960.
2. Берг Л. С., Климат и жизнь, М., 1948.
3. Берг Л. С., О проблематичном усыхании степей и пустынь, — «Известия АН СССР», серия географическая, 1953, № 5.
4. Биро П. и Дреш Ж., Средиземноморье, т. 1. Западное Средиземноморье, М., 1960.
5. Герасимов И. П., Древние морские террасы, — в кн.: «Очерки по физической географии зарубежных стран», М., 1959.
6. Горнунг М. Б., Алжирия, М., 1958.
7. Горнунг М. Б. и Уткин Г. Н., Марокко, М., 1966.
8. Дреш Ж., Изменения климата и новейшие движения земной коры в Северной Африке в плиоценово-четвертичное время (рукопись), Институт географии АН СССР, 1960.
9. Лот Анри, В поисках фресок Тассили, М., 1962.
10. Ляхов М. Е., О колебаниях температуры воздуха в XIX и XX веках в восточно-европейском секторе северного полушария, — «Известия АН СССР», серия географическая, 1956, № 5.
11. Марков К. А., Проблемы палеогеографии антропогена Марокко, — «Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода», М., 1961, № 26.
12. Михайлова Л. А., Проблема возраста современных ландшафтных зон на примере Сахары, — «Вестник МГУ», серия географическая, 1956, № 1.
13. Ольдерогге Д. А., Древнейшая история коренного населения Африки, — в кн.: «Народы Африки», М., 1954.
14. Ольдерогге Д. А., Предисловие (к книге А. Лота «В поисках фресок Тассили», М., 1962).
15. Ольдерогге Д. А., Северная Африка, — «Советская этнография» (сб. статей), VI—VII, М.—Л., 1947.
16. Arambourg C., La paléontologie des vertébrés en Afrique du Nord Française, Alger, 1952.
17. Balachowsky A. S., Une relique rarissime du Sahara Central. Le Cyprès de Dupres, — «Nature», Paris, 1957, № 3227.
18. Balout L., Pluviaux interglaciaires et préhistoire saharienne, — «Travaux de l'Institut de Recherches Sahariennes», Alger, 1952, t. VIII.
19. Beaujeu-Garnier J., Sur la présence de formations du type dit «periglaciaire» en Algérie Orientale, — «Comptes rendus de l'Académie des sciences», Paris, 1955.
20. Beucher F., Flores quaternaires au Sahara nord-occidental Zguilma (Saoura), — «Comptes rendus de l'Académie des sciences», 1963, t. 256, № 10.
21. Brückner W. D., Afrikanische Quartärprobleme, — «Regia basiliensis», Basel, 1960, 2, № 1.
22. Butzer K. W., Changes of Climate During the Late Geological Record. Introductory Remarks, — «Arid Zone Research», 1963, № 20.
23. Butzer K. W., Climatic Change in Arid Regions Since the Pliocene, — «Arid Zone Research», 1961, № 17.
24. Cesare F. Di, Franchino A., Sommaruga C., The Pliocene-quaternary of Giarabub erg Region, — «Revue de l'Institut français du pétrole et annales des combustibles liquides», Paris, 1963, 18, № 10.
25. Choubert G., Essai de corrélation des formations continentales et marines du Pleistocène au Maroc, — «Union géographique internationale Commission géométrique perigl. Reunion, Octobre 1959 au Maroc», Rabat, 1959.
26. Choubert G. e. a., Essai de classification du Quaternaire continental du Maroc, — «Comptes rendus de l'Académie des Sciences», Paris, 1956.
27. Clark, Desmond J., Ecology and Culture in the African Pleistocene, — «South African Journal of Sciences», Johannesburg, 1963, 59, № 7.
28. Dresch J., Les mouvements quaternaires en Afrique du Nord, — «Annuaire de Géographie», Paris, 1949, № 309.
29. Dresch J. et Raynal R., Note sur les formes glaciaires et periglaciaires dans le Moyen Atlas, le bassin de la Moulouya et le Haut Atlas oriental et leurs limites d'altitude, Rabat, 1953.
30. Dubief J., Contribution au problème des changements de climat survenus aux cours de la période couverte par les observations météorologiques faites dans le Nord de l'Afrique, — «Arid Zone Research», 1963, № 20.
31. Dutil P., Martinez C. et Quezel P., Etude pédologique et polynologique d'un profil de formations quaternaires de la daïa de M'Rara (W. de l'Oued Rhir), — «Bulletin Société de l'histoire naturelle de l'Afrique du Nord», 1959, t. 50, № 5—6.

32. Ewer R. F., The Contribution Made by Studies of the Associated Mammalian Faunas, — «South African Journal of Sciences», 1963, 59, № 7.
33. Gigout M. et Joly F., Essai de corrélation du Quaternaire illuvial de la région de Ksar-es-Sorek (Sud-Est marocain) et du Nord du Maroc, — «Comptes rendus de l'Académie des sciences», 1957, t. 245.
34. Mensching H., Morphologische Studien im Zentralen Mittleren Atlas, Wiesbaden, 1955.
35. Mensching H., Das Quartär in den Gebirgen Marokkos, Gatha, 1955.
36. Moreau R. E., Vicissitudes of the African biomes in the Late Pleistocene, — «Proceeding of the Zoological Society of London», London, 1963, 141, № 2.
37. Passarge S., Ägyptischen Urlandschaft und die Wiege der ägyptischen Kultur, — «Geographische Zeitschrift», 47, Jahrgang, № 4, 1941.
38. Peel R. F., Denudation Landforms of the Central Libyan Desert, — «Journal of Geomorphology», New York, 1941, vol. IV, № 1.
39. Pugas A., Terres rouges, noires, grises, — «Travaux de la Section de pédologie de la Société des sciences naturelles du Maroc», Rabat, 1957, 12.
40. Schiffers H., Die Sahara und die Syrtenländer, Stuttgart, 1950.

Л. В. Максимова

МЕДИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОБЪЕДИНЕННОЙ АРАБСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Объединенная Арабская Республика (ОАР) расположена в северо-восточной части Африканского континента, и только небольшая часть ее территории (5,6%) приходится на Синайский полуостров (Азия). В природном, экономическом и культурном отношении ОАР имеет больше сходства со странами Передней Азии, чем с типично африканскими странами. Характер заболеваемости ее населения также во многом сходен с соседними азиатскими странами, и по районированию, принятому Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ), ОАР включена в Восточно-Средиземноморский район.

После создания республики многое было сделано для развития национальной экономики, ликвидации остатков колониализма и феодализма, для развития просвещения и здравоохранения. Однако ОАР не смогла еще полностью преодолеть отставание экономики. В стране все еще значительная часть населения имеет недостаточно высокий уровень жизни, антисанитарные условия жилищ, обеспеченность медицинской помощью недостаточна.

Характерной особенностью демографии страны являются высокие показатели рождаемости и смертности.

Следующие данные характеризуют рождаемость, общую и детскую (до одного года) смертность в ОАР [8, стр. 5; 27, 1963, стр. 24; 1964, стр. 25; 1965, т. 1, стр. 23; 1966, т. 1, стр. 23]:

Год	Рождаемость (на 1000 человек)	Общая смертность (на 1000 человек)	Детская смертность (на 1000 живорожденных)
1917	40,1	29,4	251,0
1920	42,2	28,0	138,0
1930	45,4	24,9	151,0
1940	41,6	26,5	162,0
1950	44,4	19,1	130,0
1960	42,7	16,9	110,0
1961	43,9	15,8	108,0
1962	41,3	17,9	133,9
1963	42,8	15,4	118,6

Несмотря на снижение в последние годы, смертность в ОАР продолжает оставаться более высокой, чем в развитых капиталистических стра-

нах (например, в 1963 г. в Великобритании — 12,2 человека на 1000 [27, 1966, т. 1, стр. 26]), что приводит к снижению экономического потенциала страны. При больших показателях смертности в ОАР значителен естественный прирост населения (2,7% в 1966 г.) [цит. по: 1, 1967, № 1, стр. 26], благодаря высокой рождаемости. По оценке на середину 1966 г., численность населения ОАР превышала 30 млн. [цит. по: 1, 1967, № 1, стр. 26].

Хотя в последние годы происходит заметное снижение смертности новорожденных, она продолжает оставаться очень высокой (в Великобритании — 21,1 на 1000 живорожденных) [27, 1966, т. 1, стр. 26]. Основными причинами смерти детей в Объединенной Арабской Республике являются желудочно-кишечные заболевания, врожденная слабость, болезни дыхательных путей, в то время как в европейских странах на первое место как причины смерти выходят недоношенность, врожденные пороки развития, родовые травмы. От желудочно-кишечных заболеваний гибнет более половины детей (в 1963 г. — 56,8% против 1,9% в Великобритании) [рассчитано по: 27, 1966, т. 1, стр. 226—229].

Ниже приводятся данные структуры детской смертности в ОАР (в %) [составлено по: 8, стр. 12]:

Причина смерти	1950 г.	1951 г.	1952 г.
Желудочно-кишечные заболевания	54,1	53,2	54,4
Врожденная слабость	33,1	29,4	28,7
Болезни органов дыхания	9,7	12,4	11,6
Прочие	3,1	5,0	5,3

Характерной особенностью патологии населения Объединенной Арабской Республики является довольно высокая заболеваемость и смертность от инфекционных заболеваний. Ведущее место в патологии населения страны занимают шистозоматозы, туберкулез, трахома, малярия и др. Высока заболеваемость брюшным тифом, дизентерией, инфекционным гепатитом и др. Высокая заболеваемость инфекционными и паразитарными заболеваниями не только вызывает непосредственно большие экономические потери, но и резко снижает трудоспособность населения. По подсчетам экспертов ВОЗ, экономические потери ОАР от шистозоматоза составляли в 1957—1960 гг. ежегодно 80 млн. ег. ф., а от малярии — 40 млн. [4, стр. 295]. В стране много слепых (в 1955 г. — 2,65% населения) [18, стр. 10], большинство из которых потеряло зрение вследствие перенесенной трахомы.

Большое влияние на состояние здоровья оказывают особенности питания. Главная пища населения — зерновые и овощи: кукуруза, бобовые, лук, ячмень, финики. Основными источниками жиров служат хлопчатник, арахис, масличная пальма. Из-за отсутствия мясо-молочного животноводства доля молочных и мясных продуктов в питании недостаточна (за исключением кочевых племен).

Общая калорийность пищи в ОАР составляла в 1959 г. 2580 кал. на человека в день [28, стр. 245] вместо 3390, необходимых по медицинским нормам. Если количество всех белков, получаемых человеком в день (в ОАР), примерно то же, что и в Великобритании (76 и 86 г соответственно), то количество белков животного происхождения — значительно меньше (13 и 51 г) [28, стр. 245]. Недостаточность питания хорошо видна при сравнении среднего потребления продуктов питания в год на душу населения в ОАР и Великобритании (в кг) [28, стр. 247, 249]:

	Зерно- вые	Корне- плоды	Сахар	Бобо- вые, орехи	Овощи	Мясо	Яйца	Рыба	Молоко	Жиры, масло
ОАР	185	8	12	10	77	13	1	5	2	5
Великобритания	85	93	50	6	60	71	15	10	7	22

Белково-калорийная недостаточность в питании населения приводит к широкому распространению различных авитаминозов: бери-бери, пеллагры, рахита и других заболеваний. Следствием неполноценного питания является ослабление организма, снижение его сопротивляемости инфекционным заболеваниям.

Основные черты патологии населения складывались на протяжении всей истории страны под влиянием особенностей экономического развития, культурных и бытовых навыков населения.

ОАР является древней сельскохозяйственной страной с развитым земледелием, полностью базирующимся на искусственном орошении водами Нила и отчасти грунтовыми водами. Развитие орошаемого земледелия привело к созданию предпосылок многих трансмиссивных заболеваний и шистозоматоза, так как густая сеть оросительных каналов, обилие искусственных водоемов создают благоприятные условия для существования переносчиков и промежуточных хозяев этих заболеваний. В районах искусственного орошения издавна существовали эндемические очаги малярии, шистозоматоза, вухерериоза.

Шистозоматоз является тяжелым хроническим заболеванием. Заражение чаще всего происходит в детском возрасте (после четырех лет) при купании в оросительных каналах. Хотя, как правило, шистозоматоз не приводит ни к смерти, ни к полной потере трудоспособности, он оказывает большое влияние на физическое и умственное развитие детей, истощает организм, уменьшает работоспособность взрослых, постепенно снижает сопротивляемость организма другим инфекциям. В ОАР экономические потери в производстве вследствие этой болезни составляют около 30% [6, стр. 6]. Широкое распространение заболевания связано с антисанитарными условиями жизни, в первую очередь с отсутствием охраняемых источников водоснабжения.

Существование в долине Нила с древнейших времен системы искусственного орошения со множеством каналов, канав, прудов и других сооружений с медленно текущей водой и богатой водной растительностью создавало благоприятные условия для развития моллюсков — промежуточных хозяев шистозом. Шистозоматоз был издавна известен в сельских местностях страны. Но особенно большое распространение болезнь получила после замены в большинстве районов бассейнового орошения постоянным.

Введение постоянного орошения в Египте началось с середины прошлого века в связи с появлением культуры хлопчатника, требовавшего много влаги в период спада воды на Ниле. При бассейновом орошении вода поступала в каналы и на поля только в период паводка, и в течение длительного сухого сезона большинство моллюсков погибало. Поэтому в районах бассейнового орошения пораженность населения шистозоматозом невелика: 5—10%. В районах же с системой постоянного орошения пораженность достигает 60% [17, стр. 2]. Так, например, в четырех деревнях в провинциях Кена и Асуан через четыре года после введения постоянного орошения (1934—1937) пораженность населения возросла в Сибайе с 10 до 44%, в Кильхе — с 7 до 50, в Мансурии — с 11 до 64 и в Бимбане — с 2 до 75% [16, стр. 1013]. В настоящее время в Верхнем Египте, за исключением небольших районов от Асу-

ана до Асьюта, пользуются бассейновым орошением. При замене его постоянным и строительстве новых оросительных систем применяются все меры, чтобы не допустить поселения в них промежуточных хозяев шистозом, избежать роста заболеваемости и возникновения новых очагов болезни.

Большую роль в распространении инфекционных заболеваний играют миграции населения. В ОАР особенно велики внутренние миграции: из сельской местности в города, из менее экономически развитого Верхнего Египта в более развитый Нижний, а также движение кочевников-скотоводов по пустыне. По данным переписей 1937, 1947 и 1960 гг., из провинций Верхнего Египта ежегодно уходит 5—30% мужского населения и 4—17% женского [1, 1966, № 4, стр. 26]. Значительную часть их составляют сезонные рабочие, направляющиеся на сельскохозяйственные плантации и строительство в Нижний Египет.

Движение больших масс населения, среди которых много носителей инфекционных и паразитарных заболеваний, приводит к широкому распространению этих болезней. Так, миграции рабочих в провинциях дельты издавна являлись важным фактором распространения здесь сыпного тифа. Распространение возвратного тифа в оазисах обычно связано с движением кочевников.

ОАР издавна находится на пересечении оживленных дорог, ведущих из западных и южных районов Африки к побережью Средиземного моря и в Переднюю Азию. Широкие торговые и культурные связи способствовали частому заносу различных особо опасных инфекционных болезней (чумы, холеры и др.).

Характерным примером совместного влияния внутренних и внешних миграций на распространение заболеваний может служить последняя эпидемия холеры в ОАР в 1947 г., во время которой в стране заболели 20 804 и умерли 10 277 человек [23, стр. 411]. Инфекция была занесена в страну английскими военнослужащими, прилетевшими из районов Индии, где холера эндемична. Эпидемия вспыхнула в г. Эль-Корейне (провинция Шаркия), центре района разведения финиковой пальмы, в период сбора урожая, когда население этого города увеличивается более чем в 1,5 раза благодаря сезонным рабочим и торговцам финиками. В течение месяца она охватила почти всю страну. Распространению инфекции способствовали сезонные рабочие и торговцы, поспешно покидавшие район эпидемии, а также перевозка фиников в различные части страны, так как на них холерные вибрионы могут сохраняться длительное время [7, стр. 696—697].

Распространению заболеваний в стране способствуют также мусульмане-паломники, идущие в Мекку из Ливии, ОАР, Судана, Северной и Западной Африки. Основной поток их (около 30 тыс. в год) проходит через ОАР. Все эпидемии холеры, кроме последней, были связаны с заносом инфекции из Мекки. До недавнего времени паломники играли важную роль в распространении малярии. С тех пор как они начали пользоваться современным морским и особенно воздушным транспортом, опасность заноса холеры, оспы, тифа, желтой лихорадки и других опасных болезней возросла. Поэтому египетскими властями здравоохранения (в соответствии с международными соглашениями) осуществляется строгий контроль и установлена обязательная вакцинация паломников против оспы, холеры, желтой лихорадки.

В силу различия природных, исторических и экономических условий отдельные территории ОАР резко отличаются друг от друга и в медико-географическом отношении. В стране можно выделить три круп-

ных медико-географических района: дельту Нила, или Нижний Египет; долину Нила, или Верхний Египет, и окружающие их пустынные территории.

Район дельты Нила, или Нижний Египет, входит в субтропическую средиземноморскую область. Сезонность климата отчетливо проявляется как в температурном режиме, так и в режиме выпадения осадков. Среднемесячные температуры воздуха летом: 26—28°, зимой: 14—20°. Большие суточные амплитуды температуры в зимний период обуславливают высокую заболеваемость пневмонией (в 1950—1952 гг.—126—344 случая на 100 тыс. жителей в городах, где учет заболеваемости более полный) и очень высокую смертность (120—160 случаев на 100 тыс.) [8, стр. 21, 29].

Источниками водоснабжения в дельте являются Нил и колодцы. Вода реки сильно загрязнена. В паводок (август—октябрь) она содержит много взвешенных частиц и солей, делающих ее неприятной на вкус. Вследствие близкого залегания грунтовых вод колодцы мелки и легко загрязняются людьми и животными. Часто вода в них слабо минерализована.

Нижний Египет является в настоящее время экономическим ядром страны. Здесь сосредоточены 60% обрабатываемой площади страны [2, стр. 117] и почти половина ее населения (43%) [2, стр. 46]. Плотность населения в дельте составляет 635 человек на 1 кв. км обрабатываемой площади, местами достигая 990 человек [1, 1966, № 4, стр. 26]. Основная сельскохозяйственная культура — хлопчатник, занимающий $\frac{3}{4}$ обрабатываемой площади. В северной части дельты значительные площади — под посевами риса. Сельское хозяйство в настоящее время полностью базируется на круглогодичном орошении, которое начало здесь применяться раньше, чем в других частях страны.

Район Нижнего Египта лучше всего обеспечен медицинской помощью. В 1954 г. на 1000 человек в городах приходилось по две-четыре больничные койки, в провинциях — по одной [9, стр. 6]. Здесь сосредоточены основные медицинские кадры, научно-исследовательские учреждения, крупнейшие больницы страны (Аббасия на 1500 коек, Каср-эль-Айни на 1200 коек, Демердаш на 500 коек и др.), специализированные амбулатории, больницы, клиники.

Самыми опасными и распространенными заболеваниями в дельте Нила являются мочеполовой и кишечный шистозоматозы. Мочеполовым шистозоматозом в среднем поражено 60% населения данного района [20, стр. 610]. Заболевание отсутствует лишь в самой северной части дельты, где высокая соленость воды препятствует существованию промежуточного хозяина шистомы моллюска *Bulinus truncatus*. Круглогодичная система орошения позволяет промежуточному хозяину развиваться в течение почти всего года. Осушение большей части каналов в январе—феврале общим сроком на 40—50 дней незначительно сокращает численность моллюсков, так как в условиях прохладной зимней погоды и высокого уровня грунтовых вод большинство их выживает, погрузившись во влажный ил. Основным фактором сезонности заражения шистозоматозом в районе дельты является температура воды: при температуре ниже 10° заражения не происходит. Поэтому зимой в дельте случаи заражения очень редки, и основной период приходится на летние и осенние месяцы.

Район дельты Нила являлся единственным в стране, где обитает промежуточный хозяин кишечного шистозоматоза моллюск *Biomphalaria alexandrina*. Моллюски особенно многочисленны в северной части дельты. Здесь пораженность населения кишечным шистозоматозом до-

стигает 60%. В южной части, расположенной несколько выше над уровнем моря, их количество уменьшается в связи с увеличением скорости течения воды и пораженность населения падает до 6% [20, стр. 610].

Как и в случае мочеполового шистозоматоза, существующая сезонность заражения обусловлена температурным режимом воды. Максимальная инфицированность моллюсков наблюдается в июле — сентябре. На этот же период приходится наибольшее количество случаев заражения.

Широкая кампания борьбы, проводимая органами здравоохранения, несколько снижает заболеваемость в отдельных районах. Так, в провинции Кальюбия, где лечение больных и борьба с моллюсками ведутся с 1954 г., заболеваемость за четыре года снизилась с 44 до 29,1% [3, стр. 82]. Однако, вследствие того что условия, определяющие существование инвазии, в основном остаются неизменными, шистозоматоз по-прежнему является одной из основных проблем здравоохранения.

Район дельты характеризуется благоприятными условиями и для передачи малярии. Обилие каналов, рисовых полей, множества стоячих водоемов, образующихся вследствие близкого залегания к поверхности грунтовых вод, создают множество мест выплода для переносчика трехдневной малярии комара *Anopheles pharoensis*. Поэтому заболеваемость малярией в дельте Нила была одной из самых высоких в стране: до 42,5 случая на 100 тыс. жителей в 1950—1952 гг. [8, стр. 22]. В эти же годы на Нижний Египет приходилось 68—74% всех свежих случаев заболевания малярией, зарегистрированных в стране. Максимальное количество случаев заражения малярией приходится на период массового лёта комара — с июня по октябрь. В настоящее время в результате проведения борьбы с малярией риск заражения этой болезнью в Нижнем Египте значительно снижен.

Большое место в заболеваемости жителей Нижнего Египта занимают желудочно-кишечные инфекции (дизентерия, амебиаз, брюшной тиф и др.). По неполным данным, в 1950—1952 гг. в провинциях дельты наблюдалось от 6 до 30 случаев (на 100 000 человек) заболевания брюшным тифом. Особенно высока заболеваемость в городах (от 80 до 180 случаев на 100 000 жителей) [8, стр. 20]. Данные отдельных обследований позволяют говорить о пораженности значительной части населения дизентерией и амебиазом. Так, Чандлер обнаружил цисты *Entamoeba histolytica* у 55—59% обследованных им жителей деревень в окрестностях Каира (наблюдения велись в 1948—1951 гг.). В возрастной группе старше четырех лет цистоносительство было поголовным [10, стр. 70, 71].

Заболеваемость желудочно-кишечными инфекциями резко увеличивается в летние месяцы с ростом количества мух. Большое значение имеет питье некипяченой воды из каналов и колодцев, которые всюду сильно загрязнены, особенно в пределах деревень.

Низкий санитарно-гигиенический уровень жизни является причиной высокой пораженности населения дельты аскаридозом. Этому способствует и большая влажность почв, обусловленная обилием воды и высоким уровнем грунтовых вод. Пораженность аскаридозом варьирует от 20 до 80% [22, стр. 98]. Наименьшая наблюдается в северной части дельты, где отмечена повышенная засоленность почв. Распространение аскаридоза вызвано также употреблением в пищу плохо вымытых овощей, так как в Нижнем Египте для удобрения почв особенно часто применяются фекалии.

Среди сельского населения Нижнего Египта широко распространен анкилостомоз (возбудитель *Ancylostoma duodenale*). По данным обследо-

дования 6 млн. жителей дельты, инвазированность в 30-х годах достигала 21—38% [22, стр. 481]. В результате длительной борьбы с заболеванием в 1958 г. средняя пораженность жителей по провинциям дельты не превышала 10%, за исключением Минуфии (13,3%) и Шаркии (19,4%) [12, стр. 369]. Случаи заражения наиболее часты на берегах прудов, каналов и особенно самого Нила, где вдоль тропинок, ведущих к заборам воды, обнаружено наибольшее количество личинок. Поэтому пораженность жителей деревень в непосредственной близости от реки намного выше (58—73%), чем в стороне от нее (18% в 3 км от реки) [22, стр. 487]. В Нижнем Египте заражение анкилостомозом происходит также на полях с влажной почвой легкого механического состава, которая благоприятствует развитию личинок анкилостом. Проникновению инвазии в организм способствует хождение босиком (11,9—31,5% против 0,6—2,8% в деревнях, где носят обувь) [25, 1960, т. 57, № 4, стр. 391].

Низкая (по сравнению с Верхним Египтом) пораженность жителей дельты Нила анкилостомозом обусловлена большой плотностью почв, отличающихся более тяжелым механическим составом и вызванной длительным круглогодичным орошением засоленностью.

К району дельты были приурочены очаги вухерериоза. Переносчиком его является синантропный комар *Culex pipiens*, нападающий на человека ночью и в плохо освещенных помещениях. Наиболее поражены вухерериозом были районы Розетты и окрестности Каира. В первом при обследовании в 1936 г. 1 тыс. человек у 10% были найдены микрофилярии и у 1,8% — слоновость ног. В окрестностях Каира микрофилярии были обнаружены у 24—28% обследованных жителей. Высокая пораженность населения этих районов объяснялась обилием колодцев с солонцеватой водой (соленость до 1,46%) и пересыхающих водоемов, являющихся местами выплода переносчика. Большая часть этих колодцев была засыпана, в результате чего пораженность населения губернаторств Гарбия и Шаркия уже к 1946 г. снизилась до 4—7% [14, стр. 581, 582].

Долина Нила, или Верхний Египет, отличается от дельты более жарким и сухим климатом. Среднемесячные температуры воздуха летом: 26—29°, зимой: 15—19°. Осадки практически отсутствуют в течение всего года. Единственным водным источником является сама река. В боковых каналах и колодцах вода сильно загрязнена, часто в ней недостает необходимых человеку микроэлементов, вследствие чего у жителей, пользующихся этой водой, встречается эндемический зоб, отсутствующий в деревнях на берегу самой реки.

Узкая долина реки с давних времен являлась местом поселения людей. Существующее здесь с глубокой древности земледелие базировалось на искусственном орошении, для которого использовались паводковые воды реки. В последнее время в долине стало шире применяться постоянное насосное орошение. Основная культура в северной части — хлопчатник, между городами Мена и Асуан — сахарный тростник. В отличие от дельты размеры хозяйств в долине меньше. Несмотря на то что население долины составляет всего 38% населения страны, плотность в долине больше, что является одной из причин миграции местных жителей в Нижний Египет.

Как и в дельте Нила, серьезную проблему представляет собой шистозоматоз. В долине отсутствует возбудитель кишечного шистозоматоза, так же как и его промежуточный хозяин моллюск *B. alexandrina*. В последние два года сообщалось о появлении в Верхнем Египте моллюсков *Biomphalaria*. Введение постоянного орошения вызывает

повышение уровня грунтовых вод, что позволяет моллюскам хорошо переносить короткий период осушения каналов. Этим объясняется расширение его ареала [17, стр. 2]. Поэтому не исключена возможность появления случаев заболевания кишечным шистозоматозом в этой части страны.

Промежуточный хозяин мочеполювого шистозоматоза — моллюск *B. truncatus*, и случаи заболевания встречаются во всех провинциях Верхнего Египта. Однако условия обитания моллюска в долине при большой сухости воздуха и бассейновом орошении, когда каналы большую часть года лишены воды, значительно хуже, чем в дельте (инвазированность населения около 5%). В районах постоянного орошения пораженность населения высока: в Ком-Омбо — 75%, в Наг-Хаммади — 80% [19, стр. 23], и заражение происходит круглогодично с минимумом, приходящимся на период паводка на Ниле.

Большая сухость климата, уменьшение числа мест выплода комара *A. pharoensis* являются причиной более низкой, чем в дельте, пораженности жителей трехдневной малярией. В 1950—1952 гг. на Верхний Египет приходилось 10—20% всех свежих случаев заболевания в стране, и заболеваемость по провинциям не превышала десяти случаев на 100 тыс. жителей [8, стр. 22].

Однако в отдельные годы возможно не только значительное увеличение числа случаев трехдневной малярии, но и возникновение эпидемий тропической малярии вследствие проникновения комара *A. gambiae* (переносчика тропической малярии) из Судана на север по долине реки. Во время последней крупной вспышки 1942—1944 гг. в долине было зарегистрировано около 12 тыс. случаев смерти от этого заболевания [24, стр. 20]. Трудность борьбы с малярией в долине Нила связана с постоянным заносом инфекции из Судана, куда большое число жителей из южных провинций страны уходит на сезонные заработки на хлопководческие плантации. Отсюда необычайно высокий паразитарный индекс, наблюдаемый в отдельных районах Верхнего Египта. Например, в Ком-Омбо паразитарный индекс в 1955 г. достигал 240 на 10 тыс. жителей, в то время как в других частях страны он не превышал 50 [24, стр. 23].

Вследствие плохих санитарных условий жизни заболеваемость желудочно-кишечными инфекциями велика. Как показали обследования Флойда нескольких десятков деревень в течение 1954 г., возбудители дизентерии были обнаружены по крайней мере у 97,3% детей [13, стр. 295].

Сухость климата является причиной меньшей по сравнению с дельтой пораженности жителей долины Нила аскаридозом. По данным обследования Скотта (30-е годы), больных аскаридозом в Верхнем Египте примерно в пять раз меньше, чем в Нижнем, и в среднем пораженность населения в долине не превышает 20% [21, стр. 114]. Одна из причин этого — более редкое употребление фекалий в качестве удобрения, так как при господствовавшей здесь бассейновой системе удобрения заменял плодородный нильский ил.

Природные условия долины Нила более благоприятны для развития личинок анкилостомы: почвы имеют более легкий механический состав, менее плотные и меньше засолены по сравнению с почвами дельты. Как показали обследования Скотта, пораженность жителей долины анкилостомозом в 30-х годах варьировала по провинциям от 20 до 60% [22, стр. 481]. Как и в Нижнем Египте, в результате борьбы с этим заболеванием наблюдалось его снижение и средняя пораженность населения по провинциям в 1958 г. не превышала 20% [12, стр. 369]. В райо-

нах бассейнового орошения наиболее благоприятные условия для заражения складываются сразу после спада паводковых вод, в районах постоянного орошения — в теплое время года. В отличие от Нижнего Египта случаи заражения на полях редки.

Пустынные районы характеризуются жарким и сухим климатом. Летом температура воздуха достигает днем 32—42°, а максимальная: 49—51°. Под действием солнечных лучей поверхность почвы сильно нагревается (летом до 70° и выше). Прямые солнечные лучи убивают микроорганизмы, поэтому песок в пустыне почти стерильно чист. Большие суточные амплитуды температуры воздуха (30° и больше) вызывают большое количество простудных заболеваний (пневмония, бронхиты). Крупозная пневмония — причина высокой смертности.

Сильная запыленность атмосферы в сочетании с крайней сухостью воздуха приводит к раздражению органов дыхания и появлению ринитов, ларингитов, бронхитов.

В пустынном районе подземные воды являются единственным источником водоснабжения. К местам выхода или близкого залегания их приурочено основное население пустыни. Колодцы и источники, как правило, неглубоки и содержат в различной степени минерализованную воду с содержанием солей 1—8 г/л, относящуюся к хлоридному, хлоридно-сульфатному и сульфатно-хлоридному классам [5, стр. 157—166]. Как показали последние исследования, пустынные районы страны обладают богатыми запасами подземных вод. В настоящее время пробурено много скважин, дающих чистую, слабо минерализованную воду. Это лучшая питьевая вода в пустыне, не нуждающаяся в очистке.

В отдельных оазисах недостаток солей йода и избыток солей кальция, магния, марганца, хлора в воде и почве приводят к возникновению у жителей эндемического зоба. Так, по данным обследования 1955 г., в деревнях оазиса Дахла от 12 до 43% населения имело эндемический зоб. Наиболее часто это заболевание встречалось у детей в возрасте 10—15 лет [15, стр. 89].

Основное население пустынь сконцентрировано в оазисах и состоит из земледельцев (оседлых жителей) и скотоводов, кочующих от одного оазиса к другому. Густая сеть оросительных каналов и обилие водоемов, затененных деревьями, часто создают благоприятные условия для возникновения трансмиссивных заболеваний, шистозоматоза, отсутствующих на территории всего пустынного района. Большая скученность населения в оазисах способствует быстрому распространению инфекционных заболеваний, нередко принимающих характер эпидемических вспышек.

На первом месте в патологии жителей оазисов стоят желудочно-кишечные заболевания. В оазисе Сива случаи смерти от этой группы заболеваний составляли в 1959 г. 35% всех смертных случаев [11, стр. 182]. Высока заболеваемость дизентерией и амебиазом. Как показали паразитологические наблюдения, проведенные в оазисах, в 1962—1963 гг. цисты *E. histolytica* встречаются у 7—40% обследованных. Высокая соленость вод и почв, неблагоприятная для сохранения бактерий, является причиной относительно низкой заболеваемости салмонеллезами (пораженность ниже 3%) [25, 1964, т. 61, № 83, стр. 324, 325].

Вследствие обилия мест выплода переносчиков малярии комаров *A. sergenti* и *A. pharoensis*, высокой температуры воздуха, обеспечивающей быстрое развитие переносчика и паразита, большой плотности населения оазисы были одними из самых опасных мест в стране по риску заражения малярией. В 1950—1952 гг. заболеваемость малярией достигала 100—180 случаев на 100 тыс. населения [8, стр. 22]. В настоя-

щее время в результате борьбы с этой болезнью, проводимой органами здравоохранения, возможность заражения малярией значительно снижена. Большие трудности для борьбы с малярией создают передвижения скотоводов-кочевников.

Основной причиной отсутствия шистозоматоза в некоторых оазисах является высокая соленость воды, препятствующая поселению моллюсков, промежуточных хозяев заболевания (оазисы Сива, Гара). В оазисах, где соленость воды низкая, при наличии искусственного орошения создаются исключительно благоприятные условия для развития паразита и моллюска *B. truncatus* (оазисы Дахла, Эль-Харга). Поэтому пораженность населения мочеполовым шистозоматозом в них достигала 35—70% [25, 1964, т. 61, стр. 324]. Благодаря проведению в оазисах систематической борьбы с моллюсками и лечения больных местные случаи заболевания в настоящее время отсутствуют. Однако природные предпосылки и большое количество больных в стране создают реальную угрозу восстановления этих очагов.

Почвенно-климатические условия в оазисах неблагоприятны для существования геогельминтозов. Анкилостомоз отсутствует, кроме оазиса Бахария. Заболеваемость аскаридозом очень низкая.

После создания Объединенной Арабской Республики большое внимание уделяется развитию здравоохранения. Если за 70 лет до революции на цели здравоохранения было израсходовано 95 млн. ег. ф., то за 1952—1962 гг. расходы достигли 115,5 млн. [3, стр. 85]. Большие успехи достигнуты в подготовке медицинских кадров. К 1964 г. количество ежегодно выпускаемых врачей достигло 1 тыс. человек против 200 в 1952 г. Количество жителей на одного врача уменьшилось с 4 тыс. в 1952 г. до 2 тыс. в 1954 г. [26, стр. 211, 212]. Проводится реконструкция старых и строительство новых лечебных учреждений. Количество больничных коек в стране увеличилось в 1963—1964 гг. в 4,6 раза по сравнению с 1952 г. [26, стр. 204].

Большое внимание уделяется развитию сельского здравоохранения, улучшению условий жизни и труда в египетской деревне. Уже в 1953 г. было принято решение о создании сельских пунктов здравоохранения, обязанностью которых было проведение лечебной, профилактической и санитарно-просветительной работы. В 1963—1964 гг. насчитывались уже 263 пункта (с общим количеством коек 3678). Наряду с ними существуют объединенные центры (283 в 1963—1964 гг.), имеющие медицинские отделения с общим количеством коек 3952 [26, стр. 203, 204].

В 1963—1964 гг. в пустынном районе действовало 95 пунктов здравоохранения (660 больничных коек) [26, стр. 205], в то время как в 1952 г. здесь было всего 13 больниц (с общим количеством коек 177), в которых работали 15 врачей [8, стр. 32].

В стране ведутся большие работы по ликвидации эндемических болезней, глазных заболеваний, туберкулеза и др. Проводится обязательное бесплатное лечение больных шистозоматозом в 1469 больницах, пунктах здравоохранения и центрах [26, стр. 206, 207]. Осуществление экспериментальных проектов борьбы с шистозоматозом (в губернаторствах Кальюбия, Бехейра, Гиза, Эль-Тахрир, Файюм) позволит окончательно уяснить экологию промежуточных хозяев заболевания и разработать мероприятия для ликвидации заболевания по всей стране. Подготавливается проект полного уничтожения малярии. Большая работа по борьбе с туберкулезом привела к значительному снижению смертности от этой болезни (в 1952 г. 20 человек на 100 тыс. жителей, в 1963 г.—7) [26, стр. 208].

Все это вместе с дальнейшим улучшением условий жизни и повы-

шением материально-культурного уровня населения позволит разрешить основные проблемы здравоохранения, каковыми являются борьба с инфекционными и паразитарными заболеваниями, охрана материнства и младенчества и др., от решения которых зависит улучшение здоровья населения страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. «География», Реферативный журнал, М.
2. Длин Н. А., Объединенная Арабская Республика (ОАР), М., 1963.
3. Кобахидзе Т. А., Организация здравоохранения в ОАР, — «Советское здравоохранение», М., 1966, № 5.
4. «Официальные документы Всемирной организации здравоохранения», Женева, 1963, № 122.
5. Силин-Бекчурин А. И., Подземные воды Африки, М., 1962.
6. «Хроника Всемирной организации здравоохранения», Женева, 1959, т. 13, № 1.
7. Abdou S., The Cholera Epidemic in Egypt: Mode of Spread, — «Lancet», London, 1947, vol. 2, № 6480.
8. «Annual Report on the Work of the Ministry of Public Health for the Year 1952», Cairo, 1955.
9. The Atlas of Services, Cairo, 1955.
10. Chandler A. C., A Comparison of Helminthic and Protozoan Infections in two Egyptian Villages two Years after the Installation of Sanitary Improvements in one of them, — «American Journal of Tropical Medicine and Hygiene», Baltimore, 1954, vol. 3, № 1.
11. Dzierżykray-Rogalski T., Niektóre problemy demograficzne Oazy. Siwah (Egypt), — «Roczniki Akademii medycznej w Białymstoku», 1961, vol. 7.
12. «Epidemiological and Vital Statistics Rapport», Genève, 1963, vol. 16, № 5—6.
13. Floyd T. M., The Incidence of Shigella Organisms in a Group of Egyptian Village Children, — «American Journal of Tropical Medicine and Hygiene», 1954, vol. 3, № 2.
14. Hawking F., The Distribution of Bancroftian Filariasis in Africa, — «Bulletin of the World Health Organization», Genève, 1957, vol. 16, № 3.
15. Kelly F. C., Snedden W. W., Prevalence and Geographical Distribution of the Endemic Goitre, — «Bulletin of the World Health Organization», 1958, vol. 18, № 1—2.
16. Lanoix J. N., Relation between Irrigation Engineering and Bilharziasis, — там же, № 5—6.
17. Mousa A. H., Bilharziasis as a National Health Problem in the United Arab Republic, — in: «Bilharziasis», ed. by Wolstenholme G. S. W., Boston, 1962.
18. «Le Nouveau Régime et la Santé République», Cairo, 1955.
19. «Research Institute and Endemic Disease Hospital, 4-th Annual Report, 1934», Cairo, 1936.
20. Scott J. A., The Incidence and Distribution of the Human Schistosomiasis in Egypt, — «American Journal of Hygiene», Baltimore, 1937, vol. 25, № 3.
21. Scott J. A., Observation on Infection with the Common Round Worm *Ascaris lumbricoides* in Egypt, — «American Journal of Hygiene», 1939, vol. 30, № 3, Section D.
22. Scott J. A., The Prevalence and Distribution of Hookworm Infection in Egypt, — «American Journal of Hygiene», 1937, vol. 26, № 3.
23. Shousha A. T., L'épidémie de cholera en Egypte (1947), — «Bulletin de l'Organisation Mondiale de la Santé», Genève, 1948, vol. 1, № 2.
24. Sobky M. F., The Malaria Problem in Egypt and the Preliminary Planning for its Eradication by Stages, — «Bulletin of Endemic Diseases», Baghdad, 1959, vol. 3, № 1—2.
25. «Tropical Diseases Bulletin», London.
26. «United Arab Republic. Yearbook for 1964», Cairo, 1965.
27. «World Health Statistics Annual», Genève, 1963—1966.
28. «Yearbook of Food and Agricultural Statistics», Rome, 1961, vol. 15.

Г. Л. Гальперин

КОФЕ В ЭФИОПИИ

Африка дала миру все виды товарного кофе. Удельный вес Африки в мировом производстве кофе увеличился с 1,3% в 1909—1914 гг. до 7,3% в 1924—1929 гг., 22% — в 1956 г. и 32,2% — в 1964 г.

Доля Эфиопии в мировом производстве и экспорте кофе невелика (4,5 и 2,6% соответственно), однако эта страна занимает совершенно особое место в «кофейном мире». Эфиопия — родина *Coffea arabica* и по существу родина кофе вообще. Это страна, в общей стоимости экспорта которой кофе занимает огромный удельный вес (с 1953 г. ни разу не было меньше 50%, в 1965 г. — 65%). На кофе приходится $\frac{1}{6}$ — $\frac{1}{7}$ общего товарооборота страны [7, стр. 96]. Эфиопия располагает самыми большими в мире массивами дикорастущего кофе; является потенциальным поставщиком отличных разновидностей *C. arabica* для селекции и интродукции в других странах. К тому же это почти единственная страна, поставляющая *C. arabica*¹, который помимо реализации в чистом виде используется импортерами для получения улучшенных смесей.

Об эфиопском кофе написано сравнительно много работ — исключительно журнальные статьи. Кроме того, чуть ли не в каждой монографии об Эфиопии есть абзацы, посвященные кофе. Но все эти отрывочные сведения, к сожалению, почти близнецы. Примерно до 1940 г. довольно часто, а главное вдумчиво и основательно, о кофе писали итальянцы. Это и понятно. После освобождения страны наиболее интересные работы о кофе принадлежат перу экспертов ФАО и советников-иностранцев при эфиопских ведомствах. В последние годы появилось несколько обзорных работ и работ по полевым материалам, написанных эфиопами. К «кофейной теме» часто обращается эфиопская пресса. Материалы в таких случаях, как правило, ограничены проблемами экспорта кофе.

¹ *C. arabica* составляет только 20—25% в экспорте кофе всех африканских стран (почти 75% — *C. robusta*) [52, стр. 111] (автор — эксперт ФАО по кофе в Эфиопии в 1952—1954 гг.). Из этих 20—25% на долю Эфиопии приходится примерно половина. Помимо Эфиопии *C. arabica*, причем почти исключительно в культуре, есть только в Кении, Танзании, Конго (Киншаса) и Камеруне. В последние 15 лет на мировом рынке кофе заметно увеличивается доля *C. robusta* (с 15,5% в 1953 до 30% в 1966 г.). Это объясняется более низкими ценами на него, а также тем, что «робуста» считается более приемлемым, чем «арабика», сырьем для производства растворимого кофе [9, стр. 5].

КРАТКИЙ ОЧЕРК ИСТОРИИ И ГЕОГРАФИИ КОФЕ

Существует довольно известная версия о происхождении слова «кофе» от названия эфиопской провинции Каффа². Сидамо и галла называют кофе (растение, ягоды, напиток) «буно». Это слово, почти не искаженное (бун[н]а), перекочевало к амхара. С XV (XIV?) в. арабские купцы начали вывозить кофе в Йемен. Однако местное название («буно») не было экспортировано с новым товаром. В ряде работ дается такая схема происхождения названия: gahwah (арабск.) — kahve (турецк.) — caffè (итал.) — другие европейские языки. Подобная историко-лингвистическая деривация «отсекает» кофе от его первородины — Африки (Эфиопии)³.

Почти единодушное мнение историков и ботаников о том, что Эфиопия — родина *C. arabica*, подтверждается, разумеется, не только лингвистическими и топонимическими догадками. Весьма веское доказательство первородства эфиопского (каффского) кофе — это сосуществование в прошлом и настоящем на ограниченных ареалах дикорастущего (первичного и вторичного), частично окультуренного, полукультурного и культурного кофе⁴.

Исходный пункт всех мировых схем распространения кофе (культуры и товара) — Эфиопия, а в пределах Эфиопии — Каффа. Вопросы географии мирового кофе не входят, естественно, в планы настоящего очерка. Отмечу только, что начиная со второго этапа распространения кофе — Йемена — в существующих схемах есть серьезные расхождения, сдвиги во времени (в целое столетие!) и по маршрутам. Кроме того, не следует путать «трассы» кофе-культуры и кофе-товара.

Поскольку речь идет о стране — родине кофе, следует упомянуть о наиболее распространенных версиях маршрутов кофе. 1. Кофе-культура: Эфиопия — Йемен — Цейлон (XV в.) — Индия (XVI в.) — Индонезия (почти все крупные острова, XVIII в.) — Центральная и Южная Америка (XVIII в., через Европу или Африку). 2. Кофе-товар: Эфиопия — Йемен — Красноморское побережье к северу от Йемена (XV в.) — Египет — Турция (XVI в.) — средиземноморские порты Италии, Франции (вторая половина XVII в.: Марсель — 1654 г., Венеция — 1690 г.). В Париже впервые познакомились с кофе в 1672 г. В Лондоне в 1693 г. были уже 3 тыс. кофеен [16, стр. 196—205].

Итак, первая база на путях путешествия по земле кофе-культуры и кофе-товара — Йемен, запад Аравии. Именно поэтому эфиопский кофе стал *C. arabica*, хотя единственно верным генетическим названием его было бы *C. aethiopica*, на что справедливо указывают многие авторы (предлагались в разное время и другие названия: *C. abyssinica*, *C. kaffensis*, а также некоторые варианты по именам исследователей). Когда говорят, что Эфиопия — родина кофе, то подразумевают под этим прежде всего *C. arabica*.

Вопрос об истории распространения культуры кофе по территории Эфиопии тоже не очень простой, он попросту еще недостаточно изучен. Для его решения потребуются совместные исследования историков, эт-

² Транскрипция географических названий в данной статье принята по карте «Эфиопия», 1 : 2 500 000 (М., 1968).

³ К сожалению, В. Л. Комаров также недостаточно критически оценил лингвистический генезис «кофе» [6, стр. 183].

⁴ В настоящей работе предлагается следующая классификация кофе: дикорастущий; частично окультуренный (кофе в частично расчищенных и осветленных человеком участках леса); полукультурный (пересаженные саженцы дикорастущего или культурного кофе); культурный. Первичный — дикорастущий кофе девственных лесов, вторичный — дикорастущий кофе вторичных лесов.

нографов, ботаников, может быть в первую очередь ботаников, поскольку источниковая база историков часто отличается лишь относительной достоверностью (легенды, сказки, записи путешественников) [6, стр. 183; 30, стр. 383]. Географы должны сказать свое слово прежде всего о современном значении и современной карте культуры кофе в стране.

Экологические особенности, вернее требования, дикорастущего *C. arabica* не оставляют никаких сомнений относительно того, что только определенные природные ареалы провинции Каффа и в меньшей степени провинций Илубабор и Воллега (см. ниже) могли стать исходным пунктом распространения культуры кофе.

По схеме, предложенной Саймунсом [48], кофе из Каффы («южный центр распространения культур») попал в район Харара («вторичный центр интродукции») и далее в Йемен. Вторичным центром Харар назван потому, что агротехническая практика выращивания некоторых культур, в том числе и кофе, была заимствована в этом районе у арабов Аравии. Саутард [49, стр. 212—215], однако, полагает, что кофе из Каффы попал в Аравию и уже оттуда — в Харар. Этот вариант представляется спорным. «Ботаническое доказательство» этого — промежуточное «место» кофейных плодов типа «сидамо» (район Иргалем — Соле), сочетающих в себе качества и внешние признаки как кофе «джимма», так и харарского. Поэтому первоначальный маршрут культуры кофе внутри Эфиопии — это несомненно Каффа — Сидамо — Харар. Перемещение же культуры кофе с юга на север Эфиопии (не считая интродукции в Эритрее)⁵, скорее всего, шло по двум направлениям: Каффа — Сидамо и Илубабор (или через Илубабор) — Воллега (во втором случае — в период крупных миграций кушитских народов, прежде всего галла)⁶.

Шевалье [20, стр. 10, 1—18] сообщает, что первое письменное свидетельство о кофе появилось в XVI в. Специфичные (бодрящие) свойства кофе были известны арабам и до этого, однако существующий способ обработки и употребления кофе (сушка и, главное, размол) относится, очевидно, к XVI в. Существует утверждение о том, что кофе был известен агау еще в глубокой древности [39]. А так как агау населяют некоторые изолированные районы к северу от 11°30', то отпадает предположение, что кофе попал в Северную Эфиопию сравнительно недавно, в XV—XVIII вв. Европейцы встречали кусты полукультурного кофе в Бегемдере, Тигре и других районах Эфиопского нагорья в первой половине прошлого столетия. В настоящее время в северных и центральных районах Нагорья, к северу от 10° с. ш., не встречаются сколько-нибудь значительные очаги культуры кофе, кроме района Зегие и плантаций в Эритрее [см. подробно: 32, стр. 34—44].

Зегие — малоизвестный, но довольно крупный район производства кофе, знакомый автору по полевым материалам, — характерен прежде всего своей изолированностью, необычным положением вне экологической «кофепотенциальной» зоны (небольшие посадки кофе на восточном берегу оз. Тана, в Кората, следует рассматривать как часть ареала Зегие). Кофе «зегие» произрастает близ одноименной деревни и на одноименном полуострове (называемом еще Кофейным полуостровом), в южной части оз. Тана. Значительная часть кофейных деревьев давно одичала и находится в зоне вторичного (и очень небольшая часть по кромке девственного) тропического леса. Полагают, что кофе на п-ове

⁵ Бесспорный случай возвращения кофе в культуру из Йемена (во второй половине XIX в.) [32, стр. 35—44].

⁶ Об изолированном очаге выращивания кофе в Ванбере, пров. Годжам (сейчас этот населенный пункт называется официально Дебре-Зейт), см. [15, стр. 371].

Зегие впервые был интродуцирован монахами в конце XVII—начале XVIII в. ⁷.

Основная масса сборщиков кофе — крестьяне деревни Зегие, и в разгар сезона — крестьяне окрестных деревень и даже жители Бахр-дара. Кофе из Зегие экспортируется в Судан вьючным транспортом (через Чильгу и Галлабат), а в последнее время частично вывозится в Аддис-Абебу (после окончания строительства шоссе Аддис-Абеба — Бахрдар) и в Гондар (по оз. Тана). Итальянский делец, в свое время глава фирмы «Навигатана» М. Буски сообщил автору, что в Зегие собирают до 1 тыс. т кофе в год. Цифра очень большая. Речь может идти примерно о 600—650 т. Площадь кофейных насаждений и зарослей — около 2,5 тыс. га [41]. При сборе 2 ц с 1 га это составляет 500 т. Кроме того, существуют такие косвенные доказательства: в сезон сбора на двух самоходных баржах ежедневно перевозится по 6 т и четыре раза в неделю на малом катере — по 2 т. Итого: $(6 \times 70) + (2 \times 40) = 500$ т (кроме того, некоторая часть кофе вывозится вьючным транспортом).

Генерализированная география производства товарного кофе в стране иллюстрируется табл. 1.

Таблица 1

Поставки кофе на центральные рынки по провинциям*

Провинция	1961 62 г.		1962 63 г.		1963 64 г.		1964 65 г.	
	тыс. т	%	тыс. т	%	тыс. т	%	тыс. т	%
Каффа	24,4	32,1	25,1	30,0	20,5	24,9	32,2	34,7
Сидамо	16,5	21,7	19,3	23,1	22,4	27,2	25,0	27,0
Харар	12,2	16,1	14,6	17,6	9,8	11,9	12,6	13,5
Воллега	11,9	15,6	11,9	14,3	15,8	19,0	13,5	14,5
Иллубабор	7,0	9,3	6,4	7,7	9,6	11,7	6,6	7,0
Шэа	1,5	2,0	3,1	3,7	2,4	2,9	2,0	2,2
Гачу-Гофа	2,4	3,2	3,0	3,6	2,0	2,4	1,0	1,1
Всего . . .	75,9	100,0	83,4	100,0	82,5	100,0	92,9	100,0

* Составлено по: [50, 1964, стр. 10; 1965, стр. 50].

ЭКОЛОГИЯ КОФЕ

C. arabica (один из 60 видов кофе в мире и один из трех важнейших в Африке) относится к роду *Coffea* семейства мареновых. Являясь наиболее давним видом в культуре, *C. arabica* представлен и наибольшим количеством разновидностей.

Это небольшое тропическое вечнозеленое дерево (обычно дикорастущий и частично окультуренный кофе) или кустарник, реже дерево (полукультурный и культурный кофе). Растение размножается семенами, черенками, саженцами. Продуктивный период жизни — 15—30 лет. Начало цветения и плодоношения — через 4—7 лет после посадки. Высота кофейных деревьев — 4,5—6 м, кустарника — 1,5—3 м. В лесах

⁷ Монастыри расположены на островах. Однако рельеф этих «священных островов», почти непроходимые тропические дебри, малая площадь не позволяют развивать здесь кофейное хозяйство.

Каффы кофейные деревья в возрасте 10—12 лет имеют диаметр несущего ствола до 18—21 см—обычно это максимальная толщина ствола. Листья—темно-зеленые, кожистые, плотные, до 10—15 см длиной (дикорастущий кофе). Ягода (плод), обычно величиной с вишню, содержит два зерна (боба). Специфику кофе как продукта потребления определяет содержание в нем алкалоида кофеина (от 0,6 до 2,4%) и эфирных масел. В сырых зернах окультуренного кофе в среднем содержится азотистых веществ—12,6%, сахара—7,8, декстрина—0,4, кофедубильной кислоты—8,4, жиров—11,7, клетчатки—23,9, минеральных компонентов—3,8, воды—11,3, кофеина—1,5% [2, стр. 446].

Ботанические разновидности *C. arabica* в Эфиопии определяются чаще всего по величине (длине) и окраске (спектр—от желтого до черно-синего) плодов. Градаций очень много, но выделяются обычно следующие типы: «эннареа» (энария), «харар» (арраро, арраримо), «агаро», «дилла», «арба-гугу», «луло», «вальките», «волламо», «зегие» [см. подробно: 18, стр. 137—144; 52, стр. 121—124]. Названия эти в известной степени отражают «микроеографию» важнейших ареалов культуры кофе в стране; их не следует путать с коммерческими названиями сортов кофе (см. ниже). Полагают, что разновидность «эннареа» (по названию района, расположенного в 20—25 км к северу от Джиммы)—родоначальник не только *C. arabica*, но и всех других видов *Coffea*.

Ботанические особенности кофе (плодовые разновидности, мощность вегетационной системы, высота и форма растений) определяются совокупностью экологических факторов, которые применительно к Эфиопии можно назвать идеальными как для дикорастущего кофе, так и для кофе в культуре. Эти данные таковы.

1. Высота «кофейной зоны» над уровнем моря (разные авторы называют различные цифры для верхней и нижней границы) от 900 до 2200 м. Идеальным высотным поясом надо считать 1350—1950 м, особенно 1600—1900 м. Таким образом, наиболее благоприятная «высотная полка» располагается на границе зон «колла» и «война-дега». Лучшее всего кофе растет на склонах малой (до 15°), реже средней (до 45°) крутизны. Именно такие высотные и орографические условия существуют в провинции Каффа.

2. Достаточно полные климатические данные есть только для крупных центров в кофепроизводящих районах (табл. 2). Годовое количество осадков в районах дикорастущего и частично окультуренного кофе превышает 1500 мм. Это минимальная норма. Исключение составляет район Муги (лес Анфимо), близ Дембидолло, где годовое количество осадков превышает 1500 мм примерно раз в два-три года. Число дождливых месяцев (с количеством осадков более 100 мм)—шесть-семь. Сравнительно «растянутое» и равномерное распределение осадков в течение года не создает переувлажнения почв. Кроме того, рельеф местности обеспечивает нужный дренаж. В провинциях Каффа, Илубабор и Воллега, главным образом в силу специфики орографии, существует много изолированных локаций с большими вариациями количества годовых осадков и по месяцам. Гораздо более однородна карта осадков для районов Северного Харара, Арусси, оз. Тана.

Лучшие температурные условия: среднегодовая—18—20°, средне-годовая минимальная—не ниже 11°. Температурный режим значительно более стабилен, чем режим осадков. По основным климатическим показателям наиболее благоприятные для кофе районы расположены в той же Каффе (пункты Джимма, Бонга и не внесенный в табл. 2 Агаро).

Таблица 2

**Климатические показатели по некоторым основным районам
производства кофе***

	Высота над уровнем моря, м	Осадки		Средне-годовая относительная влажность, %	Температура		
		средне-годовые, мм	месяцы с 100 мм и выше		средне-годовая	средняя максимальная	средняя минимальная
Бахрдар** . .	1790***	1325	Июнь — сентябрь	67	17,5	—	11,5
Бэнга	1750	1621	Март — октябрь	90	18,9	26,8	11,0
Гилби	1950	2115	Май — октябрь	—	18,5	—	—
Горе	2035	2087	Апрель — октябрь	—	18,2	—	13,2
Дембидолло . .	1820	1284	Апрель — сентябрь	—	19,0	—	—
Джимма . . .	1740	1575	»	62	19,0	27,3	11,3
Коларис**** .	1850	1065	»	—	19,0	—	—
Неджо	1868	1893	Май — октябрь	—	18,5	—	—
Некемти . . .	2000	1732	Май — сентябрь	83	18,4	24,3	12,4

* Составлено по: [5; 12; 23, 1963, № 2; 26, 1962, № 2; 31; 46; 50, 1964].

** Данные можно отнести к кофейному массиву Зегие. Сведения за 1961 — 1963 гг. получены автором на гидрометеостанции г. Бахрдара.

*** По данным, полученным автором в 1963 г. на гидрометеостанции в г. Бахрдаре, привязанным к абсолютной средней отметке уровня оз. Таца (1735,515 м — по записям в журнале станции).

**** Плантация Коларис расположена примерно на полпути между Шашаманна и Иргалем; данные можно отнести ко всему этому ареалу.

3. По наблюдениям Сильвэна [52, стр. 116], почвы в кофейных лесах (принятое нами условное название для лесов со сравнительно компактным подлеском из *C. arabica*), как правило, латеритные, красные или коричневые. Серые и черные почвы совершенно не характерны. По Стренджу [51, стр. 297], они красные, а также черные и мягкие песчаные (в данном случае речь идет, по-видимому, и о почвах в районах плантационного хозяйства). В девственных и вторичных кофейных лесах почвы рыхлые, богаты перегноем и, как правило, обеспечены хорошим естественным дренажем. В кофейпроизводящих районах близ Джиммы изучением почв занимались американцы. Определены при этом два основных типа почв: красные суглинки горных склонов и серые глины равнинных участков. Красные почвы — латеритные, вулканического происхождения; при надлежащей агротехнике они очень продуктивны, легко обрабатываются. Красный цвет характерен для хорошо дренированных почв, коричневый и каштановый — внешний показатель недостаточного дренажа. При пробных выработках на опытной базе Сельскохозяйственной школы в Джимме глубина почвенного слоя была определена в 9 м. При этом еще не были достигнуты материнские породы. В Каффе и Сидамо толщина почвенного слоя в среднем 3,5—4 м, что вполне достаточно для корневой системы.

4. Заросли дикорастущего кофе довольно компактны. В то же время существуют, разумеется, различия по густоте, доступности, вегетационной мощи. *C. arabica* — компонент нижнего яруса (или подлеска, что в данном случае равнозначно) тропических горных влажных лесов, иногда называемых по характерным представителям лесами *Pouteria* (sp.), или *Pouteria* — *Albizzia* (sp., sp.). На территории Эфиопии эти леса составляют самые мощные и богатые видами массивы. Для них характерно большое количество крупных деревьев, чрезвычайно развитые средний (20—30 м) и нижний (3—10 м) ярусы, обилие папоротников, лиан, эпифитов, мхов, лишайников. Высота верхнего яруса — 40—50 м. Густой подлесок делает их практически непроходимыми.

В отличие от больших лесных массивов Западной Африки эфиопские леса почти необитаемы. Наиболее мощные массивы влажных широколиственных лесов находятся в провинции Каффа и вдоль границы Каффы и Илубабора. Огромный участок частично вторичного леса располагается к западу от Дембидолло; восточная часть его (так называемый лес Анфимо) уже давно стала очагом производства окультуренного кофе. Однако самые перспективные для эксплуатации массивы — это девственные леса Бонга — Мизан-Тефери. Специалистами определен, в частности, огромный массив (40 тыс. га) к западу и югу от Бонга, где существуют идеальные условия для создания кофейных плантаций с минимальными затратами: почвенный покров до 5 м; крутизна склонов в среднем около 3°; отличные режимы осадков и температур; обилие высококачественного дикорастущего кофе; сравнительно высокая агротехническая культура окрестного населения.

Экологические факторы дикорастущего кофе — это также качество (оптимальная разреженность) теневого полога и степень насыщенности паразитической флоры на данном участке леса. *Cordia* и особенно *Albizzia* — основная теневая защита для кофейных деревьев не только в девственных, но и вторичных лесах, а иногда и на более или менее регулярно обрабатываемых плантациях (в частности, в Зегие — по наблюдениям автора). В кофейнопроизводящих районах Сидамо, Гаму-Гофа теневой полог создают помимо *Albizzia* (sp.) также *Millettia*, *Podocarpus*, *Acacia* (sp.), *Ficus* (sp.).

Первичный дикорастущий кофе — продукт девственных сомкнутых лесов. Большая же часть существующих лесов — вторичного происхождения. В районах сбора лесного кофе обычны следы защитных посадок из *Euphorbia* и *Dracaena*; там же находят различные предметы домашнего хозяйства. Многие весьма компетентные исследователи полагают поэтому, и с этим трудно не согласиться, что большая часть дикорастущего кофе собирается во вторичных лесах («вторичная культура») [51, стр. 298; 152, стр. 114]. Такое суждение подтверждается и составленной автором картой — по ней видно, что районы сбора кофе располагаются по кромке лесных массивов, т. е. в зоне активного воздействия человека на лес. Процесс сведения девственных лесов происходит всегда одновременно с «наращением» зоны вторичных лесов по кромке сомкнутых лесных массивов, а уж потом оформляется новое количественное явление — общее (суммарное) сокращение лесопокрытой площади вообще.

Надо иметь в виду, что более или менее определенно говорить о соотношении первичного («девственного») и вторичного кофе и кофе в чистой культуре можно только тогда, когда речь идет о сборе, об их пропорциях в товарной продукции. При этом выявляются два бесспорных факта. Во-первых, доля кофе из истинно девственных лесов невелика, и, во-вторых, эта доля в общем сборе и экспорте кофе постепенно

увеличивается, особенно в связи с интенсификацией дорожных работ в провинциях Каффа и Илубабор. Когда же мы говорим о соотношении первичного и вторичного кофе, так сказать, на корню, то здесь не следует делать поспешных выводов: еще значительные нетронутые массивы девственного *C. arabica* существуют в труднодоступных, порою практически недоступных, лесах. Они не эксплуатируются и, конечно, не поддаются никакому учету.

Здесь уместно сказать несколько слов об оценках площадей, занятых кофе. Амплитуда их (как и многих других оценочных данных в Эфиопии) громадна: от 100 тыс. до 670 тыс. га [см.: 21, 1963, № 7; 22; 28, 1967; 36, 1965—1966; 40; 50, 1963, 1964]. Надо полагать, что максимальные оценки (670 тыс. га)—это площади всех видов кофе; 100 тыс. га — площади, занятые постоянными плантациями культурного и полукультурного кофе, а все остальные цифры вычислены от сбора на определенный год. Очень приблизительную оценку площадей дикорастущего кофе можно будет дать в случае получения аэрофотосъемочных данных на районы сомкнутых широколиственных лесов. Насколько нам известно, американцы облетали значительные блоки в Воллеге, а в Каффе еще нет. В любом случае нельзя согласиться с теми, кто утверждает, что возможности эксплуатации кофейных лесов практически неограниченны, хотя бы уже в силу более общего, глубокого и пока, к сожалению, неодолимого процесса сведения лесов вообще.

АГРОТЕХНИКА, СБОР И КАЧЕСТВО КОФЕ

Более или менее современные агротехнические приемы практикуются на кофейных плантациях, принадлежащих иностранцам. Кстати, большая часть этих плантаций находится в районах с недостаточным для кофе количеством осадков и нуждается в ирригации.

Проростки семян или черенки пересаживают на втором году и затеняют до периода цветения (на плантации в Бахрдаре, например, затенителями служат томаты и папайя). Саженьцы пересаживают дважды: первый раз в разгар «кырэмта» (больших дождей) и второй — когда они уже достаточно разовьются. В Каффе саженьцы (двух- и трехлетники высотой в 60—70 см) выкапывают в лесу вторичном, очень редко — девственном. Иногда их просто выдирают; при этом часто повреждается корневая система. Растения пересаживают в лунки глубиной в ладонь. Расстояния между лунками определяются на глаз; они составляют примерно около метра. По информации в [21, 1963, № 6], на 1 га посадок приходится около 6 тыс. кустов культурного или полукультурного кофе. На плантациях близ Харара одно кофейное дерево приходится на квадрат 3×3 м или 3,5×3 м, т. е. около тысячи растений на 1 га.

Тенезащита на многих плантациях, как правило, отсутствует. Деревья достигают высоты 5 м и не обрезаются до возраста 20—25 лет. В районе Харара и в авраджа (субпровинции) Черчер иногда практикуется высаживание в одну лунку сразу двух-четырех растений (йеменская практика). Плантационный кофе часто соседствует с другими культурами, например овощными и фруктовыми (Эритрея, Харар, Бахрдар).

В Каффе, Илубаборе, Воллеге при разбивке плантаций (независимо от их размеров) выживает обычно только около 30% пересаженных из леса растений; плодоносить они начинают в среднем через пять лет. Широко практикуется традиционная обработка участков кофейного

леса: расчистка (осветление) его. При этом вырубаются некоторые деревья и кустарники нижнего яруса. Иногда несколько разрежают крону высоких и средних деревьев (при полном уничтожении теневого полога плодоношение дикорастущего кофе резко снижается, иногда прекращается совершенно, растения становятся более восприимчивыми к заболеваниям). Такие участки частично обработанных зарослей трудно, конечно, назвать плантациями⁸. Эти участки требуют периодической обработки, пусть в самой примитивной форме, иначе за сравнительно короткий срок они полностью трансформируются в обычный вторичный лес (например, на п-ове Зегие, особенно в его восточной части).

Главный враг окультуренного кофе — травяной сорняк (*Digitaria abyssinica*) и лианы. Утверждения, что в Эфиопии нет болезней кофейного дерева, слишком оптимистичны. Они более или менее справедливы для районов дикорастущего кофе, где биологическое равновесие не нарушено человеком. Болезни культурного и полукультурного кофе не редкость⁹.

Научно-исследовательская работа по агротехнике культуры кофе сосредоточена главным образом в Сельскохозяйственной школе в Джимме, созданной в начале 50-х годов с помощью американцев. При ней имеется единственная в стране специализированная опытная станция. Научно-исследовательская и консультантская деятельность входит в обязанности созданного при министерстве сельского хозяйства в 1957 г. Национального управления по кофе. Оно уже провело несколько семинаров. На них рассматриваются главным образом вопросы техники производства и сбыта кофе. Экспериментальные разовые работы проводятся на некоторых частных концессионных участках.

Календарь цветения, созревания и сбора ягод различен в разных районах страны, даже в соседних, например в Зегие и Бахрдаре, удаленных друг от друга всего на 20 км. Как показали наблюдения автора, период сбора плантационного кофе в Бахрдаре — сентябрь — середина ноября, в Зегие — февраль — март [см. также: 41]. Разновременность объясняется географическим (главным образом широтным) положением района, его высотой над уровнем моря, климатическими особенностями, характером культуры (дикорастущий, пересаженный, плантационный в культуре и т. д.). Сезон сбора кофе в основных кофейно-производящих районах — сентябрь — январь, самая горячая пора — октябрь — декабрь.

Естественно, что пик-время поступлений кофе на крупнейший в стране аддис-абесский рынок наступает в среднем через два месяца после пик-времени сбора (с учетом времени, затраченного на предварительную обработку и сортировку кофе, на прохождение его через довольно сложную систему посредников, а также на транспортировку). В последние годы разрыв между пик-временем сбора и доставки кофе в Аддис-Абебу сокращается главным образом за счет сокращения сроков перевозок и числа перевалочных операций, что в свою очередь объясняется сравнительно интенсивным дорожным строительством в кофейно-производящих районах на юго-западе страны (см. ниже).

⁸ Сильвэн [52, стр. 117] употребляет термин «плантации полукультурного кофе». Термин этот представляется совершенно неудачным. Лучше — «заросли частично окультуренного кофе».

⁹ Особенно жвачина листьев, вызываемая грибом *Hemileia vastatrix*. В районах выше 1600 м над уровнем моря этот грибок практически не встречается; особенно опасен он в местах ниже 1200 м над уровнем моря. Сильвэн [52, стр. 135] сообщает, что весьма подвержены заражению кофейные деревья близ Харара [см. также: 16, стр. 265—348, особенно 325 и сл.].

Сезонность поставок кофе на рынок Аддис-Абебы в 1962/63 г. по месяцам характеризуется следующими данными (в % к годовым) [21, 1963, № 6, стр. 129; 50, 1964, стр. 106]:

Октябрь	1,52	Апрель	9,50
Ноябрь	2,33	Май	6,95
Декабрь	10,52	Июнь	4,72
Январь	20,90	Июль	2,72
Февраль	18,04	Август	2,59
Март	16,89	Сентябрь . . .	3,32

Пик-время сбора — октябрь — декабрь, пик-время поставок — декабрь — март.

Самая ранняя и примитивная форма сбора кофе — обычное собирательство в ближайших к населенным пунктам зарослях. Глубинные, труднодоступные районы столетиями остаются почти нетронутыми. Кроме того, в чаще девственного леса сильно затененные кофейные деревья дают меньше ягод, чем деревья на более разреженных участках по кромке лесных массивов.

В течение столетий мало что изменилось: только расширились границы эксплуатируемых кофейных лесов, появились плантации полукультурного кофе (мы говорим о лесах на юго-западе страны), и, разумеется, ягоды из предмета чисто натурального потребления стали товаром.

В лесах плоды собирают, как правило, однажды, в кульминационный период созревания. Упавшие, перезрелые ягоды смешиваются при этом с сорванными разной степени спелости¹⁰. На плантациях культурного кофе, особенно на примыкающих непосредственно к Харару и частично в районе Черчер, практикуется селективный метод сбора, т. е. по мере созревания плодов. Собирают при этом обычно только спелые плоды; стараются делать это в короткий период, предшествующий перезрелости и падению ягод. Однако по мере удаления кофейных участков от Харара качество уборочных работ заметно снижается.

Значительная часть кофе высушивается на расчищенных площадках, реже на специальных матах, брезенте. Более или менее современные средства для хранения урожая существуют лишь на некоторых крупных плантациях. Кофе, собранный крестьянами, не защищается ни от дождя, ни от утренней влажности. Кое-где ягоды собирают сначала в ямы, где они подвергаются ферментации, а потом их сушат; однако такая практика очень редка. Подсушенные плоды очищают от шелухи с помощью цепов, камней, деревянных скребков в ступах, корытах¹¹. В Хараре выборочная уборка, а также продолжительная сушка благодаря относительно низкой влажности воздуха (табл. 2) позволяют получать кофе сравнительно высокого качества.

Кофеочистительные установки (в том числе мобильные) имеются на основных кофейных рынках, а также на концессионных участках крупнейших компаний. Они заменяют труд многих рабочих-сезонников. В межсезонье некоторые такие машины используются для очистки зерна. В течение последних десяти лет стал практиковаться мокрый способ обработки кофе (например, на некоторых бывших бельгийских, сейчас

¹⁰ П. Гуру пишет о случаях, когда вместе с ягодами дикорастущего кофе на рынок попадают и ягоды *Cordia abyssinica*, внешне очень похожие на кофейные [29, стр. 231].

¹¹ Стрендж рассказывает о случаях, когда кофе рассыпают на проезжей части дороги и роль кофеочистительных машин выполняют автомашины [51, стр. 301].

государственных, плантациях). С 1956 г. с помощью американцев действует около 40 установок мокрого способа, который позволяет улучшить качество кофе. Доля кофе, обработанного по мокрому способу, хотя и возрастает в экспортных поставках, но еще очень мизерна. Известная в стране греческая компания «Лазаридис Эфиопия лтд» начала строительство близ Аддис-Абебы крупного современного предприятия по предэкспортной очистке и обработке кофе. Надо сказать, что часто даже тщательно выбранные, отсортированные и правильно обработанные плоды теряют свои высокие товарные качества из-за небрежной упаковки и перевозки. Предварительной обработкой ягод занимаются либо сами производители, либо посредники на местных или основных рынках. Период обработки в различных районах длится от 24 до 48—50 дней.

Проблемы качества кофе¹², непосредственно связанные с внешней торговлей, часто освещаются в эфиопской печати. Качественные показатели обуславливаются как экологическими факторами произрастания кофе, так и способами сбора, обработки и транспортировки. И если, повторяем, экологические факторы можно считать в целом по стране идеальными, то существующие методы сбора и обработки кофе оставляют желать лучшего; именно они резко снижают качество эфиопского кофе. Самые качественные сорта дают харарские плантации. Некоторые эксперты считают, что при тщательной обработке кофейных зарослей во вторичных лесах можно собирать кофе, по своему качеству не уступающий культурному, в частности харарскому.

В течение многих лет Эфиопия располагала стабильным, хотя и ограниченным рынком сбыта кофе (страны Ближнего Востока, Судан), и вопросы качества мало беспокоили экспортеров. Выход Эфиопии на мировой рынок, точнее, огромная зависимость этой страны от нью-йоркского рынка (см. ниже) заставили правительство Эфиопии и крупнейших экспортеров обратить серьезное внимание на качество товарного кофе. Так, одной из основных целей создания крупного Национального управления по кофе было как раз стремление повысить качество экспортного кофе. Примерно с этого же времени (1957 г.) низкосортный кофе стал «оседать» на внутреннем рынке. Так, в 1961/62 кофейном году (кофейный год начинается с 1 октября) из 64 тыс. т кофе, доставленного на аддис-абебский рынок¹³, почти 19,2 тыс. т было возвращено на дополнительную очистку (это делается тогда, когда доля примесей, мусора равна или превышает 8% предъявляемого веса); 3,1 тыс. т были забракованы и проданы на внутренний рынок (в 1959/60 г. на дополнительную очистку было возвращено 2,9 тыс. т, в 1960/61 г. — 6,1 тыс. т) [50, 1963]. Национальное управление по кофе¹⁴ разработало в соответствии с мировыми стандартами шкалу градаций качества. Данные о сортовом (качественном) составе экспортного кофе приведены в табл. 3.

¹² Под «качеством кофе» понимается совокупность физических и химических стандартов. Физические — размер, форма, однородность, отсутствие видимых дефектов и т. д. Прежде такие внешние показатели были единственным критерием для посредников и экспортеров. Химические определители — аромат, вкус, кислотность, цвет готовой продукции. Дегустационные методы широко практикуются на американском рынке (США, кстати, — крупнейший покупатель эфиопского кофе — см. ниже).

¹³ Значительная часть кофе из провинции Харар и часть кофе Арусси инспектируются в Диредаве.

¹⁴ О деятельности Управления см. [53, стр. 47—49; 21, 1963, № 6; 26, 1958, № 7]. Центральный контрольный центр находится на южной окраине Аддис-Абебы, в районе Маканисса. Кроме того, Управление имеет свою сеть контрольно-инспекторских пунктов на всех крупных кофейных рынках.

Т а б л и ц а 3

Экспорт кофе в сортовом
выражении в 1961/62 г.*

Сорт	Количество дефектов на один весовой образец кофе	Экспорт, т
1	0 — 3	25
2	4 — 12	—
3	13 — 25	641
4	26 — 45	724
5	46 — 100	58 037
Всего . . .		59 427

* Составлено по: [21, 1963,
№ 6]; для последних лет дан-
ных нет.

Таблица 3 достаточно красноречиво иллюстрирует структуру экспортного эфиопского кофе по качеству. Судя по отрывочной информации, в последние годы удельный вес кофе лучших градаций увеличивается, но очень медленно.

ПРОИЗВОДСТВО И ПОТРЕБЛЕНИЕ. ЭКОНОМИКА РАЙОНОВ ПРОИЗВОДСТВА КОФЕ

По исследованиям Г. Турченинова (неопубликованная, недатированная рукопись в Национальной библиотеке Аддис-Абебы) следует, что в лесах Каффы возможны сборы (в пересчете на очищенный кофе) в 150—200 кг кофе с га; в лесах близ Мизан-Тефери — 180—200 кг (лес Баббака) и в районе Гути — до 350 кг с 1 га¹⁵. Средний сбор с одного дерева дикорастущего кофе — 80—100 г. Общий объем сбора во многом зависит от компактности кофейных участков, их близости к транспортным путям. Оказалось, например, что из 700 га концессионного участка леса «Тана компани лтд» (не имеет отношения к оз. Тана) только с площади 80 га можно собрать товарный кофе. Специалисты считают, что освоение лесных участков рентабельно, если на 1 га приходится не менее тысячи экземпляров *C. arabica* в возрасте от 7—8 до 20 лет. Даже на плантациях культурного кофе, достаточно тщательно обрабатываемых, сборы невелики из-за сравнительно худшей «экологической ситуации». Еще ниже урожайность на давно не расчищаемых плантациях (Зегие).

Годовое производство кофе до итало-эфиопской войны составляло 20—25 тыс. т, но, по авторитетному, нам кажется, мнению Чиферри [17, стр. 11—17], эти данные значительно занижены. С этим нельзя не согласиться, так как в те времена статистика даже экспортной продукции была неудовлетворительной.

Под «производством кофе» эфиопские эксперты понимают сумму экспортоспособной продукции плюс внутреннее потребление. Одно из

¹⁵ 150 кг с 1 га на плантациях пересаженного кофе [51, стр. 301], 100—200 кг с 1 га в зрелых дикорастущего кофе [29, стр. 231], 300 кг с 1 га в 1961 г. в целом по стране и 320 кг с 1 га в 1962 г. из расчета 433,3 тыс. га и 130 тыс. т и 406,2 тыс. га и 134 тыс. т соответственно [50, 1964, стр. 7]. При многостеблевом способе посадки удается на отдельных плантациях собирать до 800 кг.

этих слагаемых — внутреннее потребление — оценивается с вариациями (см. ниже). Конечно, завышение или занижение в данном случае не влияет на данные об объеме экспортальной продукции. Этот объем складывается из объема действительного (более точно — учтенного) экспорта¹⁶ и разности (изменения) складских запасов кофе за указанный год. Таким образом, к оценкам объема производства кофе в Эфиопии следует относиться весьма критически по двум причинам: а) одно из слагаемых — внутреннее потребление — есть величина фактически произвольно переменная и б) при включении в оценку производства кофе экспортальной продукции есть риск искажения действительного объема производства и по этому слагаемому, ибо арифметическая разность массы складских запасов кофе в начале и конце кофейного года (наращение этих запасов) вовсе не обуславливается производством кофе именно в данном году. Дискуссия об объеме экспортальной продукции, связанная с реализацией складских запасов, относится прежде всего к области внешней торговли (см. ниже), а не к определению объема производства.

Здесь следует кратко остановиться на другом слагаемом объема производства кофе — внутреннем потреблении. Эфиопская печать часто сообщает о том, что потребление кофе в стране — самое высокое в Африке. Хотя такие сообщения обычно вызываются конъюнктурными соображениями, связанными с проблемами экспорта, главным образом проблемой экспортной квоты, их следует считать справедливыми уже потому, что кофе в этой стране употребляется не только как напиток, но в некоторых районах Эфиопии уже много столетий назад он стал составной частью ежедневного пищевого рациона населения.

Можно выделить три основные категории постоянных потребителей кофе в Эфиопии: население кофепроизводящих районов; городское население; большинство мусульманского населения вообще. Разумеется, эти категории потребителей в определенных случаях «сливаются» (например, горожане-мусульмане).

В районах производства кофе местные жители варят не только зерна, но и шелуху (которая стоит обычно на 25—35% дешевле ягод). Употребляют и просто поджаренные зерна. Сильвэн сообщает, что зеленые ягоды, покупаемые на местных рынках, употребляются с молоком. Потребление кофе и отходов обработки ягод увеличивается в период сбора¹⁷.

В городах кофе потребляется почти исключительно как напиток. В Аддис-Абебе и Асмаре «бунна-тайм» стало традицией. Кофе могут предложить в любой лавчонке. Крупнейшие потребители кофе — конечно, Аддис-Абеба и Асмара, затем Харар, Диредава и портовые города, Массавы и Ассабы. В 1962 г. годовое потребление кофе в Аддис-Абебе оценивалось примерно в 2 тыс. т [33] (11 г на одного жителя в сутки); в Асмаре — около 1 тыс. т (примерно 21 г на одного жителя в сутки) [вычислено по: 21, 1963, № 6]. Вместе с тем нельзя не отметить усили-

¹⁶ Кофе на экспорт, учтенный на таможнях. Примерно 3 тыс. т кофе ежегодно экспортируются через сухопутные границы, главным образом в Судан.

¹⁷ В результате выборочного обследования (188 хозяйств) в Лимму — главном районе производства кофе провинции Каффа — получены следующие данные: около 66% опрошенных потребляют кофе трижды в день, остальные — два раза; в межсезонье только 56% — трижды в день, 36% — два раза и 8% — один раз в день. Все опрошенные используют очищенный кофе, однако 10% добавляют кофейную шелуху и 2% — кофейные листья. Далее следуют весьма «притянутые» выкладки: 82% опрошенных используют для заварки «пригоршню» кофе (средний вес 35 г), остальные — «чашку зерен» (около 40 г). Отсюда подсчитано потребление кофейных зерен для 32 тыс. жителей трех районов субпровинции Лимму — 167 т, или 33,2 кг на семью в год [21, 1963, № 6].

вающуюся с начала 60-х годов конкуренцию чая (правда, только в Аддис-Абебе и Асмаре).

Основная продукция на городском внутреннем рынке — кофейные зерна, забракованные к экспорту. До последнего времени промышленное производство молотого кофе составляло всего 25—30 т в год (мелкие предприятия в Диредаве, Аддис-Абебе, Асмаре; в 1963 г. крупнейшее — «Валендис Брозерс компани лтд»). Существует проект сооружения предприятия по производству порошкового кофе мощностью 3 тыс. т продукции в год, в том числе 1,5 тыс. т — на экспорт [43]¹⁸. В Эфиопии усиливается тенденция в пользу организации в стране всего цикла производства кофе (до молотого и растворимого). Сооружение подобных предприятий не потребует особенно больших капиталовложений. Однако в этом случае, несмотря на очевидное увеличение экспортной выручки, эфиопским экспортерам придется иметь дело с мощнейшими конкурентами — бразильскими и американскими компаниями. Видимо, это — основная причина отсутствия кофеперерабатывающей промышленности.

В сельских районах с преобладанием христианского населения, особенно в Годжаме, Бегемдере, Тигре, кофе (во всяком случае как напиток) стали употреблять сравнительно недавно. Одна из причин — высокая стоимость его по сравнению с другими продовольственными товарами (на рынке в Бахрдаре в 1963 г. в среднем 1 эф. долл. за 1 кг сырых зерен «зегие»). Другая причина — слабость внутренних рыночных связей. Это относится и к районам производства кофе и к соседствующим с ними (например, Бахрдар, Дангела). Тем не менее потребление кофе в сельской «христианской Эфиопии» растет, хотя и очень медленно. Косвенное доказательство — увеличение числа небольших приусадебных участков с кофейными кустами. Собираемый на них кофе, как правило, полностью остается в сфере натурального (семейного) потребления. Сборы и качество кофе на таких участках чрезвычайно низки.

В целом по стране потребление кофе безусловно увеличивается, но этот рост обуславливается в основном, как подметили эфиопские специалисты, не увеличением числа потребителей, а увеличением нормы потребления.

Если для экспорта кофе существует довольно надежная статистика, то суммарные цифры потребления кофе в стране — самые разнообразные. С вступлением Эфиопии в Международную организацию по кофе (МОК), что вплотную столкнуло правительство и экспортеров страны с проблемой квот (см. ниже), начался разноречивый в определении объема внутреннего потребления¹⁹, а следовательно, и объема производства. Данные о производстве кофе в стране в последние 17 лет приведены в табл. 4.

До 1961 г. эфиопские оценки соответствовали оценкам, опубликованным ФАО и министерством сельского хозяйства США. Более того, в некоторые годы эти последние превышали эфиопские. Во всяком случае, производство кофе в Эфиопии по сравнению со второй половиной 50-х годов выросло не менее чем в два раза. Две основные причины

¹⁸ Есть сторонники развития сети мелких предприятий [24, 28.VII.1962].

¹⁹ Даже в одних и тех же изданиях: в [21, 1962, № 5] объем потребления оценивается для 1961/62 г. в 10—15 тыс. т, а в следующем номере этого же журнала — уже в 48,7 тыс. и в другом месте — в 50 тыс. т. Надо сказать, что максимальные эфиопские оценки выведены довольно искусственно из разнокачественных, разновременных и предельно локализованных обзоров и обследований, не допускающих, как нам кажется, слишком решительной экстраполяции.

Т а б л и ц а 4

Производство кофе в Эфиопии,
тыс. т

Год	Оценки	
	эфиопские*	ФАО и министерства сельского хозяйства США **
1950/51	22	22
1951/52	25	25
1952/53	43	43
1953/54	40	40
1954/55	46	46
1955/56	54	54
1956/57	52	52
1957/58	57	57
1958/59	48	57
1959/60	46	64
1960/61	54	66
1961/62	110 — 130	72 — 86
1962/63	130 — 134	74 — 89
1963/64	150	91 — 96
1964/65	150	93
1965/66	—	138
1966/67	183	—

* [21, 1963, № 6 и 7; 24, 1.XI.1964; 5.VIII.1965; 5.V.1966, 50, 1964].

** [10, 1968, № 6, стр. 1064AB; 28, 1962—1967; 42, 1966, August; 57, 1964 — 1966].

этого: началось «массовое» плодоношение полукультурного и культурного кофе, высаженного в середине 50-х годов, когда цены на кофе на мировом рынке росли; значительно улучшилась транспортировка кофе (см. ниже). В последних статистических изданиях ФАО приняты данные, в общем согласующиеся с эфиопскими (1962 г.—132 тыс. т, 1963 г.—134 тыс., 1964 г.—136 тыс., 1965 г.—138 тыс., 1966 г.—150 тыс. т) [28, 1967, стр. 331].

В среднем объем потребления кофе в стране (мы возвращаемся к нему, ибо это один из компонентов объема производства) в последние годы составлял, по эфиопским источникам, 45—55 тыс. т, по данным ФАО и министерства сельского хозяйства США — 10—15 тыс. т. Представляется логичным искать наиболее близкую к истине оценку в среднем арифметическом для этих данных. Но и в таком случае это означает, что если в производстве кофе в Африке на долю Эфиопии приходится 10—15%, то в потреблении — около 50% ²⁰. Таким образом, вторично, и на сей раз уже более уверенно, можно сказать, что Эфиопия — крупнейший потребитель кофе на континенте.

Значение кофе в экономике страны, особенно как источника получения инвалюты и денежных доходов казны, велико. Однако его не следует преувеличивать. Производство кофе накануне второй пятилетней программы развития Эфиопии (1962 г.) составляло около 7% валового национального продукта.

Утверждения о том, что с производством кофе в Эфиопии непосредственно или косвенно связано существование (или доходы) четверти

²⁰ Исходя из цифр потребления кофе в Африке, приведенных в [27, 1968, № 2, стр. 20].

населения страны [24, 6.I.1966], явно преувеличены и носят конъюнктурный характер. В [21, 1963, № 6] называется цифра в 5 млн. человек. Но, во-первых, это составляет 65% численности населения всех пяти (Каффа, Харар, Илубабора, Воллега, Сидамо) «кофейных провинций» (около 7,7 млн. человек) и к тому же производство товарного кофе ограничено определенными компактными ареалами в этих провинциях, далеко не всегда совпадающими с районами большой плотности населения. Во-вторых, сбор кофе для большинства жителей «кофейных районов» Каффы, Воллеги и Илубабора — побочное, сезонное занятие. Даже в одном из основных районов товарного кофе, авраджа Харар, производство кофе — далеко не главное занятие населения [23, 1967, № 1, стр. 37—56].

Нельзя также, нам кажется, говорить об угрозе монокультуры кофе [21, 1963, № 6; 54 и др.], даже в «экспортном» значении этого понятия (не говоря уже о непосредственном понимании термина «монокультура»), хотя бы уже потому, что большая часть товарного кофе собирается все-таки с частично окультуренных участков и во вторичных (или девственных) лесах.

В этом, между прочим, своеобразие и экономики и географии кофе в Эфиопии. Кофе — продукт не только (и не столько) сельского, но и по существу лесного хозяйства, точнее регулярного, ставшего товарным, лесного собирательства. Авторы работ о культуре кофе в Эфиопии почему-то не подчеркивают этого своеобразия. Для Эфиопии вообще характерно большое разнообразие сельскохозяйственной и лесной (чат, мед, ладан, отлов виверр и т. д.) продукции, сосуществование товарных поставок с пашни, пастбищ и из леса. Конечно, удельный вес кофе в экспорте страны очень велик, но в течение последних 15 лет нет признаков его увеличения (табл. 8).

Надо сказать, что эфиопское правительство, всячески поощряя производство экспортного кофе, большее внимание уделяет вопросам качества и транспортировки, чем количества. В стране отлично понимают, что кофе не может быть сколько-нибудь прочным базисом экономики²¹ (см. также раздел о внешней торговле). Общая тенденция к диверсификации экономики, в частности заметные усилия разнообразить и увеличить поставки на экспорт и внутренний рынок других товаров, позволяет полагать, что за последние годы доля производства кофе в валовом производстве (7%) если и не снизилась, то и не увеличилась. Во всяком случае, Эфиопию никак нельзя отнести к классическим странам монокультуры (как, например, Гамбию, Сенегал).

Большая часть товарной, в том числе и экспортной, продукции — это дикорастущий и частично окультуренный кофе. Разбивка плантаций требует значительных капиталовложений и связана с достаточно большим риском. Кроме того, «отдача» на плантациях наступает через несколько лет и может совпасть с очередным понижением цен на рынке кофе. Всякое увеличение площадей под этой культурой влечет за собой довольно ощутимый рост налогов²². И, наконец, надо еще раз подчеркнуть, что сбор кофейных ягод для большинства жителей кофейных районов Каффы, Илубабора и Воллеги — занятие побочное. Соотноше-

²¹ Элементарный пример: падение на нью-йоркском рынке цены за фунт кофе всего на 1 цент (при эфиопском экспорте в 70 тыс. т) означает для Эфиопии уменьшение валютной выручки примерно в 1,7 млн. долл.

²² Например, полевые данные, собранные Дымке Гебре Цаддыком в авраджа Волламо [23, 1964, № 1, стр. 3—12; перев. с амхарского А. А. Ражева].

ние в производстве дикорастущего, частично окультуренного кофе и кофе плантационного выражается и такими данными: из 92,2 тыс. т кофе, поступившего на центральные рынки (Аддис-Абеба и Диредава) в 1964/65 кофейном году, на долю дикорастущего и частично окультуренного приходилось примерно 70%²³.

Такое соотношение в производстве (сборе) кофе косвенно отражает и соотношение в типах хозяйств в кофейнопроизводящих районах. Дикорастущий и частично окультуренный кофе поступает главным образом из мелких хозяйств, арендуемых или частных (в том числе жалованных) участков. Г. Шумахер [47, стр. 13—19] пишет, что такие поступления составляют 90% всего товарного кофе. Более точной представляется цифра в 80% [36, 1967—1968, стр. 225]. Таким образом, основные поставщики частично окультуренного и дикорастущего кофе — мелкие хозяйства юго-западных провинций.

Около 80% хозяйств в кофейнопроизводящих районах располагают участками менее 2 га, 15% — от 2 до 10 га и 5% — более 10 га [56, стр. 466]. По результатам полевых исследований в авраджа Лимму (провинция Каффа) выясняется, что средний размер земельных участков с частично окультуренными и дикорастущими (легкодоступными) кофейными деревьями составляют 2,3 га [21, 1963, № 6]. Кстати, в районах постоянного сбора кофе цена земельных участков определяется не их площадью и плодородием, а числом кофейных деревьев на них (с учетом возраста растений).

В провинциях Каффа, Илубабор и Воллега, как и вообще в стране в целом, существует сложнейшая система форм землевладения (в данном случае можно сказать «лесовладения» или «кофевладения», имея в виду участки лесного кофе). Затруднительно исследовать (без соответствующих полевых и статистических данных) эту систему в районах производства товарного кофе, и не на кого сослаться по этому вопросу: нам неизвестны какие-либо работы о типах и формах землевладения в указанных районах. Однако два основных типа кофевладений можно все-таки выделить: помещичье и государственное (частично жалованное и во многих случаях ставшее наследственным). Земли феодалов и государственные сдаются в аренду крестьянам; мелкие участки дарственных земель арендуются реже.

Все эти мелкие хозяйства страдают от хронического недостатка даже очень ограниченных капиталов; выручка от продажи кофе невелика, она редко оборачивается в прибыль. Весьма слабое развитие товарно-денежных отношений вообще иллюстрируется и слабым развитием системы кредитования в деревне. Банковские ссуды только начинают проникать в мелкие кофейные хозяйства. До сих пор традиционные кредиторы-ростовщики — это посредники, скупщики и перекупщики кофе, а также лавочники, часто являющиеся одновременно и посредниками в операциях с кофе. Величина ссудного процента ростовческих кредитов в районах производства кофе никогда не бывает меньше 20 и часто превышает 50. В 1953 г. открылся филиал Банка развития в Джимме, в 1957 г. — в Горе, в 1958 г. — в Иргалеме. Надо заметить, что банк предпочитает иметь дело, естественно, только с владельцами крупных участков. Так, ссуда в 5 тыс. эф. долл. и больше выдается только при размере землевладения не менее 1 гаша (в данном случае 1 гаша = 44 га).

²³ Подсчеты автора по данным Национального управления по кофе. Примерно такое же соотношение (около 65%) было и в 1935 г. по данным [17, стр. 12].

В последние годы в районах, производящих кофе, организовано несколько кооперативов по его сбыту, но число их мизерно (в Горуме, Агаро, Дилле, Иргалеме, Алете-Уондо и др.). Это пока что довольно слабая попытка сломить мощь цепи посредников и ростовщиков и поднять конкурентоспособность мелких хозяйств в «экспортном состязании» с владельцами крупных участков кофе (крупнейший сбытовой кооператив в районе Горума реализует 300—400 т кофе).

Около $\frac{1}{5}$ всего товарного производства кофе сосредоточено на сравнительно крупных плантациях культурного и полукультурного кофе, принадлежащих в большинстве своем иностранцам или смешанным иностранно-государственным компаниям. Эти плантации расположены в трех основных районах: Харар (близ г. Харара), Сидамо (полоса Шашаманна — Иргалем), Каффа (близ Джиммы). Небольшие плантации культурного кофе имеются к северу от Асмары (Мерара, Фагена, Сукур) [32, стр. 35—44] и некоторых других районах Эритреи. В Хараре ряд плантаций принадлежит арабам — выходцам из Йемена. Сидамо — своеобразный переходный район от мелкотоварных участков дикорастущего и окультуренного кофе в Каффе и Илубаборе к крупным плантациям Харара и Аруссии. В последнее время иностранным и смешанным компаниям были предоставлены большие концессионные участки в кофейных лесах на юго-западе страны, главным образом в провинции Каффа. Так, в 1955 г. с участием американского капитала начато освоение плантаций к северу от Джиммы (общая площадь концессионного участка — 4 тыс. га); к югу от Джиммы получила концессию смешанная американо-эфиопская компания. Крупными концессионными участками в Каффе располагает «Эгано компани» и особенно «Тана компани лтд».

Значительная часть наемной рабочей силы используется на сборе плодов. Например, в авраджа Лимму, главнейшем районе сбора частично окультуренного и дикорастущего кофе, в период пик-сбора (октябрь — декабрь) численность населения за счет сезонников почти удваивается. Большая часть сезонников в пров. Каффа — местные жители, остальные — отходники из Воллеги, Шоа, Аруссии и даже Волло. Средняя продолжительность сезонной занятости отходников — два с половиной месяца. Дневной сбор одного рабочего — 5—6 кг (что эквивалентно 3—3,5 кг очищенного кофе). Поденная оплата весьма изнурительного, а иногда и опасного труда по сбору кофе (особенно дикорастущего) составляет в среднем 0,75 эф. долл. Иногда практикуется оплата денежно-натуральная — 0,5 эф. долл. плюс питание на сумму примерно в «сумуни» (25 центов). Таким образом, оплата труда наемных сборщиков кофе относится к разряду минимальных в шкале поденной заработной платы в стране. В провинции Каффа иногда часть заработка (обычно около $\frac{1}{4}$) сборщику выплачивают им же собранными ягодами. Такая форма оплаты практикуется в ограниченный период, в разгар сезона, т. е. во время наибольшей активизации посредников.

В последние примерно десять лет ежегодно на работах по сортировке и очистке кофе занято около 5 тыс. человек. Например, в сезон 1962/63 г. было 113 кофеечистительных установок с 700 постоянными рабочими и 5 тыс. сезонных (почти исключительно женщины и дети). Обычно это не мигранты-отходники, а местные жители (этот труд оплачивается настолько низко, что дальние поездки становятся бессмысленными).

ТРАНСПОРТИРОВКА КОФЕ

Большая часть кофейнопроизводящих районов расположена на значительном расстоянии от центрального рынка, Аддис-Абебы, и от морских портов. Увеличение производства и экспорта кофе в последние годы во многом объясняется улучшением и развитием транспортной сети и условий транспортировки между периферийными и главными рынками кофе, а также в пределах кофейнопроизводящих районов и связано прежде всего с введением в строй новых автодорог. Ниже так сравнительно много места уделено вопросам транспортировки кофе, потому что, во-первых, реализация обширных планов строительства дорог, особенно к еще не тронутым массивам в Каффе, Илубаборе и Воллеге, позволит, по оценкам, увеличить производство кофе до 400 тыс. т в год и, во-вторых, потому что уже достигнутые местами успехи в дорожном строительстве позволили сократить на отдельных участках транспортные издержки до 80 %.

Нет необходимости подробно останавливаться на том, что аккумуляция и транспортировка товарного кофе осуществляется с непременным участием посредников — от мельчайших, мелких и средних с ограниченными радиусом и масштабами операций (в настоящее время только по лицензиям действует около 5 тыс. таких посредников) и до крупнейших экспортно-импортных компаний (см. ниже). В этой цепочке, в общем-то типичной для африканских стран, некоторые крупные посредники помимо торгово-транспортных операций занимаются и производством кофе. Кроме того, часть посредников берет на себя обязательства по очистке и сортировке кофе.

Для перевозок из глубинных труднодоступных районов используется вьючный транспорт: мулы, ослы, очень редко лошади (в Эфиопии нет гужевого колесного транспорта). По-видимому, в перспективе еще в течение нескольких десятилетий нельзя будет отказаться от этого вида перевозок. Норма вьючного груза колеблется от 20 до 100 кг на одно животное. Интересно, что некоторые поставщики кофе удлиняют маршруты вьючных перевозок, чтобы избежать услуг первого звена посредников. Иногда вьючные маршруты для обхода передовых инспекторских пунктов прокладываются параллельно уже существующим автомобильным — метод достаточно наивный, так как экспортный кофе, как правило, не минуя проверки на качество в крупных и центральных рынках. Вьючный транспорт — по-прежнему монополист в перевозках кофе к пунктам на границе с Суданом (2,5—3 тыс. т в год по очень приблизительным оценкам) из районов Ванбера (Дебре-Зейт), Асоса, Гамбела, Зегие. Есть сообщения об использовании в некоторых районах юго-западных провинций труда носильщиков. Практикуются также локальные перевозки кофе по внутренним водным путям: оз. Тана и р. Баро (из Гамбелы в Судан). Объем этих перевозок невелик.

За последние годы усилилась роль авиации в транспортировке кофе. В разгар сезонных перевозок сокращается число рейсов в «некофейных районах» и самолеты «Эфиопиен эрлайнз» используются на транспортировке кофе. Посадочные площадки или аэродромы IV класса обычно располагаются в районах, куда еще не проложены дороги, проходимые круглый год: близ Асосы, Беджи (Беги), Менди, Дембидолло, Некемти (Воллега), Гамбела, Горе, Беделле, Тепи (Илубабор), Мизан-Тефери, Маджи (Маги), Вака (Каффа), Бако, Булки (Гаму-Гофа), Содду (Сидамо) [59 и др.]. Таким образом, авиаперевозки практикуются только на юго-западе страны, реже в Сидамо и совершенно не нужны в Хараре, где районы производства кофе расположены близко от

железной дороги и отличного шоссе Харар — Диредава. Кофе на самолетах доставляют в Джимму или сразу в Аддис-Абебу.

Доля авиаперевозок кофе еще весьма мизерна, что, понятно, объясняется чрезвычайной слабостью авиационного транспорта страны вообще²⁴. Надо, кроме того, иметь в виду, что хотя самолеты — удобное средство для транспортировки такого весьма «деликатного» груза, как кофе, но в то же время это и очень дорогой вид транспорта.

Протяженность безрельсовых дорог в стране 25 тыс. км, однако лишь 7,5 тыс. км (1968 г.) из них проходимо для автотранспорта круглый год. Только 4% территории страны находятся в пределах пятикилометровой полосы (доступности) вдоль дорог, проходимых круглый год. Климат и рельеф Эфиопии, а также недостаток средств, техники и квалифицированных кадров делают проблему сооружения автодорог весьма сложной. Вместе с тем автомобильный транспорт — самый эффективный в условиях Эфиопии, поэтому правительство страны уделяет его развитию очень большое внимание.

Основная масса аккумулятивных перевозок кофе к двум центральным рынкам, Аддис-Абебе и Диредаве, осуществляется автомобильным транспортом. В последнее время растет роль автотранспорта в непосредственно экспортных перевозках (Аддис-Абеба — Ассаб, см. ниже).

Около 35% общей протяженности дорог, которые намечено построить по III программе Имперского управления автодорог (ее начали выполнять в 1965 г.), предполагалось соорудить главным образом для вывоза кофе. Надо сказать, что речь в данном случае идет о строительстве только круглогодичных, а не сезонных дорог²⁵. Хотя, как уже говорилось, пик-время перевозок приходится на декабрь — март, т. е. в относительно сухое время года, обилие осадков в дождливый период делает обычные дороги совершенно непроходимыми. Более того, даже в тех районах, где дороги более или менее проходимы в сухое время года, состояние их настолько отвратительно (к этому нужно добавить отсутствие, как правило, переправ через ручьи и реки), что передвижение по ним становится долгим и утомительным путешествием²⁶. Кофе в результате перевозок по таким «дорогам» заметно теряет свой товарный вид. Обильные дожди, кроме того, резко снижают темпы и качество дорожных работ (так, например, из-за ливней и их последствий сооружение важнейшей «кофейной дороги» Джимма — Бонга было прервано на полтора года). Однако сосредоточение финансовых, людских и технических ресурсов на строительстве дорог, предназначенных для аккумуляции и перевозок кофе, позволило ускорить темпы дорожного строительства в последние годы (табл. 5).

²⁴ В 1966 г. «Эфиопиен эрлайнз» располагала (кроме трех реактивных «Боинг-720», которые используются на международных линиях) 23 маломощными самолетами, главным образом американскими «Дуглас» устаревших образцов. Суммарные годовые авиаперевозки на всех внутренних линиях в последние годы составляют 3—5 тыс. т. В 1960 г. было перевезено самолетами кофе (в т): из Бако — 215, Булки — 91, Дембидолло — 104, Горе — около 200.

²⁵ Для обильно увлажняемых районов классификация дорог должна определяться прежде всего по их проходимости в течение года. В Эфиопии минимальные технико-эксплуатационные требования для дорог, проходимых круглый год, — это гравийное (щебеночное) покрытие, кюветы и бетонно-каменные или железобетонные мосты.

²⁶ Наблюдения автора в Центральной и Северной Эфиопии. Путь между двумя важными районами производства кофе — Агаро (Каффа) и Беделле (Илубабор), — равный примерно 100 км, автомашины проходили за двое суток. В сезон дождей всякое движение вообще прекращалось. Сейчас, после постройки шоссе, — за два часа. Т. Алан сообщает, что в 1953 г. путь от Джиммы до Аддис-Абебы занимал около двух недель. перевозка 1 т груза обходилась в 45 эф. долл. Сегодня — соответственно восемь часов и 20 эф. долл. [13, стр. 51].

Таблица 5

Протяженность дорог, проходимых круглый год, в «кофейных провинциях» *

Провинция	На 29.III.1962 г.		На середину 1966 г.	
	км	% к общей длине дорог в провинции	км	% к общей длине дорог в провинции
Воллега . .	90	5,5	160	9,8
Илубабор .	0	0	60	8,3
Каффа** .	140	10,3	300	22,2
Сидамо . .	260	11,9	400	18,3
Харар . . .	260	8,8	470	16,0
Всего . . .	750		1390	

* Подсчитано автором по: [24; 50, 1963, 1964; 59].

** Относительно высокий удельный вес дорог, проходимых круглый год, объясняется относительно малой общей протяженностью дорог этой провинции.

Из табл. 5 видно, что общая протяженность дорог, проходимых круглый год, в пяти указанных провинциях выросла почти вдвое (в это число входят, разумеется, и отрезки магистральных дорог, ведущих в Аддис-Абебу).

Конечно, новые дороги в этих провинциях построены и строятся не только для вывоза кофе, однако данные в табл. 5 характеризуют автодорожное строительство, связанное главным образом с перевозками именно этого товара.

Ниже перечисляются основные построенные и строящиеся автодороги, проходимые круглый год, в значительной степени предназначенные для вывоза кофе [10, 1964, № 1; 11; 21, 1963, № 6; 23, 1966, № 1; 24; 25, 1963, № 3, 1965, № 9; 37; 50; 59—61].

Вондо — Дилла — Агере-Марьям; участок Вондо — Дилла длиной 33 км построен, участок Дилла — Агере-Марьям (108 км) строится; это часть строящейся магистрали Аддис-Абеба — Юг (Эфиопия — Кения), через Моджо, Шашаманна, Вондо, Ябало, Мояле; участок Аддис-Абеба — Шашаманна (250 км) асфальтирован; это основная дорога по вывозу кофе из Сидамо.

Вондо — Кибре-Менгист, 138 км; построена; одно из основных назначений — вывоз кофе из района Агере-Села.

Некемти — Гимби, 111 км; построена; 43 км от Некемти; важная дорога к глубинным районам производства кофе Воллеги.

Миессо — Асбе-Тефери — Хирна — Колуби — Алем-Мая, 194 км; построена; связывает важнейшие районы производства харарского кофе с железной дорогой и автомагистралью Харар — Диредава.

Кобо — Дедер, около 20 км; для вывоза кофе из района Дедер к дороге Миессо — Алем-Мая.

Аддис-Абеба (Алемгена) — Бутаджира — Хосейна, 254 км; построена большая часть; дорога в значительной степени предназначена для вывоза кофе из авраджа Волламо; в последующем через Диду соединится с магистралью Шашаманна — Арба-Минч.

Шашаманна — Содду — Арба-Минч; построена; часть западного

варианта автомагистрали Аддис-Абеба — Юг; вывоз кофе из Гаму-Гофа, Северного Сидамо, Волламо.

Джимма — Бонга, 111 км; построена; одна из важнейших дорог в провинции Каффа по вывозу кофе.

Бонга — Мизан-Тефери; строится к важному району производства кофе и фруктов; продолжение дороги Джимма — Бонга.

Джимма — Агаро, 44 км; часть строящейся дороги Джимма — Агаро — Беделле — Горе; предполагается асфальтировать.

Агаро — Беделле, около 100 км; построена; часть дороги Джимма — Горе.

Джимма — Агаро — Беделле — Горе, около 300 км; важная дорога провинций Каффа и Илубабор по вывозу кофе; участок Горе — Беделле частично строится.

Некемти — Арджо — Беделле; строится, сооружено около 20 км от Некемти; на участке Арджо — Беделле должно начаться строительство крупного моста через р. Дидессу; важная дорога по вывозу кофе из Южной Воллеги и Северного Илубабора.

Джимма — Сунту; проектируется; соединит Джимму с важнейшим в стране районом производства дикорастущего и окультуренного кофе Лимму.

Содду — Каффа; важная связь между кофейнопроизводящими районами Сидамо и Каффа, разделенными р. Омо; построен участок от Содду до р. Омо и мост через нее.

Гелемсо — Асбе-Тефери, 80 км; строится в основном для вывоза кофе Аруси и Северо-Западного Харара.

Автомобильный транспорт обслуживает более 80 официально утвержденных правительством кофейных рынков, в том числе помимо центральных (Аддис-Абеба и Диредава) такие крупные, как Джимма, Некемти, Харар, Иргалем, Дилла, Бонга, Асбе-Тефери.

Таблица 6

Распределение грузоперевозок кофе автомобильным транспортом по провинциям (1961/62 г.) *

Из провинции	На центральный рынок	Доставлено, т	% ко всем поставкам кофе	Количество авторейсов
Воллега . .	Аддис-Абеба	11 898	18,58	1 215
Гаму-Гофа .	»	2 345	3,66	221
Илубабор .	»	7 095	11,08	699
Каффа . . .	»	24 363	38,05	2 183
Сидамо . .	»	16 620	25,95	1 263
Харар . . .	Диредава	10 916		

* Составлено по: [21,1963, № 6; 50,1963]. Такое же примерно соотношение существует и сейчас.

Огромное значение для экспорта кофе будет иметь сооружение дороги Аваш — Гавани — Тандахо (303 км), которая позволит сократить время пробега от Аддис-Абебы до Ассаба с 37 час. 30 мин. (как сегодня через Комболчу) до 16 час. Подсчитано, что объем экспортных грузопотоков по этой дороге будет в семь раз больше, чем по старой трассе. На трассе будущей дороги закончены съёмочные и разбивочные работы. С сооружением этой дороги отпадет, очевидно, необходимость строительства железной дороги Аддис-Абеба — Ассаб, проект которой

обсуждается уже более пяти лет. Сооружение дороги намного увеличит роль порта Ассаба во внешней торговле (в том числе и кофе) и в такой же мере снизит роль Джибути, пока что важнейшего порта по вывозу эфиопского кофе (см. ниже).

В первую, сезонную половину года перевозится до 70% всего товарного кофе. Расходы по автоперевозкам еще достаточно велики (так, стоимость перевозки 1 т кофе из Бонга в Ассаб временами достигает 6% ее цены на рынке в Нью-Йорке [53, стр. 53]; по нашим подсчетам — даже 8,8%). Следует отметить одну любопытную деталь. Если тарифы за автоперевозку в среднем для всей массы грузов снижаются (например, на дороге Аддис-Абеба — Ассаб с 87,5 эф. долл. за 1 т в 1953 г. до 42,5 эф. долл. в 1958 г. и до 30 эф. долл. за 1 т в 1962 г.), что связано с общим развитием и улучшением дорожной сети и в меньшей степени с сокращением дорожных рейсов, то тарифы за перевозки кофе, основного «золотого товара» Эфиопии, не имеют такой тенденции (в сезон — 55—65 эф. долл. за 1 т) [50, 1964, стр. 54—55]. Из всех экспортных сельскохозяйственных грузов кофе облагается самыми высокими транспортными тарифами. Однако на железнодорожном транспорте они более стабильны, чем на автомобильном. Этим, в частности, объясняется конкурентоспособность Джибути как порта по вывозу кофе (речь идет в данном случае о всем кофе, кроме харарского, для которого Джибути — единственный порт-экспортер).

Основная масса экспортного кофе, в том числе весь кофе из Харара, направляется по железной дороге Аддис-Абеба — Джибути; более того, кофе — ее основной экспортный груз (табл. 7).

Таблица 7
Грузоперевозки по железной дороге Аддис-Абеба — Джибути *

Год	Всего экспортных грузов	В том числе кофе	% кофе к экспортным перевозкам по ж. д.	% ко всему экспорту кофе из страны	Внутренние перевозки кофе, т
	тыс. т				
1960/61**	105,9	48,5	45,80	84,66	158
1961/62**	122,2	51,7	42,30	88,53	126
1962/63	112,0	46,3	41,34	69,42	91
1963/64	122,0	48,0	39,34	63,49	—

* Составлено и высчитано по: [14, стр. 50; 34, стр. 508; 50, 1963, 1964].

** Железнодорожный год (июль — июнь).

Таким образом, несмотря на более льготные по сравнению с автодорожным транспортом тарифы, доля перевозок экспортного кофе по железной дороге Аддис-Абеба — Джибути в общем объеме экспортных перевозок по этой дороге, а также во всем экспорте кофе имеет тенденцию к снижению.

Большое значение в Эфиопии придают строительству железной дороги Назрет (на железной дороге Аддис-Абеба — Джибути) — Дилла (Сидамо) протяженностью 310 км, финансируемому Францией. Она должна связать важнейшие районы товарного сельскохозяйственного производства, в том числе и производства кофе.

ЭКСПОРТ КОФЕ

В официальных списках эфиопских товаров на экспорт под кодовым номером 071.120 значится кофе — важнейшая стоимостная статья экспорта этой страны. Повторяем: начиная с 1953 г. удельный вес кофе в общей стоимости экспорта ни разу не опускался ниже 50%. Внешняя торговля — одна из немногих отраслей хозяйства Эфиопии, для которой существует сравнительно надежная статистика. Учет кофе, поступающего на экспорт, ведется в Аддис-Абебе и Диредаве; его качество и количество предварительно проверяются на пунктах Национального управления по кофе, расположенных на важных магистралях, соединяющих Аддис-Абебу с Джиммой, Некемти, Диллой и др.

Кофе — второй по значению товар (после нефти) на мировом рынке. Он оказывает пока что решающее влияние на движение выручки от экспорта и, следовательно, на способность к импорту многих развивающихся стран тропического пояса, в том числе и Эфиопии.

После второй мировой войны цены на кофе повысились (в связи с восстановлением спроса). Предложение отставало от спроса, что во многом объяснялось разрывом во времени между новыми капиталовложениями (главным образом закладка плантаций) и производством, хотя для Эфиопии, поставщика в основном частично окультуренного и дикорастущего кофе, такого разрыва в принципе не существовало и экспорт этой культуры в 1945—1955 гг. увеличился почти втрое (табл. 8). Повышение цен длилось до 1954 г., а затем, когда предложение сравнялось со спросом и начало обгонять его, цены начали падать (в 1962 г. на мировом рынке было продано кофе на 50% больше, чем в «переломном», 1954 г., а валютная выручка была на $\frac{1}{3}$ меньше).

Для Эфиопии, сравнительно мелкого и специфического (дикорастущий и частично окультуренный «арабика») поставщика кофе, величина валютных поступлений от экспорта кофе в 1954—1963 гг. довольно сильно колебалась, но общей тенденции к ее сокращению не наблюдалось (табл. 8). Это отчасти объясняется возросшим экспортом кофе (более чем в два раза).

Еще примерно четыре десятилетия тому назад значительная масса экспортируемого эфиопского кофе вывозилась в Европу через Йемен. В Йемене эфиопский кофе смешивался с более высокими сортами и под коммерческим названием «мокко» поступал в Европу. Экспорт кофе до начала итало-эфиопской войны составлял (в тыс. т): 1929 г. — 13,7; 1930 г. — 14,4; 1931 г. — 18,5; 1932 г. — 20,0; 1933 г. — 13,6; 1934 г. — 22,5; 1935 г. — 23,2 [3, стр. 68; 18, стр. 144; 19, стр. 192; 24, 5.V.1966].

По второй пятилетней программе развития страны предполагалось снизить удельный вес кофе в общей стоимости экспорта с 50—53 до 41% (к 1967 г.), что было бы обеспечено годовым приростом экспорта кофе в 6,3% при общем увеличении объема экспорта на 10% в год. Однако это задание не было выполнено (табл. 8).

Главным потребителем эфиопского кофе являются США, затем следуют арабские страны и Италия (табл. 8 и 9).

Экспорт кофе, как и любой другой продукции растительного происхождения, распределяется в течение года неравномерно: увеличение в данном случае начинается с декабря, достигает кульминации в феврале — марте и снижается к июлю (табл. 10; см. также стр. 76).

Помимо ботанических разновидностей кофе (см. выше) существует шкала коммерческих (экспортных) сортов [18, стр. 142—143; подробное описание см.: 17, стр. 19—86]. В 20-х годах бытовало самое общее деление эфиопского кофе на коммерческие типы: 1) «харарский» и 2)

Таблица 8

Экспорт кофе *

Год**	Тыс. т	Млн. эф. долл.	Удельный вес во всем экспорте страны	Удельный вес в общем африканском экспорте кофе	Удельный вес в мировом экспорте кофе	Доля США в экспорте эфиопского кофе по весу
			‰			
1945	15,9	17,0	—	—	—	—
1950	18,7	32,6	46,0	—	—	—
1953	43,9	100,3	59,2	—	—	—
1954	31,6	99,5	62,0	—	—	—
1955	42,1	90,2	55,6	—	—	—
1956	31,5	80,1	52,5	—	—	—
1957	50,7	123,0	63,7	—	—	—
1958	39,9	97,4	62,1	—	—	—
1959	45,4	97,4	54,1	—	—	—
1960	51,3	104,9	54,3	8,5	1,9	63,6
1961	56,0	93,9	50,0	8,5	2,0	73,0
1962	62,6	107,1	53,7	9,0	2,2	68,3
1963	67,5	110,9	50,0	9,1	2,3	70,0
1964	74,3	158,9***	60,6****	9,6	2,6	75,4
1965	82,0*****	188,3****	65,0	—	—	77,7*****
1966	80,2*****	156,0	56,8	—	—	—
1967	70,8	—	—	—	—	70,0

* Составлено по: [8; 21, 1963, № 6 и 7; 38; 44; 45; 50; 55].

** 1945 — 1961 гг. — с 10 декабря указанного года; 1962 — 1967 гг. — с 11 января указанного года.

*** Резкий скачок объясняется ростом цен (на 33,5%) на кофе «джимма» по сравнению с 1963 г.

**** Самый высокий среди африканских стран.

***** Цифры, очевидно, завышены. В [58] для 1964 г. — 70,2 тыс. т, 1965 — 70,2 тыс. и для 1966 г. — 73,6 тыс. т.

***** По стоимости.

Таблица 9

География экспорта кофе в среднем за 1961/62 — 1963/64 гг.*

Импортёр	‰	Импортёр	‰	Импортёр	‰
США	71,38	Югославия	1,02	Австралия	0,09
Саудовская Аравия**	5,31	ФРГ	0,92	Новая Зеландия	0,09
Италия	4,59	Япония**	0,75	Ливан	0,08
Аден	3,67	Судан**	0,67	Гибралтар	0,06
Норвегия	1,96	Швейцария	0,56	Нидерланды	0,02
Сомали (фр.)	1,84	Ирак**	0,50	Финляндия	0,02
СССР**	1,64	Греция	0,41	Кувейт**	0,01
Швеция	1,43	Израиль	0,20	Канада	0,01
Франция	1,38	Иордания**	0,17	Дания	0,01
Великобритания	1,08	Бельгия	0,11	Сомалийская Респуб-лика	0,01

* Взято по: [21, 1964, № 8].

** Страны, не являвшиеся членами МОК в указанный период; суммарный экспорт в эти страны составляет около 9%. Для Судана — только учтенный экспорт.

Сезонность экспорта кофе*,
т в месяц

Год	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь
1961	8 192	10 176	8 512	5 933	5 707	4 070	2 752	1 678	1 609	1 424	1 799	4 250
1962	7 823	9 366	10 142	6 548	7 103	3 673	2 579	2 888	2 096	1 923	2 226	5 516
1963	9 398	12 124	11 738	7 076	5 326	3 807	9 093	2 434	3 930	—	—	—

* Взято по: [50, 1964].

прочий. Накануне итало-эфиопской войны была предложена и использовалась такая шкала: «харарский», «лекепти» (некепти), «джимма», «сидамо». В 50-х годах была предпринята попытка установить единую обоснованную шкалу торговых сортов, но многие крупные производители кофе (например, «Тана компани лтд») устанавливают свои определители коммерческой сортности. Здесь упоминается о шкале коммерческих сортов главным образом потому, что все предлагаемые варианты так или иначе отражают географию эфиопского товарного кофе. Сегодня в Эфиопии шкала коммерческих сортов определяется по названиям крупнейших аккумулятивных рынков и районов: «джимма», «сидамо» (иргале), «горе», «харар», «некепти» (гимби), «дембидолло», «волламо», «гаму-гофа». Иногда эта шкала генерализуется: «харар», «сидамо», «джимма», «некепти». На нью-йоркском рынке бытуют два термина: кофе «джимма» и кофе «харарский» (не совсем точно — «мокко»).

Экспортная выручка от продажи эфиопского кофе определяется состоянием цен на нью-йоркском рынке кофе. С 1954 по 1963 г. среднегодовые цены на кофе «джимма» упали с 50,48 до 32,44 цента за 1 фунт. Вместе с тем эфиопский кофе в эти годы оставался одним из самых дорогих в Нью-Йорке, идя вплотную за бразильским «сантосом» (в 1959 г. разрыв составлял 0,4 цента). Важнейшим следствием ухудшения конъюнктуры цен на кофе явилось стимулирование производства на экспорт других товаров традиционного производства: кожсырья, масличных, бобовых. Однако это не могло компенсировать потери в валютной выручке от экспорта кофе.

Исходная закупочная цена на кофе «джимма» составляет 46,2% экспортной продажной (пример для 1961/62 г.) — разрыв в общем-то не очень большой. При этом надо иметь в виду, что стоимость производства кофе в Эфиопии ниже, чем в других кофейнопроизводящих странах, благодаря большой доле частично окультуренного и дикорастущего кофе. Вместе с тем подсчитано [24, 28.VII.1962], что валютные поступления от экспорта кофе составляют только 2,5—3% суммы розничной реализации эфиопского кофе в других странах. Вероятно, эта цифра занижена, но ненамного. Цепочка посредников заканчивается крупнейшими скупщиками экспортного кофе, в большинстве своем иностранными компаниями (к ним мы относим и официально зарегистрированные в стране), существующими в Эфиопии уже сравнительно давно и ставшими традиционными экспортерами кофе.

Таблица 11 довольно красноречиво показывает, в чьих руках сосредоточивается основная масса кофе на экспорт. Конечно, для подав-

Таблица 11

**Крупнейшие компании по закупкам и экспорту кофе
(сезон 1961/62 г.)***

Компания	Год основания в Эфиопии	Закупки и экспорт кофе, т	Удельный вес в общем объеме экспортных операций, %
«Анре Бесс энд компани» (англ.) . . .	1914	4234	7,13
«Индо-эфиопиан компани» (смеш.) . .	—	2183	4,30
«Каффекс» (?)	—	2039	3,67
«Лазаридис» (греч.)	—	9765	16,44
«Магдалинес» (греч.)	—	1928	3,25
«Мириалис Папафилиппу» (смеш.) . .	1946	4074	6,86
«Митчелл Коттс энд компани» (англ.)	1943	8087	13,61
«Мэзон Ф. Ливьерато» (?)	1902	6689	11,25
«Поль Рье энд сонс» (франц.)	1945	1744	2,93
«Сефериан компани» (смеш.)	1911	2554	4,43
Всего . . .			73,87

* Вычислено по: [21, 1962, № 5; 50, 1963].

ляющего большинства этих экспортно-импортных посреднических компаний операции с кофе — не единственная сторона деятельности, но так или иначе эти операции играют важную роль в доходах указанных компаний. В 1965 г. была создана Ассоциация коммерсантов кофе, цель которой — дальнейшее увеличение экспорта [1].

Естественно, что для Эфиопии, одной из участниц МОК²⁷, все большее значение имеет проблема экспортных квот, особенно в условиях высокой насыщенности мирового рынка кофе (в сезон 1962/63 г., например, производство превысило потребление в 2,5 раза). Заинтересованность Эфиопии в активной разработке политики квот видна хотя бы из того, что этой проблемой постоянно занимаются высшие правительственные инстанции. Эфиопские делегации на сессиях МОК, как правило, возглавляют министры. При защите интересов Эфиопии правительство использует помимо прессы, пленарных заседаний МОК и т. д. еще и дипломатические каналы (например, памятные записки и другие демарши).

Особенно обострился вопрос о квотах в последние годы — годы постоянной и упорной борьбы Эфиопии и других мелких и средних производителей—экспортеров кофе за установление справедливой доли на рынке этой продукции. В Лондоне на 8-й конференции МОК (август—сентябрь 1966 г.) квота для Эфиопии на 1966/67 г. была установлена в 72,3 тыс. т, т. е. увеличена фактически всего на 1,8 тыс. т, а не на 24,5 тыс. т, как того просила Эфиопия. Базисная квота для Эфиопии на конференции МОК в сентябре 1967 г. в Лондоне была увеличена до 79 тыс. т. Таким образом, доля Эфиопии на мировом рынке (стран МОК) увеличилась с 2,52 до 2,72%. Если увеличение мирового потребления кофе сохранится на уровне 2,5% в год, то к 1972 г. Эфиопия сможет экспортировать около 89 тыс. т кофе [10, 1968, № 6, стр. 1064AB].

Политику МОК во многом определяют, как известно, США — крупнейший потребитель кофе (см., в частности, табл. 8 и 9). Существен

²⁷ В 1966 г. — 58 государств-членов, в том числе 35 производителей кофе.

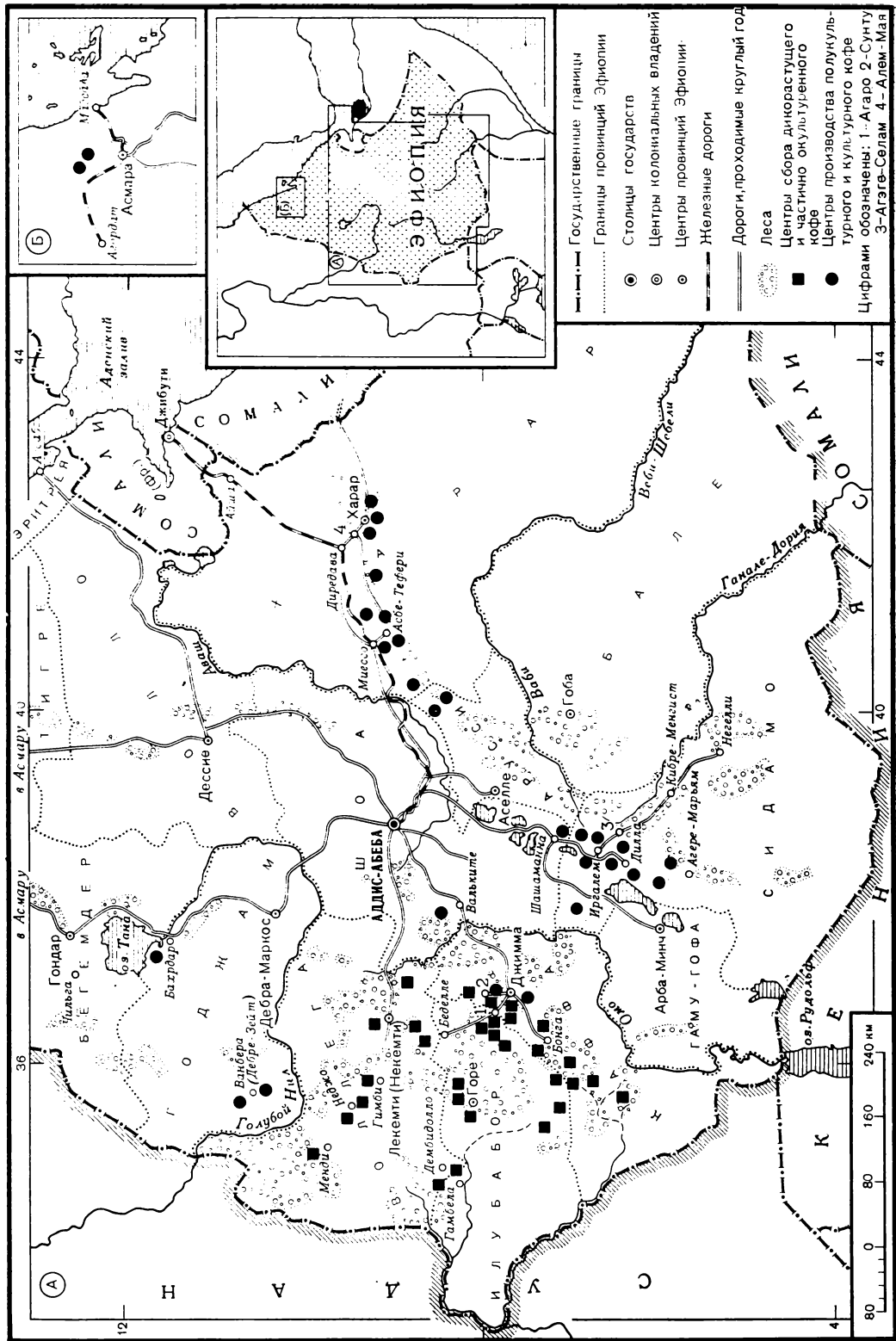
ным элементом цепи конфликтов в политике квот является несоответствие данных о производстве, экспорте и экспортных ресурсах кофе стран-поставщиков, представляемых этими странами и министерством сельского хозяйства США.

Объем экспортной продукции кофе в Эфиопии на 1961/62 г. был определен чиновниками министерства сельского хозяйства США в 63 тыс. т, на 1962/63 г. — в 66 тыс. т, тогда как эфиопские представители оценивали его соответственно по 80 тыс. т (по уточненным данным, эти цифры были позже несколько изменены — на 79 тыс. и 82 тыс. т соответственно). Побывавшая в январе 1964 г. в Эфиопии делегация экспертов МОК и МБРР согласилась с цифрой в 80,9 тыс. т как для 1961/62, так и для 1962/63 г. На сессии Совета МОК в августе 1965 г. глава эфиопской делегации, министр торговли и промышленности, заявил, что в 1964/65 кофейном году нереализованные резервы кофе только из продукции сезона 1964/65 г. составили 28,4 тыс. т (30% экспортной продукции), не считая переходящих запасов предыдущих лет. По утверждению в [24, 1.II.1964], в начале 1964 г. только в провинции Каффа скопилось около 30 тыс. т кофе. В это можно поверить, учитывая, что, как правило, у мелких производителей и посредников (а они типичны для Каффы) накапливается много нереализованного кофе. Судя по последним сообщениям эфиопской печати, в 1965—1967 гг. в стране ежегодно остается непроданным около 60 тыс. т кофе. Надо к этому добавить, что значительная часть нереализованных запасов из-за плохого складирования и хранения оказывается негодной для экспорта (например, 7,5 тыс. т в 1962/63 г.) [4, 18.XII.1965; 5.VIII.1966; 21, 1963 № 6; 24, 11.I и 12.VIII.1964, 21.VIII, 24.XI и 21.XII.1965, 5.VIII и 7.IX. 1966; 35].

Если эфиопские данные о суммарном производстве кофе (см. выше) являются довольно спорными, то реальность данных об убыстряющихся темпах накопления нереализованных запасов кофе не вызывает сомнения. Накопление складских запасов кофе и возможность расширения экспорта — одна из наиболее острых проблем экономики современной Эфиопии.

Эфиопское правительство, аргументируя экспортные возможности страны и требования увеличения базисных экспортных квот на кофе, выделяет обычно три фактора: 1) ежегодное увеличение экспорта; 2) рост производства кофе в последние годы и соответственно нереализованных запасов этой продукции; 3) значительное расширение и модернизация дорожной сети в районах производства кофе. Можно было бы привести и другие аргументы: улучшение качества экспортного кофе, некоторое усовершенствование «технологии» всей линии производитель — экспортер и др.

Очерки об эфиопском кофе завершает карта размещения районов производства кофе в стране. Из примерно 60 районов (точечных и ареалов) производства кофе, упоминающихся в существующей литературе об эфиопском кофе, удалось показать на карте подавляющее большинство, во всяком случае все самые известные. Карта дана в уменьшении с рабочих крупномасштабных материалов и поэтому графически выполнена достаточно точно. Предпринята попытка с максимальной подробностью показать географию культуры кофе в Эфиопии. Может быть, поэтому прилагаемая карта несколько отличается от картосхем, имеющих в некоторых работах (например, от «кофейной подковы» в [47]).

ЛИТЕРАТУРА

1. «Азия и Африка сегодня», М., 1966, № 11.
2. «Африка. Энциклопедический справочник», т. 1, 2, М., 1963.
3. «Борьба за Северо-Восточную Африку. Материалы и документы», М., 1936.
4. «Бюллетень иностранной коммерческой информации», М., 1965—1968.
5. Кодрау О. Д., Климат Эфиопии, Л., 1964.
6. Комаров В. Л., Избранные сочинения, т. XII, М.—Л., 1958.
7. Эльянов А. Я., Эфиопия, М., 1967.

8. «The Africa and West Asia Agricultural Situation», Washington, 1965.
9. «Africa Confidential», London, 1968, № 7.
10. «Africa Research Bulletin», Exeter, 1966—1968.
11. «African World», London, 1964, March.
12. «Agriculture of Ethiopia», vol. I—VIII, Addis Ababa, 1954—1961.
13. Alan T., Ethiopia, pt 2, — «Natural History», New York, 1968, vol. 77, № 3.
14. «Bulletin de l'Union internationale des chemins de fer», Paris, 1965, vol. 36, № 2.
15. Cheesman R. E., Lake Tana and the Blue Nile, L., 1936.
16. Chevalier A., Les caféiers du globe, — «Encyclopédie biologique», Paris, 1947, vol. XXVIII.
17. Cifferi R., Primo rapporto sul caffè nell'Africa Occidentale Italiana, Firenze, 1940.
18. Cifferi R., Problemi del caffè nell'Africa Occidentale Italiana, — «L'Agricoltura coloniale», Firenze, 1940, vol. 34, № 4.
19. Drew C. G. A., Green Coffee Production and Distribution, — «Tropical Agriculture», London, 1956, vol. 33, № 3.
20. «Encyclopédie biologique», Paris, 1929, vol. IV, fasc. 1.
21. «Ethiopia Economic Review», Addis Ababa, 1962—1964.
22. «Ethiopia. Facts and Figures», Addis Ababa, 1960.
23. «Ethiopian Geographic Journal», Addis Ababa, 1963—1967.
24. «Ethiopian Herald», Addis Ababa, 1962—1968.
25. «Ethiopian News», London, 1963—1965.
26. «Ethiopian Observer», Addis Ababa, 1957—1966.
27. «[FAO] Monthly Bulletin of Agricultural Economics and Statistics», Rome, 1967—1968.
28. «FAO Production Yearbook, 1962—1967», Rome, 1963—1968.
29. Gourou P., L'Ethiopie, — «Cahiers d'outre-mer», Bordeaux, 1966, vol. 19, № 75.
30. Griaule M., La culture indigène du caféier dans les provinces du nord de l'Abyssinie, — «Revue de botanique appliquée et d'agriculture tropicale», Paris, 1930, vol. X, № 105.
31. «Guida d'Africa Occidentale Italiana», Milano, 1938.
32. Hailu Wolde Emmanuel, Concession Agriculture in Eritrea, — «Ethiopian Geographical Journal», Addis Ababa, 1964, vol. 2, № 1.
33. «Image of Ethiopia», Addis Ababa, 1963.
34. «Industries et travaux d'outremer», Paris, 1965, vol. 13, № 139.
35. «Marktinformation für den Aussenhandel (DDR)», Berlin, 1965, № 5.
36. «The Middle East and North Africa», Rochester, 1965—1966, 1967—1968.
37. «Middle East Economic Digest», London, 3.I.1964.
38. «Monthly Statistical and Documentary Service», London, 1966, Febr. (App. to «Middle East Economic Digest»).
39. «Natural Vegetation in Ethiopia», — «Ethiopian Observer», Addis Ababa, 1961, № 1.
40. «New Africa», New York, 1965, № 2.
41. «New Town Bahar-Dar...», Frankfurt on Main, 1960, November.
42. «Overseas Business Reports», Washington, 1966, August; 1967, February.
43. «Patterns of Progress. Industry in Ethiopia», Book VI, Addis Ababa, 1966.
44. «Quarterly Bulletin», Addis Ababa, 1967, Dec.
45. «Report on Economic Conditions and Market Trends», Addis Ababa, 1955—1963.
46. Sala G., Clima dell'Etiopia e confronti col clima dell'Eritrea e della Somalia, Bergamo, 1938.
47. Schumacher G., Der Kaffee in Landschaft und Wirtschaft Aethiopiens, — «Geographica Helvetica», Berne, 1966, № 1.
48. Simoons F. J., Northwest Ethiopia. Peoples and Economy, Madison (Univ.), 1960.
49. Southard A. E., The Story of Abyssinia's Coffee, — «The Tea and Coffee Trade Journal», New York, 1918, vol. 34, № 1.
50. «Statistical Abstract of Ethiopia», Addis Ababa, 1963—1965.
51. Strenge H. van, Wild Coffee in Kaffa Province of Ethiopia, — «Tropical Agriculture», London, 1956, vol. 33, № 4.

52. Sylvain P. G., Ethiopian Coffee: Its Significance in the World Coffee Problems, — «Economic Botany», Washington, 1958, vol. 12, № 2.
53. Taye Gulilat, Coffee in the Ethiopian Economy, — «Journal of Ethiopian Studies», Addis Ababa, 1963, vol. 1, № 1.
54. Teffara Dagnefe, Capital Formation in Ethiopia, Addis Ababa, 1959.
55. «UN Monthly Bulletin of Statistics», New York, 1968, January — July.
56. «US Army Handbook for Ethiopia», Washington, 1964.
57. «World Agricultural Production and Trade», Washington, 1964—1966.
58. «Yearbook of International Trade Statistics 1966», New York, 1968.

59. Ethiopia. Transportation and Administration. 1 : 2 800 000. Addis Ababa, 1966, January.
60. Map of Ethiopia (in Statistical Abstract of Ethiopia 1964, Addis Ababa).
61. Road Map of Ethiopia. 1 : 2 580 000, Addis Ababa (1965).

Н. С. Бабинцева

КООПЕРАТИВЫ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ЗАПАДНОЙ АФРИКЕ (колониальный период)

Кооперативы появились во французских колониях в начале XX в. Однако они имели совершенно специфические черты, отличавшие их от обычных форм кооперативного движения. Главная их отличительная особенность в том, что они насильственно насаждались колониальной администрацией и служили важным государственно-монополистическим орудием французского колониализма.

Рассмотрим коротко историю создания и функционирования этих кооперативов, носивших сокращенное название «обществ обеспечения» (*sociétés de prévoyance*). Их полное название — Туземные общества предусмотрительности, сельскохозяйственной взаимопомощи и взаимоссуд (*Sociétés indigènes de Prévoyance, de Secours et de Prêts mutuels agricoles*). Первые общества обеспечения были созданы декретом от 29 июня 1910 г. в Сенегале.

Французский исследователь этой проблемы М. Буайе основным методом их деятельности считал непосредственное административное вмешательство в экономику. Он писал: «Они (общества обеспечения. — *Н. Б.*) должны быть инструментом, посредством которого администрация вмешивалась бы в контроль над производством» [4, стр. 50]. Действительно, вся организационная структура общества обеспечения имела одну цель — обеспечить администрации наиболее полный и действенный контроль над хозяйством членов общества. Прежде всего членство в обществах и уплата членских взносов были обязательными для африканцев. Делами обществ вершила исключительно колониальная администрация округа, выполнявшая предписания свыше. Комендант округа и несколько его специальных европейских помощников по обществу обеспечения (казначей общества, секретарь и т. д.) практически единолично принимали все решения, касавшиеся судеб членов так называемого кооператива. Правда, общества имели Совещательную ассамблею и Административный совет, избираемые населением, но эти органы обладали даже официально лишь совещательными правами. Если же учесть, что все заседания проходили на французском языке, которого большинство не знало, и что все присутствовавшие полностью зависели от администрации, то становится совершенно ясен исход таких совещаний, заседаний и обсуждений.

Одно время президентом обществ обеспечения был местный житель,

африканец, назначаемый губернатором колонии из числа трех лиц, выбранных для этой цели Административным советом. При этом если кандидатуры не устраивали администрацию, то она требовала выдвинуть другие и не назначала президента до тех пор, пока не находила подходящей креатуры. Чаше всего президентом становился или представитель феодальной знати, или бывший солдат французской армии. Эти лица были тесно связаны с колонизаторами и всецело выполняли их волю.

Это дискредитировало общества обеспечения в глазах африканцев и послужило одной из причин того, что в 1953 г. в новой обстановке, для предотвращения излишних волнений решено было преобразовать их во Взаимные общества сельскохозяйственного производства — ВОСП (*Sociétés Mutuelles de Production Rurale*). В 1956 г. было начато также создание Взаимных обществ сельскохозяйственного развития, созданных, в общем, по типу обществ обеспечения. Эти новые общества по существу мало чем отличались от старых. Только в их организационной структуре были даны кое-какие уступки местному зажиточному населению, которое получило несколько больше доступа к управлению делами. Все основные решения по-прежнему принимались администрацией. Преобразование проходило медленно и без особых стараний, так что к 1955 г. на территории бывшей Французской Западной Африки (ФЗА) существовало лишь десять ВОСП.

Реорганизация мало что изменила в статуте и деятельности обществ и соответственно в отношении к ним населения. Крестьяне, члены общества обеспечения, рассматривали его как совершенно чуждый им элемент, как обособленно от них функционирующий организм, который ссужает им семена, зерно, иногда удобрения, машины, деньги и является, таким образом, их кредитором. Между обществом обеспечения и крестьянами установились отношения, с одной стороны, начальника и подчиненного (поскольку общества представляли одну из сторон деятельности администрации округа), а с другой — отношения займодавца и должника. Надо сказать, что средства обществ были немалыми. Например, с 1920 г. активы обществ обеспечения по всей ФЗА выросли с 5 млн. фр. в 1920 г. до 37 323 681,41 фр. в 1933 г. [4, стр. 190]. Активы сенегальских обществ обеспечения выросли за период с 1911 по 1933 г. с 196 944 фр. до 26 142 161 фр. соответственно [4, стр. 191]. К сожалению, таких сводных данных по периоду после 1933 г. найти не удалось. Однако, так как проводимая политика оставалась прежней, членские взносы население продолжало выплачивать и размер их даже увеличивался, можно предположить, что эти суммы значительно возросли. Для иллюстрации положения в обществах в 50-х годах можно привести в пример ежегодный бюджет всех обществ обеспечения федерации ФЗА. В 1952 г. он составлял 2 млрд. афр. фр., что равнялось $\frac{1}{15}$ всех фискальных доходов федерации [5, стр. 85].

Собственность обществ обеспечения была довольно разнообразна. Прежде всего это были деньги, положенные на текущие счета в банке, откуда они переводились на счета контрагентов обществ обеспечения по сделкам. Этот капитал наращивал проценты, которые также принадлежали обществам. Значительная часть собственности имела вещественную форму зерна, складских помещений, сельскохозяйственного инвентаря и техники, скота, транспортных средств (грузовики, тележки). Иногда общества обеспечения владели даже заводами по первичной обработке продукта, колодцами, кое-какими ирригационными сооружениями.

Следующие данные характеризуют итоги деятельности сенегальских

Обществ обеспечения по накоплению активов к 1933 г. (во фр.) [4, стр. 127]:

Деньги в кассе	734 163,93
Вклады до востребования	1 418 539,95
Зерно (около 40 тыс. т арахиса) на складах (в текущих ценах)	16 340 062,28
ссуды, которые будут возмещены	3 334 917,12
Оборудование, инвентарь	1 198 052,57
Скот	2 324,25
Неуплаченные членские взносы и неполученные проценты по ссудам	336 091,35
Различные задолженности	1 434 836,92
Недвижимое имущество	894 217,19
Ценные бумаги	887 462,29
Всего	26 580 667,85

Как мы видим, наибольшая часть активов сенегальских обществ обеспечения существовала тогда в виде запасов и ссуд семян арахиса. Это вполне понятно, так как основной проблемой воспроизводства арахиса была проблема семян. Это характерная черта периода распространения экспортных культур.

В бывшем Французском Судане (ныне Республика Мали) этот период наступил позже, и там уже в 50-х годах большая часть средств обществ обеспечения затрачивалась на семена. Так, например, в 1952 г. из общей суммы членских взносов в 85 млн. афр. фр. 55 млн. были израсходованы на семена, причем упор делался на арахис [10, стр. 98—99]. В последующие периоды, когда данная экспортная культура уже прочно завоевывала место в африканской экономике и у обществ обеспечения имелись достаточные запасы семян для обеспечения не только простого, но и расширенного воспроизводства, в активах обществ вырастал удельный вес сельскохозяйственной техники, удобрений.

Так, в годовых бюджетах сенегальских обществ обеспечения после второй мировой войны почти не фигурируют такие статьи, как покупка арахиса для распространения семян среди крестьян и поддержания производства, но появляются и резко увеличиваются расходы, характерные для капиталистически развивающегося торгового земледелия (покупка удобрений, техника, обеспечение хозяйств наемной рабочей силой и т. д.). Например, в 1950 г. сенегальские общества обеспечения потратили около 9 млн. афр. фр. на рытье колодцев, 23 млн. — на организацию доставки наветанов, 29 млн. — на покупку удобрений и около 48 млн. афр. фр. — на покупку сельскохозяйственных материалов [9, стр. 90].

Каковы были источники финансирования обществ обеспечения? Как уже было сказано, членские взносы составляли ежегодно весьма значительные суммы и являлись главной составной частью бюджета. Это открыто признавал М. Буайе. Он приводил соотношение суммы членских взносов со всем бюджетом общества обеспечения ФЗА в 1933 г. Весь бюджет был равен 14 404 850 фр., из них членские взносы только в денежной форме (в исключительных случаях их можно было уплачивать натурой) составляли 8 506 168 фр. [4, стр. 70]. В 20—30-х годах взнос в общество обеспечения составлял почти повсеместно 1 фр. в год, но с течением времени происходили его увеличение и дифференциация по зонам. Например, ежегодный членский взнос в Дагомее в 1951 г. составлял 30 афр. фр. [2, стр. 102], а в Береге Слоновой Кости в середине 50-х годов — 500 афр. фр. с каждого подде-

жащего обложению. В 1955—1956 гг., таким образом, общая сумма взносов по всему Берегу Слоновой Кости достигла 10 млн. афр. фр. [3, стр. 125]. В 1952 г. 2 млн. членов обществ Французского Судана заплатили 85 млн. афр. фр.

Кроме членских взносов доходы обществ обеспечения составлялись из процентов на капиталы в денежной форме, лежавшие в банках, и процентов на ссуды, выданные крестьянам (обычно из 20% годовых деньгами или натурой), платы за пользование сельскохозяйственным инвентарем, скотом, транспортными средствами.

Была и еще одна статья дохода, названная М. Буайе весьма туманно дарами в натуре и деньгах. При этом, очевидно, имелись в виду всякого рода натуральные повинности, дни работы членов обществ при рытье колодцев, ирригационных сооружений, проведении дорог и т. д. Все эти работы выполнялись крестьянами бесплатно, так как считалось, что возводимые постройки — их коллективная собственность. Особенно большое распространение эти формы труда получили после второй мировой войны, когда принудительный труд был отменен и основные поставки рабочей силы для создания тех или иных элементов инфраструктуры помимо наемного труда шли через общества обеспечения и так называемую Жени рюраль (*Génie Rurale*).

Жени рюраль — это специальная организация, созданная в 1949 г. и действовавшая в тесном контакте с администрацией и обществами обеспечения, хотя формально она считалась обособленной от обществ. В действительности их сферы деятельности часто перекрещивались и общества иногда даже финансировали Жени рюраль. Такой факт имел место, например, во Французском Судане. В 1952 г. общества перевели на счет Жени рюраль 16 млн. афр. фр. [10, стр. 98]. Финансирование Жени рюраль на $\frac{1}{3}$ осуществляло местное население, на $\frac{2}{3}$ — бюджет колонии. Эта организация была создана для проведения сравнительно мелких работ в масштабе деревни, района, округа. Все сооружения формально считались собственностью воздвигнувшего их коллектива. Лозунгом и целью Жени рюраль было провозглашено «улучшение условий черного крестьянина путем преобразования среды, в которой он работает и живет» [1, стр. 425]. Но когда поверившие в этот лозунг африканцы попытались направить деятельность Жени рюраль на строительство деревенских школ, больниц и тому подобных учреждений, администрация, фактически полностью контролировавшая эту организацию, наложила вето на такие проекты, так как они не отвечали интересам иностранного капитала.

Какие же основные задачи, возложенные колониализмом, выполняли общества обеспечения? Прежде всего задачи по расширению производства и улучшению качества экспортной продукции. Именно через общества обеспечения семена и саженцы обязательных культур распределялись среди крестьян в виде обязательной ссуды с возмещением в натуре. Иногда общества обеспечения сами имели питомники экспортных культур и распределяли саженцы среди своих членов. Общества обеспечения положили начало «триумфальному шествию» кофе и какао по бывшим французским владениям на побережье Гвинейского залива.

Общества обеспечения сыграли также определенную роль в превращении арахиса в монокультуру Сенегала, хотя им и не приходилось заниматься непосредственным внедрением этой культуры, которая завоевала уже достаточную популярность среди крестьян. В Сенегале общества обеспечения по характеру и задачам несколько приблизились к сбытовым кооперативам. Здесь были сделаны попытки защиты инте-

ресов членов общества на рынке и обеспечения их кредитом; общества обеспечения имели в своем распоряжении резервы арахиса, который они давали крестьянам в ссуду по небывало низким для Африки процентам. Последовательное проведение этой политики могло бы сыграть решающую роль в борьбе с ростовщичеством, может быть даже в полной его ликвидации. Однако этого не произошло. Действенные меры по созданию резервов арахиса имели крайне нерегулярный характер и проводились в основном в моменты кризиса, когда создавалась угроза сокращения производства экспортной культуры.

Администрация колонии, создав общества обеспечения, в значительной степени предоставила их в финансовом отношении собственной участи и не оказывала им существенной материальной поддержки. Это было следствием отчасти вечной нехватки средств в бюджете колонии, отчасти недовольства торгово-ростовщических элементов и всякого рода перекупщиков, тесно связанных с влиятельными иностранными торговыми монополиями, оказывающими давление на администрацию. В результате ростовщичество продолжало процветать и процветает до сих пор. Задолженность крестьян огромна.

По данным обследования, проведенного в Син-Салуме (область Сенегала) в середине 50-х годов, задолженность крестьян, включая ссуды обществ обеспечения, составляла в среднем 3 афр. фр. на 1 кг арахиса. Из всех производителей арахиса этой области 18% имели задолженность менее 10% стоимости будущего урожая, 51 — от 10 до 30, 24% — более 50% стоимости урожая [6, стр. 97].

Таким образом, общества обеспечения не улучшили положения крестьян и не ликвидировали пути докапиталистических форм ростовщичества, сильно сковывающие сельскохозяйственное производство и значительно повышающие его издержки.

Подобная же непоследовательность характерна и для попыток использовать общества обеспечения в борьбе с системой посредничества при скупке арахиса в Сенегале. После второго «кризиса семян» (1931 г.) администрация разрешила обществам скупать арахис у крестьян и продавать его. Государство получало, таким образом, возможность вмешиваться непосредственно в торговлю экспортным продуктом. Вице-губернатор Сенегала 7 июля 1932 г. прямо заявил, что «переход обществ обеспечения к продажам под руководством и контролем административной власти будет оказывать сильное регулирующее влияние на внутренний рынок...» [4, стр. 101].

Такая перспектива вызвала страшное волнение среди коммерсантов. Последовали протесты в Торговую палату. Торговцы опасались, как бы политика контроля не перешла в государственную монополию на торговлю. Их пугала также, хотя и отдаленная, перспектива выхода обществ обеспечения на внешние рынки в качестве экспортера. Кроме того, торговцев не устраивала необходимость покупать арахис по твердым ценам у обществ обеспечения, тогда как при свободной конкуренции устанавливались более низкие цены. Не выдержав такого натиска, администрация поспешила выступить с успокоительными разъяснениями и в конечном счете капитулировала, заверив, что никакого вмешательства в торговлю не последует.

После второй мировой войны администрация попыталась насаждать сбытовые кооперативы. К 1950 г. по всей ФЗА существовало уже 212 таких кооперативов, в том числе: Кооперативный союз Сенегала (66 кооперативов) (Union des Coopératives du Sénégal), Производственный кооператив Нзерекоре в Гвинее (Coopératives de Production de N'Zéré Koré), Кооперативы Берега Слоновой Кости (Coopératives de

la Côte d'Ivoire), Кооперативный союз Дагомеи (17 кооперативов) (Union des Coopératives de Dahomey), два маленьких кооператива в Судане. Деятельность их всех оказалась весьма плачевной. Не имея поддержки кредитом, они уже в конце 1951 г. оказались должниками на несколько миллионов африканских франков и в конечном счете были распущены.

Несколько удачнее был другой опыт. В 1952 г. в арахисовой зоне Сенегала был создан ряд сбытовых показательных кооперативов (coopératives-pilotes d'écoulement), которые объединились в Кооперативное соглашение (Entente Coopérative), насчитывающее более 25 тыс. членов. В 1955—1956 гг. оно реализовало 6% урожая арахиса в Сенегале. К 1957—1958 гг. его доля в скупке арахиса повысилась до 140 тыс. т при общем урожае 828 тыс. т.

Но в целом в колониальный период попытки организации скупки экспортной продукции кооперативами проваливались, наталкиваясь на ожесточенное сопротивление иностранных торговых монополий и посредническо-ростовщических кругов из местного населения.

Администрация использовала общества обеспечения также для распространения современной техники и селекционных семян. Так, в 1912 г. губернатор Сенегала приказал создать в Бамбее учреждение по изучению методов улучшения производства арахиса. В 1924 г. оно было передано под контроль федерального правительства и получило название Экспериментальной станции по арахису. С 29 августа 1930 г. она стала именоваться Центром агрономической службы сенегальской области по арахису. Ежегодно станция в Бамбее передавала обществам обеспечения для распространения среди производителей селекционные семена. В 1932 г. она распределила 22 т, в 1935 г. — 26, в 1951 г. — уже 35 тыс. т [7, стр. 12; 8, стр. 69]. И в настоящее время селекционные семена в Сенегале почти полностью заменили неселекционные.

Очень часто общества обеспечения приобретали в собственность машины главным образом по обработке продукта: декортикеры арахиса, мотодробилки для пальмисты, мотопрессы для пальмового масла, машины по обработке кофе и т. д. За определенную плату на этих машинах производилась обработка урожая членов данного общества. Большой удельный вес машин, предназначенных не для возделывания земли и ухода за растениями, а для последующей обработки уже готового продукта, объясняется тем, что качество конечного продукта, идущего на экспорт, сильно снижается в случае его переработки традиционными методами, не говоря уже об уменьшении его количества. Это снижает цену его на мировом рынке. Так, например, если за день работы африканка перерабатывала 2 кг пальмисты, давая масло 25-процентной кислотности, то прессы, распространяемые в Дагомею в 30-х годах с помощью обществ обеспечения, за десять часов работы выжимали 5400 кг масла 3-процентной кислотности [4, стр. 144—145]. Иногда общества имели целые комплексы (нечто вроде заводов) по первичной обработке экспортных культур, например по подготовке кофе.

Кроме проведения структурных изменений общества обеспечения способствовали появлению и развитию ростков капитализма в африканском сельском хозяйстве и непосредственно, хотя и крайне непоследовательно, содействовали укреплению местной африканской буржуазии, стараясь создавать ей наилучшие условия, предоставляя кредиты деньгами и натурой (удобрения, машины), покупая у нее урожай по фиксированным ценам, оказывая ей техническую помощь.

Известный французский этнограф Бутийер в книге, посвященной обследованию области Бонгуану в Береге Слоновой Кости, вынужден

был констатировать, что общества обеспечения (к тому времени уже ВОСП) ориентировались на такие технические улучшения, которые были применимы только в самых крупных и богатых плантациях. Бутийер пишет далее, что ВОСП предусматривали в своей деятельности в основном интересы самых богатых плантаторов, игнорируя то обстоятельство, что средние и мелкие не могут воспользоваться их услугами из-за отсутствия соответствующего капитала [3, стр. 130]. На создание крепкой кулацкой верхушки в деревне были направлены такие начинания администрации, как бесплатная (или за минимальную плату) обработка земель наиболее зажиточных жителей модернизированной сельскохозяйственной техникой с применением удобрений. Еще более распространены были передача зажиточным хозяевам в кредит на льготных условиях техники и удобрений и осуществление затем общего руководства этими хозяйствами со стороны государственных специалистов, помощь агрономическими советами, содействие комбинированию животноводства с земледелием, распространение плужной техники.

Показателен в этом отношении пример одной деревни на севере Берега Слоновой Кости, в зоне разведения традиционных культур и натурального хозяйства. Один из зажиточных крестьян этой деревни, некий Сиди Самакэ, сумел с помощью общества обеспечения поставить в зависимость от себя всю деревню с числом населения около 150 человек. В начале 50-х годов Сиди Самакэ купил у общества трактор в рассрочку и получал в больших количествах удобрения по пониженной цене. Он купил себе также грузовик, и сам стал вывозить продукцию на рынок. Благодаря этому Самакэ увеличил размеры своего участка под рисом почти до 30 га, тогда как у других семей деревни, не имевших трактора, размеры рисового участка не превышали полгектара. Таким образом, этот хозяин стал широко практиковать торговое земледелие. Кроме того, он начал сдавать трактор в наем желающим из расчета 20 тыс. афр. фр. за обработку 1 га, что также увеличивало его доходы. Сиди Самакэ использовал наемный труд; его поля ежегодно обрабатывало более 20 рабочих. Так, с помощью администрации Самакэ начал вести производство капиталистического типа [11, стр. 291—294].

Администрация, общества обеспечения беспокоились и о снабжении африканских предпринимателей рабочей силой. Это был очень важный вопрос, так как в Западной Африке не было свободных рабочих рук вследствие неразвитости там капиталистических отношений.

Африканский сельскохозяйственный капитализм в прибрежных местностях (главным образом в Сенегале и Береге Слоновой Кости) развивался весьма своеобразно. Местное коренное население, испытывавшее потребность в деньгах, занималось разведением экспортных культур. Между тем во внутренних районах положение было иным. Экспортные культуры там были развиты гораздо слабее, и основным источником получения денег для уплаты налога служило отходничество в города и прибрежные местности. Таким образом, долгое время, вплоть до самых последних лет, единственным видом наемного труда в Сенегале и Береге Слоновой Кости был миграционный.

Производство на плантациях в значительной степени зависело от притока сезонных рабочих. Однако в некоторые годы их число на побережье резко уменьшалось. Так было, например, во время мирового экономического кризиса 1929—1933 гг., сильно отразившегося на арахисовом производстве. В 1932 г. торговые компании опасались, что наветаны (сезонные рабочие из Мали и Верхней Гвинеи) не поедут в Сенегал. Для предотвращения этого государственные власти Сенегала вместе с торговыми палатами предприняли целый ряд мер по стимулированию

притока наветанов. Правление железной дороги Тиес — Нигер значительно снизило стоимость проезда, торговые палаты предоставили наветанам значительные суммы для оплаты проезда в Сенегал; усилиями торговых палат и администрации для наветанов даже заранее подготавливались места жительства в деревнях, куда они направлялись. Подобные явления можно было наблюдать и после войны. Так, например, в 1950 г. сенегальские общества обеспечения, как уже упоминалось, затратили на организацию доставки наветанов 23 млн. афр. фр.

Однако общества обеспечения, внося определенные элементы капитализма в африканское сельское хозяйство, в то же время замедляли развитие капитализма прежде всего тем, что предоставляли свободу действий ростовщикам.

Освобождение производства из-под контроля мелкой и средней торгово-ростовщической местной буржуазии и полная передача этого контроля в руки государства неизбежно вызвали бы искоренение ростовщичества, облегчили бы положение крестьянства, расширили бы возможности производства. Это имело бы и другое последствие: постепенное усиление вытеснения натурального уклада товарным, интенсификацию процесса раскрестьянивания, окончательную и быструю поляризацию классовых сил в африканской деревне. Короче говоря, проведение до конца мер, предусмотренных при создании обществ обеспечения, в значительной степени расчистило бы дорогу развитию капитализма в сельском хозяйстве, освободив его от пут ростовщичества и ориентируя капиталы торговцев и ростовщиков на производство.

Развитие капитализма замедлялось и некоторыми другими обстоятельствами. Колониальные власти, общества обеспечения, содействуя развитию деревенской африканской буржуазии, в то же время часто полностью пренебрегали ее интересами или даже действовали умышленно в ущерб ей, чтобы создать наиболее благоприятные условия для торговых монополий и немногочисленных европейских плантаторов.

В 1954 г., например, в области Бонгуану общества обеспечения начали проводить целый ряд мероприятий по улучшению качества какао, в чем непосредственно были заинтересованы экспортные компании, так как какао с Берега Слоновой Кости имело очень низкое качество и с трудом конкурировало с ганским и южноамериканским. Общества организовали у некоторых плантаторов образцовые мастерские по обработке урожая какао. В течение 1954—1955 гг. в них было обработано 60 т какао значительно лучшего качества по сравнению с обычным. Но рыночные условия того года были неблагоприятны, и коммерсанты-экспортеры могли предложить за это какао цену лишь на 8 афр. фр. выше, чем за прочее. Эта надбавка не покрывала расходов плантаторов на организацию мастерских [3, стр. 125]. Таким образом, политика внедрения технических усовершенствований в обработку экспортного продукта была дискредитирована и у африканских плантаторов пропал интерес к модернизации производства.

Развитию капитализма в африканском сельском хозяйстве немало препятствовали и принудительные наборы, осуществлявшиеся не без помощи обществ обеспечения. Это отвлекало значительную часть трудового населения на работы по созданию инфраструктуры и на обеспечение рабочей силой европейских плантаторов. Тем самым местные хозяева кулацкого типа лишались рабочей силы, которая была и местами остается до сих пор очень дефицитной. Иногда принудительным наборам подвергались даже африканские плантаторы, имевшие довольно солидно организованные предприятия капиталистического типа. Их от-

правляли работать на соседние плантации, принадлежавшие европейцам, а их собственные участки приходили в упадок.

Таким образом, анализ организации и деятельности кооперативов в ФЗА приводит к следующим выводам.

1. Общества обеспечения по своему происхождению, организационной структуре, методам управления, поставленным и выполнявшимся задачам являлись государственно-монополистическим орудием колониализма и сильно способствовали приспособлению африканского сельского хозяйства к интересам иностранного капитала.

2. Для деятельности обществ обеспечения характерна крайняя непоследовательность и противоречивость. Они не проводили до конца намеченных и даже начатых мероприятий, часто практиковали действия, взаимоисключающие и прямо противоположные друг другу.

С одной стороны, они содействовали развитию торгового земледелия и элементов капитализма в африканском хозяйстве, а с другой — тормозили его. Подобное явление отражает двойственность политики французского капитала, которая является непосредственным результатом противоречий между различными группировками монополий.

Полный переход в руки государства контроля над производством и сбытом экспортных культур (на это была направлена деятельность обществ обеспечения) был бы чрезвычайно выгоден финансово-промышленным группировкам метрополии: значительно понизились бы цены на колониальные продукты и была бы создана возможность регулировать и в какой-то мере даже планировать объем их производства. Однако этого не произошло вследствие противодействия другой части монополистической буржуазии, а именно торговых компаний, занимающихся скупкой экспортных продуктов. Они были заинтересованы лишь в незначительном вмешательстве государственного аппарата в воспроизводство, потому что их прибыли возрастали по мере увеличения объема вывоза, но они не хотели, чтобы это вмешательство стало решающим фактором в производстве, и предпочитали влиять на него через многоступенчатую лестницу посредников. Особенно пугала торговые компании перспектива того, что, превратившись в закупочно-сбытовые организации, общества обеспечения установят твердые фиксированные цены на свою продукцию и, даже больше того, будут угрожать монопольному положению этих компаний на французском и мировом рынке. Торговые компании боялись, что они попадут в экономическую зависимость от этатизированных обществ обеспечения и колониальное государство сможет через эти общества проводить политику, выражающую интересы конкурирующих с ними группировок буржуазии метрополии.

Кроме того, торговые дома находились и до сих пор находятся в тесной связи с местными перекупщиками, составляющими одновременно основной контингент ростовщиков. Почти весь экспортный продукт фирмы покупали у мелкой и средней буржуазии и вынуждены были поэтому в какой-то мере ограждать ее интересы. Таким образом, в результате противодействия торговых компаний создание обществ обеспечения осталось полумерой, как и многие другие государственно-монополистические мероприятия.

ЛИТЕРАТУРА

1. «Agronomie tropicale», Norgent-sur-Marne, 1951, № 7—8.
2. Akindélé A., Aguessy C., Le Dahomey, Paris, 1955.
3. Boutillier J.-L., Bongouanou. Côte d'Ivoire, Paris, 1960.

4. Boyer M., Les Sociétés de Prévoyance, de Secours et de Prêts mutuels agricoles en Afrique Occidentale Française, Paris, 1935.
5. Capet M., Traité d'économie tropicale. Les économies de l'AOF, Paris, 1958.
6. «Economie et politique», Paris, 1957, № 37—38.
7. Pehaut Y., L'arachide du Sénégal, — «Les Cahiers d'Outremer», Bordeaux, 1961, № 53.
8. Peter G., L'Effort Français au Sénégal, Paris, 1933.
9. Séré de Rivières, Le Sénégal — Dakar, s. l. [6. m.], [6. r.].
10. Spitz G., Le Soudan Français, Paris, 1955.
11. Tricart J., Deux types de production agricole aux environs d'Odienné (Haute Côte d'Ivoire), — «Bulletin de l'Institut Français d'Afrique Noire», Dakar, sér. B, 1957, XIX, № 1—2.

Н. С. Бабинцева

**ГОСУДАРСТВЕННО-МОНОПОЛИСТИЧЕСКОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ
СКУПКИ И СБЫТА ТРОПИЧЕСКИХ ПРОДУКТОВ В ЗОНЕ
ФРАНКА
(колониальный период)**

Проблема сбыта тропического сырья из бывших французских колоний в Африке всегда стояла очень остро, так как эта продукция была малоконкурентоспособна на мировом рынке.

Прежде всего, качество ее было значительно хуже, чем у ганской, нигерийской, латиноамериканской. Так, например, разницу в качестве какао, экспортировавшегося в начале 50-х годов XX в. из Берега Слоновой Кости, Нигерии и Ганы, отчетливо демонстрирует следующая таблица.

Таблица 1
Доля какао различных сортов в общем количестве
экспорта его в 1951 г.*,
%

Сорт какао	Берег Слоновой Кости	Нигерия	Гана (бывший Золотой Берег)
Высший сорт (Superieur)	40,2	95,0	56,0
Стандарт (Courant) . . .	38,0	5,0	43,0
Низший сорт (Limite) . .	21,8	—	1,0

* Источник: [7, стр. 53].

За те же годы соотношение категорий в экспорте кофе из Берега Слоновой Кости было следующим (в %) [7, стр. 56]:

	Прима	Высший сорт	Стандарт	Низший сорт	Обломки
1952 — 1953 гг.	0,08	4,02	33,8	55	0,5
1953 — 1954 гг.	0	2,00	46,0	49	0

Таким образом, в экспорте какао и кофе из Берега Слоновой Кости большую часть составляла продукция низшего сорта. О том, насколько плохим было качество какао и кофе этой категории, свидетельствует

тот факт, что с 1956 г. вывоз какао низшего сорта запрещен в законодательном порядке.

Кроме того, высокие цены делали тропическую продукцию зоны франка малоконкурентоспособной на мировом рынке.

Дороговизна этой продукции имела причиной два основных обстоятельства: многоступенчатость системы скупки и низкий уровень производительности труда в африканских странах зоны франка по сравнению с другими странами — производителями тех же продуктов.

Так, по мнению Р. Дюмона, урожайность кофе в Африке в 10—20 раз ниже, чем в Латинской Америке. Например, 1 га на Береге Слоновой Кости дает в год в среднем 100—400 кг кофе, а в Бразилии — 2—5 т [4, стр. 403].

Система скупки была чрезвычайно многоступенчатой, что значительно увеличивало торговые издержки и цену продукта. Торговым монополиям для охвата рынка недостаточно было опираться на широко разветвленную сеть торговых точек, пунктов скупки, факторий и т. д., составлявших организационную структуру самой компании. Вся деятельность торговых компаний протекала в постоянной конкурентной борьбе друг с другом, в которой побеждали те, кто умел оперативнее овладеть рынком. Поэтому торговым фирмам приходилось прибегать к услугам всякого рода местных посредников, которые гораздо быстрее, чем европейцы, устанавливали контакт с крестьянами. Они могли проникать в самые отдаленные и заброшенные уголки материка, не считаясь с расстоянием, плохим состоянием или даже отсутствием дорог и не требуя гостиниц и ресторанов, довольствуясь теми же условиями жизни, что и окружавшее их население.

Категории посредников чрезвычайно разнообразны по своим масштабам действия, размерам оборота и капитала. Одни являются обыкновенными служащими фирм, ездят по деревням, скупают и продают за счет фирм. Другие работают за свой страх и риск на свой капитал и только продают закупленный товар определенному торговому дому. Третьи получают авансы и в зависимости от своей ловкости успевают пустить их в оборот несколько раз. Посредники составляют лестницу, по которой продукт переходит, постепенно набирая цену, так как каждый посредник претендует на определенную прибыль. В сумме это составляет довольно большую часть продажной цены продукта (до 20%).

Представление об этом может дать пример «утяжеления» цены кофе. В 1952 г. на Береге Слоновой Кости 1 т кофе покупалась у производителей по 275 тыс. фр.¹, а при экспорте цена 1 т кофе составляла уже 400 тыс. фр. [5, стр. 91].

К 50-м годам цены на африканский кофе были на 50% выше мировых, на арахис — в среднем на 30, на пальмовое масло — на 16, на копру и пальмисту — на 8%. В целом, по мнению Ж. Ж. Покэна, в начале 50-х годов цены тропических продуктов из зоны франка отличались от мировых не менее чем на 20% в сторону превышения. Разницу цен на тропические продукты в разных колониальных владениях Африки демонстрирует табл. 2.

Для реализации тропической продукции необходим был закрытый рынок, предоставить который французский государственно-монополистический капитализм мог только во Франции, используя систему тарифных и иных заградительных мер. Хотя введение их началось еще до второй мировой войны, они не имели регулярного характера. Еще закон от 13 апреля 1928 г., установивший преференциальный таможенный режим

¹ Здесь и далее имеются в виду африканские франки.

в странах Французской Западной Африки (ФЗА) (без Берега Слоновой Кости и Дагомеи) и Габоне, предусматривал допуск промышленного и продовольственного сырья из этих стран во Францию беспошлинно. Продукция Французской Экваториальной Африки (ФЭА); Берега Слоновой Кости и Дагомеи ввозилась во Францию при минимальном таможенном обложении.

Т а б л и ц а 2

Цены на тропические продукты разного происхождения в 50-х годах*

Товар	Бывшие колонии — место происхождения товара	Котировка в Африке в начале 50-х годов, афр. фр. за 1 кг	Котировка в Антверпене и Тавре в 1958 г., бельг. фр. за 1 кг
Очищенный арахис	Французские	96,5	—
	Английские	71,0	—
Арахидное масло	Французские	180,0	—
	Английские	120,5	23,0
	Бельгийские		12,4
Пальмовое масло	Французские	104—105	14,8
	Бельгийские	86,0	10,6
Какао	Французские	—	47,1
	Бельгийские	—	38,3
Кофе «робуста»	Французские	—	47,0
	Бельгийские	—	39,0

* Источник: [3, стр. 93; 7, стр. 97].

В 30-х годах мировой курс тропических продуктов сильно понизился и для этих товаров создавалась кризисная ситуация. Производители из конкурирующих стран продавали во Франции кофе, какао и прочие тропические продукты по демпинговым ценам, в то время как продукты из зоны франка совершенно не находили сбыта на иностранных рынках. Для спасения положения в 1938 г. во Франции были введены необыкновенно высокие пошлины на тропические продукты иностранного (т. е. не из зоны франка) происхождения. Они назывались «специальными пошлинами» (*droits spécifiques*). Их доля без прочих обложений в импортной цене КАФ составляла (в %) [7, стр. 150]:

Кофе	91
Какао	110
Пальмовое масло	34
Арахидное масло	23
Бананы	11
Пальмиста	20

После войны политика протекционизма и так называемых дискриминационных тарифов приняла регулярный характер и усилилась. Продукция из французских колоний поступала во Францию беспошлинно, а на иностранную тропическую продукцию сохранялись довольно высокие пошлины. В 50-х годах импортные пошлины на тропическую продукцию выше всего были во Франции (из европейских стран). Например, в середине 50-х годов таможенные ввозные пошлины на арахидное, пальмовое и пальмистовое масло в странах Бенилюкса и ФРГ

составляли в среднем 5—10% цены, а во Франции — 15—18%. Какао-бобы облагались в ФРГ ввозной пошлиной в 10%, а во Франции — в 25%. Во Франции была также 10-процентная пошлина на арахис и пальмисту, чего не было в других странах «общего рынка» [3, стр. 92].

Такой высокий таможенный барьер для тропических продуктов из конкурирующих стран при свободном доступе товаров из зоны франка в значительной степени ограждал французский рынок от появления на нем латиноамериканской, нигерийской, ганской и прочей продукции.

Однако одними протекционистскими мерами в области таможенных обложений государственно-монополистическое регулирование внешней торговли не ограничивалось. Не менее эффективной мерой было контингентирование и лицензирование. Французское правительство очень широко прибегало к количественным ограничениям при регулировании импорта во Францию иностранных тропических продуктов. Импорт многих из них запрещался до тех пор, пока вся продукция зоны франка не была реализована. Так обстояло дело с кофе, арахисом. Частным случаем контингентирования и количественных ограничений был широко практиковавшийся жюмелаж, который заключался в том, что закупка определенного количества тропических продуктов в зоне франка давала право на импорт соответствующего (всегда гораздо меньшего) количества этого продукта из других валютных зон.

Наконец, весьма большую группу мероприятий французского правительства составляли всевозможные законы по выравниванию и поддержанию цен. Они появились в 30-х годах: например, специальные счета казначейства по кофе, сизалью (созданы по закону от 31 марта 1931 г.), бананам (закон от 7 января 1932 г.) и т. д. На эти счета отчислялись суммы ввозных пошлин, и их должны были использовать для поддержания цен, уплачиваемых производителю. Однако, как замечает Ж. Ж. Покэн, «нельзя сказать определенно, что это приносило пользу производителям» [7, стр. 141].

Проводившаяся до войны политика регулирования и поддержания цен на тропические продукты имела в основном характер временных мероприятий по случаю резкого падения мирового курса. После войны поддержание цен становится правилом. Оно проводится частично путем создания различных фондов и касс, частично с помощью фискальных мер. Уравнивание цен на некоторые продукты происходит через налоги. При этой системе с импортных продуктов взимается специальный налог на иностранное происхождение товара (*taxe sur les produits étrangers*). Затем он идет не в бюджет, а используется для компенсации экспортерам за понижение ими импортной цены. Так, например, охраняется положение на французском рынке мадагаскарского перца.

Примером ограждения французского рынка от иностранной конкуренции путем создания фондов и непосредственного поддержания и регулирования цен служит создание в 1954 г. Фонда поддержания и регулирования рынка масличных продовольственных культур (*Fonds de soutien et de régularisation du marché des oléagineux et fluides alimentaires*). Одновременно был создан Межминистерский комитет по масличным — МКМ (*Comité interministériel des oléagineux*) и образовалось объединение монополистов — Межпрофессиональное общество продовольственных масличных культур — МОПМК (*Société interprofessionnelle des oléagineux et fluides alimentaires*).

Фонд поддержания масличных финансировал МОПМК, которое осуществляло закупки арахиса в случае его избытка и падения цены или импортировало его из-за границы при нехватке и резком повышении

цены. (Последнее, правда, практически не имело места.) Таким образом, поддерживалась приблизительная стабильность цен. Регулирующая роль государства кроме предоставления средств из Фонда поддержания масличных заключалась в том, что МКМ фиксировал импортную цену на арахис. Ввоз во Францию иностранного, более дешевого арахиса разрешался по цене, не ниже фиксированной. Таким образом, определялась максимальная цена на арахис. Предотвращение возможностей воздействия иностранных монополий на французский арахисовый рынок с помощью демпинга обеспечивалось гарантированием минимального уровня цен. При падении их ниже этого уровня МОПМК начинало закупки арахиса.

Ниже приводится соотношение цен на очищенный арахис во Франции в 50-х годах (во фр. за 1 кг) [8, стр. 13]:

	1954— 1955 гг.	1955— 1956 гг.	1956— 1957 гг.	1957— 1958 гг.	1958— 1959 гг.
Максимальная	95,5	95,5	95,5	98,5	99,0
Минимальная	93,0	93,0	93,0	95,0	96,5
Рыночная цена	94,5	94,5	94,5	97,0	97,5

Повышение максимальной цены в 1957—1958 и 1958—1959 гг. означает усиление ограничений на ввоз иностранного арахиса и расширение французского рынка для продукции зоны франка.

В заключение можно сказать, что протекционистские меры французского государственно-монополистического капитализма в отношении тропических продуктов в значительной мере способствовали созданию замкнутой торговой группировки в рамках зоны франка. Например, из 56,3 тыс. т какао, ввозимых во Францию, 47,4 тыс. (т. е. 84%) давали страны зоны франка (среднегодовые цифры за 1958—1960 гг.) [6, стр. 18]. За те же годы Франция ввозила ежегодно в среднем по 194,2 тыс. т кофе, из которых 141 тыс. (т. е. 72%) предоставляли африканские страны зоны франка [6, стр. 14—17].

В 50-х годах доля Франции в экспорте Камеруна, ФЗА и ФЭА составляла (в % ко всему экспорту) [9]:

	1954 г.	1955 г.	1956 г.	1957 г.	В среднем за год
Камерун	51	47	57	57	53
ФЗА	67	61	66	69	65
ФЭА	66	61	64	61	63

Чрезвычайно показательным примером того, как с помощью преференциально-ограничительных мер худшие и более дорогие тропические продукты из зоны франка завоевали французский рынок, является история распространения во Франции кофе «робуста» с плохими вкусовыми качествами и вытеснения им «арабики» — наилучшего сорта для непосредственного употребления в пищу. До 1914 г. французский потребитель совершенно не знал «робуста» и ежегодно потреблял 100 тыс. т «арабики». По мере внедрения культуры кофе в африканских колониях Франции в метрополии начинает появляться «робуста», для произрастания которого в африканских странах зоны франка климатические и почвенные условия гораздо лучше, чем для «арабики». В 1938 г. было продано только 50 тыс. т «робуста» против 130 тыс. т «арабики». Но после войны, когда производство кофе в африканских странах увеличилось почти в три раза и были введены защитительные меры для него, положение оказалось обратным. В настоящее время во

Франции потребляется 154 тыс. т «робуста» и только 53 тыс. т «арабики» [4, стр. 385].

Рассматривая вопросы регулирования внешней торговли африканских стран, необходимо отметить, что действия по ограничению иностранного импорта всегда проводились на фоне жестокой борьбы между монополиями внутри самой Франции. Колониальные торговые монополии были заинтересованы в ограничении импорта во Францию более дешевых тропических продуктов. Промышленные же группы метрополии страдали от того, что им приходится покупать сырье по более высокой цене, чем у иностранных продавцов. Так, маслобойни и мыловарни Франции протестовали против того, что половину необходимого им пальмового сырья они вынуждены были закупать во французских колониях по более высоким ценам.

Поэтому нельзя согласиться полностью с В. В. Гаврилюком, который по поводу протекционистских мер для защиты тропических продуктов из зоны франка пишет: «Наконец, самое главное, регламентирование реализации колониальной продукции вытекает непосредственно из самого подчинения колониального производства интересам метрополии. Государство, строя свою экономическую и торговую политику в отношении заморских стран, преследует цель обеспечить французский рынок колониальным сырьем по ценам, в количестве и по качеству наиболее приемлемым и выгодным для французских монополий» [1, стр. 84]. Речь в данном случае идет о промышленных монополиях метрополии. Но это утверждение неправильно, так как существовавшая система поддержания цен и ограничений отнюдь не преследует интересы монополий метрополии и даже вызвала нарекания последних. Недаром среди французской монополистической буржуазии нашлись силы, ратующие за полную отмену всех ограничений на импорт иностранной колониальной продукции.

Об этом свидетельствует работа специального Комитета по проблемам экономической интеграции метрополии с Заморской Францией, начатая в 1954 г. и длившаяся два с половиной года. В докладе, появившемся в результате проведенных комитетом исследований, подчеркивается, что политика интеграции зашла в тупик и проводить ее в дальнейшем невозможно (при этом имеются в виду именно протекционистские меры по отношению к тропическим продуктам из зоны франка). Комитет требовал прорубить отверстие в китайской стене протекционизма, окружающей зону франка. Одним из вариантов будущей политики, предложенной комитетом, был курс на полную отмену всяких преференций и системы искусственного поддержания цен.

Учитывая эти обстоятельства, французское правительство попыталось принять меры, для того чтобы снизить цены на тропическое сырье из зоны франка. После войны в африканских странах появились всевозможные кассы и фонды по поддержанию. Это были: Касса по поддержанию какао (Caisse de soutien du cacao) и Касса по поддержанию хлопка (Caisse de soutien du coton) в ФЭА; Фонд поддержания какао в Камеруне (Fonds de soutien du cacao) и три специальных внебюджетных счета в ФЗА (по какао, кофе и арахису), игравших такую же роль, как кассы по поддержанию. Эти организации должны были противодействовать резким колебаниям рыночных цен и выравнивать их.

Однако из-за недостатка средств их деятельность не удовлетворяла экспортные компании, и декретом от 14 октября 1954 г. были созданы новые кассы, получившие название местных касс стабилизации цен (caisses locales de stabilisation des prix). Возглавлял их Совет, состоявший на $\frac{1}{3}$ из представителей государства, на $\frac{1}{3}$ — из экспортеров

и на $\frac{1}{3}$ — из производителей, в число которых входили главным образом послушные французским властям представители родо-племенной знати. Практически эти кассы начали создаваться с 1955 г. Декрет от 30 сентября 1955 г. провозгласил создание Кассы стабилизации кофе (*Caisse de stabilisation du café*) для Гвинеи и Кассы стабилизации какао и кофе (*Caisse de stabilisation du cacao et du café*) для Берега Слоновой Кости. В октябре 1956 г. функционировало уже 12 касс стабилизации по следующим продуктам: для хлопка — в ФЗА, ФЭА, Камеруне и Того; для кофе — в Береге Слоновой Кости, Гвинее, Камеруне, ФЭА для какао — в Береге Слоновой Кости, Камеруне, ФЭА; для арахиса — в Нигере.

Эти кассы напоминали английские маркетинг бордз, хотя регулирующее воздействие их было слабее, потому что французские кассы стабилизации не имели таких больших резервных средств, как английские. Основным средством регулирования цен на рынке в кассах стабилизации, так же как и в маркетинг бордз, была закупка продукции. Но в отличие от английских организаций кассы стабилизации начинали скупку лишь после того, как цена на рынке падала ниже определенного уровня. В случае продолжения падения цен кассы стабилизации прибегали к непосредственному поддержанию цен, уплачиваемых производителю. Например, в 1956 г. в Береге Слоновой Кости скупка кофе проводилась в том случае, если в течение восьми дней цены стояли не выше 210 фр. за 1 кг. Поддержание же цен начиналось при их падении ниже 170 фр.

Помощь производителям в очень малой степени доходила до них, распыляясь между посредниками-скупщиками. Недаром в официальном докладе экономического совета «Экономическое и социальное положение в Черной Африке в 1957 г.» отмечалось, что «не кажется достоверным, чтобы производитель полностью пользовался этой поддержкой... Падение цен отражается главным образом на производителях; вспомогательные издержки, взимаемые посредниками, остаются на достаточном уровне, какой бы ни была закупочная цена» [цит. по: 1, стр. 88].

Кассы стабилизации получали значительную помощь от французского государства в форме субсидий. Для этого декретом от 2 февраля 1955 г. были созданы специальные фонды: Национальный фонд регулирования цен продуктов заморских территорий (*Fonds national de régularisation des cours de produits d'Outremer*), а декретом от 13 ноября 1956 г. — Фонд поддержания текстильного сырья заморских территорий (*Fonds de soutien des Textiles des territoires d'Outremer*). В 1956 г. Национальный фонд регулирования получил от государства 5750 млн. фр., а в 1957 г. Фонд поддержания текстильного сырья — 4500 млн. фр. Эти средства фонды передавали кассам стабилизации в форме займов и субсидий. В 1956 г. Национальный фонд регулирования для поддержания курса цен на какао предоставил кассам стабилизации Камеруна 2 млрд. фр., кассам Берега Слоновой Кости — 500 млн., Того — 100 млн., ФЭА — 30 млн. фр. В 1956—1958 гг. государственные субсидии для поддержания цен на хлопок достигли 4 млрд. фр. [1, стр. 86—87].

Производство и закупки арахиса регулировались несколько иначе. Связанные с этим организации уже упоминались выше: МОПМК, МКМ, Фонд поддержания масличных. В январе 1958 г. в Сенегале была учреждена также касса стабилизации цен для арахиса. Исходя из импортных цен, устанавливаемых МКМ, местные власти определяли минимальные и максимальные закупочные цены. При падении курса

до минимальной цены касса производила закупки арахиса. В 1954—1955 гг. минимальная цена, уплачиваемая производителю, была установлена в 21 афр. фр. за 1 кг, с 1955—1956 по 1958—1959 гг. — 22 афр. фр. за 1 кг. Непосредственное поддержание цен не осуществлялось [8, стр. 13].

Государство влияло на закупку экспортной продукции посредством кредитования экспортных обществ. Среди банков африканских стран преобладающий вес имели отделения крупных французских национализированных банков и смешанный Банк Западной Африки. Эти банки служили основными источниками кредита для колониальных торговых монополий.

Коллектив авторов во главе с Ф. Блок-Лэнэ отмечает огромную важность кредитования сельскохозяйственных закупочных кампаний и связанную с этим большую долю авансов в форме учета векселей (так называемый фиктивный кредит — *crédit en blanc*) среди кредитных операций банков. Большая часть авансов выдавалась торговым компаниям, которые затем через посредников раздавали их производителям с возмещением в натуральной форме. Этот кредит предоставляется на полгода. В 1954 г. из всех кредитных операций в ФЗА и Того 53% составили авансы по учету векселей, выданных для финансирования сельскохозяйственной кампании [2, стр. 243]. Таким образом, торговые компании, будучи не в состоянии произвести скупку продукции собственными средствами, получали поддержку национализированных банков, и скупка экспортной продукции осуществлялась фактически за счет государственных средств.

Кредитование скупки экспортных продуктов давало в руки государства реальные возможности контроля над распределением этого продукта. Доказательством этого является государственно-монополистическое урегулирование спора между колониальными и метропольными монополиями маслобойной промышленности.

После второй мировой войны африканские маслобойни стали очень мощными. Это привело к столкновению с традиционными покупателями арахиса в метрополии, в результате чего парламентской комиссией было проведено расследование. Однако оно ни к чему не привело, и в 1954/55 урожайном году произошел настоящий конфликт. Сбор арахиса в этом году был низок и достиг только 390 тыс. т. Местные африканские маслобойни, чтобы обеспечить себя сырьем, сильно подняли цены на арахис. Это вызвало протесты у промышленников метрополии, которые обратились с жалобами к колониальной администрации. Тогда Верховный комиссариат определил квоту на будущее для африканских маслобоен в количестве 330 тыс. т арахиса в год. Впоследствии при содействии государства между промышленниками метрополии и колоний в 1956 г. было заключено соглашение, увеличившее квоту для африканских маслобоен до 420 тыс. т арахиса. Опираясь на контроль за скупкой, государство с тех пор весьма успешно следило за сохранением этой пропорции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаврилюк В. В., Распад французской колониальной империи (Государственно-монополистические мероприятия французского империализма в колониях), М., 1962.
2. Bloch-Lainé F. et autres, La zone franc, Paris, 1956.

3. Delagneau B., L'Association des Pays d'Outremer à la CEE. Son Incidence sur les exportations des pays d'Outremer, Louvain, 1961.
4. Lachiver M., Le marché du café dans l'Europe des Six, — «Les Cahiers d'Outremer», Bordeaux, 1962, № 60.
5. Lacroix A., Les Conditions de la mise en valeur de l'Afrique Occidentale Française, Paris, 1959.
6. «Monthly Bulletin of Agricultural Economics and Statistics», Rome, 1961, № 10.
7. Poquin J. J., Les Relations économiques extérieures des pays d'Afrique Noire de l'Union Française, Paris, 1957.
8. «La République du Sénégal», — «Notes et Etudes documentaires», Paris, 1961, № 2754.
9. «Yearbook of International Trade Statistics 1957», vol. I, New York, 1958.

В. В. Анненков

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ СТРУКТУРЫ ЭКОНОМИКИ СЕНЕГАЛА В КОНЦЕ КОЛОНИАЛЬНОГО ПЕРИОДА

Структура хозяйства Сенегала в конце 50-х годов типична для многих колоний Тропической Африки, в которых товарный сектор развивался на базе полупатриархального африканского хозяйства. Страны с подобным типом формирования хозяйства, эксплуатировавшиеся преимущественно торговым иностранным капиталом через сферу обращения, мы называем торгово-патриархальными колониями. В предлагаемой статье рассматриваются некоторые причинные связи, отразившиеся в отраслевой и территориальной структуре хозяйства Сенегала.

Среди бывших французских владений в Тропической Африке Сенегал можно считать классическим примером аграрной торгово-патриархальной колонии. Торговая колонизация началась в Сенегале раньше и к 30-м годам уже втянула в производство на экспорт западную земледельческую область в междуречье Сенегала и Гамбии, где проживала примерно половина всего населения страны. В отличие от Берега Слоновой Кости, Гвинеи, Габона и Конго, где некоторое развитие получило европейское плантационное хозяйство, в Сенегале торговая колонизация не сочеталась с плантационной. Наконец, аграрный характер колонизации Сенегала не осложнялся добычей и вывозом минерального сырья.

Основу сенегальской экономики образует сельское хозяйство, в котором занято около $\frac{4}{5}$ самостоятельного населения. На сельскохозяйственное сырье и продукты его переработки за последнее десятилетие в среднем приходилось свыше $\frac{4}{5}$ стоимости сенегальского экспорта.

Как и для других торгово-патриархальных колоний Тропической Африки, для Сенегала характерны большие вариации в соотношении товарных и патриархальных укладов как по отраслям сельского хозяйства, так и по отдельным частям страны.

Отношение товарной продукции к валовой колебалось в 1959 г. от 86% в производстве арахиса и 100% в пригородном овощеводстве до 22% в производстве риса и ничтожной доли в производстве главных продовольственных культур — проса и сорго [рассчитано по: 16, стр. 47, 49, 51]. В хозяйствах западной части междуречья Сенегала и Гамбии доля товарной продукции достигала в среднем 60%. Наиболее низок удельный вес товарной продукции в Восточном Сенегале, скотоводческой области Ферло и в Нижнем Казамансе. Р. Барбе [1, стр. 62] приводит следующие оценки доли продуктов, произведенных для личного

потребления в крестьянских хозяйствах: у серер — 44%, в долине Сенегала — 58, у мандинго Среднего Казаманса — 52, у фульбе Верхнего Казаманса — 62, у южных племен диола в Нижнем Казамансе — 79%. Эти данные показывают, что подавляющее большинство хозяйств периферийных областей основано на натуральном семейном производстве.

Весьма характерно, что товарное производство наибольшее развитие получило в чисто экспортной отрасли — культуре арахиса. Почти весь арахис в Сенегале производится на продажу и идет на экспорт. Например, в 1961 г. из общего сбора арахиса в 990 тыс. т на рынок поступило 890 тыс., семенной материал составлял 65 тыс., остальные 35 тыс. т потреблены в самих хозяйствах [2]. Экспорт этой культуры в 1961 г. составил 795 тыс. т, в 1962 г. — 817 тыс. [4, стр. 66].

Малым торгово-патриархальным колониям свойственна тенденция к монотоварной структуре сельского хозяйства. В Сенегале в 1959 г. на долю арахиса приходилось около 82% всей товарной продукции сельского хозяйства (включая кустарную морскую рыбную ловлю), в то время как на долю зерновых — только 1,3%, пригородного хозяйства (овощи, фрукты) — около 5, скотоводства — около 4% [16]. Это обусловило монотоварную специализацию Сенегала в международном разделении труда. Сенегальский экспорт (по стоимости) в 1960 г. на 37% состоял из обрубленного арахиса, на 44% — из арахидного масла и жмыхов [рассчитано по: 8].

С монотоварной структурой сельского хозяйства связаны и типичные для торгово-патриархальных колоний черты географии торгового земледелия. В отличие от стран с развитым внутренним рынком в Сенегале нет системы сельскохозяйственных районов, связанных между собой территориальным разделением труда, а есть только одна арахисовая зона, производственно-территориальные связи которой ориентированы на внешний рынок. Эта экспортная зона располагается в прибрежной полосе шириной 100—150 км и включает сформировавшийся район торгового земледелия в хинтерланде Дакара и небольшой «очаг» торгового земледелия в Среднем Казамансе. С местным рынком в Сенегале связан формирующийся очаг пригородного хозяйства (овощеводство, плодководство, рыбная ловля) на п-ове Зеленый мыс.

Наряду с типом колонизации важным фактором формирования структуры сенегальской экономики стали масштабы развития товарного производства и внутреннего рынка, связанные с давностью колонизации, а также с ролью Сенегала (и Дакара) во Французской Западной Африке (ФЗА).

По значению товарного сектора в экономике Сенегал выделялся среди французских владений в Тропической Африке. В 1959 г. в сельском хозяйстве страны доля товарной части в валовом продукте составляла около $\frac{2}{3}$ [14, 1962], в то время как в целом по ФЗА в 1956 г. этот показатель не превышал 50%, во Французской Экваториальной Африке (ФЭА) он был равен примерно $\frac{1}{3}$ [15, стр. 651, 655, 662]. В городах Сенегала с числом жителей свыше 20 тыс. в 1960 г. проживало около 22% всего населения страны, тогда как в среднем по ФЗА и ФЭА (по оценкам 1956 г.) — примерно 5% [рассчитано по: 15, стр. 82; 18, стр. 1, 4]. В Западной Африке по степени урбанизации Сенегал сходен с Ганой, где в 1960 г. в пунктах с числом жителей более 5 тыс. проживало 3,1% всего населения страны [5, стр. 304].

Показательно соотношение числа лиц наемного труда (включая администрацию) плюс число нанимателей (эксплуатирующих наемный труд) к общей численности самодостаточного населения. По этому показателю, выраженному в процентах, в 1957 г. Сенегал (8%) в ФЗА

уступал лишь Берегу Слоновой Кости (15,6%) и в семь раз превосходил самую отсталую территорию ФЗА — Верхнюю Вольту (1,1%) [рассчитано по: 15, стр. 208—209]¹.

Существенным фактором формирования внутреннего рынка в Сенегале была сравнительно многочисленная европейская прослойка, концентрировавшаяся в Дакаре и городах экспортной зоны. По административной переписи 1955 г., численность европейцев в Дакаре составляла около 13% всего населения города, в Тиесе — 8, в городах экспортной зоны — от 3 до 5% [рассчитано по: 7, стр. 79]. Примерный анализ потребления различных товаров европейцами, африканцами-горожанами и африканцами-крестьянами на основе данных 1959 г. показал, что в среднем за год европеец затрачивал на покупку столько же, сколько 12 африканцев-горожан или 27 африканцев-крестьян [12, стр. 79]. Нетрудно подсчитать, что, например, в Дакаре суммарный стоимостный объем потребления у 30 тыс. европейцев и 350 тыс. африканцев был почти одинаковым.

С давностью развития товарного сектора и его масштабами связаны удельный вес промышленности в народном хозяйстве Сенегала и продовольственная проблема.

По доле промышленности и строительства в валовом общественном продукте после второй мировой войны Сенегал занимал одно из первых мест в Западной и Экваториальной Африке. В 1956 г. этот показатель по ФЗА в целом составлял 8—9%, тогда как в Сенегале в том же году — 13,6, а в 1959 г. — около 20% [9, стр. 280—281]. В промышленности и строительстве (частный сектор) в Сенегале в 1957 г. работало свыше $\frac{1}{4}$ всех занятых в этих отраслях по ФЗА [15, стр. 209].

Ведущую роль в промышленном производстве играют предприятия фабрично-заводского типа. В 1959 г. на 200 промышленных предприятиях (исключая строительство и общественные работы) было занято около 19 тыс. человек [рассчитано по: 12, стр. 62; 18, стр. 7], т. е. в среднем на одно предприятие приходилось около 100 человек. На долю предприятий с годовым оборотом капитала свыше 200 млн. афр. фр., составивших 12,6% всего числа предприятий, приходилось 81,2% всего оборота сенегальской промышленности [18, стр. 7].

Характерная черта развития промышленности в Сенегале — преобладание обрабатывающей индустрии. По специфике межотраслевых и производственно-территориальных связей выделяются две группы отраслей. Половина валового промышленного продукта в 1959 г. производилась на маслобойных и мыловаренных заводах, перерабатывающих арахис для экспорта; вторая половина приходилась на долю предприятий, ориентированных на африканский рынок [14, 1962].

Зарождение и развитие переработки местного сырья с целью экспорта не является чем-то необычным для колониальных стран. Напротив, развитие второй группы производств и их индустриальный характер противоречат общей тенденции к подавлению обрабатывающей промышленности колоний. Тем более этот факт интересен в условиях малой торгово-патриархальной колонии.

Проблема генезиса сенегальской промышленности имеет два аспек-

¹ Сравнительно высокое значение показателя в колонии Берег Слоновой Кости связано с широким применением наемного труда в сельском хозяйстве страны. В сельском хозяйстве Сенегала наемный труд, напротив, использовался в незначительных масштабах. Правда, статистика найма не учитывает сезонных рабочих — наветанов, участвовавших в производстве арахиса на основе издольной аренды. Однако, по некоторым данным [14, 1964, стр. 8], в середине 50-х годов приток наветанов в Сенегал почти прекратился.

та: политико-экономический и экономико-географический. В исследовании источников и условий инвестиций в сенегальскую промышленность экономистам еще предстоит сказать свое слово². Здесь следует только подчеркнуть, что 80% всех промышленных предприятий Сенегала концентрируется на п-ове Зеленый мыс — вокруг Дакара и Рюфиска.

Дакарская промышленность, ориентированная на африканский рынок, включает предприятия пищевой и легкой промышленности, производящие самые необходимые потребительские товары: муку, сахар, табак, напитки, спички, ткани, обувь и т. д. В эту же группу входят предприятия, обслуживающие транспорт и строительство: судостроение, железнодорожные и автомобильные ремонтные мастерские, предприятия по производству цемента, взрывчатых веществ, ацетилена и т. д. Характерной чертой этого подразделения сенегальской промышленности является оторванность многих предприятий от сенегальской «почвы». По структуре производственно-территориальных связей оно представляет собой группировку разрозненных производств, функционирование которых в большинстве случаев зависит от сбыта продукции не только в пределах Сенегала, но и других стран Западной Африки, а также от импорта сырья, энергии, оборудования и т. д.

В 1959 г. импортная составляющая в общем объеме материально-технического снабжения данного подразделения превышала 25%, а в отдельных отраслях достигала 70—80% (текстильная, спичечная, табачная, сахарная) [рассчитано по: 12, стр. 73—74, 77]. По некоторым оценкам, 30—35% продукции сенегальской промышленности до 1960 г. экспортировалось в другие страны ФЗА, в том числе 10% — в Мали [11, стр. 9].

Во Французской Западной Африке Дакар со своей промышленностью играл как бы роль «малой метрополии». Предприятия Дакара импортировали, например, табачный лист из Берега Слоновой Кости, хлопок из Мали, кожи и другие виды сырья из соседних территорий и экспортировали в те же страны готовую продукцию. Благодаря функциям реэкспорта и производственно-территориальным связям Дакара торговый баланс Сенегала с другими территориями ФЗА был активным. Например, в 1956 г. экспорт Сенегала в эту группу стран в 2,5 раза превышал импорт (19,5 млрд. колониальных фр. против 7,6 млрд.) [15, стр. 675]. Этот актив почти полностью покрывал пассив внешнеторговых связей с капиталистическими странами. В 1956 г. сенегальский импорт из капиталистических стран достигал 34,8 млрд. колониальных фр., а экспорт — лишь 21,1 млрд. [15].

Причиной высокого удельного веса западноафриканского рынка в производственно-территориальных связях многих крупных предприятий является отставание развития капитализма в сельском хозяйстве Сенегала от капиталистического роста промышленности. Несмотря на раннее распространение товарного производства в экспортной зоне Сенегала, в 50-х годах в нем все еще преобладали докапиталистические уклады. Как показывает анализ таблицы, Сенегал, превосходя в 1957 г. большинство французских владений в Тропической Африке по капиталистическому развитию промышленности, уступал им по применению наемного труда в сельском хозяйстве.

² Известно, что движущей силой развития промышленности в Сенегале был иностранный капитал. Африканскому капиталу принадлежат или им контролируются только 4% промышленных предприятий и по 15% — в области строительства и общественных работ [3, стр. 17]. Предварительный анализ системы участия, по [6], позволяет предположить, что источником инвестиций в целый ряд отраслей была местная колониальная группировка французского торгового капитала. Таким образом, в развитии промышленности важную роль сыграли торгово-финансовые функции Дакара в ФЗА.

Таблица

**Состав занятых по найму в частном секторе по французским владениям
в Тропической Африке в 1957 г.***

	Структура занятости, %							Всего занято по найму, тыс. человек
	в сельском хозяйстве	в горнодобы- вающей про- мышленности	в обрабаты- вающей про- мышленности	в строи- тельстве	в торговле, банках	в транспорте	домашняя прислуга	
ФЗА в целом	36	2	8	14,5	14,5	12	13,0	378,0
Сенегал	6	1	16	14,5	23,0	22	14,5	79,6
Берег Слоновой Кости	63	1	6	8,0	8,0	7	7,0	143,0
Гвинея	34	3	4	17,0	12,0	10	20,0	93,0
Верхняя Вольта	9	3	12	40,0	17,0	5	14,0	12,8
ФЗА в целом	28	10	14	13,0	15,0	8	12,0	147,0
Камерун	40	2	11	11,0	22,0	7	7,0	113,8

* Рассчитано по: [15, стр. 209].

Торговое земледелие в Сенегале основывается на мелкотоварном семейном хозяйстве и полуфеодальном укладе мусульманских религиозных общин. Сенегальский крестьянин покупает на рынке в основном продовольствие, ткани и обувь. По некоторым оценкам, в общем объеме потребления промышленных продуктов и товаров в сельских местностях продовольствие по стоимости составляет примерно половину; ткани, одежда и обувь — свыше $\frac{1}{3}$. В 1959 г. в сельских местностях потреблено промышленных продуктов и товаров на сумму около 26 млрд. колониальных фр., в том числе тканей, одежды и обуви — на 9,6 млрд.; зерна и муки — на 6,4 млрд.; сахара и напитков — на 2,5 млрд.; мяса и рыбы — на 2,7 млрд.; табачных изделий и спичек — на 1,1 млрд. колониальных фр. Интересно отметить, что спрос на ткани и одежду в сельских местностях (во французских источниках) связывается с влиянием господствующей религии — ислама [12, стр. 79—80].

Приведенные данные, характеризую ограниченность рынка для дакарской промышленности, вместе с тем отражают и другую серьезную проблему сенегальской экономики — остроту продовольственного кризиса в стране. Как правило, в торгово-патриархальных колониях Африки импорт продовольствия является функцией роста городского населения, тогда как в сельских местностях африканские хозяйства сами обеспечивают себя продовольствием. Сенегал представляет исключение из этого правила вследствие не только давности распространения экспортной культуры, но и особенностей развития торгового земледелия в саванной зоне.

В отличие от мелкотоварного земледелия лесной зоны гвинейского побережья, где однолетние продовольственные культуры органически сочетаются с плантациями многолетних экспортных культур на одном и том же участке, в суданской саванне Сенегала продовольственные культуры конкурируют с однолетней культурой арахиса и в посевах и в бюджете времени семейного хозяйства. Между арахисом и продовольственными культурами в саванной зоне в условиях патриархальной агротехники складывается обратно пропорциональная зависимость: рост посевов арахиса вызывает сокращение посевов продовольственных культур. Эта особенность мелкотоварного хозяйства в саванной зоне

Сенегала в условиях роста товарно-денежных отношений порождала тенденцию к монокультуре.

Осуществление указанной тенденции зависело, в частности, от возможности покупки продовольствия на рынке. Известны факты импорта риса для продажи в сельских местностях уже в начале нашего века. В конце колониального периода в сельских местностях Сенегала долю товарного продовольствия в потреблении африканских хозяйств можно оценить, по-видимому, в 60%; в том числе доля импортного продовольствия составляет примерно $\frac{3}{4}$ [12]. Сравнительно высокая степень урбанизации страны в сочетании с особенностями развития торгового земледелия обусловила исключительную в Западной Африке зависимость Сенегала от импорта продовольствия. В 1956 г. на долю Сенегала приходилось свыше 34% всего импорта продовольствия во все страны Западной Африки [10]. В 1958—1960 гг. в сенегальском импорте на долю продовольствия приходилось в среднем около 27%, в Нигере — 23, тогда как в странах лесной зоны — от 11 до 17% [рассчитано по: 19].

Рассмотренная в общих чертах структура сельского хозяйства и промышленности дает представление об особенностях развития производства в колониальном Сенегале. Однако для полноты картины хозяйственного своеобразия страны следует учитывать и ту роль, которую играет в стране непродовольственная сфера. Анализ структуры валового национального продукта показывает очень высокий удельный вес торговли — свыше $\frac{1}{3}$ [13, стр. 254], что в несколько раз превышает среднее для бывших французских владений в Африке значение этого показателя. Разбухание сферы торговли и услуг отражают и приводившиеся выше данные о профессиональном составе лиц наемного труда.

Гипертрофия непродовольственной сферы, явно выраженная в Сенегале даже по сравнению с другими торгово-патриархальными колониями, связана опять-таки с Дакаром, с его торгово-финансовыми функциями в системе эксплуатации иностранным капиталом стран ФЗА. Так, на п-ове Зеленый мыс в сфере обслуживания работало свыше $\frac{2}{5}$ всех занятых в «третичном» секторе сенегальской экономики [17, стр. 21—22].

Из краткого обзора структуры хозяйства и особенностей развития основных подразделений товарного сектора сенегальской экономики можно сделать следующие выводы:

1. Сенегал принадлежит к наиболее развитым в экономическом отношении странам из числа бывших колониальных владений империалистических держав в Тропической Африке.

2. Сравнительно высоким уровнем товарного хозяйства Сенегал обязан своей исключительной роли в системе колониальной эксплуатации французских владений в Тропической Африке. Эта роль была связана с географическим положением страны и ее центра, Дакара, в Западной Африке.

3. Два структурных элемента товарного сектора — арахисо-производящая зона и дакарский транспортно-промышленный и торгово-финансовый центр, резко различные по господствующим общественным укладам, не образовывали единого целого, а развивались в совмещенных, но самостоятельных системах связей: экспортная зона — метрополия; Дакар — Французская Западная Африка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барбе Р., Общественные классы в Черной Африке, М., 1966.
2. «Бюллетень иностранной коммерческой информации», М., 13.IX.1962.
3. «Проблемы мира и социализма», Прага, 1962, № 10.
4. Шельнов А. К., Сенегал. Экономика и внешняя торговля, М., 1964.

5. «Annuaire démographique», New York, 1962.
6. «Annuaire des entreprises coloniales. 1955—1956», Paris, [195—].
7. «Annuaire statistique de l'Afrique Occidentale Française 1950—1954», Paris, 1956, vol. 5, fasc 1.
8. «Bulletin statistique et économique mensuel», Dakar, 1962, № 3.
9. «Croissance de l'industrie mondiale 1938—1961. Tableaux par pays», New York, 1963.
10. «Economic geography». 1963, № 4.
11. «Economic Reports of World Trade Information Service», Washington, 1962, № 23, pt 1.
12. «Études et conjoncture», Paris, 1964, № 1.
13. «Journal officiel de la République du Sénégal», Dakar, 1965, № 3729.
14. «Notes et études documentaires», Paris, 1962, № 2911; 1964, № 3054.
15. «Outre-mer 1958», Paris, 1960.
16. «Plan quadriennal du développement 1961—64», Dakar, [196—].
17. «Situation économique du Sénégal 1962», Dakar, [196—].
18. «Supplément au Bulletin statistique et économique mensuel», Dakar, 1961, № 8.
19. «Yearbook of International Trade Statistics, 1960», New York, [196—].

В. В. Анненков

ОСОБЕННОСТИ РАЗМЕЩЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ В СЕНЕГАЛЕ

В доколониальный период у большинства народов африканских стран, расположенных южнее Сахары, размещение производительных сил определялось патриархальным характером хозяйства. Господство ручного труда и изолированность патриархальных общин ставили занятия населения в тесную зависимость от условий природной среды. Повышенная концентрация населения, возникавшая местами под влиянием исторических или природных факторов, могла сохраняться лишь при условии перехода к прогрессивным системам ведения хозяйства, более приспособленным к местной, природной среде. Хотя у большинства народов ремесло уже отделилось от земледелия, специализированные ремесленные поселения возникали сравнительно редко, располагаясь главным образом вдоль оживленных торговых путей. На торговых путях вырастали и центры известных нам государств средневекового Судана.

Короче говоря, несмотря на большую пестроту этнических условий хозяйства (различия в трудовых навыках, в социальном строе и т. д.), доколониальной Тропической Африке были свойственны общие закономерности расселения, вытекающие из господства патриархальных способов производства.

В эпоху империализма вовлечение стран Тропической Африки в орбиту мирового хозяйства осуществлялось двумя способами: в Западной Африке преобладала торговая колонизация, в Восточной — плантационная. Развитие товарного производства в первом и втором случаях характеризуется своими особенностями, существенными с точки зрения размещения хозяйства и населения. При плантационной колонизации основу товарного сектора составляли хозяйства европейских колонистов, концентрировавшиеся в природно-экономических зонах, благоприятных для развития знакомых европейцам отраслей сельского хозяйства. Торговая колонизация шла путем втягивания патриархального африканского хозяйства в обмен с внешним рынком. Товарное производство развивалось, с одной стороны, в районах, удобных для организации экспорта, с другой — в тех отраслях, где особенности природной среды и трудовые навыки населения обеспечивали иностранным экспортно-импортным компаниям прибыль даже в условиях сохранения патриархальной агротехники.

Различие закономерностей размещения товарного производства в

торговых и плантационных колониях обусловило и своеобразие процессов размещения населения. В предлагаемой статье мы рассмотрим только процессы, характерные для торгово-патриархального типа формирования хозяйства. Наиболее ярким примером этого типа является бывшая французская колония в Западной Африке Сенегал, где торговая колонизация осуществлялась в «чистой» форме и не осложнялась развитием горнодобывающей промышленности.

Общая картина размещения населения Сенегала по административным районам в 1960 г. характеризуется следующими данными [4; 7; 18; 19]:

	Численность населения, тыс. человек	Отношение к населению всей страны, %	Отношение площади района к площади всей страны, %	Плотность населения на 1 кв. км, человек	Отношение городского* населения ко всей численности населения района, %
Каолак	727,1	23	12	23,7	13
Казаманс	529,9	17	14	17,6	7
Диурбель	503,2	16	17	14,5	13
Зеленый мыс	443,6	14	0,3	1073,3	95
Тиес	409,7	14	3	64,8	22
Долина Сенегала . .	345,4	11	22	9,5	18
Восточный Сенегал	151,1	5	30	2,0	11

* К категории «городов», по сенегальской статистике, относятся населенные пункты с числом жителей свыше 2 тыс. Этот критерий не позволяет достаточно точно определить удельный вес торгово-промышленного населения в общей численности населения района. Так, в Казамансе и в Син-Салуме нередко встречаются сельские поселения с числом жителей до 4—5 тыс. Поэтому показатели удельного веса городского населения по всем районам, кроме Зеленого мыса, несколько завышены. Иногда один город может существенно исказить картину соотношения земледельческого и торгово-промышленного населения: так, без Сен-Луи, слабо связанного с эконсмикой долины Сенегала, процент городского населения в районе Долина Сенегала понижается до 4,4.

Из этих данных можно сделать два существенных вывода.

1. По территории страны население размещается очень неравномерно: в восточных и северных районах (Восточный Сенегал, Долина Сенегала, часть района Диурбель), занимающих более $\frac{2}{3}$ территории страны, плотность населения ниже средней для страны в целом (15,1 человека на 1 кв. км). Районы высокой концентрации населения лежат в западной части междуречья Сенегала и Гамбии и в Нижнем Казамансе.

2. Если исключить быстро урбанизирующийся район Зеленого мыса, то на остальной территории страны сельское население резко преобладает над городским.

Следовательно, различия в плотности по районам обусловлены прежде всего различиями в характере сельского расселения, складывавшимися исторически в зависимости от особенностей сельскохозяйственного производства.

Большое влияние на сельскохозяйственное производство оказывают природные условия: особенности размещения сельского населения в саванной части Сенегала с небольшим количеством поверхностных водотоков во многом зависят от различий в условиях водоснабжения и естественного увлажнения.

Высокая плотность в долине р. Сенегал (исключая дельту с сильно засоленными почвами) сложилась как вследствие исторических условий, так и благодаря естественным предпосылкам для сбора двух уро-

жаев в год. Во влажный сезон возделываются богарные земли «диери», в сухой — увлажненные паводком пойменные земли «уало». Этим долина Сенегала выгодно отличается от других районов страны, где, как правило, сезон сельскохозяйственных работ ограничен периодом дождей.

Концентрация земледельческого населения в западных районах до прихода колонизаторов была обусловлена различиями в условиях водоснабжения. На западе подземные воды подходят близко к поверхности, в восточном районе Ферло они лежат глубже, чем возможно прорыть колодцы ручным способом. Поэтому, хотя количество осадков в сезон дождей на западе и на востоке почти одно и то же и условия вегетации сельскохозяйственных культур также одинаковы, земледельческие поселения на восток не продвигались. Районы Ферло, Бунду — это область расселения полукочевников-скотоводов, перебирающихся со своими стадами в сухой сезон от одного колодца к другому, а в период дождей обрабатывающих небольшие участки на периферии западных земледельческих районов и долины Сенегала.

Однако разные условия увлажненности — лишь канва, на фоне которой различия в размещении населения определялись особенностями веками выработанной агротехники у различных земледельческих народов. В западной части междуречья Сенегала и Гамбии бросается в глаза неравномерность заселения северной зоны — ареала волоф и южной зоны — ареала серер: «кочующая» культура у волоф по сравнению с устойчивым трехпольем у серер (лучше сохраняющим естественное плодородие почв) обуславливает меньшую плотность населения.

Та же закономерность проступает и при сопоставлении этнических территорий диола в Нижнем Казамансе и мандинго в Среднем Казамансе: интенсивная культура риса на пойменных землях в стране диола по сравнению с подсечно-переложным земледелием мандинго кормит в три-пять раз большее сельское население.

В зависимости от исторически выработавшейся системы ведения хозяйства складывался и характер связей сельского населения с сельскохозяйственной территорией. В районах интенсивного земледелия на пойменных землях (рисоводство диола, балантов в Казамансе) преобладают крупные селения (0,5—4,0 тыс. жителей) [12; 15]. Они вытянуты иногда на несколько километров вдоль склонов долин или депрессий между заливными землями, используемыми под посевы риса, и участками на хорошо дренируемых плато, обрабатываемыми под арахис и другие культуры. Водораздельные участки плато заняты нетронутым лесом. Для этнической территории серер характерно сочетание крупных деревень (1—2 тыс. жителей), расположенных в центре общинных земель, и небольших селений и даже «хуторов» с тенденцией максимального приближения к периферийным обрабатываемым участкам [16]. Большие деревни (более 500 человек) преобладают и в долине Сенегала, располагаясь вдоль склонов долины между землями уало и диери и на возвышенных участках среди поймы, не затопляемых и в высокий паводок.

Обратная картина наблюдается на этнических территориях волоф (район Диурбель), мандинго Среднего Казаманса и оседлых фульбе Верхнего Казаманса, применяющих подсечно-огневую переложную систему земледелия на богарных землях. Небольшие деревни (50—100 человек), периодически (после истощения почв вокруг деревни) меняющие местоположение на землях общины, служат наиболее характерным признаком сельского расселения в этих районах. У волоф густота

сети сельских поселений уменьшается с запада на восток, по мере продвижения от старых земледельческих районов к недавно вошедшим в хозяйственное пользование землям восточной периферии арахисопроизводящей зоны. В этой области, где грунтовые воды лежат глубже, поселения тяготеют к древним долинам Сина и Салума.

В колониальный период определяющими факторами изменений в размещении населения становятся процессы, связанные с развитием товарно-денежных форм хозяйства и капитализма. Эти процессы обусловили широкое развитие миграций в форме как переселения, так и отходничества, что привело к существенным сдвигам в размещении населения по территории страны и в характере расселения.

Неточность административных переписей населения и несопоставимость их во времени, особенно за период до второй мировой войны, делают невозможным составление баланса миграций по районам за длительный срок. Поэтому для изучения миграционных процессов приходится использовать в основном литературные источники, обращаясь к статистическим материалам лишь в наиболее бесспорных случаях. На основании ряда исследований французских авторов и путем сравнения карт плотности населения 1926 г. [2, стр. 401] и 1954 г.¹ можно наметить следующие основные тенденции изменения размещения населения страны в колониальный период:

миграция населения, главным образом его трудоспособной части, из остальных районов преобладания патриархальных укладов в районы наибольшего развития товарно-денежных форм хозяйства. Этот процесс охватывает миграции в сельские местности зоны торгового земледелия и миграции в города;

сравнительно быстрая урбанизация, неравномерная по социально-экономическим зонам, с преимущественным ростом крупнейшего г. Дакара;

продвижение сельского населения на новые земли по периферии зон торгового земледелия и вдоль дорог.

За колониальный период в Сенегале сложились устойчивые очаги оттока (долина Сенегала, Нижний Казаманс, Верхняя Гамбия) и притока (арахисопроизводящая зона, Зеленый мыс) мигрантов. Судя по имеющейся в нашем распоряжении литературе, обратных миграционных потоков, исключая возвращающихся в родные общины отходников, в Сенегале не было. Уже одно географическое распределение эмиграционных и иммиграционных полюсов в достаточной степени красноречиво.

Особого размаха достигли миграции из долины Сенегала. По оценкам сенегальских экономистов и врачей, 20% всего населения долины регулярно отсутствует, а из возрастной группы старше 15 лет $\frac{2}{3}$ покидали долину минимум один раз [9, стр. 576]. Мигранты в поисках заработка направляются в города запада Сенегала (Дакар, Тиес, Сен-Луи, Рюфиск), реже — в деревни арахисовой зоны.

Миграция из долины имеет преимущественно характер отходничества: 85% мигрантов — мужчины. Примерно $\frac{1}{3}$ временных мигрантов уходят на срок до одного года. В результате отходничества половой состав населения Нижней долины (514 женщин и 486 мужчин на 1 тыс. населения [10]) отличается от среднего по Сенегалу в целом (508 женщин и 492 мужчины на 1 тыс.).

Миграция из долины Сенегала не может быть объяснена только факторами природного порядка. Как уже отмечалось, в отличие от

¹ Cartes ethno-démographiques de l'Afrique Occidentale. Feuille 1, Dakar, [195—].

других областей саванной зоны здесь возможен сбор двух урожаев в год. Конечно, стихийные бедствия (саранча, засуха и др.) усиливают отход, однако даже в лучшие годы часть трудоспособного населения покидает долину. Это обстоятельство нельзя объяснить и давлением роста населения, плотность которого в долине примерно равна средней по Сенегалу и в полтора-три раза ниже плотности в арахисопроизводящей зоне. Население долины не испытывает «земельного голода», так как даже в годы низкого паводка посевные площади на уало в Нижней долине в три-четыре раза меньше площади пригодных под культуру заливных земель [8, стр. 19—20]. Следует отметить, что плодородные участки уало обрабатываются без залежи; неиспользование земельного фонда объясняется не необходимостью отдыха земли, а нехваткой рабочих рук.

Интересны данные о причинах миграции и составе мигрантов из долины Сенегала, полученные в 1958—1959 гг. во время выборочного обследования тукулеров в Дакаре, составляющих 12,2% всего населения города. Как сообщает А. Диоп [11], было опрошено 500 человек, отобранных по территориальному признаку равномерно во всех районах города. От 80 до 90% утвердительных ответов было дано на следующие вопросы анкеты: поиски оплачиваемой работы, помощь семье, обеспечение одеждой, питанием, деньгами для уплаты налога. Для получения общего или специального образования прибыло лишь 8% опрошенных. Только 2% заявили, что прибыли к родственникам. 99% опрошенных были раньше земледельцами. На вопрос о последнем урожае, собранном в долине, из 95 опрошенных 27 ответили, что он был плохим, 41 — достаточным, 27 — хорошим. Вывод таков: «Не притягательная сила городов и не стремление вырваться за рамки традиционного быта, а экономическая отсталость долины является главной причиной миграции тукулеров».

Преобладание отходничества над переселением подтверждается следующими данными обследования: сезонники составляли около $\frac{1}{3}$ опрошенных, временные мигранты (живущие в Дакаре от одного года до десяти лет) — 53%, постоянно живущие в Дакаре (более десяти лет непрерывно, с семьями) — немногим более 10%. 26% опрошенных — холостые, 63% имеют одну жену, у 11% две жены и более. Мужская часть населения численно преобладает над женской в соотношении 100:87. Лишь 7% опрошенных имеют в Дакаре недвижимую собственность.

Условия в Казамансе — втором устойчивом очаге эмиграции — во многом сходны с долиной Сенегала. Один из наиболее благоприятных для земледелия природных районов страны, отличающийся обилием поверхностных водотоков, длительным (до восьми месяцев) сезоном дождей, плодородными почвами как в долинах, так и на плато, Казаманс постепенно теряет трудоспособное земледельческое население, уходящее в города и другие районы Сенегала. Специального статистического и качественного изучения миграций, подобного обследованию населения долины Сенегала, по этому району не проводилось, но в литературе [20] отмечается усилившаяся после второй мировой войны подвижность населения, преимущественно в форме отходничества.

Более всего новые миграционные процессы затронули населяющие Нижний Казаманс племена диола, по-видимому, вследствие благоприятного экономико-географического положения их этнической территории по отношению к экономически развитым районам Сенегала. По некоторым данным [20] ежегодно, преимущественно в сухой сезон, мигрируют в среднем 10% диола (13% — с правобережья Казаманса,

8% — с левобережья). Более 50% отходников не выходит за пределы Нижнего Казаманса, мигрируя в другие селения и в Зигиншор; около 25% направляется в Дакар и другие районы Сенегала. Процент диола, осевших в городах на постоянное жительство, пока невелик. В 1957—1958 гг. в Зигиншоре проживали постоянно 14 тыс., в Дакаре — 3 тыс., в Батерсте, Биссау, Кольде и Велингаре — 2 тыс. диола.

Из сказанного видно, что как в Долине Сенегала, так и в Казамансе главная причина эмиграции — уход на заработки. Средний доход семьи в этих районах, по официальным данным, в несколько раз ниже, чем в арахисопроизводящей зоне и в районе Зеленый мыс². Кроме того, по-видимому, важным фактором миграции служит стремление увеличить не просто доход, а именно денежный доход. Так, большинство тукулеров-иммигрантов в Дакаре владеют в долине обширными земельными участками [11].

Сезонные отходники — наветаны из долины Сенегала, «барагине» из Казаманса и Верхней Гамбии — в сельских местностях арахисопроизводящей зоны занимаются почти исключительно товарной культурой: первые приходят на весь период возделывания арахиса, вторые — лишь на срок его уборки поздней осенью, после сбора урожая в южных районах. В любом договоре наветана или «барагине» с хозяином участка их труд оплачивается либо деньгами, либо частью урожая арахиса, которую отходник тут же продает.

Анализ географического распределения миграций и характера использования рабочей силы мигрантов в районах притока позволяет прийти к выводу, что определяющим фактором межрайонных перемещений в колониальный период становятся региональные различия в степени развития товарно-денежных отношений. На время возникновения и размах миграций данного типа повлияла социально-экономическая история районов выхода. Так, отход из долины Сенегала, ставшей оживленным районом торговли еще в доколониальный период, ранее других частей страны подвергшейся торговой экспансии европейских компаний, а затем оказавшейся в стороне от экспортных зон, начался раньше и численно превосходил миграцию из Нижнего Казаманса, где более сильны пережитки родовых отношений, а торговая экспансия стала развиваться преимущественно после второй мировой войны.

Временный или переселенческий характер миграции из отсталых областей патриархального хозяйства и межрайонного перераспределения населения зависел в основном от условий в районах притяжения мигрантов. В сельских местностях арахисопроизводящей зоны на первом этапе колониальной эксплуатации, когда остро ощущалась нехватка рабочих рук для быстрого расширения посевов товарной культуры и было много свободных земель, наряду с сезонным отходничеством развивалась и переселенческая миграция. Выходцы из долины Сенегала или из других районов, оседая в общинах волоф или серер, некоторое время обрабатывали поля местных крестьян за право построить хижину и поселиться с семьей и затем получали свой надел [17].

По мере расширения посевных площадей и сокращения залежного фонда почвы истощались быстрее, урожайность падала, что, по-видимому, оказывало влияние и на миграционные процессы. Из окрестностей

² В журнале [13, стр. 1489] приводится следующая оценка среднегодового дохода семьи (вероятно, пять-шесть человек; для Долины Сенегала — семь-восемь человек) по районам: Долина Сенегала и север арахисовой зоны (округ Луга) — 74 тыс. афр. фр.; арахисопроизводящая зона (Каолак, Диурбель, Тиес) — 123 тыс.; Зеленый мыс — 540 тыс.; Атлантическое побережье (соответственные части районов Тиес и Каолак) — 64 тыс.; Казаманс — 75 тыс.; Восточный Сенегал и восточная часть Казаманса — 54 тыс. афр. фр.

Луги центр культуры арахиса, а с ним и иммиграционный полюс сместились в Син-Салум. Вероятно, менялось и соотношение между переселенческой миграцией и отходничеством. Следы переселенческой миграции в колониальный период обнаруживаются и на этнической карте: так, поселения тукулеров и сараколе — выходцев из долины Сенегала — располагаются в округе Тамбакунда и в Казамансе, далеко за пределами их этнической территории.

В целом межрайонные миграции за колониальный период усилили неравномерность размещения населения по территории страны, концентрацию населения в старых земледельческих районах западной части междуречья Сенегала и Гамбии. В условиях сохранения дедовских экстенсивных методов земледелия рост концентрации населения в сочетании с сезонным отходничеством из других районов и особенностями местных экономических условий в свою очередь вызвал миграционные процессы внутри арахисопроизводящей зоны.

При сравнении карт плотности населения 1929 и 1954 гг. бросаются в глаза вновь заселенный район между мертвыми долинами Сина и Салума, севернее железной дороги Тиес — Каес, и рост населения по восточной периферии арахисопроизводящей зоны.

Миграция на «новые земли» возникла в 30-х годах и захватила преимущественно муридские религиозные общины. Муридские общины, возделывая прежде всего арахис, создали на новых землях тип «кочующей» культуры — исключительно экстенсивное земледельческое хозяйство, требующее большого резервного земельного фонда. Освоение новых земель проходило при активной поддержке колонизаторов, заинтересованных в увеличении производства арахиса. На средства колониального бюджета сооружались глубокие скважины для снабжения новых деревень водой, строились дороги. Руководимое духовенством и поддерживаемое администрацией движение на новые земли имело характер не свободного переселения, а организованной миграции.

Наряду с движением на новые земли в арахисопроизводящей зоне возникла стихийная миграция сельского населения в города. Если главным фактором отходничества из районов натурального земледелия стала потребность в денежных средствах, то миграция в города крестьян района торгового земледелия обуславливается комплексом причин, неизбежно вытекающих из развития товарного производства, хотя и имеющих специфический характер. Отделение от земли вызывалось не экспроприацией товаропроизводителя, как в странах развитого капитализма, а уже самой рыночной конъюнктурой, особенно чувствительной для мелкого монотоварного хозяйства в условиях гнета торгово-ростовщического капитала. Сокращение производства продовольственных культур в арахисопроизводящем хозяйстве привело к массовым голоданиям в периоды падения цен на арахис, что вынуждало крестьян отправляться на поиски заработка в города.

Помимо аграрных кризисов отход вызывался и абсолютным обнищанием крестьянства и растущей диспропорцией в экономическом развитии городов и сельских местностей особенно после второй мировой войны. Важным местным фактором отходничества в города была сезонность сельскохозяйственных работ. Необходимо отметить также, что в районе торгового земледелия конкуренция европейских промышленных товаров более чем в других частях страны подорвала местное ремесло и ускорила миграцию в города ремесленников.

Процессы развития товарного производства и капитализма в колониальный период привели к существенному изменению характера населения на территории Сенегала — к возникновению и сравнительно бы-

строму росту городских поселений. В доколониальный период в Сенегале, по-видимому, не было таких африканских городов, как в Западном Судане и Нигерии (исключая легендарный Текрур, точное положение которого в долине Сенегала неизвестно). Современные города Сенегала возникали как торгово-административные центры французской колонизации уже на рубеже XIX и XX вв. Роль базы колонизации и экономически ведущей территории, которую Сенегал играл во Французской Западной Африке, более раннее развитие товарных форм хозяйства придали урбанизации страны особенно широкий размах по сравнению с другими французскими владениями в Тропической Африке (табл. 1).

Таблица I

Степень урбанизации Сенегала по сравнению с некоторыми другими африканскими странами*

Страна	Год	Все население, тыс. человек	В городах с населением свыше 100 тыс.		В городах с населением свыше 20 тыс.	
			тыс. человек	% ко всему населению страны	тыс. человек	% ко всему населению страны
Сенегал	1948	1 992	185,4	9,3	330,0	16,6
	1955	2 214	230,9	10,4	440,2	19,9
Берег Слоновой Кости	1955	2 485	127,6	5,1	169,7	6,8
Гана	1948	3 736	224,8	6,0	—	—
	1960	6 691	491,1	7,3	—	—
Нигерия	1953	29 716	1 333,4	4,5	—	—
Конго (Киншаса)	1949	11 126	160,3	1,4	349,5	3,1
	1955	12 660	469,8	3,7	950,9	7,5
Малагасийская Республика	1949	4 305	174,2	4,0	—	—
	1955	4 776	189,9	4,0	—	—

* Составлено по: [1, стр. 94; 3, стр. 349 — 352; 5].

Сеть городских поселений складывалась в важнейших опорных пунктах колонизации вдоль побережья (в устьях рек и у глубоководных рейдов), а во внутренних районах — вдоль основной транспортной артерии — железной дороги. Характерно, что в удалении от побережья города формировались лишь в зоне экспортного товарного земледелия.

По людности и производственным функциям города Сенегала можно разделить на три типа.

Дакар — первенствующий город, объединяющий функции: транспортного, торгового, административного, промышленного, стратегического и культурного центра. Распространяет свое влияние не только на большую часть территории Сенегала, но и на лежащие в его хинтерланде Западный Судан и Южную Мавританию. В прошлом Дакар — административный, экономический и культурный центр всей Французской Западной Африки, город с почти 400-тысячным населением (примерно 12,5% всего населения страны), по людности более чем в пять раз превосходящий второй город Сенегала — Каолак.

Значительно уступает Дакару и по людности и по широте функций группа средних городов Сенегала с населением от 20 до 70 тыс.: Каолак, Тиес, Рюфиск, Сен-Луи, Зигиншор, Диурбель. Эти города выросли благодаря своим торгово-транспортным и административным функциям. Немногочисленные промышленные предприятия возникли

в них уже после второй мировой войны. Но развитие каждого имеет и свои особенности, тесно связанные с историческими условиями и со спецификой прилегающих к ним районов.

Старый колониальный центр Сен-Луи, основанный в XVII в. в стратегически важном для французов пункте, с перенесением в начале XX в. торговой экспансии в южные районы (Кайор, Баол, Син-Салум) и ростом Дакара утратил свое притягивающее значение, хотя и был до 1958 г. административным центром Сенегала. Блокированный с моря песчаной косой, не проходимой для современных морских судов, Сен-Луи, как и тяготеющая к нему долина Сенегала, в условиях экспортной экономики был лишен экономических стимулов роста и выполнял лишь роль перевалочного пункта на транзитных грузопотоках из долины в южные районы. После перенесения в 1958 г. столицы в Дакар Сен-Луи остается лишь второстепенным культурным и торгово-транспортным центром.

Каолак — центр основной в Сенегале арахисопроизводящей области Син-Салум, порт на Салуме и конечный пункт железнодорожной ветки — стал городом в период арахисового бума 20-х годов и в то время считался основным в Сенегале портом по вывозу арахиса. Позднее в городе и его окрестностях были построены небольшие промышленные предприятия по переработке арахиса и другого сельскохозяйственного сырья и лесопилению. Но крупным промышленным центром Каолак так и не стал, несмотря на удобства экономико-географического положения. Это связано, по-видимому, с конкуренцией Дакара.

Тиес стал городом после строительства железной дороги Сен-Луи — Дакар и Тиес — Нигер. Здесь разместились железнодорожные мастерские — одно из самых крупных промышленных предприятий Сенегала. Учитывая стратегическое положение Тиеса в ближайшем тылу Дакара и на развилке железных дорог, французы построили в окрестностях военную базу и разместили в городе значительный контингент войск. После второй мировой войны в связи с экономико-географическим положением в арахисопроизводящей зоне и началом разработки вблизи города крупных месторождений фосфатов промышленные функции Тиеса расширяются. Хотя сравнивать Тиес с Дакаром еще трудно, однако по широте функций он уже сейчас выделяется среди средних городов Сенегала.

Рюфиск в начале XX в. по вывозу арахиса конкурировал с Каолаком, но после строительства Дакарского порта лишился функции перевалочной базы, а по мере деградации земледелия в окрестностях вследствие истощения почв и по мере роста транспортно-торгового значения Дакара перестал быть крупным торговым центром. Но близость к столице, а также положение на железной дороге стимулировали строительство в Рюфиске промышленных предприятий. Промышленное развитие и определяет ныне рост города.

Диурбель и Зигиншор сходны и по функциям (торгово-транспортные и административные центры) и по людности. Различие их в том, что Диурбель располагается между двумя значительными экономическими центрами — Тиесом и Каолаком — и перспективы расширения его функций, по-видимому, ограничены, тогда как Зигиншор, занимая благоприятное положение у выхода к морю перспективного района Казаманса, отстает от городов арахисопроизводящей зоны в связи со сравнительно недавним и ограниченным развитием товарного производства в хинтерланде.

Наконец, к третьему типу городских поселений в Сенегале следует отнести малые города с числом жителей от 5 до 20 тыс., сложив-

шиеся в колониальный период преимущественно как торгово-транспортные центры арахисопроизводящей зоны. Это — Луга, Мбур, Тиваван, Мбаке, Мехе, Бамбей, Гингинео.

Указанные различия в функциях, а следовательно, и в занятости определили разные темпы роста численности населения городов в результате миграций. Рост численности городского населения происходит главным образом в Дакаре и средних городах. Так, в 1943 г. в городах с населением более 20 тыс. человек проживало 18% всего населения страны [6, стр. 527], в 1955 г. — 19,7% [4, стр. 51—52], в 1960 г. — 21,5% [19, стр. 1, 4]. Все городское население (в населенных пунктах свыше 5 тыс.) в 1955 г. составляло 22% общей численности населения страны, в 1960 г. — около 23% (только в городах, представленных в табл. 2).

Таблица 2

Рост численности населения городов Сенегала*,
тыс. человек

	1910 г.		1921 г.		1931 г.		1945 г.		1955 г.		1960—1961 гг.	
	численность	индекс роста	численность	индекс роста	численность	индекс роста	численность	индекс роста	численность	индекс роста	численность	индекс роста
Дакар . . .	24,9	100	32,4	130	54,0	166	132,0	244	231,0	175	374,7	162
Рюфиск . . .	12,5	100	11,3	90,4	14,6	129	43,0	294	37,5	86	49,7	133
Тнес . . .	2,4	100	6,4	266	11,0	172	24,0	218	43,2	179	69,1	163
Каолак . . .	—	—	1,5	—	14,0	933	30,0	214	46,6	156	69,6	149
Диурбель . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	20,6	—	28,6	140
Луга . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	13,2	—	16,3	123
Сен-Луи . . .	22,1	100	18,1	86	29,6	164	50,5	171	39,0	77	48,8	122
Зигиншор . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	22,4	—	29,8	133

* Взяты лишь города с населением свыше 10 тыс. по переписи 1955 г.
Составлено по: [1, стр. 93—94; 19, стр. 4].

Быстрее всего увеличивается население Дакара. В 1955—1960 гг. оно возрастало в среднем на 9,3% ежегодно, в том числе на 3% благодаря естественному приросту и на 6% — из-за миграций.

Дакар собирает мигрантов со всей страны и даже из соседних территорий, на что указывает этнический состав его населения [14, стр. 110]:

Этническая группа	Численность в 1955 г.	Отношение ко всему населению города, %
Волоф	80 186	44,7
Лебу	23 274	13,0
Тукулеры	21 925	12,2
Фульбе	9 954	5,2
Серер	8 607	4,8
Бамбара	6 388	3,7
Мавры	4 575	2,7
Сараколе	4 390	2,5
Выходцы с островов Зеленого Мыса	3 450	1,9
Днола	2 628	1,5
Манджак	1 875	1,0
Прочие	11 944	6,8

Обращает внимание факт, что тукулеров в Дакаре почти в три раза больше, чем серер, этническая территория которых лежит в непосредственной близости от Зеленого мыса. Коренное население Зеленого мыса — лебу — составляет лишь 13% общей численности населения города. Из анализа этих данных можно сделать вывод, что колониальный Дакар вырос благодаря миграциям главным образом из северной части страны — этнических территорий волоф и тукулеров.

Города арахисопроизводящей зоны растут быстрее периферийных центров, исключая лишь Лугу, упадок которой связан с деградацией культуры арахиса в ее округе из-за истощения почв. В Сен-Луи и Зигиншор направляется лишь часть мигрантов из тяготеющих к ним районов, тогда как в города района торгового земледелия устремляется поток переселенцев не только из ближайших сельских местностей, но и из экономически отсталых зон патриархального хозяйства.

Данные о половом и возрастном составе населения городов свидетельствуют о частичном перераспределении взрослого населения между ними. Каолак, Диурбель, Лугу покидает взрослое мужское население; в результате в возрастных группах старше 14 лет значительно повышается процент женщин. В Каолаке на 100 мужчин в возрастной группе 14—19 лет приходится 149 женщин, в Диурбеле — 140, в Луге — 118; в группе 20—59 лет в Диурбеле — 123, в Луге — 135. Среднее для городов Сенегала соотношение мужского и женского населения в группе 14—19 лет — 100 : 129, в группе 20—59 лет — 100 : 95 [19]. Уход трудоспособного населения, по-видимому, вызван слабым развитием промышленности в этих городах и застойным перенаселением. В противоположность им в Дакаре в трудоспособной группе преобладают мужчины. Вероятно, немалую притягательную силу для молодежи имеет и культурное значение Дакара.

Анализ межрайонных миграций и урбанизации за колониальный период вскрывает ведущую роль неравномерного развития товарного производства и капитализма в сдвигах в размещении населения. Экономические диспропорции между экспортными зонами и периферийными областями натурального хозяйства, между капиталистическим городом и полуфеодальной патриархальной деревней стимулируют концентрацию населения в западной, приморской части страны, более густо заселенной еще в доколониальный период. Серьезные опасения у колонизаторов, а ныне у правящей верхушки вызывает устойчивый рост миграций в города при медленном развитии промышленности, создающий застойное перенаселение и грозящий социальными взрывами.

Буржуазные специалисты для борьбы с миграциями выдвигают проекты технических преобразований сельского хозяйства в отсталых аграрных районах, примером которых может служить программа модернизации хозяйства в долине Сенегала. Однако на пути развития капиталистической экономики со свойственным ей межрайонным антагонизмом и сохранением отживших социальных структур проекты повышения жизненного уровня крестьянства одними техническими преобразованиями утопичны, стихийный рост неравномерности размещения населения сохранится, как и его социальная база, а следовательно, возрастут и препятствия на пути рационального использования трудовых ресурсов народного хозяйства.

ЛИТЕРАТУРА

1. «Afrique Occidentale Française 1957», Paris, 1958.
2. «Annales de géographie», t. 38, Paris, 1929.
3. «Annuaire démographique», New York, 1960.
4. «Annuaire statistique de l'Afrique Occidentale Française 1950—1954», vol. 5, fasc. 1, Paris, 1956.
5. «Annuaire statistique de l'Union Française outre-mer 1939—1949», t. 1, Paris, 1951.
6. Balandier G., Le fait urbain en Afrique occidentale et centrale: orientation pour la recherche, — «Aspects sociaux de l'industrialization et de l'urbanization en Afrique au Sud du Sahara», Paris, 1956.
7. «Bulletin statistique et économique mensuel», Dakar, 1956, № 21.
8. Cheref M., La vallée du Sénégal, — «Terres et eaux», Paris, 1962, № 38.
9. Collomb H., Ayats H., Les migrations au Sénégal: étude psychopathologique, — «Cahiers d'études africaines», Paris, 1962, vol. 2, № 4.
10. Devernois G., The Franco-African Community, — «Civilisations», 1958, № 4.
11. Diop A., Société toucouleur et migration. Enquête sur l'immigration toucouleur à Dakar, Dakar, 1965.
12. Dresch J., L'occupation du sol en régions de culture intensive en Afrique Occidentale et au Cameroun, — «L'information géographique», Paris, 1958, № 2.
13. «Marchés tropicaux et méditerranéens», Paris, 1959, № 710.
14. «Outre-mer 1958», Paris, 1960.
15. Pelissier P., Les Diola: étude sur l'habitat des riziculteurs en Basse Casamance, — «Cahiers d'outre-mer», Bordeaux, 1958, № 44.
16. Pelissier P., Les serères. Essai sur la formation d'un terroir au Sénégal, — «Cahiers d'outre-mer», 1953, № 22.
17. Savonnet G., Les villages de la banlieue thiessoise, — «Bulletin de l'Institut français d'Afrique Noire», Dakar, 1955, t. 17, série B, № 3—4.
18. «Situation économique du Sénégal 1962», Dakar, [196—].
19. «Supplément au Bulletin statistique et économique mensuel», Dakar, 1961, № 8.
20. Thomas L. V., Esquisse sur les mouvements de populations et les contacts socio-culturels en pays Diola, — «Bulletin de l'Institut Fondamental de l'Afrique Noire», Dakar, 1960, t. 22, série B, № 3—4.

М. М. Голубчик

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ ТРАНСПОРТ И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СТРАН ЭКВАТОРИАЛЬНОЙ АФРИКИ

В. И. Ленин в июле 1920 г. в предисловии к французскому и немецкому изданиям книги «Империализм, как высшая стадия капитализма» писал: «Распределение желдорозной сети, неравномерность его, неравномерность ее развития, это — итоги современного, монополистического капитализма во всемирном масштабе... Постройка желдороз кажется простым, естественным, демократическим, культурным цивилизаторским предприятием: такова она в глазах буржуазных профессоров, которым платят за подкрашивание капиталистического рабства, и в глазах мелкобуржуазных филистеров. На деле капиталистические нити, тысячами сетей связывающие эти предприятия с частной собственностью на средства производства вообще, превратили эту постройку в орудие угнетения *миллиарда* людей (колонии плюс полуколонии), т. е. больше половины населения земли в зависимых странах и наемных рабов капитала в „цивилизованных“ странах» [1, стр. 304—305].

Эти слова В. И. Ленина, написанные около полувека тому назад, можно с полным правом отнести к характеристике современного железнодорожного (и других видов) транспорта подавляющего большинства развивающихся стран, ныне уже политически независимых, но еще не добившихся экономической самостоятельности, еще не покончивших со своим подчиненным положением в системе капиталистического мирового хозяйства.

Железнодорожный транспорт является одной из важных и необходимых составных частей всей системы инфраструктуры африканских стран, которую на протяжении многих десятилетий колониального господства империализма в Африке создавали и постоянно совершенствовали колониальные власти и капиталистические монополии, так как без инфраструктуры невозможна развернутая эксплуатация богатых природных и людских ресурсов стран Африки.

Темпы сооружения железных дорог, характер их размещения, направление, степень оснащенности современными средствами транспорта и необходимым оборудованием, ширина колеи и т. п. определялись конкретными историческими условиями развития капиталистической экономики прежде всего стран-метрополий, диктовались корыстными интересами крупного капитала; при этом полностью игнорировались нужды коренного африканского населения.

Характеризуя развитие транспорта на Африканском континенте, А. Ю. Шпирт справедливо подчёркивает: «Империалистические государства, развивая различные виды транспорта, преследовали военные, политические и экономические цели, значимость и очередность реализации которых определялись конкретными условиями в отдельных частях и странах Африки» [9, стр. 202].

Военно-политические и военно-стратегические цели — это создание плацдармов для завоевания выделенных каждой колониальной державе (по взаимному согласию) «сфер влияния»: упрочение и расширение военно-политического господства на захваченных территориях; подавление выступлений африканских народов против колониального ига, борьба колонизаторов с национально-освободительным движением; укрепление позиций колониальных держав в их межимпериалистической борьбе за раздел и передел Африки. В экономическом отношении железнодорожное строительство создает благоприятные условия для «более полной» эксплуатации ресурсов африканских стран, расхищения растительных и минеральных богатств; создания предприятий европейского сектора, поселений европейцев; для вывоза к побережью, в морские порты, экспортной продукции из внутренних, глубинных районов; доставки в эти районы самых необходимых импортных товаров (нефтепродуктов, строительных материалов, некоторых металлоизделий и др.); для внедрения в мелкие африканские хозяйства экспортных сельскохозяйственных культур и т. п.

Все это определяет основные черты транспорта в целом большинства стран Африки, характеристику которому дал Ю. Д. Дмитриевский: «Слабое развитие современных его видов; небольшая плотность современных путей сообщения; большая роль в основных видах транспорта государственного предпринимательства¹; отчетливая ориентировка основной транспортной сети на порты и слабое развитие внутриафриканских межрайонных коммуникаций; низкий технический уровень; высокие тарифы» [4, стр. 126—127].

Общая протяженность сети железных дорог в Африке составляет 74 765 км; при этом свыше 53% дорог приходится на страны Северной Африки (17 910 км) и ЮАР (21 829 км) [23, 1966, № 150, стр. 352]. Густота железнодорожной сети в среднем для всего континента лишь около 250 м на 100 кв. км площади, т. е. намного ниже, чем в странах Западной Европы (во Франции — 7,0 км, в Великобритании — 10,5, в ФРГ — 14,3 км).

Особенности формирования сети железных дорог, преобладание так называемых «линий проникновения» — от океанских портов в глубь территорий — обусловили изолированность отдельных участков, отсутствие единой сети железных дорог, охватывающей весь континент.

Сооруженные дороги часто не связаны между собой, имеют разную ширину колеи, много узкоколейных участков. По сведениям французского журнала [23], только 14,1% африканских железных дорог имеют нормальную ширину колеи — 1435 мм (большая часть их сосредоточена в странах Северной Африки); 66,0% дорог — с шириной колеи 1067 мм, 12,6% — 1000 мм и остальные 7,3% имеют колею менее 1000 мм [23, 1966, № 150, стр. 352]. Такая разнородность препятствует координации перевозок по железным дорогам Африки.

Завоевание подлинной экономической независимости молодых

¹ С достижением политической независимости во многих африканских странах пути и средства сообщения, находившиеся ранее в руках колониальных властей, перешли в ведение африканских государств.

суверенных государств Африки невозможно без преодоления их транспортной отсталости, уродливого, оставшегося от колониальных времен размещения средств транспорта и путей сообщения, без ликвидации транспортной разобщенности отдельных стран и районов.

Отсюда — новые задачи, стоящие перед развитием железнодорожного транспорта стран Африки. Во-первых, налаживание, укрепление и расширение межрайонных экономических связей с целью освоения новых районов, подъема отсталых частей страны; вовлечение в народнохозяйственный оборот еще не используемых природных ресурсов; постепенное создание единого народнохозяйственного организма в каждой африканской стране на основе комплексного, рационального развития всех производительных сил в национальных интересах. Во-вторых, развитие внутриафриканского территориального разделения труда на основе постепенного расширения всестороннего экономического сотрудничества между суверенными государствами, ликвидации существующей дезинтеграции их национальных хозяйств. В-третьих, более широкое и равноправное участие стран Африки в международном разделении труда, во всей системе мировых экономических взаимоотношений.

Решение этих задач сопряжено с большими трудностями, заключающимися главным образом в недостаточности собственных финансовых средств и ресурсов у независимых развивающихся государств, все еще сохраняющейся экономической зависимости их от бывших метрополий и других капиталистических держав.

В этих условиях большое значение может приобрести решение транспортных (равно как и других экономических) проблем африканских стран путем их сотрудничества в рамках региональных объединений (союзов).

Еще в январе 1959 г. страны, входившие во Французскую Экваториальную Африку (Габон, Конго², ЦАР, Чад), создали Экваториальный таможенный союз (ЭТС). Вступление в действие в июле 1962 г. единого таможенного тарифа стран ЭТС и Камеруна означало практически создание зоны свободной торговли между указанными государствами. Были установлены единые ставки пошлин на импортные товары из третьих стран в размере от 5 до 30% (причем предусматривались беспошлинный импорт из Франции и постепенное снижение таможенных пошлин на товары, ввозимые из стран — членов ЕЭС³).

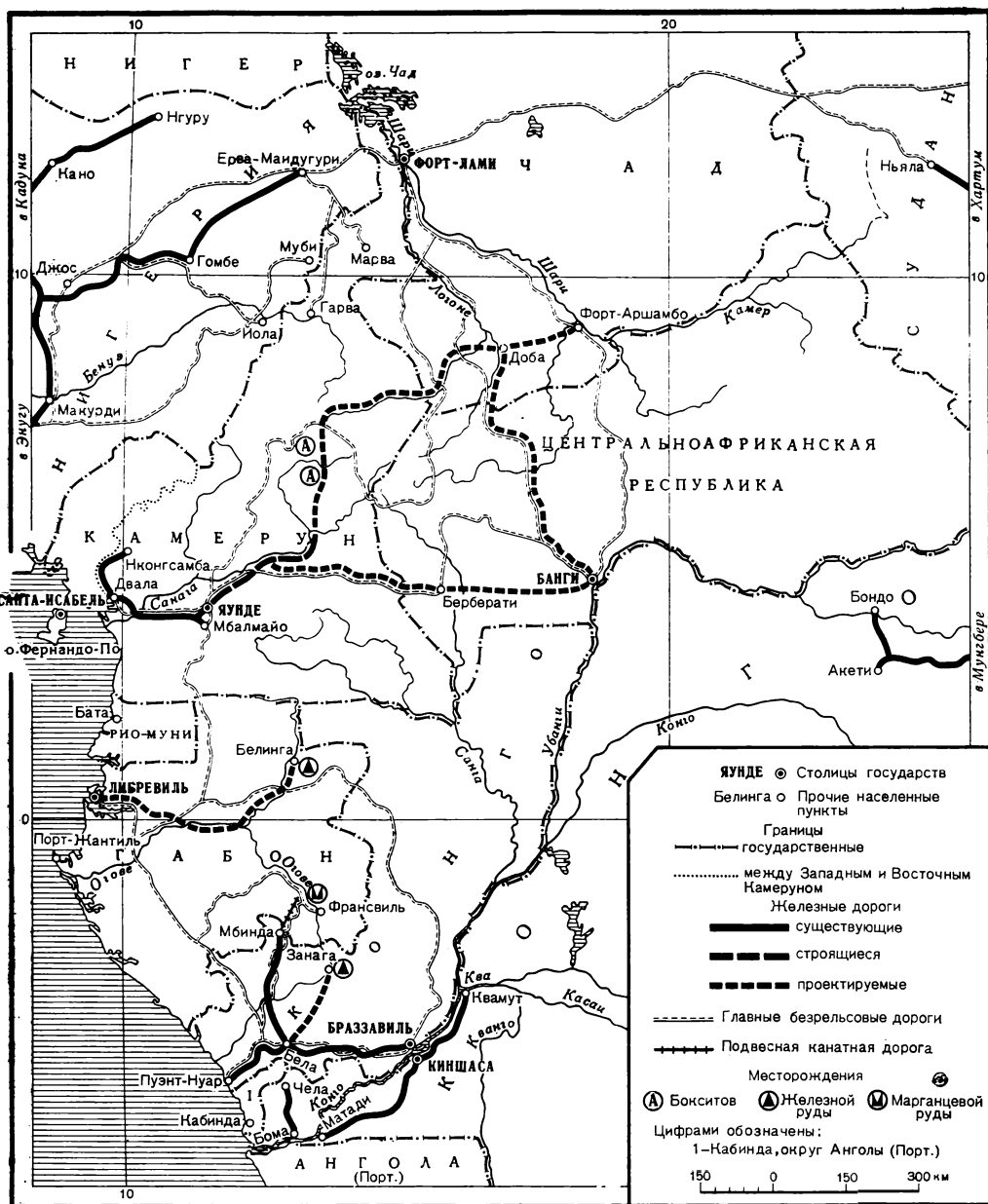
В декабре 1964 г. на конференции в Браззавиле страны — члены ЭТС и Камерун подписали договор о создании Таможенного и экономического союза стран Центральной Африки (ТЭСЦА), предусматривавший дальнейшее развитие экономических связей между пятью государствами Экваториальной Африки [5, стр. 68].

Общая площадь этих стран — примерно 3 млн. кв. км (2991 тыс. кв. км), население — 11 274 тыс. (1965 г.) (средняя плотность около 3,8 человека на 1 кв. км) [подсчитано по: 8].

Все эти молодые государства относятся к числу слабозаселенных (в четырех из них плотность населения не превышает 2,6 человека на 1 кв. км) и экономически отсталых стран Африки с доминирующим сельским хозяйством и плохо развитой промышленностью, особенно

² Здесь и далее речь идет о Республике Конго (Браззавиль).

³ Все пять названных стран входят в ЕЭС на правах «ассоциированных» членов.

Экваториальная Африка

обрабатывающей (табл. 1). Тем более для них необходимо объединение усилий, направленных на решение насущных задач развития народного хозяйства.

Таблица 1

Характеристика населения стран — участниц ТЭСЦА*

	Площадь, тыс. кв. км	Численность населения** тыс. человек	Плотность населения, человек на 1 кв. км	Удельный вес городского населения, %	Удельный вес само- деятельного насе- ления, %	
					в сельском хозяйстве	в промыш- ленности
Габонская Рес- публика	267,0	462	1,7	16	79,7	11,8
Федеративная Рес- публика Камерун	475,4	5210	11,0	10	85—90	—
Республика Конго	342,0	826	2,4	28	76,0***	9,5
Центральноафри- канская Респу- блика	617,0	1352	2,2	20	77,8	8,5
Республика Чад .	1284,0	33300	2,6	10	88,5****	5,6

* Составлено по: [3; 6; 8].

** Данные за 1964—1965 гг.

*** Вместе с лесным хозяйством.

**** Вместе с рыболовством.

Основными целями ТЭСЦА являются укрепление экономического единства стран-участниц, обеспечение их гармоничного развития.

Договор о создании ТЭСЦА предусматривает унификацию налоговых систем и инвестиционных кодексов стран-участниц; координацию их национальных планов развития, прежде всего проектов промышленного строительства; усиление народнохозяйственной специализации стран ТЭСЦА и развитие межгосударственного разделения труда между ними с целью расширения взаимной торговли и повышения жизненного уровня населения. В соответствии с договором территория стран ТЭСЦА объявляется единой таможенной территорией, в пределах которой осуществляется свободное передвижение лиц, товаров, имущества, услуг и капиталов.

С 1 января 1966 г. одновременно всеми членами союза введен в действие единый таможенный тариф, который применяется для торговли с третьими странами. Между этими странами ликвидируются таможенные пошлины и количественные ограничения в торговле. В 1966 г. был создан общий для ТЭСЦА Центральный банк промышленного развития, основная задача которого — финансирование строительства новых промышленных объектов, призванных обслуживать рынок всего района⁴.

Одной из важнейших экономических баз объединения пяти государств в союз явилась их взаимозависимость от транспортных связей с внешним миром, общность решения основных транспортных проблем.

⁴ Среди этих объектов выделяется нефтеперерабатывающий завод в Порт-Жантле на побережье Габонской Республики (строительство начато в июне 1966 г.; введен в эксплуатацию в конце 1967 г.). Завод первоначальной мощностью 700 тыс. т в год должен полностью обеспечить внутренние потребности в нефтепродуктах пяти государств — партнеров по ТЭСЦА, оценивавшиеся на 1966 г. в 362 тыс. т, в том числе (в тыс. т): бутана — 3, автомобильного бензина — 117, керосина — 44, реактивного топлива — 37 и газойля — 161 [23, 1966, № 154, стр. 762—763].

Республика Чад и ЦАР, не имеющие выхода к морю, большую часть своих внешнеторговых перевозок осуществляют транзитом через Конго (морской порт Пуэнт-Нуар), а также через Камерун и Нигерию.

Габон, хотя и имеющий непосредственный выход в Атлантический океан, но не обладающий достаточной сетью автодорог для связи глубинных районов с морским побережьем, также вынужден пользоваться основной транспортной сетью четырех стран, входивших ранее в ЭТС, так называемым федеральным путем. Он начинается автомобильными дорогами на территории Республики Чад и ЦАР, по которым экспортные товары стягиваются к Банги (ЦАР). Далее путь продолжается по рекам Убанги и Конго до Браззавиля, завершаясь железной дорогой Браззавиль — Пуэнт-Нуар. Габон соединен с этим путем автодорогой Ламбарене — Браззавиль.

В 1959 г. для совместного управления федеральным путем странами — членами ЭТС было создано Трансэкваториальное агентство коммуникаций, в ведении которого находятся железная дорога Пуэнт-Нуар — Браззавиль, порт Пуэнт-Нуар, речные порты Банги и Браззавиль и водные пути сообщения на реках Конго, Убанги и Санга. Агентство призвано координировать пассажирские и грузовые перевозки по этим путям сообщения [5, стр. 67; 23, 1966, № 154, стр. 764—768].

Наряду с федеральным путем Габон пользуется для своих экспортно-импортных перевозок дорогами и морскими портами Камеруна.

В последние годы разрабатывается проект создания единой сети железных и шоссейных дорог ТЭСЦА; основой ее явятся железные дороги, которыми располагают из пяти стран только две — Камерун и Конго.

Общая протяженность этих железных дорог не превышает 1400 км (1383,3 км на начало 1966 г.). Ввиду того что они в той или иной степени обслуживают нужды всех стран ТЭСЦА, правомерно считать густоту железнодорожной сети по отношению к территории всех стран союза, вместе взятых. Она составляет всего лишь 0,046 км на 100 кв. км площади ТЭСЦА, т. е. ничтожно малую величину.

Несмотря на чрезвычайно слабую обеспеченность пяти описываемых стран железнодорожной сетью, роль действующих дорог в их экономической жизни трудно переоценить, ибо эти дороги вместе с морскими портами Двала и Пуэнт-Нуар образуют жизненно важные для молодых государств ворота во внешний мир, их главные экономические стержни, играющие очень большую роль в процессе формирования национального рынка, развития межрайонного разделения труда.

Остановимся на некоторых конкретных вопросах, характеризующих экономическую роль железных дорог ТЭСЦА, связанных прежде всего с новым железнодорожным строительством в Федеративной Республике Камерун.

Железные дороги Камеруна проходят через наиболее густо населенные и экономически важные районы, образуя своеобразные «оси» этих районов, соединяя их с «экономической столицей» страны и ее главным морским портом — г. Двалой.

Однако существующей железнодорожной сети явно недостаточно для такой обширной страны, как Камерун. Совершенно отсутствуют железнодорожные магистрали, которые пересекали бы всю страну в широтном и меридиональном направлениях, способствуя развитию межрайонных перевозок и экономических связей.

Конфигурация железнодорожной сети носит своеобразный характер, типичный для многих бывших колониальных стран Африки. Так же, например, как в Того, железные дороги Камеруна образуют так называемую веерную систему: обе дороги лучеобразно исходят из г. Двалы и идут в главные районы производства экспортного сырья. Так, конфигурация дорог подчеркивает их основную хозяйственную функцию — обслуживание внешнеторговых связей.

Владельцем железных дорог Федеративной Республики Камерун является Государственное управление железных дорог Камеруна. Главную роль в железнодорожных перевозках играет Центральная дорога, на долю которой приходится до 80% общего объема перевозимых грузов и 50—60% перевозок пассажиров (табл. 2). В Яунде и Мбалмайо осуществляется перевалка на Центральную дорогу таких основных видов экспортной продукции Камеруна, как какао-бобы, древесина, пальмовые ядра и масло, хлопок; из Эдеа, где расположен крупный алюминиевый завод, отправляется алюминий в слитках и листовой алюминиевый прокат. Все эти грузы следуют почти исключительно транзитом в порт Двалу.

Таблица 2

Действующие железные дороги Федеративной Республики Камерун*

Основные железные дороги и ветки	Протяженность (эксплуатируемая линия), км	Годы строительства	Направление	Объем перевозок			
				грузов		пассажиров	
				тыс. т	млн. т · км	тыс.	млн. пассажиров · км
Центральная дорога (Двала—Яунде)	308	1910 — 1914 гг. и 1921 — 1927 гг.	Яунде — Двала 1962 г. 1964 г.	626 744	116,5 ...	715 712	70,1 ...
Ветка Отеле— Мбалмайо	37	1921 — 1927 гг.	—	—	—	—	—
Северная дорога (Двала—Нконг- самба)	172	1906 — 1911 гг.	Нконгсамба—Двала 1962 г. 1964 г.	191 198	22,8 ...	699 475	34,4 ...
Ветка Мбанга— Эдики (в Западный Камерун)	15,3	1964 — 1965 гг.	—	—	—	—	—
Вся железнодорож- ная сеть (на нача- ло 1966 г.)** . . .	532,3		1962 г. 1964 г.	817 942	139,3 167,5	1414 1187	104,5 118,4

* Источники: [18, стр. 358; 22, 1965, № 440, стр. 45; 23, 1963, № 116, стр. 648, 1965, № 139, стр. 480, 491—493; 25, стр. 234; 28, стр. 33; 33, стр. 17—21].

** Без учета расположенной в Западном Камеруне узкоколейной (600 мм), так называемой «плантационной», дороги общей протяженностью 147 км. Эта дорога имеет чисто местное значение: она обслуживает европейские плантации округа Виктория (экспортная продукция этих плантаций подвозится к морским портам Тико и Виктория) [34, стр. 5]

По Центральной дороге во внутренние районы поступают нефтепродукты и глинозем, ткани и одежда, импортные продукты питания, различные металлоизделия и оборудование, строительные материалы, транспортные средства, продукция предприятий Двалы.

По Северной дороге из западных районов в Двалу поступают бананы, кофе, какао-бобы, пальмовая продукция, древесина, продукты питания местного производства. Состав импортных грузов, следующих из Двалы, примерно такой же, как и на Центральной дороге, за исключением глинозема и другого сырья, необходимого для производства алюминия. Характерно, что тоннаж экспортных грузов на Северной дороге в три-пять раз превышает перевозки импортных грузов.

До 1955 г. обе дороги существовали изолированно друг от друга, разделенные р. Вури (в Двале). Это причиняло огромные неудобства для их эксплуатации. В феврале 1955 г. было завершено строительство железнодорожного моста через Вури, который соединил Двалу с его пригородом — портом Бонабери, бывшим до этого времени начальным пунктом Северной дороги. В результате значительно возросли перевозки между западными и центральными районами страны, улучшились условия эксплуатации железных дорог, использование подвижного состава и т. д.

Железные дороги Камеруна играют важную роль в перевозках пассажиров, особенно сезонных рабочих-отходников; в последние годы они находятся на уровне 1200—1500 тыс. человек в год, более чем в два раза превышая уровень 1939 г.

Объем перевозок грузов на железных дорогах Камеруна испытывает резкие колебания — годовые и сезонные, что характерно для транспорта всех бывших колоний. Годовые колебания зависят от сборов экспортной сельскохозяйственной продукции и продовольственных культур, а также от состояния цен на экспортные товары на мировом рынке. Сезонные же колебания связаны с циклом сельскохозяйственных работ. Как следствие этих колебаний в отдельные периоды железные дороги едва успевают справляться с перевозками, а в другое время порожние составы месяцами простаивают без работы.

В общем, Федеративная Республика Камерун обладает слабо развитой железнодорожной сетью с низкими технико-экономическими и эксплуатационными показателями, не обеспечивающей быстрое и рациональное экономическое развитие страны в целом и отдельных ее рынков.

Среди наиболее важных транспортных проблем Камеруна перво-степенное значение, несомненно, имеет проблема улучшения и расширения сети путей сообщения между северными и южными районами; она будет решена путем сооружения Транскамерунской железной дороги (ТКД).

Транскамерунская дорога — крупнейшая стройка Федеративной Республики Камерун и одна из крупнейших на всем Африканском континенте. Ее основная задача — покончить с транспортной обособленностью обширных территорий, простирающихся к северу от Яунде до оз. Чад и связанных с побережьем и главными экономическими центрами юга и юго-запада лишь грунтовыми дорогами, многие из которых являются к тому же сезонными. Новая дорога призвана способствовать расширению внутреннего рынка, экономическому подъему слабо развитых внутренних районов Камеруна, постепенной ликвидации резких диспропорций в условиях развития относительно развитого Юга и более отсталого Севера.

Проект сооружения ТКД предусматривает продолжение Централь-

ной дороги от Яунде на север, до Нгаундере (центра отсталого, слабо-освоенного скотоводческого департамента Адамава).

31 октября 1964 г. в Яунде состоялось торжественное открытие строительных работ на первом участке ТКД Яунде — Белабо (протяженностью 296 км), сооружение которого намечено завершить к 1 марта 1968 г.⁵ С 1 июля 1967 г. до 1 октября 1970 г. предполагается построить второй участок — Белабо — Нгаундере (333 км) и, таким образом, закончить строительство всей ТКД (629 км).

Ширина колеи этой дороги — 1000 мм (как и у существующих Северной и Центральной дорог), но шпалы укладываются таким образом, что в дальнейшем путь можно будет перешить на колею 1067 мм⁶, которая принята в качестве стандартной на железных дорогах африканских стран, расположенных южнее Сахары [10, стр. 45—46; 32, стр. 8—15].

ТКД пройдет от Яунде на восток, по долине Санаги, до Белабо, близ слияния рек Лом и Дьерем, и далее — по долинам Дьерема, его притока Пангара, р. Южной Вины — к Нгаундере.

Новая дорога позволит освоить долину Средней и Верхней Санаги и другие районы департамента Адамава и, что особенно важно, создать благоприятные транспортно-географические условия для разработки крупного месторождения бокситов Миним — Мартап, расположенного примерно в 120 км к югу от г. Нгаундере. Оно было открыто в конце 1958 г. французской компанией. Бокситоносная полоса этого месторождения занимает площадь до 15 тыс. га. Химический состав наруженных бокситов оказался следующим (в %): окиси алюминия — 40—45 (т. е. примерно такое же содержание, как в богатых месторождениях Гвинейской Республики); кремнезема — 2—4; окиси железа — 23; окиси титана — 4,5. В небольших количествах присутствуют также кальций, магний, ванадий, хром и другие элементы. Мощность промышленного пласта составляет 7—13 м, а максимальная мощность достигает 18 м.

Общие запасы бокситоносной полосы и прилегающего района оцениваются в 500 млн. т; потенциальные запасы департамента Адамава (речь идет в основном о месторождении Миним — Мартап и генетически связанном с ним — Нгаундал) определяются в 2—2,5 млрд. т, что при хорошо развитой транспортной системе данного района позволит в будущем организовать ежегодную добычу 480—500 тыс. т руды.

В результате станет возможным снабжение алюминиевого завода в Эдеа глиноземом, полученным из камерунских бокситов⁷: до сих пор завод работает на гвинейском глиноземе.

Несомненно то важное экономическое значение, которое будет иметь Транскамерунская дорога, но при этом следует подчеркнуть, что в ее сооружении особенно (и прежде всего) заинтересован крупный иностранный капитал, действующий в Камеруне, ибо ТКД, открывая доступ к богатейшим ресурсам бокситов, в то же время способствует выкачиванию из этой африканской страны новых больших прибылей.

⁵ Строительство этого участка стоимостью 8 млрд. афр. фр. (всей ТКД — около 14 млрд. афр. фр.) финансируется странами «общего рынка» (3,7 млрд.), Францией (2,35 млрд.) и США (1,98 млрд.) [19].

⁶ ТКД строится также с таким расчетом, чтобы по ней могли ходить тяжеловесные поезда.

⁷ Между правительством Камеруна и французской компанией, владеющей заводом, достигнута договоренность об использовании на этом предприятии местных бокситов.

По новой железной дороге с юга на север на всем протяжении будут перевозиться только транзитные грузы (за исключением древесины); в обратном направлении, с севера на юг, пойдет в постоянно увеличивающихся размерах экспортная продукция. Предполагается, что в 1970 г. перевозки грузов по дороге Яунде — Нгаундере превысят 300 тыс. т, а в 1980 г. составят 550—600 тыс. т [20, стр. 5—6] (табл. 3).

Таблица 3

Предположительный объем перевозок грузов на строящейся железной дороге Яунде — Нгаундере*

	Объем перевозок, тыс. т		Грузооборот, млн. т · км	
	1970 г.	1980 г.	1970 г.	1980 г.
Направление Нгаундере—Яунде (север—юг)	152,7	227,0	73,6	107,1
Направление Яунде—Нгаундере (юг—север)	131,6	289,1	63,5	156,0
Вместе в обоих направлениях	284,3	516,1	137,1	263,1
Местные перевозки	28,4	51,6	5,0	9,6
Итого . . .	312,7	567,7	142,1	272,7

* Источники: [10, стр. 47; 20, стр. 5—6].

В зону влияния ТКД войдут многие центральные и почти все восточные районы Камеруна, а также юго-западные районы Республики Чад и западные и северо-западные районы Центральноафриканской Республики.

Новая дорога позволит увеличить вывоз из внутренних районов Камеруна, значительно удаленных от морского побережья, какао-бобов, кофе, древесины; намного расширить перевозки из Северного Камеруна в южные районы таких товаров, как рис, арахис, хлопок-волокно, хлопковое масло, сушеная рыба, живой скот и др. Таким образом, ТКД должна выступить в роли сильнейшего «стимулятора роста» для ряда отраслей камерунского сельского хозяйства во многих внутренних районах страны.

Одновременно должен возрасти ввоз в эти районы нефтепродуктов, цемента, продовольствия, промышленного оборудования, различных предметов широкого потребления.

ТКД будет иметь большое значение для некоторых районов ЦАР, таких, как Верхняя Санага, Бвар-Бабва, Уам-Пенде и частично Уам, где сосредоточено свыше $\frac{2}{5}$ населения страны и производится до $\frac{9}{10}$ хлопка и $\frac{2}{3}$ кофе ЦАР. Ожидается значительное увеличение грузоперевозок ЦАР через территорию Камеруна, особенно вывоз названных товаров.

Республика Чад также сможет увеличить свой транзит через территорию Камеруна, в частности вывоз хлопка.

Вот уже ряд лет изучаются возможности продолжения ТКД в Республику Чад по трассе Нгаундере — Мунду — Доба — Форт-Аршамбо, в юго-западный, наиболее густо населенный район страны (протяженная протяженность — 740 км [22, 1966, № 440, стр. 45]). Проект изучается чадско-камерунским комитетом. В 1967—1968 гг. должны быть про-

ведены все необходимые предварительные изыскания и исследования трассы как камерунского, так и чадского участков [29, стр. 985].

Этот проект следует рассматривать как один из элементов системы железных дорог, которая будет создана в будущем в области оз. Чад и обеспечит этой области, в особенности Республике Чад, надежные и широкие связи с морскими портами западноафриканского побережья.

Вполне очевидно, будет построена дорога, соединяющая железнодорожные сети Нигерии и Судана, и созданная таким образом трансконтинентальная африканская магистраль пересечет Республику Чад в ее центральной части, пройдя через столицу страны — г. Форт-Лами. Возможно «подключение» к этой магистрали продолжения ТКД в Чад посредством сооружения линии Форт-Аршамбо — Форт-Лами [17, стр. 53]. В перспективе Республика Чад может получить еще один выход в море благодаря сооружению узкоколейной (ширина колеи — 600 мм) железной дороги Форт-Лами — Банги длиной 1100 км (при условии железнодорожного выхода Банги к портам Двала или Пуэнт-Нуар) [12]. Считается, однако, что Транскамерунская дорога, способствуя развитию экономических связей между Камеруном и Республикой Чад, обеспечит последней более выгодный выход к морю, чем путь через Банги — Браззавиль — Пуэнт-Нуар или через железнодорожную сеть Нигерии [21, стр. 252—254].

Возможно также, что завершением трансафриканской магистрали — от Красного моря (Порт-Судан) до Атлантического океана — станет не Порт-Харкорт (Нигерия), как обычно считают, а Двала — как более близкий морской порт.

Вместе с решением вопроса о продолжении ТКД в Республику Чад обсуждается возможность сооружения ответвления от этой дороги (или от Центральной дороги Камеруна) в ЦАР до г. Банги. Этот проект связан с общей проблемой улучшения транспортно-географического положения ЦАР, с необходимостью расширения ее экспорта, с проблемой освоения значительных лесных ресурсов этой страны (как и лесных массивов Южного Камеруна), до настоящего времени еще слабо эксплуатируемых.

Лесная зона ЦАР простирается в южной части страны с запада на восток на 440 км (от 15° в. д. до 19° в. д.) и подразделяется на три района: западный район Верхней Санги; центральный район р. Мдаере и восточный район по нижнему течению р. Лобае.

В этих лесах встречаются 12 древесных пород, имеющих товарное значение. В среднем на 1 га лесопокрытой площади насчитывается 22 куб. м древесины товарных пород; в богатых же ценной древесиной областях этот показатель возрастает до 70—90 и, в исключительных случаях, до 120—150 куб. м на 1 га [31, стр. 771]. Леса только одного западного района Верхней Санги при их рациональной эксплуатации могут давать ежегодно 660 тыс. куб. м высококачественной древесины⁸. могушей найти применение в различных отраслях хозяйства.

Удельный вес площади лесных массивов ЦАР, пригодных для эксплуатации, оценивается в 50—65% всей лесопокрытой площади, или в 1,5—2,0 млн. га, но эксплуатация этих массивов требует большой подготовительной работы, прежде всего транспортного строительства.

И вот с целью создания условий для развития лесного хозяйства ЦАР и обеспечения этой стране более короткого и более удобного (чем

⁸ В последние годы объем лесозаготовок находится на уровне 100 тыс. куб. м. Размеры лесозаготовки ограничиваются трудностями, связанными с транспортировкой леса.

путь по рекам Санга, Лобае, Убанги, Конго и затем по железной дороге Браззавиль — Пуэнт-Нуар) пути к побережью Атлантического океана был выдвинут проект сооружения железной дороги с шириной колеи 1000 мм, которая соединит Банги с железными дорогами Камеруна. Предполагается проложить железную дорогу из Банги до р. Санги (400 км), после чего предоставится выбор между двумя вариантами трассы: либо с выходом к ТКД в Эбака, либо с выходом в Мбалмайо (конечный пункт Центральной дороги). В первом случае длина дороги будет 700 км, но общее расстояние между Банги и Двалой по железной дороге — 1400 км. Кроме того, железная дорога пройдет вдоль окраины лесных массивов и для вывоза древесины потребуются сооружение дополнительных подъездных путей. Во втором случае длина соединительного отрезка составит 900 км, причем условия строительства будут сложнее ввиду более пересеченного рельефа; зато общее расстояние между Банги и Двалой станет (по железной дороге) на 200 км меньше (1200 км) и дорога пройдет непосредственно через лесные массивы [23, 1965, № 136, стр. 234].

Таковы некоторые экономические проблемы, связанные с сооружением ТКД и соединением ЦАР и Республики Чад с железнодорожной сетью Камеруна.

Следующий комплекс проблем связан с эксплуатацией железнодорожной магистрали Конго — Океан (протяженность эксплуатируемых линий — 510 км; ширина колеи — 1067 мм). Она соединяет административную столицу Республики Конго Браззавиль (136 тыс. жителей в 1964 г.) с ее «экономической столицей» — г. Пуэнт-Нуаром (76 тыс. жителей в 1962 г.)⁹, судоходный участок на р. Конго (а вместе с тем всю речную систему Конго — Убанги), отрезанный от океана многочисленными порогами и водопадами на Нижнем Конго, с побережьем Атлантического океана.

Магистраль Конго — Океан занимает исключительно важное место в системе инфраструктуры стран ТЭСЦА, обеспечивая экспортно-импортные перевозки, снабжение и транспортировку грузов не только Республики Конго (Браззавиль), но и Габона, ЦАР и Республики Чад. Все это позволило директору Управления железной дороги Конго — Океан К. Арнольду назвать эту дорогу «легкими» Экваториальной Африки [13, стр. 494].

При строительстве железной дороги (1922—1934 гг.) пришлось преодолеть немало технических трудностей, обусловленных природными условиями. Так, например, при пересечении горного массива Майомбе на протяжении примерно 100 км было построено 12 тоннелей общей длиной 3005 м (в том числе тоннель Бамба, имеющий длину 1694 м), 47 виадуков и 62 подпорные стены [11, стр. 25; 13, стр. 491].

Завершается дорога на морском побережье, в Пуэнт-Нуаре — «воротах» Конго во внешний мир. Его внутренняя акватория имеет основной причал длиной 720 м (глубина 9,2 м). Кроме того, порт располагает так называемым северо-западным причалом длиной 210 м (глубина 10,2 м) и причалом для перевозки грузов на лодках и лихтерах. Мол порта (440×150 м) имеет причальную стенку длиной 350 м (глубина 10 м). Эти сооружения позволяют принимать одновременно

⁹ Предполагается, что к 1971 г. численность населения страны возрастет до 912 тыс. человек (в 1964 г. — 826 тыс.), в том числе: населения Браззавиля — до 200 тыс. человек, а Пуэнт-Нуара — до 115 тыс. человек [6, стр. 231; 23, 1965, № 135, стр. 112].

восемь крупных морских судов. В 1963 г. порт посетило 911 судов [23, 1966, № 154, стр. 764—766].

Грузооборот порта за 1953—1965 гг. значительно вырос: в 1953 г. — 255 тыс. т, а в 1965 г. — 2208 тыс. т [22, 1964, № 418, стр. 47; 23, 1966, № 154, стр. 764—766]. Это связано с ростом перевозок грузов по дороге Конго — Океан, который в свою очередь определяется развитием некоторых отраслей экономики Республики Конго и соседнего Габона.

Железная дорога имеет обширную зону влияния (экономического тяготения), площадь которой — 1729 тыс. кв. км, население — 4195 тыс. (1964 г.), в том числе: Республика Конго (342 тыс. кв. км; 845 тыс. человек), ЦАР (617 тыс. кв. км; 1,2 млн. человек), южные части Габона (70 тыс. кв. км; 150 тыс. человек) и Республики Чад (700 тыс. кв. км; 2 млн. человек) [14, стр. 17].

Рост перевозок на дороге Конго — Океан, наблюдавшийся в последние годы и ожидаемый в ближайшей перспективе, обусловлен прежде всего открытием и освоением (начиная с середины 50-х годов XX в.) ряда крупных месторождений полезных ископаемых (марганцевых и железных руд, калийных солей и др.), обнаруженных в пределах зоны влияния железной дороги, а также развитием некоторых отраслей сельского и лесного хозяйства и обрабатывающей промышленности, связанных с экспортом (в центрах, расположенных в непосредственной близости или на самой дороге).

Предполагается, что в 1968 г. объем грузовых перевозок превысит 3,5 млн. т (табл. 4), грузооборот достигнет 700 млн. т·км, причем свыше $\frac{1}{3}$ его составят перевозки габонской марганцевой руды, которая транспортируется по железной дороге Мбинда — Бела¹⁰ к дороге Конго — Океан и далее по последней в Пуэнт-Нуар.

Необходимо подчеркнуть, что весьма характерной чертой нового железнодорожного строительства в молодых африканских государствах является сооружение (с иностранной технической и финансовой помощью) так называемых «рудовозных» железных дорог для освоения месторождений преимущественно рудных ископаемых и вывоза минерального сырья к побережью, в морские порты. Сооружение таких дорог диктуется и определяется в первую очередь интересами крупных капиталистических монополий, стремящихся заполучить выгодные источники необходимого сырья.

Типичным примером рудовозной дороги является дорога Порт-Этьенн — Форт-Гуро в Мавритании (длина — 650 км, со станционными и подъездными путями — 737 км), построенная в 1961—1963 гг. компанией «Сосьете де мин де фер де Моритани» (создана в 1952 г. с участием главным образом французского капитала) и предназначенная для вывоза железной руды, добываемой в районе Форт-Гуро (в 1965 г. перевезено свыше 6,3 млн. т) [22, 1966, № 440, стр. 43].

Подобное же назначение имеет железная дорога Мбинда — Бела, которая используется для вывоза марганцевой руды из района Франс-виля (Габон) (строительство завершено в 1962 г.).

Первые признаки наличия марганцевых руд в Южном Габоне были обнаружены в 30-х годах нынешнего столетия; затем они подтвердились поисковыми работами, проведенными в конце второй мировой войны. В 1951—1953 гг. крупные промышленные месторождения в районе Моанда были разведаны геологами французского «Бюро миньер

¹⁰ Эту дорогу, являющуюся ответвлением железнодорожной системы Конго — Океан, обычно называют «дорога Комилог» (по имени ее владельца — международной «Компани миньер де л'Огове»).

д'Утр-мэр» и американской «Юнайтед Стейтс стил корпорейшн». В последующие годы новые изыскания позволили расширить представление о запасах этих руд, оцениваемых цифрой до 300 млн. т [25, стр. 354—362]. Месторождения марганцевых руд охватывают плато Бангомбе, Окума и Массенга. Условия залегания руд благоприятствуют их разработке. Руды легко доступны к выемке и отличаются исключительно высоким содержанием марганца (до 45—52 %).

В настоящее время речь идет об эксплуатации месторождения Моанда, восточнее одноименного населенного пункта (плато Бангомбе), в 45 км к северо-западу от Франсвиля (запасы месторождения — порядка 70 млн. т) [25, стр. 355]. В 1962 г. на этом месторождении вступил в эксплуатацию рудник, принадлежащий компании «Комилог».

Эта компания — довольно характерный пример тех международных консорциумов, к созданию которых все чаще прибегают монополии, считая такие концерны наиболее «надежной» формой приложения капитала в условиях крушения колониальной системы и постепенного становления национальной экономики молодых развивающихся государств.

49 % капитала «Комилог» принадлежит «Юнайтед Стейтс стил корпорейшн», 29 % акций находятся в руках частного французского капитала и 22 % акций принадлежат Французскому государству, представленному посредником в лице «Бюро де решерш геоложик э миньер». Таким образом, «Комилог» является франко-американским предприятием.

В освоение месторождения Моанда эта компания вложила 486 млн. фр., в том числе 102 млн. фр. (21 %) — в геологоразведочные работы и изыскания по транспортировке руды и 335 млн. фр. (70 %) — в оборудование системы транспортировки [25, стр. 358—360].

Расположенный в верхней части бассейна р. Огове район Моанда отстоит на 400 км от побережья Атлантического океана и отделен от него гранито-гнейсовым массивом Шайю и горами Майомбе. Это создает значительные трудности для прокладки прямого железнодорожного пути от месторождения к побережью Южного Габона. К тому же потребовалось бы построить новый порт для вывоза руды.

Инженеры «Комилог» решили использовать для вывоза руды хорошо оборудованный порт Пуэнт-Нуар («Комилог» дополнительно израсходовала 12 млн. фр.), а для транспортировки к порту — смешанный способ перевозки: канатную подвесную дорогу и железную дорогу.

От Моанды до Мбинды (в Республике Конго, на границе с Габоном) в густых экваториальных лесах массива Шайю была прорублена полоса шириной 60 м, в которой была построена канатная подвесная дорога протяженностью 76 км. Начинается эта дорога в Моанде на отметке 486 м над уровнем моря, затем проходит 15 км по пересеченной местности, поднимаясь на гребень массива Шайю, на высоту 722 м, откуда она постепенно спускается к конечной станции Мбинда (отметка 633 м).

Руда перевозится в вагонетках грузоподъемностью 900 кг каждая. Всего на трассе работают 3 тыс. вагонеток, обеспечивающие пропускную способность дороги в 1,4 млн. т руды в год. В Мбинде руда разгружается на открытой площадке, где может одновременно находиться 30 тыс. т, затем автоматически погружается в специальные железнодорожные вагоны грузоподъемностью 40 т и транспортируется по железной дороге Мбинда — Бела.

Эта дорога протянулась с севера на юг по долинам рек Итсибу, Луэссе и Ниари. Характер трассы потребовал ряда искусственных со-

оружий, в числе которых 3 виадука, длиной 95, 120 и 175 м, 22 моста и другие объекты.

Помимо выполнения своей основной функции — перевозки марганцевой руды — дорога «Комилог» используется также для транспортировки других грузов и для пассажирских перевозок (имеется семь станций), осуществляемых Управлением железной дороги Конго — Океан.

В сентябре 1962 г. первая партия марганцевой руды, добытой в районе Франсвиля (15 тыс. т), была отгружена из Пуэнт-Нуара и отправлена на металлургические заводы Рура. За последние четыре месяца 1962 г. добыча составила уже 203 тыс. т, в 1963 г. — 637 тыс. т, в 1964 г. приблизилась к 950 тыс. т, а в 1965 г. достигла почти 1,3 млн. т (в том же году было вывезено 1187 тыс. т) [27, стр. 455].

Габонская руда отправляется главным образом в страны Северной Америки и Западной Европы. Так, например, в 1963 г. 62% вывезенной руды поступили на металлургические предприятия Северной Америки, преимущественно на заводы США на берегу залива Делавэр и в г. Балтиморе; 17% габонского марганца получили французские заводы и 14% — предприятия ФРГ (марганец выгружается в Булони, Дюнkerке, Антверпене и Роттердаме). Небольшая часть руды отправляется в Японию [18, стр. 361].

Развитие добычи марганцевой руды в районе Франсвиля внесло значительное оживление в экономическую жизнь юго-востока Габона и в большой степени повлияло на развитие экономики в западных районах Республики Конго. Так, увеличилась занятость населения, возникли новые экономические центры (близ рудника Моанда построен новый город на 5 тыс. человек), обе страны получили дополнительные валютные поступления. Кроме того, увеличился грузооборот транспортной сети, обслуживающей добычу и вывоз марганцевой руды, в особенности дороги Конго — Океан и порта Пуэнт-Нуар, который, по мнению французского журнала [18], превратился из типичного тропического порта в «настоящий рудоэкспортный порт» (если в 1962 г. в его грузообороте марганцевая руда составляла только 12%, то уже в 1964 г. ее удельный вес вырос до 60%) [18, стр. 360].

Открытие коммерческого движения на дороге «Комилог» явилось одной из важнейших причин увеличения средней дальности перевозок грузов и пассажиров. Эта дорога открыла новые возможности для дальнейшего развития лесной промышленности в Республике Конго, в частности для организации рациональной эксплуатации новой зоны лесных массивов, богатых ценной древесной породой окумэ.

По первому пятилетнему плану экономического и социального развития Республики Конго (1964—1968) велись работы по расширению лесозаготовок в зоне дороги, созданию здесь новых лесопильных и лесоперевалочных центров — Макабана (здесь находится управление коммерческого движения на дороге «Комилог»), Мабати, Мосенджо, Зингиди, Майоко и Мбинда. Это должно позволить увеличить к концу пятилетки общие по стране заготовки круглого неокоренного леса с 290 тыс. до 330 тыс. т, а вместе с пиломатериалами общий объем лесной продукции должен возрасти с 315 тыс. до 446 тыс. т, т. е. на 42% [23, 1965, № 135, стр. 116].

Дальнейший рост грузоперевозок по дороге Конго — Океан (как и развитие железнодорожной сети Республики Конго) в исключительно большой степени связан с освоением новых ресурсов минерального сырья, в особенности месторождений калийных солей и железных руд. В результате уже ряд лет осуществляются и предусмотрены в будущем мероприятия, направленные на увеличение пропускной способно-

сти железной дороги: обновление рельсового пути, спрямление железной дороги на отдельных участках, создание дополнительных пересечений, удлинение платформ, модернизация существующих и сооружение новых сортировочных станций, улучшение телефонной связи, расширение вагонного и локомотивного парка и т. д.

Остановимся прежде всего на значении освоения крупного месторождения калийных солей, открытого в результате геологопоисковых работ, проводившихся в 1960—1963 гг., в районе Олль — Сен-Поль, в 40—50 км к северо-востоку от Пуэнт-Нуара, т. е. в непосредственной близости от железной дороги. Запасы лишь разведанной части месторождения определяются в 550 млн. т (руды представлены силвинитом) [7, стр. 212—213].

В 1968—1969 гг. специально созданная «Компани де поташ дю Конго» (акционеры — правительство Конго и французские фирмы)¹¹ должна начать разработку месторождения и ввести в строй рафинировочный завод.

В Пуэнт-Нуаре для вывоза солей намечается построить специальный грузовой причал, что позволит принимать суда до 65 тыс. брутто-регистрах т (в настоящее время порт принимает суда до 18 тыс. брутто-регистрах т). Предполагается ежегодная добыча в размере 500—600 тыс. т калийных солей в течение примерно 20—30 лет; экспорт достигнет 350 тыс. т (в пересчете на K_2O).

С созданием калийной промышленности связано развитие инфраструктуры в районе Сен-Поль — Пуэнт-Нуар: намечено строительство электростанции, насосной станции, ремонтных мастерских, складских помещений, лабораторий, рабочих поселков и т. д. [15, № 10, стр. 236].

В результате самым грузонапряженным станет 50-километровый участок дороги Конго — Океан Олль — Пуэнт-Нуар (в 1968 г. перевозки на этом отрезке пути могут достигнуть 3360 тыс. т, учитывая также нарастающий поток марганцевой руды и древесины) [14, стр. 18].

Значительно более сложные транспортные проблемы связаны с освоением богатого месторождения железных руд Занага, расположенного в массиве Шайю, на верхнем течении р. Лебани-Огове, в 120 км по прямой линии к северу от Лудимы — железнодорожной станции на дороге Конго — Океан (222-й км от Пуэнт-Нуара). Изученные геологические структуры простираются на площади 16 кв. км в окрестностях деревни Занага. Разведка месторождения в 1954, 1962 и 1963 гг. дает основание оценивать его общие запасы в 5 млрд. т итабиритовых руд (со средним содержанием железа 56—66%), залегающих на глубине до 100 м; месторождение может разрабатываться открытым способом [30, стр. 16].

Для вывоза железной руды в Пуэнт-Нуар предполагается построить железную дорогу длиной около 167 км; начало ее — в 21 км от станции Лудима (243-й км от Пуэнт-Нуара) и конечный пункт — вблизи деревни Занага.

Сооружение этой дороги потребует больших капиталовложений — порядка 14,6—15 млрд. афр. фр.; кроме того, еще 3—3,6 млрд. афр. фр. потребуются для соответствующего расширения порта Пуэнт-Нуар [30, стр. 17].

Несомненно исключительно важное значение, которое имеет (и будет иметь) железная дорога Конго — Океан для вывоза минераль-

¹¹ Финансирует работу этой компании Международный банк развития и реконструкции (30 млн. долл.) и европейский Инвестиционный банк (9 млн. долл.) [15, № 10, стр. 236].

ного и лесного сырья. Однако было бы неправильно сводить ее экономическую роль только к этому: дорога выступает в качестве одного из важнейших и необходимейших условий развития ряда отраслей сельского хозяйства и обрабатывающей промышленности, новых экономических центров и районов. Остановимся на одном из примеров, подтверждающем это положение.

Таблица 4

Развитие перевозок грузов и пассажиров на железной дороге
Конго — Океан*

	1954 г.	1956 г.	1958 г.	1960 г.	1961 г.
Перевозки, осуществляемые Управлением железной дороги Конго — Океан	398 99,7	468 130,7	590 158,4	699,7 209,2	750,3 231,2
Перевозки компании «Комилог» (габонская марганцевая руда)	—	—	—	—	—
Перевозки калийных солей	—	—	—	—	—
Итого:					
грузовые перевозки . . .	398 99,7	498 130,7	590 158,4	699,7 209,2	750,3 231,2
перевозки пассажиров . .	—	—	—	560,6 62	648,8 ...
	1962 г.	1963 г.	1964 г.	1965 г.	1966 г. (прогноз)
Перевозки, осуществляемые Управлением железной дороги Конго — Океан	793,2 231,4	887,6 262,9	1021,0 304,0	... 308,0	1392,0 410,0
Перевозки компании «Комилог» (габонская марганцевая руда)	149,2 30,0	605,3 120,0	942,6 188,5	1200,0 240,0
Перевозки калийных солей	—	—	—	—	1000,0 50,0
Итого:					
грузовые перевозки . . .	942,4 261,4	1492,9 382,9	1963,6 492,5	3592,0 700,0
перевозки пассажиров . .	733,2 ...	794,7 ...	874,0 109

* Составлено по: [22, 1966, № 440, стр. 46; 23, 1965, № 139, стр. 493; 33, стр. 19].

В числителе — тыс. *т* (тыс. человек);

в знаменателе — млн. *т-км* (млн. пассажиро-*км*).

В 248 км от Пуэнт-Нуара на трассе дороги близ железнодорожной станции расположен небольшой населенный пункт Жакоб, который за последнее десятилетие из маленькой захолустной деревушки превратился в третий по величине город Конго (после Браззавиля и Пуэнт-

Нуара), центр района Долина Ниари, выделенного в числе девяти других районов по сетке экономического районирования, разработанной в связи с первым пятилетним планом Республики Конго.

Развитию Жакоба в высшей степени способствовало его выгодное транспортно-географическое положение — на железной дороге, вблизи крупных плантаций сахарного тростника.

Компания «Сосьете эндюстриэль э агриколь дю Ниари» (СЭАН) владеет примерно 18 тыс. га земли, из которых 6 тыс. — непосредственно под сахарным тростником. В 1956 г. эта компания ввела в эксплуатацию в Жакобе сахарный завод; производство сахара быстро выросло с 5 тыс. т в 1957 г. до 30 тыс. т в 1964 г., причем вся продукция вывозится в страны — участницы ТЭСЦА.

Созданная в 1965 г. новая компания «Сосьете сюкриер конголез» (акционеры — правительство Конго и компания СЭАН) начала эксплуатировать плантацию сахарного тростника в 15 тыс. га и сахарный завод; в 1969 г. она должна поставить на мировой рынок 100 тыс. т тростникового сахара-сырца [23, 1965, № 135, стр. 120].

Переработка багассы (вместе с сизалем, который поставляют небольшие крестьянские плантации) позволит в ближайшем будущем организовать производство картона (в 1969 г. — 20 тыс. т); меласса должна перерабатываться в технический спирт (85 тыс. гл в 1969 г.).

Так Жакоб превращается в один из крупнейших в Африке центров сахарной промышленности, на основе которой в будущем сможет вырости целый «сахарный комплекс».

Помимо сахарных предприятий в Жакобе работают завод по производству арахидного масла (арахис скупается у местных крестьян) и мукомольный завод, существуют проекты развития производства ананасов и создания на этой основе фруктово-консервного завода, а также организации переработки животноводческой продукции (например, изготовление мясных консервов).

Считается, что комплекс сахарных плантаций и новых предприятий потребует в ближайшие годы дополнительно 8—10 тыс. новых рабочих; наем этой рабочей силы, по мнению журнала [23], не представляет большой трудности ввиду неполной занятости трудоспособного населения в Республике Конго [23, 1965, № 135, стр. 120].

Наконец, следует остановиться на проблеме сооружения железных дорог в Габонской Республике.

Габон — одна из наименее населенных и наиболее отсталых стран Африки, но тем не менее в последние годы он стал предметом пристального внимания крупных капиталистических монополий, ибо эта страна обладает богатыми источниками некоторых ценных видов минерального сырья и большими запасами лесных ресурсов.

Только за период 1961—1965 гг. стоимость вывезенного из Габона минерального сырья более чем утроилась, достигнув 14 530 млн. афр. фр., превысив стоимость экспорта древесины (10 462 млн. афр. фр.) [27, стр. 455].

Практически «все добываемое минеральное сырье вывозится и совершенно не используется на месте не только для создания таких ключевых отраслей промышленности, как крупная металлургия или металлообработка, но даже и для строительства мелких литеек и кузниц, чтобы снабжать хотя бы простейшими металлическими изделиями местный рынок» [2, стр. 74—75].

Среди ресурсов минерального сырья Габона следует особо рас-

смотреть месторождения железных руд (одни из крупнейших в мире по запасам) и некоторые проблемы, связанные с их освоением.

Изыскания, проведенные в 1954—1961 гг., обнаружили на северо-востоке страны, в бассейне р. Ивиндо (правый приток Огове), в районе Макоку—Мекамбо, ряд месторождений железных руд, общие запасы которых оцениваются в 900 млн. т при среднем содержании железа 63,64% (без вредных примесей). Многие участки удобны для открытой разработки даже без взрывных работ [24, стр. 496]. Все это позволяет отнести габонские месторождения к числу лучших из известных на земном шаре источников железных руд. На наиболее разведанном горном массиве Бока-Бока, в 40 км к западу от Мекамбо, достоверные и вероятные запасы гематитовых руд исчислены в 200 млн. т с содержанием 60—63% железа и 5—6% кремнезема [7, стр. 141—142].

С целью эксплуатации руд района Макоку—Мекамбо в 1959 г. было создано «Сосьете де мин де фер де Мекамбо» («Сомифер»), акционерный капитал которого распределяется следующим образом: 50% — в руках американской «Бетлехем стил корпорейшн»; 34% принадлежат французским банкам и металлургическим компаниям и 10% — западно-германскому консорциуму крупнейших сталелитейных монополий; оставшиеся 6% акций поделены между компаниями Италии и Бельгии [7, стр. 141—142; 23, 1967, № 163, стр. 540—543].

Таким образом, мы встречаемся с еще одним примером международных консорциумов, предназначенных для выкачивания природных богатств развивающихся стран, только на этот раз консорциум по своему «национальному» происхождению — американо-франко-западно-германский.

В сентябре 1963 г. «Сомифер» получила концессию на разработку основного железорудного месторождения близ Белинга. Главное препятствие, стоящее на пути эксплуатации этого месторождения, заключается в его удаленности от моря: 450 км от побережья Атлантического океана, к тому же покрытых густым экваториальным лесом. Железная дорога представляет собой единственное средство, для того чтобы перебросить в порт отгрузки 10—20 млн. т руды, которые может ежегодно давать разработка месторождения.

Существует проект первой габонской типично рудовозной железной дороги от Овендо (лежащего в Габонском эстуарии, в 15 км от столицы страны — Либревиль) до Белинга. Общая протяженность этой дороги между названными конечными пунктами с учетом станционных, маневровых и сортировочных путей — 632 км [10, стр. 31—33; 23, 1965, № 139, стр. 498].

Правительство Габона получило от Специального фонда ООН помощь для изучения трассы будущей железной дороги, ее влияния на экономику страны. В течение 1967—1968 гг. должны были быть закончены проектные и изыскательские работы. Новая дорога будет собственностью не горнорудной компании «Сомифер», а Габонского государства, что отличает ее от большинства железных дорог, построенных для эксплуатации месторождений минерального сырья (как, например, в Мавритании или Либерии), открывает большие возможности для ее рационального использования в национальных интересах.

Дорога пересечет с запада на восток приморскую низменность (шириной примерно 100 км), затем повернет на юго-восток, огибая Хрустальные горы, и далее пройдет по долине р. Огове; перейдя реку по мосту выше Ндоле, дорога протянется на расстоянии 85 км вдоль ее южного берега, переходя затем опять на северный берег (по второму мосту, выше Айема). В районе горного прохода Оканда дорога прой-

дет по тоннелю длиной 700 м, после чего покинет долину р. Огове, изменит свое направление с восточного на северо-восточное, пересечет долину р. Ивиндо и выйдет к Белинге.

Таблица 5

**Добыча и экспорт основных видов минерального сырья
в Габонской Республике***

Виды минерального сырья	1961 г.	1962 г.	1963 г.	1964 г.	1965 г.
Нефть, тыс. <i>т</i>	774 <u>743</u>	827 <u>856</u>	889,7 <u>886,0</u>	1 058,4 <u>1 053,0</u>	1 264,4 <u>1 266,0</u>
Природный газ, тыс. <i>куб. м</i>	6 700	8 790	8 612,6	9 457	10 646,6
Марганцевая руда, тыс. <i>т</i> .	—	203,0 <u>92,6</u>	636,6 <u>568,7</u>	948,3 <u>912,5</u>	1 280,4 <u>1 187,0</u>
Урановые концентраты, <i>т</i> .	969 <u>954</u>	1 161 <u>1 176</u>	1 317 <u>1 317</u>	1 288 <u>1 288</u>	1 644 <u>1 395</u>
Золото, <i>кг</i>	475 <u>473</u>	507 <u>460</u>	1 111 <u>1 017</u>	1 330 <u>1 274</u>	1 155 <u>1 057</u>

* Составлено по: [27, стр. 455].

В числителе обозначена добыча, в знаменателе — экспорт.

Новая дорога будет иметь стандартную ширину колеи — 1435 мм (в то время как в Африке распространена колея, равная 1067 мм), что обеспечит большую устойчивость пути для тяжеловесных поездов, более высокую пропускную способность, возможность приобретения подвижного состава серийных выпусков, меньшие эксплуатационные расходы; наконец, о выгоды использования нормальной ширины колеи свидетельствует опыт других рудовозных дорог. Будут использованы деревянные шпалы, изготовленные из высококачественной габонской древесины.

Сооружение первой габонской железной дороги приведет к превращению порта Овендо, положение и навигационные характеристики которого считаются исключительно благоприятными, в крупный рудоэкспортный порт; вырастет значение Овендо как торгового и лесозаготовительного порта.

Предполагается, что по новой дороге в первые два-три года будет перевозиться ежегодно:

к побережью — 8 млн. *т* железной руды, 2 млн. *т* древесины (окумэ и другие ценные породы) и несколько десятков тысяч тонн различных сельскохозяйственных продуктов;

во внутренние районы — около 160 тыс. *т* различных грузов (в том числе нефтепродукты).

Пропускная способность дороги превысит 22 млн. *т* в год; предполагается пассажирооборот порядка 50 млн. пассажиро-км.

Общая стоимость железной дороги Овендо — Белинга составляет 125 млн. долл., рабочих поселков, подъездных путей и т. п. — 120 млн. долл.; предположительный расход на рельсы — 81 600 *т*, на металлические подкладки — 24 600 *т*. Сооружение дороги продолжится в общей сложности шесть лет (строительство должно было начаться в 1968 г.).

Добываемая руда будет поставляться предприятиям компаний-акционеров [10, стр. 31—33; 23, 1965, № 139, стр. 498, 1967, № 163, стр. 543].

Экономическое значение дороги Овендо — Белинга для Габона очень велико. Во-первых, ее сооружение даст новый сильный толчок развитию горнодобывающей промышленности, растущей сейчас в основном благодаря добыче марганцевой и урановой руд, а также нефти. Во-вторых, дорога будет способствовать развитию лесных районов, жизненно важных для экономики страны, и даст возможность эксплуатировать глубинные, пока еще мало доступные (или вовсе недоступные) лесные богатства преимущественно в северных и северо-восточных районах.

Огромны лесные ресурсы Габона. При общей площади страны 267 тыс. кв. км леса занимают 225 тыс. кв. км, т. е. свыше 84 %. Лесоэксплуатация дает 50 % доходной части бюджета (1964 г.), [22, 1966, № 443, стр. 28—30]. Основная масса заготавливаемой древесины вывозится в виде кругляка, без всякой переработки; 90 % лесозаготовок приходится на окупэ (запасы свыше 30 млн. т). Кроме того, в лесах Габона насчитывается около 50 других ценных древесных пород, имеющих товарное значение (запасы более 100 млн. т) [3, т. 1, стр. 301].

Железная дорога Овендо — Белинга не только открывает путь к еще не используемым лесным ресурсам Габона, но и будет способствовать снижению себестоимости заготавливаемой древесины. Так, при доставке круглого леса автотранспортом до Алембе и его сплаве по р. Огове до Порт-Жантиля общая стоимость 1 т древесины (в среднем в порту) составляет 8130 афр. фр. Если же использовать железную дорогу (при погрузке кругляка в Айеме и доставке леса в вагонах в Овендо), можно снизить эту стоимость до 7025 афр. фр., т. е. более чем на 1 тыс. афр. фр. [23, 1965, № 138, стр. 372], причем появится возможность перевозить на большие расстояния породы тяжелой древесины, которые непригодны для сплава по рекам, ибо они тонут в воде (удельный вес больше 1).

В районах, которые непосредственно тяготеют к трассе будущей дороги и будут связаны с ней хорошими автодорогами, намечено развивать различные отрасли лесоперерабатывающей промышленности. Так, например, в районе Нджоле должен быть построен самый крупный из предусмотренных пятилетним планом развития страны (1966—1971) лесопильный завод (мощностью 12 тыс. куб. м различных пиломатериалов в год) [22, 1966, № 443, стр. 29].

В середине 1967 г. в районе Комо, северо-восточное Овендо, близ Канго, должно было начаться сооружение первой в стране целлюлозной фабрики — основы будущего крупного целлюлозно-бумажного комплекса. Первая продукция должна быть выдана в конце 1969 — начале 1970 г. (годовая мощность фабрики — 140 тыс. т целлюлозы и бумажной массы). В Габоне насчитывается примерно 113 пород деревьев, из древесины которых можно получать высококачественную бумажную массу.

Сооружаемая на р. Комо небольшая ГЭС Кингеле будет обеспечивать фабрику электроэнергией по линии электропередачи протяженностью 110 км (предполагается, что в 1974 г. ГЭС поставит 150 млн. квт · ч при общей выработке 188 млн. квт · ч) [15, № 12, стр. 286; 23, 1964, № 133, стр. 1029].

Считается, что в ближайшие годы может приобрести большое значение вывоз бумажной массы из африканских стран — «ассоциированных» членов ЕЭС, в том числе и из Габона, — в западноевропейские государства.

Подводя краткие итоги рассмотренным выше лишь некоторым экономическим аспектам развития железнодорожного строительства в пяти государствах Экваториальной Африки, следует прежде всего отметить, что это строительство и поныне, в обстановке достижения африканскими странами политической независимости, определяется преимущественно интересами крупных капиталистических монополий, их стремлением получать высокие прибыли путем эксплуатации выгодных источников минерального сырья (бокситов, железных и марганцевых руд и др.) и ценных пород тропической древесины (в особенности окумэ).

Возможность диктата монополий не случайна, ибо молодые африканские государства вынуждены прибегать к иностранной помощи, не располагая в настоящее время ни капиталами, ни промышленной базой, ни национальными кадрами.

Предоставление капиталистическими государствами и монополиями различных видов финансовой и технической помощи странам Африки сулит первым немалые выгоды, создавая в новых условиях благоприятные предпосылки для продолжения капиталистической эксплуатации африканских народов¹².

Вместе с тем было бы неправильным сводить все выгоды от нового железнодорожного строительства в странах — участницах ТЭСЦА только к получению монополиями новых больших прибылей. Это строительство объективно способствует росту экономического потенциала указанных стран, сдвигам в размещении производительных сил.

Постепенно формируются единая железнодорожная сеть ТЭСЦА и ее связи с третьими странами. Помимо уже рассмотренных проблем на более далекую перспективу рассчитано соединение существующих и проектируемых железных дорог Камеруна, Конго и Габона [16, стр. 53], что призвано сыграть исключительно важную роль в развитии всестороннего экономического сотрудничества между странами ТЭСЦА в использовании национальных (природных, трудовых и экономических) ресурсов каждой из них в интересах всего союза.

В ближайшем будущем, по мере осуществления рассмотренных выше проектов, начнется формирование новых экономических районов и центров.

Так, в Камеруне в крупный бокситодобывающий район мирового значения может превратиться департамент Адамава, что должно благотворно повлиять на экономическое оживление всех северных департаментов, на процесс их индустриализации; расширятся мощности электрометаллургического комплекса Эдеа, что в свою очередь связано с использованием в больших масштабах, чем в настоящее время, гидроэнергетических ресурсов страны.

В Республике Конго появятся новые крупные горнопромышленные и лесопромышленные центры (Сен-Поль — Оль, Занага, Макабана и др.). Более полное и рациональное освоение местных минеральных и растительных ресурсов обеспечит большую эффективность капиталовложений в сооружение крупного гидроузла на р. Квилу (в ущелье Сунда, северо-восточнее Пуэнт-Нуара), главными элементами которого будут плотина и ГЭС с годовой выработкой до 7 млрд. кВт·ч. На

¹² В связи с этим характерно замечание западногерманского журнала «Бундесбан», который подчеркивает, что развитие железнодорожной сети Африки имеет большое значение не только для этого континента, но и для развитых индустриальных стран Европы, предоставляющих для железнодорожного строительства помощь капиталами, материалами и высококвалифицированными специалистами (и зарабатывающих на этих поставках дополнительные прибыли. — М. Г.) [12].

базе этой ГЭС и в основном на местном минеральном сырье предполагается создание крупного комплекса энергоемких производств¹³.

Железные дороги, очевидно, и в дальнейшем будут способствовать развитию новых центров промышленных отраслей по переработке сельскохозяйственного сырья (подобных Жакобу на дороге Конго — Океан).

В Габоне железнодорожное строительство приведет не только к возникновению новых центров по добыче полезных ископаемых (например, Белинга) и по переработке лесных ресурсов (Мбеи), но и приведет к значительному подъему экономической активности в уже существующих главных центрах страны: Либревиле, Порт-Жантиле, Овендо и др.

Таковы некоторые аспекты развития железнодорожного строительства в молодых африканских государствах, образующих Таможенный и экономический союз стран Центральной Африки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ленин В. И., Империализм, как высшая стадия капитализма, — Полное собрание сочинений, т. 27.
2. «Африка. 1961—1965 гг. (Справочник)», М., 1967.
3. «Африка. Энциклопедический справочник», т. 1, 2, М., 1963.
4. Дмитриевский Ю. Д., Внутренние воды Африки и их использование, М., 1967.
5. Короткова Е. Н., Экономическое сотрудничество независимых стран Африки, М., 1966.
6. «Население земного шара. Справочник», М., 1965.
7. Розин М. С., География полезных ископаемых капиталистических и развивающихся стран, М., 1966.
8. «Страны мира. Краткий справочник», М., 1967.
9. Шпирт А. Ю., Экономика стран Африки. Краткий очерк, М., 1963.
10. Штительман Н. В., Железные дороги африканских стран, М., 1966.
11. Aboville F. de, Un problème de l'Afrique centrale: les transports, — «Armée», Paris, 1965, № 44.
12. «Afrikas Eisenbahnnetz im Wachsen», — «Bundesbahn», Darmstadt, 1963, № 8.
13. Arnold C., Le chemin de fer du Congo, — «Industries et travaux d'outremer», 1965, № 139.
14. Arnold C., Le Congo — Océan. — «La Vie du Rail d'Outremer», 1964, № 129.
15. «Aussenwirtschaft», Zürich, 1967.
16. Bernard G., Les chemins de fer en Afrique, — «Universitaire», Paris, 1966, № 3—4.
17. Blanchet A., Le chemin de fer outil indispensable du développement de l'Afrique, — «Industries et travaux d'outremer», 1966, № 150.
18. «Cahiers d'outre-mer», Bordeaux, 1966, № 76.
19. «Le Cameroun Fédéral», — «Europe — France outremer», 1963, № 398.
20. Darnault P., Le chemin de fer transcamerounais, — «Equipements et activités d'Outre-mer», Paris, 1962, № 98—99.
21. «Eisenbahnprojekte in und um Kamerun», — «Bundesbahn», 1962, № 6.
22. «Europe — France outremer», Paris.
23. «Industries et travaux d'outremer», Paris.
24. Joffroy C., Le projet de chemin de fer gabonais, — «Industries et travaux d'outremer», 1965, № 139.
25. Leraf S., Le manganèse du Gabon, — «Cahiers d'outre-mer», 1966, № 76.

¹³ Сооружение гидроузла на Квилу потребует огромных капиталовложений — порядка 50 млрд. афр. фр.

Вырабатываемая электроэнергия должна быть использована в основном для целей развития алюминиевой промышленности (250—300 тыс. т в год), для производства ферромарганца (100—200 тыс. т), ферросилиция, магнезия, фосфорных удобрений и некоторых других продуктов, главным образом в районе Пуэнт-Нуара, а также для освоения месторождения калийных солей Сен-Поль — Оллер (расположенного всего лишь в 50 км от устья Сунда) и других минеральных ресурсов Конго [4, стр. 117; 22, 1964, № 418, стр. 23—24].

26. «Marchés tropicaux et méditerranéens», Paris, 1966, № 1054.
27. «Mines et métallurgie», Paris, 1966, № 3612.
28. «Note trimestrielle sur la situation économique», Yaounde, 1964, № 4.
29. «Le premier plan quinquennal de développement du Tchad (1966—1970)», — «Industries et travaux d'outremer», 1966, № 157.
30. «Projet d'exploitation du gisement de fer de Zanaga», — «La Vie du Rail d'Outremer», 1965, № 132.
31. P y M., Zentralafrika als künftiger Holzlieferant, — «Holz-Zentralblatt», Stuttgart, 1967, № 50.
32. «Le Transcamerounais. Facteur d'unité et de développement économique», — «La Vie du Rail d'Outremer», 1965, № 132.
33. «Le trentenaire du Congo — Ocean», — «La Vie du Rail d'Outremer», 1964, № 129.
34. «La Vie du Rail d'Outremer», Paris, 1962, № 100.

Н. С. Асоян

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА И ПРОМЫШЛЕННОСТИ УГАНДЫ

**(По материалам второго пятилетнего плана экономического
развития на 1966/67—1970/71 гг.)**

9 октября 1962 г. бывший английский протекторат Уганда был провозглашен независимым государством. Хотя период независимого существования этой восточноафриканской страны еще невелик, тем не менее уже выявляются некоторые положительные тенденции в ее экономическом развитии. Новое в экономике Уганды — это значительный рост производства, увеличение экспорта и капитальных вложений.

В самом деле, только за два года после провозглашения независимости производство валового продукта (в товарном секторе) возросло с 107,9 млн. ф. ст. до 148,9 млн.; увеличились капиталовложения — с 17,7 млн. ф. ст. до 24,3 млн., экспорт — с 37,6 млн. ф. ст. до 64,4 млн.¹. Не следует забывать, однако, что этот рост относителен и начат с исключительно низкого уровня. По доле национального дохода на душу населения Уганда продолжает занимать одно из последних мест в Африке. В структуре ее экономики еще сохраняются типичные колониальные черты.

Перед страной стоят большие трудности, и все же значительное движение экономики является фактом. Можно предполагать, что темпы роста производства в дальнейшем станут еще выше, так как в стране пока не в полной мере используются естественные и другие ресурсы, еще не претерпела изменений структура хозяйства и т. п. Кроме того, очевидно, будут складываться более благоприятные предпосылки для государственного регулирования экономики, что в настоящее время проявляется, например, в активном участии правительства Уганды в составлении и осуществлении перспективных планов социально-экономического развития.

Прежде чем приступить к анализу второго пятилетнего плана, рассмотрим основные черты хозяйства Уганды.

Первая основная черта экономики заключается в низком уровне ее развития. Даже учитывая потребительский сектор хозяйства, национальный доход на душу населения не превышает 30 ф. ст. Хотя данными о распределении национального дохода мы не располагаем, но при сравнении заработной платы, получаемой европейцами, лицами азиатского происхождения и африканцами, видно, что национальный доход

¹ Здесь и далее цифровые данные в тексте и таблице, за исключением оговоренных, приводятся по: [5].

в стране распределяется весьма неравномерно. Так, в 1959 г. средне-годовая заработная плата работающего по найму европейца составляла 1249 ф. ст., индеец или пакистанца — 537, африканца — всего 60 ф. ст. [4, стр. 128].

Вторая основная черта угандийской экономики — преобладающая роль сельского хозяйства. Она отражается как в величине стоимости сельскохозяйственной продукции (54%) в общем, валовом продукте, так и в еще большей степени — в доле этой продукции (80%) в экспорте страны (1966 г.).

Третьей основной чертой экономики Уганды является большая зависимость ее от внешней торговли, так как значительная часть товарной продукции страны вывозится. В 1964 г. экспорт составлял 43% стоимости общей валовой товарной продукции, а импорт — 22%.

При этом на кофе и хлопчатник приходится более 75% стоимости экспорта. Весь хлопчатник и 90% кофе производят африканские хозяйства. Другие товарные культуры (чай, сахарный тростник) возделывают на плантациях, принадлежащих главным образом индийцам и англичанам. В целом неафриканский сектор дает около 10% товарной продукции.

Таким образом, экономика Уганды основана на мелкотоварном африканском сельском хозяйстве и находится в зависимости от производства и экспорта кофе и хлопчатника и соответствующей конъюнктуры их на мировом рынке.

Из отмеченных выше особенностей экономики Уганды вытекают и главные экономические проблемы, которые, на наш взгляд, отражены во втором пятилетнем плане экономического развития, а именно увеличение сельскохозяйственного и промышленного производства, диверсификация хозяйства.

Уганда имеет некоторый опыт планирования. Так, еще с 1946 г. в стране действовал так называемый План экономического развития Уганды. Этот план, как и последующие, представлял собой скорее программы с перечнем строительства ряда объектов, которое могло осуществляться или нет и, конечно, в интересах колониального правительства. Часто сроки планов менялись, пересматривались ассигнуемая сумма, объекты строительства и т. д. Данные о выполнении планов не публиковались.

Первый пятилетний план (1961/62—1965/66) был составлен на основе обзора миссии Международного банка развития и реконструкции [2]. Обзор миссии, опубликованный в 1962 г., явился первым систематическим описанием экономики Уганды. В плане содержалась программа финансовых расходов на инфраструктуру, на некоторые социально-экономические нужды в области сельского хозяйства (кредитование, контроль за болезнями растений и животных и др.) и на создание органов планирования. В нем отсутствовали какие-либо намеченные рост производства, не была в достаточной мере изучена финансовая обеспеченность его выполнения.

Вторая пятилетка рассчитана на период с 1966 по 1971 г. Она является частью перспективного, рассчитанного на 15 лет планового периода. «Второй пятилетний план, — сказал президент Уганды М. Оботе, — является национальным планом. Его главная цель — подъем национального благосостояния. Он направлен на повышение экономического и культурного уровня народа» [1].

Составлению второго пятилетнего плана предшествовало достаточно подробное изучение экономики страны 12 специальными группами, работавшими в различных отраслях хозяйства. Представители ряда

стран, в том числе и Советского Союза, принимали участие в его составлении. Впервые была предпринята попытка проанализировать экономические проблемы Уганды, потенциальные возможности ее развития.

Отличительная особенность рассматриваемого плана заключается в том, что в нем даются ориентировочные наметки роста производства важнейших отраслей хозяйства. По его программе средние годовые темпы роста экономики должны составить 7,2% (в товарном секторе); в том числе развитие сельскохозяйственного производства предусматривается среднегодовыми темпами в 5,1%, обрабатывающей промышленности (исключая первичную переработку сельскохозяйственного сырья) — 12,2; горнодобывающей промышленности — 6,6; строительной промышленности — 11,3; электроэнергетики — 9,8%. Доля товарной продукции по отношению к валовому национальному продукту должна возрасти с 76% в 1966 г. до 79% в 1971 г. Товарные сельскохозяйственные культуры все более активно будут внедряться в африканские хозяйства, с тем чтобы основной доход крестьяне получали от их реализации. В то же время уменьшится удельный вес потребительских культур.

Намеченные планом расходы по отраслям хозяйства и источники финансирования распределяются следующим образом (в млн. ф. ст.):

	Государственные вложения*	Частные и полугосударственные вложения**	Общая сумма
Сельское хозяйство	15,0	6,0	21
Первичная обработка хлопка, кофе и производство сахара	2,0	6,0	8
Лесное хозяйство, рыболовство и охота	0,5	0,5	1
Горнодобывающая промышленность . . .	—	3,0	3
Обрабатывающая промышленность . . .	1,5	35,5	37
Энергетика	—	23,0	23
Строительство	—	8,0	8
Торговля	—	14,0	14
Транспорт и связь	16,0	24,0	40
Прочие отрасли	45,0	30,0	75
Всего . . .	80	150,0	230

* В том числе иностранная государственная помощь — 50 млн. ф. ст.

** На частный капитал приходится 90 млн. ф. ст. (в том числе 75 млн. — местный частный капитал).

Впервые в стране вкладываются большие суммы в развитие обрабатывающей промышленности — 20% общих расходов, на энергетику — 10, сельское хозяйство — 9,1%. По-прежнему значительны капиталовложения в транспорт — 17% общих затрат. В то же время приведенные выше данные показывают, что развитие обрабатывающей промышленности, транспорта и энергетики будет осуществляться с помощью частного капитала (главным образом местного, индийского и английского) и полугосударственных организаций, таких, как Корпорация развития Уганды, Энергетическое управление Уганды, а также Восточноафриканская организация общих служб.

План, как уже указывалось, уделяет большое внимание проблеме диверсификации экономики страны, предусматривающей прежде всего ускоренный рост обрабатывающей промышленности, почти не развитой в колониальный период, уменьшение зависимости сельского хозяйства от производства двух культур — хлопчатника и кофе; рост продукции

животноводства; расширение посевов чая, сахарного тростника и некоторых других товарных культур, значение которых в настоящее время еще невелико.

Цель этой проблемы — добиться структурных изменений в экономике страны, возможных при ускоренном росте производства. Для этого Уганде необходимо, с одной стороны, увеличить ввоз машин и оборудования, а с другой — сократить импорт потребительских товаров, наладив местное производство. Импорт машин и оборудования Уганда оплачивает благодаря выручкам от экспорта традиционных хлопчатника и кофе. Между тем, как уже говорилось, план предполагает уменьшение зависимости экономики именно от этих двух культур. Таким образом, возникает известное противоречие.

Теоретически, конечно, переход от монокультуры к «поликультуре» может явиться одним из необходимых условий дальнейшего развития экономики, но вместе с тем экспорт кофе и хлопчатника является главным источником дохода. Уганда, очевидно, должна сохранить за собой традиционное место поставщика этих культур. В то же время региональный подход к развитию экономики может в известной мере разрешить это противоречие. Дело в том, что районы выращивания хлопчатника и кофе слабо были связаны с остальной территорией страны. После достижения независимости появляется возможность развития новых районов со специализацией на других культурах. Например, в Уганде — благоприятные климатические условия для специализации некоторых районов на культурах чая и сахарного тростника.

В области сельского хозяйства план преследует две основные цели: во-первых, среднегодовой рост производства на 4,3%, в том числе в товарном секторе — на 5,1, в потребительском — на 3,2%; во-вторых, диверсификацию сельского хозяйства.

Предполагается, что производство сельскохозяйственной продукции возрастет благодаря повышению урожайности и увеличению в некоторых районах посевных площадей.

Одна из важнейших частей программы диверсификации сельского хозяйства будет осуществляться путем развития животноводства (рост выпуска мяса, молока и др.) как для внутреннего потребления, так и для экспорта. Предусматривается, в частности, увеличение поголовья крупного рогатого скота, товарного выхода мяса с головы скота и надоев молока, улучшение условий сбыта животноводческой продукции. Усилятся контроль за различными заболеваниями скота, такими, как чума, вирусная плевропневмония, ящур и др. Для этих целей будут созданы пять новых карантинных станций, улучшены гуртовые дороги. Борьба с мухой цеце в районах Анколе, Буньоро, Ланго, Карамоджа позволит «открыть» новые территории для разведения крупного рогатого скота. Предполагается создать животноводческие хозяйства типа ранчо в Ачоли, Ланго, Карамодже², построить мясокомбинат в Сороти. Для полного обеспечения страны молоком планируется строительство около ста новых молочных ферм³.

Другая важная часть программы диверсификации сельского хозяйства — возрастание роли культуры чая⁴ и сахарного тростника. За плановый период увеличится площадь под чайным кустом и сахарным

² 25 хозяйств такого типа будут созданы в долине р. Асвы на средства ООН.

³ До 1970 г., однако, Уганда будет ввозить молоко из Кении.

⁴ Один из крупнейших филиалов Корпорации развития Уганды свои основные средства вкладывает в чайное производство. Согласно планам филиала, под чайный куст будут отведены 3,3 тыс. га новых земель; уже на площади 3 тыс. га произведены посадки чайного куста [подробнее см.: 3, стр. 30].

тростником, несколько сократится площадь под культурой кофе, особенно сорта «робуста»; одновременно будут приложены усилия для увеличения выхода сорта «арабика»⁵.

Рост производства хлопка предполагается путем главным образом интенсификации производства. К концу планового периода на полях Уганды будет 1250 тракторов. Из них 800 предназначаются для использования в кооперативных хозяйствах, остальные будут прикреплены к специальным тракторным станциям. Намечено создать не менее 100 новых кооперативных хлопководческих хозяйств (сейчас их 40).

Хотя Уганда в целом не страдает от засухи, на ее территории имеется 260 тыс. га земель, где ощущается недостаток влаги вследствие неравномерного распределения осадков в течение года. Для выращивания поливного хлопчатника предполагается дополнительно к ныне действующей ирригационной системе Мубуку (близ Касесе) и строящейся севернее ее⁶ создать четыре канала — у Ококорио, Лабори, Атера, Омуньел.

Предоставление различных кредитов (краткосрочных и долгосрочных) также будет способствовать повышению производительности труда. Так, к 1971 г. 150 тыс. африканских крестьян получают кредит в 200—300 шилл. каждый для закупки оборудования, удобрений, оплаты механической обработки почвы и др. Эти кредиты будут даны в основном производителям хлопчатника, табака и арахиса.

Динамика производства основной сельскохозяйственной продукции (включая потребительский сектор) за плановый период

	1966 г.*		1971 г.**	
	тыс. т	млн. ф. ст. ***	тыс. т	млн. ф. ст. ***
Кофе «робуста»	190,0	19,9	240	18,9
Кофе «арабика»	10,0	2,9	20	4,9
Хлопок-волокно	77,0	16,8	103	19,8
Сахар	115,0	4,7	230	9,3
Чай	10,0	3,4	19	6,3
Табак	4,0	0,6	11	1,4
Сизаль	—	—	2	0,2
Мясо	115,6	12,0	142,8	14,6
Молоко, млн. л	355,5	16,8	472,5	21,0

* Оценочные данные.

** Плановые цифры.

*** Включая стоимость переработки кофе, хлопка и сахарного тростника.

По данным таблицы и других статистических материалов, приведенным в плане, видно, что относительная доля кофе и хлопчатника в стоимости продукции растениеводства уменьшится соответственно с

⁵ В настоящее время площадь под кофейными деревьями в западной части Уганды, где и расположены основные насаждения сорта «арабика», составляет 2 тыс. га. По плану предполагается увеличить площадь под кофе «арабика» на 4 тыс. га за счет выкорчеванных деревьев кофе «робуста».

⁶ Эта ирригационная система (для орошения 4,8 тыс. га) строится по программе ООН с участием одного из филиалов Корпорации развития Уганды.

26,1 и 22,1% в 1966 г. до 21 и 20,5% в 1971 г. В то же время возрастает удельный вес таких культур, как чай: с 3,9% в стоимости продукции растениеводства в 1966 г. до 5,6% в 1971 г., сахарный тростник — соответственно с 5,4 до 8,2%.

Таким образом, выполнение плана создаст благоприятные предпосылки для уменьшения зависимости экономики Уганды от производства двух сельскохозяйственных культур и постепенного перехода к многоотраслевому сельскому хозяйству.

Пятилетка предусматривает создание промышленного сектора, отсутствовавшего по существу в колониальный период. В настоящее время объем промышленного производства невелик. Однако если в 1961—1962 гг. доля промышленной продукции в валовой не превышала 10—11%, то в 1966 г. удельный вес только обрабатывающей промышленности составил 12%, а вместе с горнодобывающей отраслью достиг 16,6% стоимости валовой продукции. К концу планового периода доля обрабатывающей промышленности достигнет 13,6%, а число занятых в ней возрастет с 47 тыс. до 64 тыс.

Основа индустриальной политики плана состоит в постепенной замене импортных товаров широкого потребления товарами национального производства для удовлетворения внутреннего рынка и в производстве промышленной продукции, рассчитанной на восточноафриканский общий рынок и рынки других соседних африканских государств.

План выделяет три группы отраслей промышленности: очистка хлопка, кофе, производство сахара; пищевкусовая промышленность (в том числе чайная и пр.); прочие отрасли, включающие текстильную, деревообработку, химическую, производство металлических изделий и др. Следует отметить, что перечисленные отрасли имеют большие перспективы развития, так как могут опираться на местную, достаточно богатую сырьевую базу. За плановый период объем продукции первой группы отраслей возрастет на 31%, второй — на 67 и третьей — на 81%.

Этому в значительной мере будут способствовать ввод в строй новых и расширение старых предприятий. Среди первых главными явятся два сахарных завода общей мощностью 145 тыс. т продукции в год⁷ (к концу плана производство сахара в Уганде достигнет 220—240 тыс. т, что позволит ей значительную часть его продавать на восточноафриканском общем рынке, а также экспортировать на мировой рынок), чайная фабрика, мясокомбинат, два молочных и один рыбоконсервный завод.

Две ныне действующие текстильные фабрики благодаря расширению производства увеличат выпуск продукции на 50%. К 1971 г. 1/4 выращиваемого в стране хлопчатника будет перерабатываться на месте. Предусмотрено также строительство трех средних по величине фабрик синтетического волокна.

Из предприятий химической промышленности основное внимание уделено сооружению завода азотных удобрений мощностью 100 тыс. т продукции в год.

Важным проектом плана является строительство металлургического завода на местных железных рудах и энергии гидростанции Оуэн Фоллс. Первоначальная мощность завода — 110 тыс. т стали в год.

Ныне действующие и строящиеся предприятия концентрируются в основном в районе Кампала — Джинджа — Тороро.

⁷ Один завод на средства правительства Уганды, Индии и частного капитала будет построен в Киньяле; место строительства второго завода еще не решено.

В области горнодобывающей промышленности намечается усиление поисковых геологических работ, наиболее полное использование имеющихся в стране месторождений меди, вольфрама, олова и др. Будет создан Комитет по минеральным ресурсам, а также государственная компания для контроля над добычей олова, вольфрама, тантало-колумбита.

Промышленные предприятия Уганды работают в основном на дешевой гидроэнергии верховьев Нила. Уже упомянутая Оуэн Фоллс имеет мощность 150 тыс. кВт. К концу плана вступит в строй еще одна гидростанция на Ниле. Ее мощность (180 тыс. кВт) будет осваиваться постепенно.

Основная часть инвестиций в промышленность будет произведена в конце планового периода. Следовательно, перечисленные выше объекты, если они будут построены, смогут дать продукцию практически после 1971 г. К тому же значительная часть промышленной программы финансируется частным капиталом, который трудно поддается планированию и скорее является прогнозом, основанным на тенденциях поступления капиталов в прошлые годы.

Приток частного капитала поощряется правительством Уганды, однако иностранные вложения осуществляются на основе так называемой «Промышленной хартии» и других документов, где оговорены условия репатриации иностранного капитала, перевода за границу прибыли и процентов на капитал и др.

В то же время необходимо отметить все возрастающую роль полугосударственной Корпорации развития Уганды — главного правительственного учреждения по развитию промышленности. Хотя корпорация действует на коммерческой основе, государство является основным его пайщиком. Таким образом, промышленные проекты, предусмотренные планом, отражают не только интересы корпорации, но и всей экономики в целом.

В плане подчеркивается, что в «Уганде», где почти отсутствует национальный частный капитал в промышленности, крайне важно, чтобы государственный сектор сыграл главную роль в его развитии.

С окончанием второго пятилетнего плана завершается первое десятилетие независимого существования Уганды. Этот план, хотя и страдает рядом существенных, на наш взгляд, недостатков (отсутствие регионального подхода к перспективам развития и размещения экономики и их увязки с экономикой стран восточноафриканского общего рынка; планирование роста производства в сельском хозяйстве без аграрных преобразований; рекомендательный характер плана и др.), несомненно послужит важным этапом на пути дальнейшего развития национально-го хозяйства Уганды.

ЛИТЕРАТУРА

1. «Бюллетень иностранной коммерческой информации», М., 7.VII.1966.
2. «Economic Development of Uganda», Baltimore, 1962.
3. «East African Trade and Industry», Nairobi, 1967, vol. XIII, № 163.
4. Walker D., Problems of Economic Development of East Africa, — «Economic Development for Africa South of Sahara», London — New York, 1964.
5. «Work for Progress. Uganda's Second Five-Year Development Plan, 1966—1971», Entebbe, 1966.

Е. Л. Райх

НЕКОТОРЫЕ МЕДИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВОСТОЧНОЙ АФРИКИ

Восточная Африка включает группу государств (Кения, Уганда, Танзания), расположенных на востоке континента между 5° с. ш. и 12° ю. ш.

Географическое положение, природные особенности, длительный колониальный режим (Танзания получила независимость в 1962 г., Кения и Уганда — в 1963 г.), условность границ между государствами определяют ряд общих особенностей в патологии населения. Остановимся на некоторых из них.

ОСОБЕННОСТИ НОЗОПРОФИЛЯ

Патология населения Восточной Африки, как и большинства стран тропиков, характеризуется в первую очередь широким распространением тропических, главным образом трансмиссивных, заболеваний и высокой пораженностью населения некоторыми космополитными инфекционными заболеваниями. На долю инфекционных и паразитарных заболеваний приходится примерно 25% (в 1959 г.) всех госпитализированных больных: в Кении — 23,8%, в Уганде — 23,2 и в Танзании — 30,3%. Для сравнения можно указать, что в Англии в том же году подобные больные составляли всего 3,1% [рассчитано по: 24]. Среди этих заболеваний значительную роль играет малярия. Количество больных малярией варьирует в зависимости от географических условий, достигая максимального количества в более влажной Уганде (45%) и снижаясь в более засушливой Кении (25%).

Болезни органов дыхания занимают второе место после инфекционных и паразитарных заболеваний (по данным больничной статистики, в Уганде — 10,8% всех больных, в Танзании — 12,0 и в Кении — 18,9%) и первое место по количеству смертных исходов. Наибольший удельный вес в этой группе болезней имеют долевая пневмония и бронхопневмония. Первая из них чаще отмечается у взрослых, а вторая — у детей [30, стр. 127]. Как это ни кажется на первый взгляд парадоксальным для тропических стран, большая часть случаев заболеваний имеет простудный характер. О размерах смертности населения от этих болезней можно судить по патологоанатомическим данным больницы Мулаго в г. Кампале (Уганда) за 1931—1946 гг. и больницы в г. Найроби (Ке-

ния); согласно которым пневмония и туберкулез являлись причинами смерти в 27 и 43% случаев соответственно [29, стр. 281].

Очень часто обращаются в больницы по поводу кишечных инфекций (дизентерия, гастроэнтериты, брюшной тиф) и инвазий (анкилостомидозы, шистозоматоз, амебиаз).

Сердечно-сосудистые заболевания и новообразования, определяющие в настоящее время патологию экономически развитых стран, не играют столь значительной роли в Восточной Африке. Эта особенность местной патологии объясняется целым рядом причин, главной из которых является то, что население в основной своей массе не доживает до возраста, в котором наиболее часто наблюдаются указанные заболевания. Патологоанатомические данные больниц показывают, что смертность от сердечно-сосудистых заболеваний и новообразований невелика и составляет всего 2—5% всех смертей [29, стр. 281].

ВНУТРЕННИЕ РАЗЛИЧИЯ

В Восточной Африке имеются существенные различия в патологии местного населения отдельных районов. Эти различия в отношении характерных тропических заболеваний в значительной мере связаны с природными условиями. Особенно отчетливо выделяются влажные океанические равнины с парковой растительностью и мангровыми лесами в долинах рек, а также озерный район с высокотравной саванной. Постоянно жаркий и влажный климат создает исключительно благоприятные предпосылки для существования кровососущих членистоногих — переносчиков тропических заболеваний. Незначительные сезонные различия в температурном режиме и увлажненности территории определяют большую численность и высокую активность переносчиков в течение всего года, и потому в передаче заболеваний почти отсутствуют сезонные перерывы. Высокие температуры воздуха создают оптимальные условия для развития самих возбудителей тропических трансмиссивных заболеваний. В высокотравных и парковых саваннах отмечается максимальная в Восточной Африке пораженность населения малярией, вухерериозом, онхоцеркозом. Приблизительно 90% всех случаев заболеваний малярией дает тропическая малярия (возбудитель *Plasmodium falciparum*). Соотношение различных малярийных паразитов, полученное при изучении ситуации к югу от г. Мухеза (Танзания), характерно для высокотравных и парковых саванн (табл. 1).

Таблица 1

Соотношение видового состава возбудителей малярии
(по данным обследований населения
в 1952 — 1959 гг.)*

Возрастная группа больных	Вид паразита, % к числу больных				
	Общий парази- тарный индекс	<i>P. faldi- parum</i>	<i>P. malariale</i>	<i>P. vivax</i>	<i>P. ovale</i>
До 1 года . .	60,5	96,9	8,2	10,9	0,0
От 1 до 2 лет .	95,5	95,1	43,9	7,5	0,0
» 3 » 5 » .	92,4	98,7	30,2	4,8	0,9
» 6 » 10 » .	84,0	95,7	12,4	1,2	0,0
» 11 » 15 » .	66,0	100,0	1,8	0,5	0,0
16 лет и выше	32,0	97,4	2,6	0,0	0,0

* Составлено по: [11, стр. 75].

В связи с широким распространением комаров и частым реинфицированием население с возрастом приобретает частичный иммунитет. Вследствие этого заболевание у взрослых проходит в стертой форме. У детей младших возрастов и у приезжих неиммунных лиц малярия протекает очень тяжело и при отсутствии лечения нередко кончается смертью [30, стр. 125]. Сравнение обследований населения на океаническом побережье Танзании в сельских населенных пунктах, расположенных в окрестностях г. Танга, в 1933 и 1958—1959 гг. показало отсутствие изменений в структуре заболеваемости малярией (табл. 2).

Таблица 2

**Обследование населения на малярию
в окрестностях г. Танга***

1933 г.		1958 — 1959 гг.	
Возрастная группа больных	Паразитарный индекс	Возрастная группа больных	Паразитарный индекс
От 1 до 5 лет	60,0	От 1 до 2 лет	71,8
» 6 » 10 »	68,0	» 3 » 5 »	67,1
» 11 » 20 »	48,0	» 6 » 10 »	64,9
Свыше 20 »	27,0	» 11 » 15 »	52,7
		Свыше 15 »	25,6

* Составлено по: [11, стр. 73, 74].

За исключением тех немногих районов, где проводятся мероприятия по борьбе с переносчиком, это положение сохраняется до настоящего времени. Сопоставление данных по заболеваемости малярией детей до пяти лет и их смертности показало, что из каждых десяти заболевших малярией детей трое умирают [расчеты проведены по: 12, стр. 51].

Повсеместное распространение малярии в высокотравных и парковых саваннах (как в сельской местности, так и в городах) связано с тем, что перенос заболевания осуществляется очень активными переносчиками — комарами *Anopheles gambiae* и *A. funestus*; помимо малярийных паразитов они переносят также возбудителя вухерерииоза (*Wuchereria bancrofti*). Наиболее активный перенос этого заболевания наблюдается там, где наряду с указанными видами комаров обитает также *Culex fatigans*. В городах и селениях, расположенных на самом океаническом побережье, основным переносчиком инвазии в течение всего года является *C. fatigans*, тогда как на территориях более удаленных от океана большую роль играют *A. gambiae* и *A. funestus*.

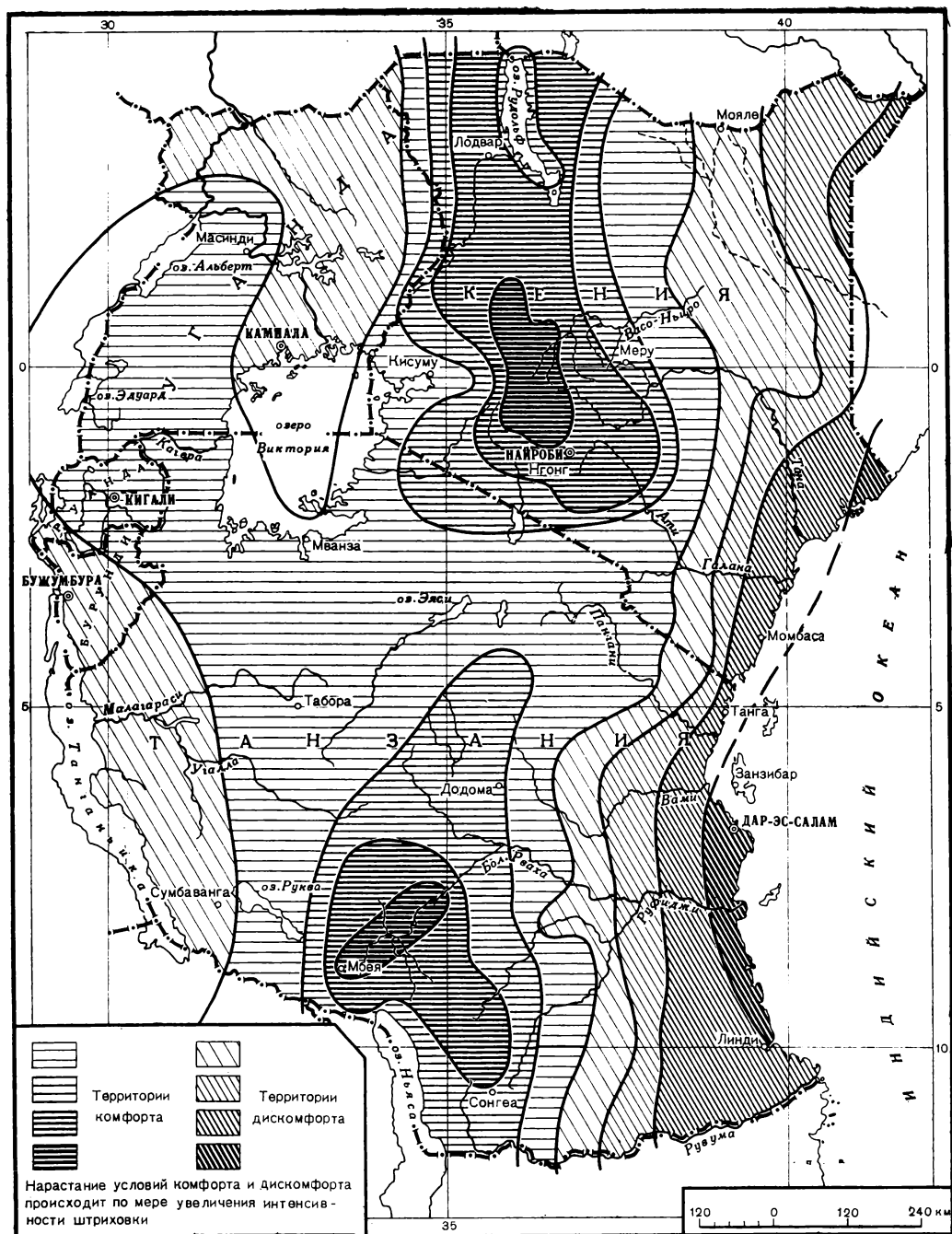
W. bancrofti — гельминт, поражающий преимущественно лимфатическую систему человека. Длительность заболеваний определяется большой продолжительностью жизни вухерерий (до 17 лет) и частым повторным заражением. Наряду с клинически легкими формами инвазии нередки и тяжелые. Одним из характерных проявлений последних является элевантиаз (слоновость). Так как местами выплода комаров служат различные водоемы, вухерерииоз чаще поражает мужчин, занятых рыболовством. Средняя пораженность мужчин в высокотравных и парковых саваннах достигает 10—25%, а максимальная — 60—70% (Южная провинция Танзании и северное побережье оз. Ньяса) [17, стр. 587; 22, стр. 212].

Наиболее известные очаги онхоцеркоза (возбудитель—филярия *Onchocerca volvulus*) находятся в приозерной части Кении и Уганды (берега залива Кавирондо оз. Виктория, долина р. Мерчисон-Нил), на восточных берегах оз. Альберт, в долинах рек на западных склонах горного массива Эльгон и у подножий массива Рувензори. Инфицированность мошек *Simulium neavei*, являющихся главным переносчиком филярий в этих очагах, в период обследования достигала 10—25%, пораженность населения онхоцеркозом 70—90% [6, стр. 476]. Наибольший ущерб онхоцеркоз наносит в тех случаях, когда личинки филярий проникают в орган зрения. Серьезность прогноза в таких случаях определяется не столько хроническими конъюнктивитами и кератитами, сколько возможной слепотой. Кровососущие мошки *S. neavei* выплаживаются в быстротекущих, насыщенных кислородом водах, что и обуславливает распространение онхоцеркоза среди населения залеженных долин рек. Некоторые долины среди местного населения даже называются «долинами слепых» [7, стр. 512].

Влажные, хорошо прогреваемые почвы при значительном фекальном загрязнении создают благоприятные условия для развития яиц и личинок геогельминтов. Особого внимания заслуживают анкилостомидозы (возбудители: *Ancylostoma duodenale*, *Necator americanus*). Общая слабость, повышенная утомляемость, а у детей — отставание в умственном и физическом развитии, падение в весе связаны с развивающейся при анкилостомидозах гипохромной железодефицитной анемией. Наиболее высокая пораженность населения анкилостомидозами (95%) наблюдается на океаническом побережье Кении, южнее г. Момбасы (селения Диго и Кимфи) и на берегах оз. Виктория (82%) [28, стр. 34]. Анкилостомидозы чаще встречаются среди сельского населения, так как проникновение личинок анкилостомид в организм человека происходит через кожные покровы (в основном при хождении босиком).

Высокая увлажненность на территории высокотравных и парковых саванн определяет наличие множества водоемов — мест выплода пресноводных моллюсков родов *Bulinus* и *Biomphalaria*, промежуточных хозяев шистозом, а постоянно высокие температуры определяют возможность круглогодичной передачи инвазии. Несмотря на то что мочеполовой шистозоматоз (возбудитель *Schistosoma haematobium*, промежуточный хозяин моллюск рода *Bulinus*) и кишечный шистозоматоз (возбудитель *S. mansoni*, промежуточный хозяин моллюск рода *Biomphalaria*) нередко распространяются в одних и тех же районах, установлено, что первый из них встречается чаще среди населения, живущего вдоль рек, а второй — по берегам озер Виктория и Танганьика. В общем везде в высокотравных и парковых саваннах превалирует мочеполовой шистозоматоз. Пораженность населения на океаническом побережье Кении и особенно Танзании велика и местами достигает 100% [19, стр. 405]. Однако соотношение этих двух форм заболевания может определяться характером хозяйственной деятельности и образом жизни. Так, например, обследование школьников побережья оз. Виктория около г. Мванзы показало, что у старших школьников, жизнь которых тесно связана с озером (купанье, рыбная ловля и т. д.), преобладает кишечный шистозоматоз, тогда как у младших — мочеполовой [34, стр. 2].

В условиях влажного жаркого климата легко нарушается целостность кожных покровов, что облегчает внедрение различных гноеродных микробов и паразитических грибов. Некоторые исследователи связывают высокую пораженность населения лепрой и фрамбезией во влажных и жарких районах Африки с частыми повреждениями кожных

Карта 1

покровов и слизистых. Из 35 тыс. больных лепрой в Кении 25—30 тыс. зарегистрировано в приозерном районе и на океаническом побережье [13, стр. 117].

Морские побережья Кении и Танзании менее благоприятны для жизни человека и в климатическом отношении (карта 1). Условия крайнего для этого района дискомфорта объясняются сочетанием высоких температур (средняя годовая температура: 24—26°, средняя температура июля: 20—24° и средняя января: 28—29°) и большой относительной влажности воздуха (70—85%). Дискомфортом характеризуются и близкие по своим климатическим условиям пространства, прилегающие к озерам Виктория и Танганьика (средняя годовая: 20—22°, средняя июля: 20—22°, средняя января: 20—27°, относительная влажность воздуха — 70%).

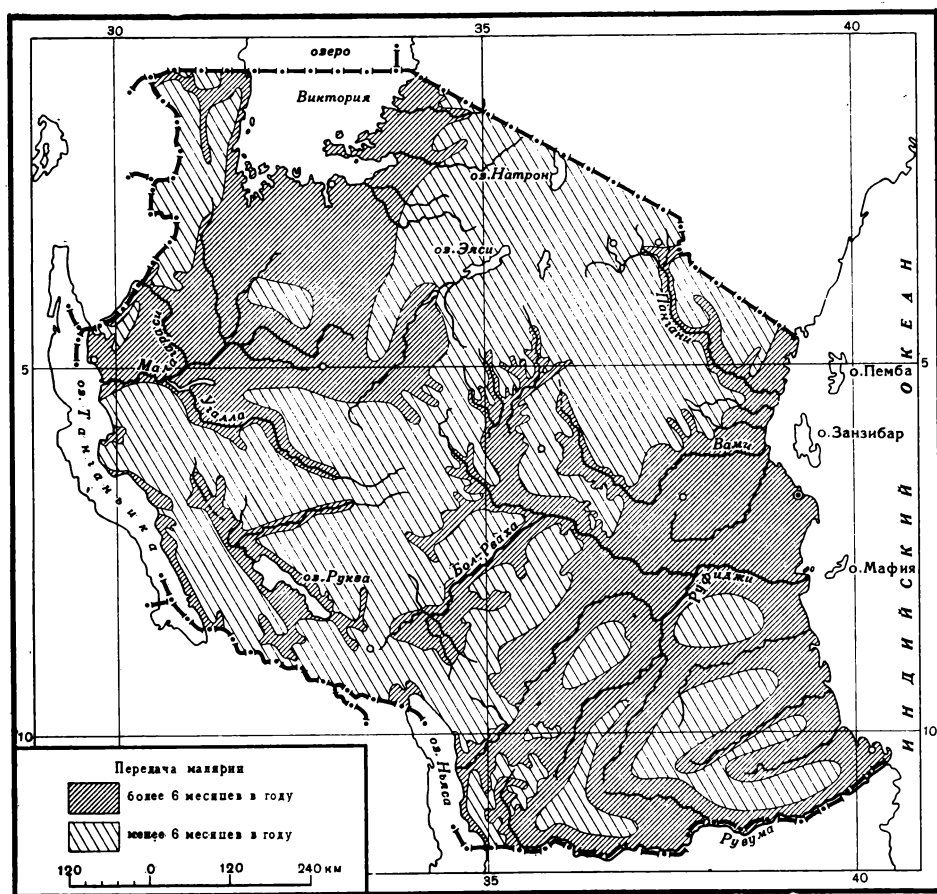
Высокий уровень заболеваемости во влажных высокотравных саваннах Восточной Африки всеми инфекциями и инвазиями, возбудители которых часть жизненного цикла проводят во внешней среде, связан также с преимущественным занятием населения земледелием и рыболовством, обеспечивающими тесный контакт человека с природой, а также высокой плотностью и значительной скученностью населения.

Иными природными предпосылками заболеваний характеризуются внутренние плато Восточной Африки, покрытые сезонновлажными саваннами, редколесьями и кустарниками. Увеличение засушливости климата ведет к ослаблению напряженности предпосылок возникновения указанных для предыдущего района трансмиссивных заболеваний, геогельминтозов, лепры, фрамбездии и т. д. Наиболее характерной медико-географической особенностью этого района является сезонность передачи трансмиссивных заболеваний.

Резко выраженная сезонность выпадения осадков — на севере март — май и сентябрь — ноябрь, а на юге ноябрь — апрель — определяет сезонность поверхностного стока. Количество постоянных водоемов невелико. Большое значение для развития комаров и моллюсков приобретают временные водоемы, существующие во влажный период и пересыхающие в засушливый. В связи с этим наблюдаются значительные колебания в численности и активности переносчиков и промежуточных хозяев возбудителей тропических заболеваний в течение года. Наибольшая численность насекомых и моллюсков, как правило, бывает приурочена к концу дождливого сезона и первым месяцам после его окончания, а наименьшая к концу засушливого. Поэтому наиболее неблагоприятны для человека в зоне сезонновлажных саванн и редколесий — последние месяцы влажного сезона. Только постоянные водоемы обеспечивают возможность круглогодичного размножения насекомых и моллюсков. Вот почему территории (например, в Танзании), на которых перенос малярии осуществляется более шести месяцев в году, почти полностью повторяют конфигурацию речной сети (карта 2).

Тем не менее роль тропических трансмиссивных заболеваний, геогельминтозов, лепры, фрамбездии в патологии населения и здесь еще достаточно велика, и некоторые из них оказывают существенное влияние на демографию. Так, например, осуществление опытных программ по борьбе с малярией в 1954—1957 гг. в области Тавета (Кения) и в рядом расположенной долине р. Мкомази (Танзания) привело к тому, что в этих районах рождаемость возросла в четыре-пять раз, детская смертность упала со 165 на тысячу живорожденных в 1955 г. до 78 — в 1958 г., а общая смертность — с 24 до 12 [23, стр. 43].

Одной из характерных черт в патологии населения этого района является наличие сонной болезни (африканского трипаномоза). За-

Карта 2

болевание имеет две формы: одну, клинически более тяжелую, с большим количеством смертных исходов (возбудитель *Trypanosoma rhodesiense* — родезийская форма) и вторую — менее тяжелую (возбудитель *T. gambiense* — гамбийская форма). Возбудителя первой формы переносят мухи цеце, главным образом *Glossina morsitans*, *G. swynnertony*, *G. pallidipes*, местообитание которых приурочено к лесосаваннам, а второй — виды группы *G. palpalis*, обитающие на поросших вечнозеленой растительностью берегах озер, рек.

Трипаносомоз — это природно-очаговое заболевание. Резервуаром инфекции являются антилопы и, возможно, некоторые домашние животные. География предпосылок сонной болезни, особенно ее родезийской формы, целиком определяется преобладающим типом растительности этой зоны — лесосаваннами. Значительные их пространства остаются незаселенными, несмотря на условия относительного климатического комфорта, из-за постоянной угрозы возникновения эпидемий сонной болезни (карта 3). Таким образом, территории потенциально опасные в отношении трипаносомоза занимают здесь значительно большие площади, чем ареал заболевания. Так же как и у остальных переносчиков трансмиссивных заболеваний, в этом районе численность мух цеце возрастает во влажный сезон и сокращается в засушливый. Неблагоприятное воздействие на мух *Glossina* высоких

температур воздуха в период засухи проявляется в значительном сокращении их ареала и концентрации около водоисточников, тогда как во влажный сезон происходит интенсивное рассеивание мух по территории лесосаванн [15, стр. 88].

Сезонность заболеваний различна среди отдельных групп населения и связана с временем наибольшего контакта населения с мухой цеце: среди земледельческого населения — в конце влажного сезона, когда больше мух, а среди рыбаков — в период сезонного увеличения рыболовства и т. д. [21, стр. 591; 25, стр. 639].

Трипаносомоз поражает также крупный рогатый скот (нагана). Значительные пространства лесосаванн, являющиеся прекрасными пастбищами, не используются под скотоводство именно по этой причине (карта 4).

Самая высокая обращаемость в медицинские учреждения населения по поводу сонной болезни (от 500 до 800 в год) регистрируется в Танзании [4, стр. 17]. Наиболее активные очаги приурочены к Западной и Озерной провинциям, на которые приходится подавляющее число случаев заболеваний. В 1960 г. из 833 случаев сонной болезни в Танзании 639 были зарегистрированы в этих провинциях [31, стр. 583].

В Восточной Африке отчетливо выделяются в медико-географическом отношении горные ландшафты. Снижение средних суточных температур воздуха и воды в зависимости от высоты местности, а также сокращение продолжительности теплого времени года определяют верхние границы распространения ряда заболеваний, присущих жителям равнин.

Так, с подъемом в горы значительно увеличивается продолжительность развития *Anopheles* и сокращается число возможных генераций. Хотя муха цеце поднимается в горы до 1700 м над уровнем моря, зараженность ее трипаносомами с высотой существенно падает. Резко снижается с высотой количество инвазированных шистосомами моллюсков. Значительно реже, чем на равнинах, встречаются в горах случаи заболеваний фрамбезией и лепрой. Высотный барьер препятствует распространению и непаразитарных заболеваний. Как показали исследования, лимфома Баркитта (злокачественная лимфома) распространена в Восточной Африке только до высоты 1500 м [10, стр. 1021].

Вертикальные границы распространения большинства тропических заболеваний в связи с особенностями климатической поясности поднимаются в приэкваториальной части и снижаются в тропической. В общем местности, расположенные выше 1500 м над уровнем моря, более здоровые, чем ниже расположенные районы. Если к тому же учесть, что горные районы характеризуются климатом наибольшего комфорта (карта 1), становятся понятными причины, по которым горные массивы являлись главными местами европейских поселений.

Обратная картина в географии заболеваний наблюдается лишь в отношении клещевого спирохетоза (возбудитель *Borellia duttoni*, переносчик — клещи *Ornithodoros moubata*). Несмотря на широкое распространение аргасовых клещей во всей Восточной Африке (в некоторых деревнях до 70% жилых построек заселены клещами) [32, стр. 675, 677, 685], самая высокая заболеваемость населения не там, где наибольшее количество клещей, а во влажных горных районах, где клещи чаще питаются на человеке. Большинство случаев заболеваний клещевым спирохетозом регистрируется в Танзании. Так, с 1956 по 1960 г. здесь ежегодно госпитализировалось от 798 до 2744 больных [24, стр. 7].

Из неблагоприятных воздействий на человека в горных районах необходимо отметить большую подверженность простудным заболева-

инфекциями. Пораженность эхинококкозом среди обследованных скотоводческих племен Кении варьирует от 18 до 32% [13, стр. 120].

В последние годы в Кении все большее распространение приобретает висцеральный лейшманиоз (возбудитель *Leishmania donovani*). Несмотря на широкое распространение в Восточной Африке москитов — переносчиков заболевания, висцеральный лейшманиоз до второй мировой войны не регистрировался. Считают, что инфекция была занесена в Кению с севера во время военных действий. Сильная эпидемия, охватившая несколько тысяч человек, отмечалась в 1952—1955 гг. Наиболее известные очаги висцерального лейшманиоза находятся в районах Китуи, Меру, Рифт-Валли. Излюбленным убежищем москитов *Phlebotomus martini* и *Ph. celiae* являются вентиляционные ходы термитников. Многочисленные исследования показывают существование связи между заболеваемостью населения и близостью термитников к жилым постройкам [27, стр. 42—44].

ОСОБЕННОСТИ ПИТАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ И БОЛЕЗНИ

Целый комплекс заболеваний и патологических состояний населения связан с направлением развития сельского хозяйства. Климатические условия, почвенно-растительный покров и людские ресурсы Восточной Африки могут обеспечить интенсивное развитие земледелия и животноводства. Около 60% самостоятельного населения Уганды и Танзании занято в сельском хозяйстве [3, стр. 5].

Однако длительный колониальный режим привел к одностороннему развитию сельского хозяйства, обрекающему местное население на хроническое голодание. Почти все производство экспортных культур (кофе, сизаль, хлопчатник, чай, сахарный тростник, пиретрум, табак и др.) находится в руках иностранцев европейского происхождения. Производство потребительских культур (сорго, просо, кукуруза, бананы, батат, кассава, бобовые) — удел местного африканского населения. В связи с крайне примитивным ведением сельского хозяйства, когда почти единственным орудием является мотыга, урожайность продовольственных культур крайне низкая. Поэтому неблагоприятные условия погоды в отдельные годы сказываются главным образом на производстве продовольственных культур. Сильные засухи, наводнения приводят, как правило, к острой нехватке продуктов питания. Такое положение наблюдалось, например, в Кении и Танзании в 1961 г., когда урожайность зерновых культур (и до того низкая) уменьшилась почти в четыре раза и начался массовый забой скота. В Кении только у племени масан было забито 300 тыс. голов крупного рогатого скота [2, стр. 328].

Однако главный ущерб здоровью населения приносит не столько недостаточное питание, сколько неправильный его состав. Это хорошо видно при сопоставлении потребления продуктов питания на душу населения в этих странах и в Великобритании (в г в день) [5, стр. 8]:

	Злаки	Корне- плоды	Бобовые	Сахар	Жир	Овощи	Фрукты	Мясо	Яйцо	Рыба	Молоко
Кения и											
Уганда . .	158	1345	71	13	8	68	—	60	2,7	0,5	147
Танзания . .	238	838	49	5	2,7	68	—	43,8	2,7	0,8	98
Великобритания . . .	207	317	8	106	60	117	150	136	30	73,9	58,3

Недостаточное количество в пище белков, витаминов, железа приводит к широкому распространению среди населения, особенно среди

Квашиоркор реже встречается на побережье, где жители потребляют больше рыбы, а также среди скотоводческих племен (например, масаи Кении и Танзании), рацион питания которых состоит главным образом из мяса, молока и крови животных. Жозуэ де Кастро приводит результаты обследования двух рядом живущих племен — гикуйю (земледельцы) и масаи (скотоводы). В связи с состоянием хронического белкового голодания гикуйю в среднем на 7,6 см ниже и на 12,5 кг легче масаи [1, стр. 68].

Сезонность в заболеваемости населения квашиоркором также имеет географическую обусловленность, так как связана с различиями в питании населения по сезонам. Даже в Уганде, где осадки распределены в течение года более равномерно, чем в Кении и Танзании, наблюдается сезонность выращивания злаков и бобовых. Время произрастания злаков и бобовых, а также земляных орехов совпадает с периодом дождей (март — май и август — октябрь). Основной урожай снимается после больших дождей в июне — августе. Таким образом, наиболее голодными в белковом отношении являются дождливые месяцы. Основные продукты питания в это время — бананы, кассава и батат, дающие урожай в течение всего года, но содержащие малое количество белков. К тому же площади под этими культурами в Уганде превышают площади под зерновыми и бобовыми. Ниже приводятся данные, характеризующие калорийность и содержание белков в основных продовольственных культурах (в 1 кг веса каждой) [9, стр. 450]:

Культура	Калорийность, кал	Содержание белка, г
Земляные орехи	3700	170
Кукуруза	3500	95
Просо	3500	120
Рис	3500	70
Сорго	3400	100
Пшеница	3200	60
Кассава	1100	9
Батат	1000	11
Бананы	600	6

Изучение возрастной структуры заболеваемости населения квашиоркором показало, что болезни, вызванные белковой недостаточностью, встречаются преимущественно среди детей, организм которых острее ощущает дефицит необходимых элементов питания. Изучение питания Восточноафриканским департаментом статистики в г. Кампале (1951 г.) показало, что средний дневной рацион рабочего составляет 2,2 г белка на 100 кал [29, стр. 266]. Такое количество потребляемого белка не вызывает появления явных признаков болезни, однако результатами полноценного питания являются малый вес, мышечная слабость, большая утомляемость и функциональные изменения печени и поджелудочной железы.

МИГРАЦИИ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ БОЛЕЗНЕЙ

Важная медико-географическая особенность Восточной Африки связана с развитием внешних и внутренних миграций населения. Вследствие исторически сложившихся торговых связей со странами Ближнего Востока, Индией, Цейлоном и странами Юго-Восточной Азии через морские границы периодически осуществляется завоз оспы, холеры,

чумы и возвратного тифа. Через саванны Восточной Африки с древних времен проходил исторический путь миграций населения из Северной Африки в Южную. Завоз инфекций через сухопутные границы в этом направлении в настоящее время осуществляется главным образом колючими племенами скотоводов масаи. Большое влияние на эпидемиологическую ситуацию оказывают сезонные миграции населения, идущего на заработки в города, на разработки полезных ископаемых и крупные плантационные хозяйства. Так, только на плантации хлопчатника, кофе и какао Уганды в 1950—1960 гг. из других стран Африки прибывали ежегодно 74 тыс. человек [18, стр. 415]. Лишь небольшая часть населения, мигрирующего в поисках заработка, связана со специальными организациями, ведающими набором рабочей силы и осуществляющими хоть какой-то медицинский контроль. Основная же масса населения свободно пересекает границы районов и государств. Профилактические мероприятия по предупреждению заболеваний малярией и другими болезнями среди прибывших на заработки рабочих, как правило, не охватывают их семей (часто рабочие приезжают с семьями). В связи с повсеместным распространением малярии в районах плантационного хозяйства Уганды и Танзании значительная часть прибывших сельскохозяйственных рабочих из свободных от малярии стран в первые же недели своего пребывания заболевают. При этом надо учесть, что основные миграции приходится на период наивысшей активности малярийных комаров.

Большое значение в распространении инфекционных болезней имеют бассейны крупных озер Восточной Африки, являющиеся местом большого сосредоточения населения и важными коммуникациями. Особого внимания заслуживает бассейн оз. Виктория, которое издавна было ареной значительных миграционных потоков населения из одних африканских стран в другие. В частности, все эпидемические вспышки сонной болезни в Северо-Западной Уганде являлись следствием миграций населения [20, стр. 223]. Самая крупная эпидемия в бассейне оз. Виктория продолжалась с некоторыми перерывами около 25 лет (1901—1925). В период ее максимального развития (с 1901 по 1905 г.) погибло около 300 тыс. только жителей Уганды [26, стр. 270].

СОСТОЯНИЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

Проблема высокой заболеваемости и смертности населения Восточной Африки, естественно, не ограничивается ее географическим аспектом. Решение ее в первую очередь связано с совершенствованием медицинского обслуживания и созданием современной системы здравоохранения. Не случаен тот факт, что при анкетном опросе о главных проблемах здравоохранения 2900 школьников различных районов Уганды большинство из них указали на отсутствие медицинского персонала, больниц, неудовлетворительное санитарное состояние и плохое питание [8, стр. 191]. И действительно, по данным Всемирной организации здравоохранения, в 1963 г. один врач в среднем обслуживал в Кении 9700 человек, в Танзании — 21 тыс. и в Уганде (1962 г.) — 13 тыс. человек [33, стр. 20, 23].

Однако приведенные статистические данные не отражают существующего положения медицинского обслуживания, так как больницы и диспансеры размещаются в городах и крупных населенных пунктах. В сельской местности, где проживает большая часть африканского населения, больниц очень мало или нет совсем. Так, например, в Кении

из 811 врачей лишь 158 работают в сельской местности. И если в столице Кении Найроби на одного врача приходится 672 человека, а в других крупных городах — от 1 тыс. до 2 тыс. человек, то в сельской местности один врач обслуживает в среднем 50 тыс. человек [14, стр. 17]. Как и в большинстве стран Африки, получивших независимость, в Кении, Уганде и Танзании главное внимание в организации здравоохранения сейчас уделяется улучшению медицинского обслуживания населения. Успешное решение этой проблемы зависит от правильного учета географических различий в патологии населения. По-видимому, при создании медицинских центров в сельской местности, осуществляющемся по инициативе Всемирной организации здравоохранения, в какой-то мере уже осуществляется такой дифференцированный подход. Так, в частности, в районах скотоводства с кочевым населением создаются передвижные центры, а в районах земледелия — стационарные с периодическими выездами в места сосредоточения населения (рынки, школы). По-разному следует и укомплектовывать эти центры медицинским персоналом.

Изучение географических особенностей патологии населения может оказать существенную помощь при создании современной системы здравоохранения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кастро Жозуэ де, География голода, М., 1954.
2. «Экономическое положение стран Азии и Африки в 1961 г.», М., 1963.
3. Яблочков Л. Д., Новое и старое в Африке, — «Вестник истории мировой культуры», М., 1960, № 3 (21).
4. Apted F. J. C., Sleeping Sickness in Tanganyika, Past, Present and Future, — «Transactions of the Royal Society of Tropical Medicine and Hygiene», London, 1962, vol. 56, № 1.
5. Atlas of Distribution of Diseases, New York, 1951—1955.
6. Barnley G. R., Simulium neavei in Uganda, — «The East African Medical Journal», Nairobi, 1958, vol. 35, № 8.
7. Brown A. W. A., A Survey of Simulium Control on Africa, — «Bulletin of the World Health Organization», Genève, 1962, vol. 27, № 4—5.
8. Brown R. E., Wilks N. E., Health Survey in Ugandan Primary Schools an Approach to Health Education, — «Tropical and Geographical Medicine», Amsterdam, 1966, vol. 18, № 3.
9. Burgess A. P., Calories and Proteins Available from Local Sources for Uganda Africans in 1958 and 1959, — «The East African Medical Journal», 1962, vol. 39, № 7.
10. Burkitt Denis, Determining the Climatic Limitations of a Children Cancer Common in Africa, — «British Medical Journal», London, 1962, vol. 2, № 5311.
11. Clyde D. E., Msangi A. S., Malaria Distribution in Tanganyika, pt II, — «The East African Medical Journal», 1963, vol. 40, № 3.
12. Cognora J., McFie J., Malnutrition, Malaria and Mortality, — «Transactions of the Royal Society of Tropical Medicine and Hygiene». 1959 vol. 54, № 3.
13. Fendall N. R. E., Grounds J. G., The Incidence and Epidemiology of Disease in Kenya, pt II, — «The Journal of Tropical Medicine and Hygiene», London, 1965, vol. 68, № 5.
14. Fendall N. R. E., Medical Planning and the Training of Personell in Kenya, — там же, № 1.
15. Glasgo w J. P., The Distribution and Abundance of Tsetse, Oxford — London — New York — Paris, 1963.
16. Grounds J. G., Child Mortality under Six Years of Age in Government Hospitals in Kenya, — «The East African Medical Journal», 1964, vol. 41, № 10.
17. Hawking F., The Distribution of Bancroftian Filariasis in Africa, — «Bulletin of the World Health Organization», 1957, vol. 16, № 3.
18. Mansell Prothero R., Population Movements and Problems of Malaria Eradication in Africa, — «Bulletin of the World Health Organization», 1961, vol. 24, № 4—5.

19. Manson Bahr P. E. C., The Clinical Features, Diagnosis and Host Parasite Relationship of Schistosomiasis in East Africa, — «The East African Medical Journal», 1958, vol. 35, № 8.
20. Morris K. R. S., Studies on the Epidemiology of Sleeping Sickness in East African, pt III, — «Transactions of the Royal Society of Tropical Medicine and Hygiene», 1960, vol. 54, № 3.
21. Morris K. R. S., Studies on the Epidemiology of Sleeping Sickness in East Africa, pt V, — там же, № 6.
22. Nelson G. S. a. o., Studies in Filariasis in East Africa, pt III, — «Transactions of the Royal Society of Tropical Medicine and Hygiene», 1962, vol. 56, № 3.
23. Pringle G., Malaria and Vital Rates in three East African Bantu Communities, pt I, — «British Journal of Preventive and Social Medicine», London, 1964, vol. 18, № 1.
24. «Rapport épidémiologique et démographique», Genève, 1962, vol. 15, № 4, 5, 9, 11.
25. Robertson D. H. H. a. o., Human Trypanosomiasis in South-East Uganda, — «Bulletin of the World Health Organization», 1963, vol. 28, № 5—6.
26. Shore H., An Epidemic of Sleeping Sickness in the Lango District of Uganda, pt III, — «The East African Medical Journal», 1960, vol. 37, № 4.
27. Southgate B. A., Oriedo B. V. E., Studies on the Epidemiology of East African Leishmaniasis, pt I, — «Transactions of the Royal Society of Tropical Medicine and Hygiene», 1962, vol. 56, № 1.
28. Sturrock R. F., Hookworm Studies in Tanganyika: Preliminary Investigation, — «Science and Medicine of Central Africa», Oxford — London — Edinburgh — Paris — Frankfurt — New York, 1965 (цит. по: «География», Реферативный журнал, М., 1967, № 11).
29. Trowell H. C., Davies J. N. P., Dean R. F. A., Kwaschiorkor, London, 1954.
30. Turner P. P., The Pattern of Disease as Seen by Medical Admissions to the Coast Province General Hospital in 1960, — «The East African Medical Journal», 1962, vol. 39, № 4.
31. Vauzell M. A., Repartition de la Trypanosomiase Africaine chez l'homme et les animaux, — «Bulletin of the World Health Organization», 1963, vol. 28, № 5—6.
32. Walton G. A., Observations on Biological Variation in *Ornithodoros moubata* in East Africa, — «Bulletin of Entomological Research», London, 1957, vol. 48, № 4.
33. «World Health Statistics Annual 1962», Genève, 1966.
34. Jordan P., Randall K., Bilharziasis in Tanganyika: Observations on its Effects and the Effects of Treatment in Schoolchildren, — «The Journal of Tropical Medicine and Hygiene», 1962, vol. 65, № 1.

И. Н. Олейников

**ОЗЕРО ТАНГАНЬИКА.
ОПЫТ ФИЗИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ**

Одно из крупнейших и интереснейших озер Африки — Танганьика — было открыто в 1858 г. Р. Ф. Бертоном и Дж. Х. Спиком. Конфигурацию озера в самых общих чертах установил Д. Ливингстон во время своего последнего путешествия в Африку (1866—1873 гг.); он же и Г. М. Стэнли более детально исследовали берега северной части озера (в 1871 г.). Окончательно были уточнены и нанесены на карту очертания Танганьики в 1874 г. В. Л. Камероном (открывшим, в частности, сток озера — р. Лукугу) и в 1876 г. Г. М. Стэнли.

Научное исследование Танганьики (в первую очередь изучение фауны озера) было начато в 1895 г. Дж. Муром [54] и продолжено в 1904 г. У. Кеннингтоном [39]. Первые сведения о рельефе дна Танганьики были получены в 1912—1913 гг. Л. Стаппером [62], сделавшим свыше 350 примеров глубин озера лотом. Этот исследователь произвел также химические анализы и измерения температуры озерных вод. В дальнейшем ценный вклад в гидрологическое изучение Танганьики внесли работы К. Гиллмана [46], Р. Бьючэмпа [23], Э. Деврея [40; 42] и некоторых других авторов. В 1946—1947 гг. озеро было всесторонне исследовано бельгийской гидробиологической экспедицией под руководством Э. Лелу¹. В числе прочих работ экспедицией была проведена детальная батиметрическая съемка (с помощью эхолота), позволившая составить батиметрическую карту озера в масштабе 1:500 000 и отдельно северной его части в масштабе 1:200 000 [31]. С 1948 г. на конголезском берегу озера, в Увире, функционирует постоянная лаборатория Института научных исследований Центральной Африки, осуществляющая регулярные гидрохимические и гидробиологические наблюдения [45].

Озеро Танганьика издавна привлекало внимание отечественных ученых. В числе ранних исследователей водной фауны Танганьики был русский зоолог В. В. Троицкий [17; 18], посетивший озеро в 1912 г. Танганьике посвятил одну из своих работ Л. С. Берг [2], отметивший значительное сходство этого озера с Байкалом (сходное строение котловин обоих озер, общие черты их геологической эволюции, сходный характер фауны). С основными особенностями гидрологии Танганьики советских читателей познакомила статья Н. И. Семеновича [16], пред-

¹ Научные результаты работ экспедиции опубликованы в 1949—1956 гг. в виде серии выпусков под общим заглавием: «Exploration hydrobiologique du lac Tanganika (1946—1947)».

ставляющая собой реферат упомянутой выше работы Бьючэмпа. Важнейшие гидрологические характеристики Танганьики приведены также в опубликованном в 1964 г. Физико-географическом атласе мира.

Однако сколько-нибудь подробная комплексная физико-географическая характеристика этого озера в литературе на русском языке — отечественной и переводной — до сих пор отсутствует. Этот пробел в какой-то степени восполнит настоящая статья, основанная на обширном литературном материале, включая результаты как более ранних, так и новейших исследований Танганьики.

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

Озеро Танганьика принадлежит к группе Великих озер Восточной Африки. Оно расположено на западе Восточно-Африканского нагорья, в зоне Западного рифта, или Центрально-Африканского грабена (западная ветвь Восточно-Африканской рифтовой системы). Координаты крайних точек озера $3^{\circ}22'—8^{\circ}47'$ ю. ш. и $29^{\circ}05'—31^{\circ}07'$ в. д. [1, стр. 230]. Абсолютная высота уровня озера — 774 м (средняя отметка уровня в Альбертвиле за 1918—1959 гг.) [43, стр. 430]. В гидрографическом отношении Танганьика принадлежит к бассейну р. Конго. С политико-географической точки зрения озеро интересно своим положением на стыке границ четырех африканских государств — Конго (Киншаса), Бурунди, Танзании и Замбии.

Танганьика имеет характерную для лежащих в грабенах озер удлинненную форму. Длина озера — 650 км, в то время как ширина составляет лишь 40—80 км [42, стр. 11]. По различным источникам, площадь оценивается от 32 тыс. [42, стр. 11; 56, стр. 200] до 34 тыс. кв. км [10, стр. 152; 12, стр. 326; 19, стр. 274; 51, стр. 652] (больше площади Бельгии и примерно равна площади такого европейского государства, как Нидерланды). Танганьика занимает по площади второе место среди озер Африки и седьмое в мире (после Каспия, Верхнего, Виктории, Арала, Гурона и Мичигана). Однако наиболее замечательной морфометрической особенностью озера является его огромная глубина, достигающая 1470 м². Танганьика — первое по глубине озеро Африки и второе — на земном шаре, уступая только Байкалу. Его средняя глубина — 1000 м, объем водной массы — 30 тыс. куб. км [51, стр. 653].

Площадь водосбора Танганьики составляет 244 490 кв. км [43, стр. 95]. Наиболее значительные притоки озера — р. Малагараси (в Танзании) и вытекающая из оз. Киву р. Рузизи (на границе Конго и Бурунди). Танганьика имеет сток в Луалабу (верхнее течение Конго) через р. Лукугу.

Бассейн Танганьики имеет жаркий тропический климат с четким делением года на дождливый летний и сухой зимний сезоны. В Альбертвиле, на берегу озера, средняя температура самого жаркого месяца (октября) равна +24,2°, самого холодного (июля) +20,9° [29, стр. 1239]. Средняя годовая сумма осадков в большей части бассейна Танганьики (в том числе на берегах самого озера) колеблется от 900 до 1200 мм и только на крайнем севере, на склонах высоких горных поднятий, обрамляющих оз. Киву и северную оконечность Танганьики, достигает

² Максимальная глубина, промеренная при батиметрической съемке озера в 1946—1947 гг. [31, стр. 7]. В географической литературе, а также в различных энциклопедиях и справочниках (в том числе последних лет издания) наибольшая глубина Танганьики часто определяется в 1435 м; однако эту цифру, основанную на данных промеров Л. Стаппера в 1912—1913 гг., ныне следует считать устаревшей.

значительно больших величин (до 1700—1800 мм) [29, стр. 1236]. Сухой сезон в южной части озера начинается в среднем 20 апреля и заканчивается 25 октября, продолжаясь, таким образом, около шести месяцев; в районе северной оконечности озера продолжительность его уменьшается до четырех месяцев (в среднем с 20 мая по 20 сентября) [29, стр. 1128].

ГРАБЕН ТАНГАНЬКИ

Озеро Танганьика расположено в глубокой и узкой тектонической впадине (грабене), представляющей собой наиболее опущенный участок Западного рифта. Котловина Танганьики — одна из крупнейших на земном шаре криптодепрессий, дно которой в наиболее глубоком месте лежит на 696 м ниже уровня моря.

Края грабена Танганьики образуют глыбовые горы и плоскогорья, сложенные главным образом кристаллическими и метаморфическими породами докембрийского складчатого фундамента Африканской платформы; местами в их строении принимают также участие слабодислоцированные и практически не метаморфизованные песчаники и сланцы верхнедокембрийского осадочного чехла (группа Катанга на территории Конго, группа Малагараси в Бурунди, система Букоба в Танзании). Краевые поднятия имеют большей частью выровненные, платообразные вершинные поверхности, представляющие собой остатки разорванного сбросами древнего («дорифтового») неоплена. Высота западного борта грабена достигает 2200—2400 м над уровнем моря; восточный борт значительно ниже (1200—1300 м) [9, стр. 447]. Разница абсолютных отметок высокого западного борта грабена и наиболее глубоко погруженных участков дна озерной котловины позволяет определить в предварительном порядке максимальную амплитуду вертикального смещения блоков земной коры в рассматриваемом секторе Западного рифта (включая опускание днища грабена и поднятие его краев в виде горстов) примерно в 3000 м [66, стр. 214]. Фактически она должна быть больше этой цифры на неизвестную величину, соответствующую мощности молодых (четвертичных и, возможно, также неогеновых) осадочных накоплений рифта, погребаящих под собой погруженный докембрийский цоколь. Эта мощность, еще не измеренная, может быть весьма значительной. Достаточно сказать, например, что суммарная мощность неоген-четвертичных отложений, выполняющих грабен оз. Альберт, определена (в районе Кисеги-Васа на территории Уганды) более чем в 1300 м [25, стр. 299].

Грабен Танганьики имеет сложное строение. Он состоит по существу из двух достаточно четко обособленных тектонических впадин — рифтов Северной и Южной Танганьики, ограниченных разломами различного простирания и расположенных кулисообразно по отношению друг к другу. Рифт Северной Танганьики ориентирован в общем вдоль меридиана. Дно его в северной части несколько приподнято над уровнем озера и занято аллювиальной равниной р. Рузизи. К северу эта равнина сужается и выклинивается, упираясь в массив базальтовых лав, отделяющий грабен Танганьики от котловины оз. Киву и прорезанный глубоким каньоном верхнего течения Рузизи. Рифт Южной Танганьики простирается с юго-востока на северо-запад; в этом последнем направлении он продолжается системой разломов, обрисовывающейся в бассейне р. Луамы, правого притока Луалабы. Сбросы приблизительно того же простирания прослеживаются и к востоку от

озера, связывая рифт Южной Танганьики с рифтом Руквы. К той же системе разломов принадлежит затопленный озерными водами горстовый хребет, разобщающий впадины Северной и Южной Танганьики.

Обрамляющие грабен Танганьики разломы выражены в рельефе в виде серии уступов, образующих склоны краевых поднятий к озерной котловине. Эти сбросовые обрывы большей частью уже сильно модифицированы эрозией, и тектоническая природа их нередко распознается с трудом. Г. Вейс, изучивший тектоническое строение западного борта грабена Танганьики в районе Увиры, отмечает, что сбросы, прослеживающиеся в верхней части склонов, имеют более древний облик, тогда как самый нижний сбросовый уступ, непосредственно господствующий над берегом озера, отличается весьма свежим морфологическим характером и, судя по всему, является более молодым [65, стр. 14—17]. В том случае если этот вывод справедлив и для других участков грабена Танганьики, создается впечатление, что тектоническая впадина, занятая современным озером, образовалась внутри более древней и более широкой сбросовой депрессии. В большинстве случаев, однако, возрастные соотношения между отдельными разломами и системами разломов еще далеки от полной ясности.

Нелишне добавить, что местами грабен Танганьики вообще может быть ограничен не настоящими сбросами, а скорее флексурообразными изгибами (на широком распространении подобных изгибов особенно настаивает Б. Уиллис).

БЕРЕГА И РЕЛЬЕФ ДНА ОЗЕРА

Берега Танганьики имеют в целом сравнительно простые массивные очертания, определенные линиями разломов. Береговую линию озера, общая протяженность которой 1830 км [40, стр. 89], можно в первом приближении охарактеризовать как состоящую из ряда более или менее прямолинейных отрезков, соединяющихся под тупыми углами. Имеется только один глубоко вдающийся в сушу залив — залив Бертона на северо-западе озера, отделенный от основной его части гористым п-овом Убвари (последний представляет собой длинный и узкий горстовый хребет, круто поднимающийся внутри рифтовой впадины). Все прочие выемки побережья (например, бухта Камерона в южной части озера) менее значительны.

Однако то, что было сказано о массивности общих контуров озера, в гораздо меньшей степени относится к деталям береговой линии. Б. Уиллис пишет: «Тот, кто прибывает на Танганьику, ожидая найти ее обрамленной стенами вздымающихся ввысь утесов, явных сбросовых обрывов активных рифтов, будет разочарован, как был разочарован и я. Берег большей частью извилистый, отмеченный бухтами, полуостровами и островами» [66, стр. 185]. Это объясняется, по-видимому, уже упоминавшейся выше эрозионной переработкой первично-тектонических форм, создавшей во многих районах грабена мягкий холмистый рельеф с умеренными колебаниями высот; подтопление его озерными водами привело к образованию типичных ингрессионных берегов с мелкобуктовым расчленением. Местами между подножием склонов краевых поднятий и берегом озера протягивается узкая полоса аккумулятивной равнины, представляющей собой, согласно наблюдениям Г. Вейса [65, стр. 53—68] в окрестностях Увиры, комплекс древних озерных террас и конусов выноса стекающих с гор постоянных и временных водотоков. Эта равнина, достигая у подножия склона высоты порядка 100 м над

уровнем озера, полого или ступенями (при наличии террас) понижается к берегу, который в этом случае может быть плоским и слаборасчлененным. Наконец, в ряде пунктов крутые склоны горных поднятий подступают к самой воде, образуя высокие обрывистые берега (особенно характерны в этом отношении берега п-ова Убвари и участок восточного берега в районе горстового массива Кунгве). Однако, по мнению Б. Уиллиса, речь в большинстве случаев идет о тектонических изгибах без разрывов, а не о настоящих сбросовых уступах [66, стр. 199]. Можно не разделять точки зрения этого исследователя полностью, но все же, основываясь на приведенных им описаниях, приходится признать, что, хотя общая конфигурация озера несомненно обусловлена сбросами, сами берега его редко подходят под определение сбросовых в собственном смысле слова.

Как видно из изложенного выше, берега Танганьики морфологически весьма разнообразны. Любопытно, что одни участки берега обнаруживают признаки погружения (мелкорасчлененные ингрессионные берега), другие же, наоборот, — поднятия (озерные террасы). Очевидно, это результат локальных тектонических подвижек различного знака.

Для полноты характеристики берегов озера добавим, что они чаще всего приглубые или сопровождаются лишь узкой береговой отмелью, которая вскоре заканчивается более или менее крутым подводным откосом, спускающимся к зоне больших глубин. Только перед устьями крупных рек полоса прибрежного мелководья может несколько расширяться.

Рельеф дна озера отражает общие морфоструктурные особенности грабена Танганьики. Промеры глубин, осуществленные в 1912—1913 гг. Л. Стаппером, показали, что озеро состоит из двух глубоководных бассейнов (северного и южного), отделенных друг от друга подводным порогом, обрисовывающимся вблизи 6° ю. ш. (следует заметить, что предположение о таком характере строения озерной котловины высказывал еще в прошлом веке Г. М. Стэнли). Эти два бассейна соответствуют упоминавшимся выше двум тектоническим впадинам — рифтам Северной и Южной Танганьики, разделенным горстовым поднятием.

Батиметрическая съемка Танганьики в 1946—1947 гг., в целом подтвердив сложившиеся ранее представления о рельефе дна озера, позволила во многом уточнить их и детализировать. Было установлено, что два главных глубоководных бассейна состоят в свою очередь из нескольких котловин второго порядка. В северной части Танганьики выделяются бассейны Бужумбуры (Усумбуры) и Кигомы, в южной — бассейны Альбертвиля и Зонгве [31, стр. 9—10].

Бассейн Бужумбуры, занимающий крайний север озера (включая залив Бертона), ограничен на юге п-овом Убвари и продолжающим его подводным порогом. Наибольшая глубина этого бассейна, промеренная в его южной части, примерно на одинаковом расстоянии от западного и восточного берегов, составляет 450 м. Дно бассейна отлого повышается к северу. В прошлом он несомненно был глубже, но к настоящему времени большей частью заполнен наносами р. Рузизи.

Между подводным продолжением Убвари на севере и порогом Кунгве на юге простирается обширный бассейн Кигомы. Значительная часть его имеет ровное дно, разветвляющееся на глубине около 1250 м. Рельеф его осложнен невысоким (40—50 м над общим уровнем дна) подводным поднятием, протягивающимся в виде дуги от п-ова Убвари к мысу Кабого на восточном берегу. Вблизи западного берега прослеживается небольшая по площади впадина, в которой про-

мерена наибольшая в бассейне Кигомы и во всем северном бассейне Танганьики глубина — 1310 м. Северная и особенно восточная окраины бассейна в значительной степени занесены речным аллювием и отличаются меньшими глубинами. На батиметрической карте отчетливо видна большая подводная дельта р. Малагараси, достигающая середины озера.

Разделяющий северную и южную впадины Танганьики подводный порог Кунгве протягивается с юго-востока на северо-запад между мысом Кунгве на восточном берегу и мысом Бвана-Нденге на западном (к северу от Альбертвиля). Глубины на пороге большей частью не превышают 250—500 м, высшая же его точка находится всего на 50 м ниже поверхности озера. Порог Кунгве, однако, не представляет собой сплошного барьера: он пересечен посередине узкой подводной расселиной глубиной 700 м, связывающей бассейн Кигомы с бассейном Альбертвиля, который принадлежит уже к системе рифта Южной Танганьики.

Бассейн Альбертвиля достигает наибольшей глубины (885 м) вблизи восточного берега, непосредственно к югу от порога Кунгве. Отсюда дно его постепенно повышается к западному берегу и на юг, к широкому подводному порогу Марунгу (с глубинами не более 500—750 м). Расположенный к югу от этого порога бассейн Зонгве — наиболее глубоководная из впадин, образующих котловину озера. Значительная часть бассейна имеет глубину более 1400 м, а недалеко от западного берега, напротив населенного пункта Зонгве, находится узкий ров, в котором промерена максимальная глубина озера — 1470 м. К востоку и югу дно бассейна поднимается: южнее 8° ю. ш. глубины уже не превышают 1000 м, а самая южная оконечность озера характеризуется глубинами не более 250—500 м. По окраинам бассейна Зонгве отмечен ряд аллювиальных конусов выноса рек и временных потоков, но крупные подводные дельты здесь отсутствуют.

Обращает на себя внимание тот факт, что дно бассейнов Кигомы и Зонгве наклонено в общем с востока на запад и наибольшие глубины отмечаются у западного берега, в то время как в бассейне Альбертвиля наблюдается прямо противоположная ситуация. Батиметрические данные, таким образом, свидетельствуют о сложности строения дна грабена Танганьики, состоящего из нескольких обособленных блоков, которые в результате дифференцированных тектонических движений получили перекося в разных направлениях.

Крупные, тектонически обусловленные формы рельефа дна Танганьики осложнены более мелкими, обязанными своим происхождением деятельности экзогенных, в том числе субаэральных агентов. Помимо уже отмеченных аккумулятивных образований (дельт и конусов выноса) на дне озера широко распространены древние формы флювиальной эрозии; они представлены многочисленными подводными долинами с характерным V-образным поперечным профилем, продолжающими собой современные наземные долины притоков Танганьики и в большинстве случаев исчезающими на глубине около 550 м [31, стр. 14].

Донные грунты на больших глубинах образованы тонкими илами органического происхождения. Вблизи берегов, особенно перед устьями рек, преобладают более грубозернистые, преимущественно песчаные, терригенные осадки.

ГЕОЛОГИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ОЗЕРА

История геологической эволюции Танганьики тесно связана с историей формирования тектонической впадины, в которой расположено озеро. Как известно, по современным представлениям первоначальное заложение Восточно-Африканской рифтовой системы восходит к очень отдаленному геологическому прошлому, по всей вероятности, к докембрию [4; 11]. На протяжении последующей геологической истории рифтовые впадины и обрамляющие их поднятия в результате воздействия экзогенных процессов неоднократно нивелировались под один общий уровень, достигая стадии пенеплена, после чего опять «обновлялись» более молодыми тектоническими движениями. В разные периоды во впадинах, вероятно, возникали и затем исчезали, заполняясь осадками, озерные водоемы, которые можно рассматривать как прообразы современных рифтовых озер, в том числе Танганьики. Однако, разумеется, о непосредственной преемственности между теми и другими говорить не приходится.

В своем современном виде Западный рифт и расположенные в нем озера образовались уже в кайнозое, на неотектоническом этапе развития Африканского континента, ознаменовавшемся общей активизацией вертикальных движений и соответственно очередным воссозданием в рельефе древнезаложенных рифтовых морфоструктур. Согласно общепринятым в настоящее время взглядам, до возникновения Западного рифта территория, которую он пересекает ныне, имела облик пенеплена с пологим уклоном к западу, в сторону бассейна Конго, куда и направлялись главные артерии гидрографической сети [37, стр. 27; 48, стр. 223]. Тектонические дислокации в зоне Западного рифта привели к разрыву древних гидрографических систем, и верховья ориентированных с востока на запад рек стали притоками озер, образовавшихся в сбросовых впадинах. К числу этих древних, «дорифтовых» рек принадлежала, по-видимому, р. Малагараси, непосредственно продолжавшаяся р. Лукугой. Главным доказательством этого служит присутствие в бассейне Малагараси и в притоках Конго одних и тех же видов рыб (*Labeo weeksii*, *Barbus eutaenia*), которые вместе с тем отсутствуют в Танганьике (проникновению их в озеро после его образования могли помешать пороги на реках) [37, стр. 24—26].

Точное время возникновения грабена Танганьики и расположенного в нем озера неизвестно. Начало формирования более северного участка Западного рифта — грабена оз. Альберт — относится к миоцену. Этим возрастом датируются наиболее древние слои мощной осадочной толщи, накопившейся в грабене с момента его образования. Кайнозойские отложения грабена Танганьики изучены гораздо слабее. В долине Рузизи установлено присутствие осадков, считающихся аналогами среднелейстоценовой серии Семлики более северных районов [48, стр. 228]; более древние отложения не найдены, но это отнюдь не исключает возможности обнаружения их в будущем. Так или иначе, предположение о том, что грабен Танганьики образовался приблизительно одновременно с грабеном оз. Альберт, звучит вполне правдоподобно. Эта точка зрения предполагает, таким образом, большую древность оз. Танганьика, что подтверждается крайне оригинальным, высокоэндемичным характером его фауны.

Представления об очень древнем возрасте Танганьики широко распространены в литературе. Так, М. Робер [57, стр. 210] относит возникновение озера по меньшей мере к середине третичного периода; тех же взглядов придерживался и Л. С. Берг [2, стр. 69]. Некоторые

исследователи, однако, считают возраст Танганьики более молодым. Г. Кук указывает, что промежуток времени, прошедший с момента образования грабена Танганьики и вызванного этим разрыва древней, широко ориентированной гидрографической сети, не мог быть слишком продолжительным, так как в противном случае ихтиофауна рек системы Малагараси и притоков Конго успела бы сильно дифференцироваться и не обнаруживала бы тех общих черт, какие характеризуют ее в настоящее время. С другой стороны, он должен был быть достаточно длительным, чтобы допустить развитие богатой и своеобразной озерной фауны Танганьики. По мнению Кука, оба эти условия будут удовлетворены, если отнести возникновение Танганьики к самому позднему плиоцену [37, стр. 24—26]. Разумеется, все эти датировки остаются сугубо гипотетическими.

Один из пионеров геологического исследования Западного рифта, А. Сале, выдвинул в свое время гипотезу о том, что оз. Танганьика вначале имело сток на север и через речную сеть, существовавшую на месте современного оз. Киву, сообщалось с оз. Эдуард. Этот сток был прерван излияниями базальтовых лав к югу от Киву, за которыми последовало оседание днища грабена Танганьики [58; 59]. Гипотеза А. Сале была поддержана и развита Н. Бутаковым [27]. Позднее этот автор пришел к убеждению, что сток Танганьики на север сохранился и после излияний базальтов [28]. Концепция древнего стока Танганьики в сторону Киву долгое время пользовалась широкой популярностью, но в послевоенные годы против нее были выдвинуты серьезные возражения. Л. Каэн [9, стр. 339—341], а затем М. Слюйс [61, стр. 1393—1402], подвергнув критическому разбору геологические аргументы, приводившиеся А. Сале и Н. Бутаковым в защиту своей гипотезы, пришли к выводу, что при современном состоянии знаний нельзя найти ни одного веского доказательства древнего стока Танганьики в район Киву ни до, ни после базальтовых излияний. С другой стороны, Л. Петерс [55, стр. 156—159] показал, что предположению о таком направлении стока Танганьики противоречит наблюдаемая ныне конфигурация гидрографической сети к югу от оз. Киву. Против существования какой-либо связи Танганьики с Киву до образования современного течения Рузизи свидетельствуют также результаты зоологических исследований Ж. Марлье, говорящие о резком различии фауны этих двух озер [52, стр. 1001—1002]. Таким образом, концепцию Сале — Бутакова следует признать несостоятельной.

Упомянем еще об одной гипотезе, автором которой является известный путешественник Г. М. Стэнли. По его предположению, в прошлом на месте Танганьики существовали два озера, разделенные горным барьером. Южное озеро, уровень которого был выше, чем у северного, имело сток в Лукугу. Впоследствии в результате тектонических процессов перемычка между двумя озерами опустилась и они слились воедино, образовав современную Танганьiku. После выравнивания уровня водное зеркало Танганьики оказалось расположенным ниже прежнего уровня южного озера, и сток в Лукугу прекратился. Он возобновился только позднее, когда уровень озера повысился за счет притока воды с бассейна. Образование Танганьики из двух самостоятельных озер отражено в легендах народов, населяющих ее берега, и, следовательно, как подчеркивал Стэнли, происходило очень недавно.

Ф. Моретт, изложивший эту гипотезу в своей известной монографии, имеющейся в настоящее время в русском переводе [13, стр. 156], в другой работе отметил, что концепция Стэнли относительно древнего стока одного из озер — «предков» Танганьики — в Лукугу не объясняет

одного важного обстоятельства, а именно происхождения развитых в долине Лукуги (причем не только в нижнем и среднем, но и в верхнем течении этой реки, где она не получает притоков) мощных аллювиальных отложений. Этот аллювий не мог поступить в долину Лукуги из озера, воды которого характеризуются ничтожной мутностью (что вполне естественно, поскольку озеро играет роль грандиозного отстойника). По мнению Моретта, наблюдаемый ныне зрелый морфологический облик долины Лукуги и наличие в ней больших масс аллювия являются свидетельствами того, что эта долина вместе с выполняющими ее наносами древнее грабена Танганьики [53, стр. 155—156]. Нетрудно видеть, что это предположение, высказанное почти полвека назад, полностью соответствует изложенным выше современным представлениям о «дорифтовой» гидрографической сети.

Представляется наиболее вероятным, что в начальный (и, судя по всему, весьма продолжительный) период своего существования Танганьика не имела стока вообще — ни на север, в сторону Киву, ни на запад, в Лукугу. Действительно, как подчеркивал еще Л. С. Берг, крайнее своеобразие фауны Танганьики объясняется не только значительным возрастом озера, но и его длительной изоляцией от других водоемов (то же относится и к Байкалу) [2, стр. 71]. Ряд авторов, в том числе М. Робер [57, стр. 208], считает, что оз. Танганьика, не имея стока, должно было со временем превратиться в соленое озеро. Против этого возражает Р. Бьючэмп, по мнению которого озеро в прошлом, несмотря на отсутствие стока, было минерализовано даже меньше, чем в настоящее время [23, стр. 183].

Большую роль в эволюции Танганьики, как и других озер Восточной Африки, должны были играть четвертичные колебания климата (чередование плейстоценовых и аридных эпох). Однако в отличие от других озер (например, озер Альберт и Эдуард) Танганьика, обладая гораздо большей глубиной, даже в наиболее засушливые периоды, по всей вероятности, не пересыхало полностью и, таким образом, из всех этих озер имеет самый длительный «стаж» непрерывного существования. Тем не менее колебания уровня Танганьики на протяжении ее истории были весьма значительными. Как считает А. Капар, уровень озера несколько раз понижался на 550—600 м, а один-два раза, возможно, даже на 850 м ниже своего современного положения [31, стр. 11]. В периоды регрессий озеро должно было разделяться на два самостоятельных водоема в северной и южной впадинах, связанных между собой лишь узкой долиной (указание Стэнли на возможность такого «раздвоения» озера следует признать совершенно справедливым). К эпохам понижения уровня озера, когда значительная часть его современного дна была сушей, было приурочено врезание речных долин, ныне затопленных озерными водами.

Необходимо заметить, что колебания уровня Танганьики могли быть обусловлены не только климатическими осцилляциями, но и тектоническими движениями; относительное значение этих двух факторов при современном состоянии знаний определить невозможно.

Свой современный сток в бассейн Конго через Лукугу оз. Танганьика получило, по-видимому, лишь в очень недавнюю геологическую эпоху. Принято связывать установление этого стока с повышением уровня озера, вызванным переливанием в него избытка вод соседнего оз. Киву [31, стр. 13; 57, стр. 208]. Как известно, Киву — молодое плотинное озеро, возникшее в результате запруживания древней речной сети барьером вулканов Вирунга³. В глубинных водах Киву содержат-

³ Подробнее об этом озере и истории его образования см.: [14].

ся в больших количествах метан и углекислый газ, выделяющиеся при анаэробном бактериальном разложении отмерших органических остатков и удерживаемые в воде в растворенном состоянии высоким гидростатическим давлением. Исходя из величины общих запасов метана и темпов его накопления, Д. Шмиц и Ж. Кюфферат определяют возраст оз. Киву приблизительно в 16 тыс. лет [60, стр. 344]. С этими данными достаточно хорошо согласуются радиоуглеродные датировки найденных в отложениях озерных террас раковин моллюсков, показывающие, что в ходе подъема вод оз. Киву после образования вулканической запруды уровень, близкий к современному, был достигнут около 14 тыс. лет назад, а уровень, расположенный на 120 м выше современного, — около 12,5 тыс. лет назад [48, стр. 230]. Достижение этого последнего, наиболее высокого уровня должно было более или менее непосредственно предшествовать установлению стока Киву в Танганьiku через р. Рузизи. Таким образом, не будет большой ошибкой считать, что прорыв вод Киву в Танганьiku произошел около 10—12 тыс. лет назад, т. е. в самом начале голоцена. Сток Танганьики в Лукугу должен был установиться соответственно в более позднюю эпоху голоцена.

Очень возможно, что перед образованием современного течения Рузизи имела место последняя из упоминавшихся выше крупных регрессий Танганьики с разделением озера на две части. Последующее их объединение было, очевидно, обусловлено именно притоком вод Киву и связанным с ним повышением уровня. Только что приведенные абсолютные датировки показывают, что рассматриваемые события должны были происходить на памяти человека, и поэтому нет ничего удивительного в том, что они запечатлены в преданиях коренного населения. Регрессия озера могла быть приурочена к фазе относительно аридного климата, намечающейся (по данным радиоуглеродного анализа, полученным в различных районах Африки) приблизительно между 12 тыс. и 9 тыс. лет назад [35, стр. 312; 49, стр. 292]. Заметим, что эта регрессия сама по себе, вероятно, способствовала установлению стока Киву в Танганьiku, так как понижение базиса эрозии притоков Танганьики (в том числе Рузизи) должно было активизировать врезание их верховьев и тем самым ускорить перехват замкнутого бассейна Киву.

Согласно А. Капару, нижнее течение Рузизи первоначально проходило несколько западнее, чем в настоящее время, вдоль подножия западного борта грабена. Здесь прослеживается очень широкая заполненная наносами древняя долина, продолжающаяся на дне озера подводной долиной (тогда как перед современным устьем Рузизи подводной долины нет). Причиной недавнего перемещения нижнего течения Рузизи к востоку были, по-видимому, новейшие тектонические движения [33, стр. 1095—1103].

В заключение следует сказать, что, получив в конечном итоге сток в Луалабу (Конго) через Лукугу, оз. Танганьика впоследствии могло временами снова его утрачивать. Вероятно, это было связано либо с климатически обусловленными понижениями водного зеркала озера ниже уровня истока Лукуги, либо с запруживанием Лукуги в результате землетрясений, оползней, обвалов и т. п. Известно, во всяком случае, что такая естественная запруда существовала в долине Лукуги в прошлом веке. Более подробно на этих событиях новейшей истории озера мы остановимся в одном из следующих разделов.

ВОДНЫЙ БАЛАНС

Водный баланс Танганьики рассчитывался неоднократно. Автор наиболее раннего из известных нам расчетов К. Гиллман определил общую величину ежегодного прихода воды в озеро (выраженного в виде слоя) в 1430 мм, из которых на долю осадков, выпадающих на поверхность озера, приходится 900 мм (т. е. около 63%) и на долю стока с бассейна — 530 мм (около 37%). Этот приход более чем на 94% уравновешивается испарением с поверхности озера, составляющим, по оценке Гиллмана, 1350 мм [цит. по: 24, стр. 92; 46].

Расчет А. В. Шнитникова [19, стр. 54] дает несколько большие абсолютные величины всех элементов водного баланса Танганьики (как приходной, так и расходной его части), но соотношения между этими элементами оказываются точно такими же, какие установлены Гиллманом. Согласно А. В. Шнитникову, водный баланс Танганьики имеет следующий вид:

	мм	%
Осадки на поверхность озера	1204	63,0
Речной приток	703	37,0
Весь приход . . .	1907	100,0
Испарение с поверхности озера . . .	1800	94,4
Речной сток	107	5,6
Весь расход . . .	1907	100,0

Приведем данные еще одного расчета водного баланса Танганьики, выполненного Ф. Бюльто [29, стр. 1230]. Расчет сделан для периода 1942—1959 гг.; за это время уровень озера, подверженный многолетним колебаниям, понизился в общей сложности на 0,63 м

	мм	%
Осадки на поверхность озера	1000	57,6
Речной приток	735	42,4
Весь приход . . .	1735	100,0
Испарение с поверхности озера . . .	1696	95,8
Речной сток	74	4,2
Весь расход . . .	1770	100,0

Превышение расхода над приходом (35 мм) соответствует величине среднегодового понижения уровня озера за рассматриваемый период.

Сопоставление относительных величин отдельных элементов водного баланса Танганьики и других крупных озер Западного рифта (табл. 1) обнаруживает определенное сходство Танганьики с озерами Эдуард и Киву. Для приходной части водного баланса всех трех озер характерно преобладание осадков, выпадающих на их поверхность, над притоком воды с бассейна, а для расходной части — преобладание испарения с поверхности озер над стоком. Эти особенности коренным образом отличают указанные три озера от оз. Альберт — типично проточного водоема с резким преобладанием речного притока над осадками в положительной части водного баланса и речного стока над испарением — в отрицательной его части.

Таблица 1

**Соотношение элементов водного баланса озер
Альберт, Эдуард, Киву и Танганьика***

	Приход, ‰		Расход, ‰	
	осадки на поверх- ность озера	речной приток	испарение с поверх- ности озера	речной сток
Альберт	15,6	84,4	25,4	74,6
Эдуард (вместе с оз. Джордж)	60,7	39,3	64,3	35,7
Киву	56,1	43,9	61,0	39,0
Танганьика . .	63,0	37,0	94,4	5,6

* Таблица составлена по данным расчетов Г. Херста для озер Альберт и Эдуард [20, стр. 251], И. Н. Олейникова — для Киву [14, стр. 47] и А. В. Шнитникова — для Танганьики [19, стр. 54].

Наряду с общими чертами структуры водного баланса озер Танганьика, Киву и Эдуард намечается и существенное отличие первого озера от двух остальных. Если относительные величины элементов приходной части баланса у всех трех озер весьма близки друг к другу, этого нельзя сказать об элементах расхода. Действительно, в расходной части водного баланса озер Эдуард и Киву речной сток, хотя и уступает по своему значению испарению, все же играет заметную роль, составляя более $\frac{1}{3}$ общей величины расхода. Напротив, у Танганьики на долю стока приходится лишь ничтожная часть общей величины расхода (около $\frac{1}{20}$); преобладание испарения над стоком в отрицательной части баланса выражено, таким образом, гораздо более резко, чем у озер Эдуард и Киву. Причин этого явления, очевидно, несколько. В их числе можно назвать, во-первых, огромную площадь испаряющей поверхности Танганьики; во-вторых, более пониженное гипсометрическое положение этого озера по сравнению с озерами Эдуард и Киву, определяющее более высокие температуры воздуха и, следовательно, большую интенсивность испарения. Наконец, третьим фактором, обуславливающим «полубессточный» характер Танганьики, следует, по-видимому, считать геоморфологические особенности вытекающей из озера р. Лукуги. Эта река в своем верхнем течении имеет выровненный продольный профиль и, судя по всему, практически не производит глубинной эрозии; поэтому русло ее не только не углубляется, но, наоборот, обнаруживает тенденцию к заполнению продуктами склонового смыва и другим обломочным материалом. Все это должно сильно ограничивать возможности стока озерных вод через Лукугу.

Не мешает заметить, что интенсивное испарение с поверхности Танганьики определяет чрезвычайно низкую величину коэффициента стока Лукуги: последний, по данным Э. Деврея, равен всего 0,034 [41, стр. 113]. Средний многолетний (за 1942—1959) расход Лукуги непосредственно по выходе ее из озера составляет $75 \text{ м}^3/\text{сек}$ [29, стр. 1239]; он почти не отличается, таким образом, от среднего многолетнего (за тот же период) расхода р. Рузизи в месте ее выхода из оз. Киву ($70 \text{ м}^3/\text{сек}$), хотя водосборный бассейн Лукуги превосходит по площади водосбор Рузизи (в обоих случаях имеются в виду водосборы рек в указанных выше створах) более чем в 30 раз.

ГОДОВОЙ УРОВЕННЫЙ РЕЖИМ И МНОГОЛЕТНИЕ КОЛЕБАНИЯ УРОВНЯ ОЗЕРА

Уровеньный режим Танганьики достаточно хорошо известен по данным многолетних наблюдений в Альбертвиле, Бужумбуре, Увире и Кигоме. Наиболее высокие уровни воды в озере устанавливаются в апреле — мае; за этим максимумом следует спад воды вплоть до октября — ноября, когда отмечаются самые низкие уровни, и затем новое повышение уровня вплоть до мая. По данным наблюдений в Альбертвиле за 1918—1959 гг. [43, стр. 430], средние месячные отметки уровня озер характеризуются следующими цифрами (высота в *м* над уровнем моря):

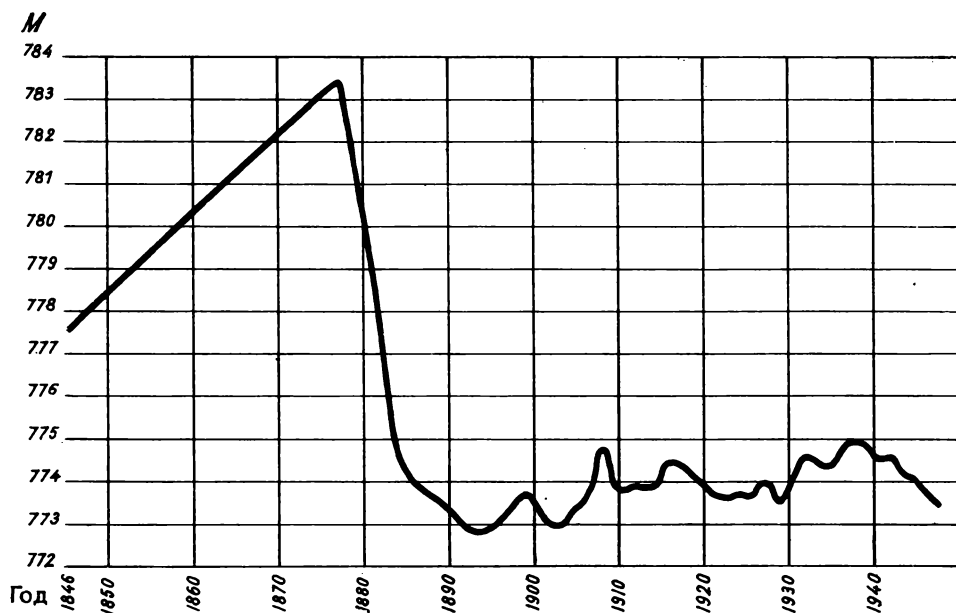
Январь	773,95	Июль	774,17
Февраль	774,04	Август	774,00
Март	774,14	Сентябрь	773,86
Апрель	774,31	Октябрь	773,76
Май	774,42	Ноябрь	773,73
Июнь	774,32	Декабрь	773,81

Сезонные колебания уровня отражают годовой ход осадков в бассейне Танганьики (и в первую очередь осадков, выпадающих на поверхность самого озера): период подъема воды в целом соответствует сезону дождей, период спада — сухому сезону.

Пользуясь данными, приводимыми Ф. Бюльто [29, стр. 1228], можно уточнить, что наивысшие уровни воды в озере наблюдаются в первые дни сухого сезона (на поверхность озера в эти дни уже не выпадает осадков, но, по-видимому, к этому времени до озера добегают последние ливневые паводки на притоках, что приводит к небольшому дополнительному повышению уровня). Наиболее низкие уровни наблюдаются не в конце сухого сезона, как можно было предполагать, а в среднем через три недели после наступления сезона дождей. Это объясняется тем, что количество осадков в первые недели дождливого сезона еще значительно меньше потерь воды на испарение, и только позднее оно становится достаточным, чтобы вызвать подъем уровня озера.

Средняя годовая амплитуда колебаний уровня озера в Альбертвиле за 1918—1959 гг. составила 0,69 *м*. Соответствующий показатель для оз. Киву (Букаву-Дендере, 1934—1959 гг.) равен 0,25 *м*, для оз. Альберт (Махаги-Порт, 1952—1959 гг.) — 0,37 *м*, для оз. Эдуард (Ишанго, 1952—1959 гг.) — 0,24 *м* [43, стр. 445, 464, 468]. Сопоставление этих величин затрудняется различной продолжительностью периодов уровеньных наблюдений.

Большой интерес (в том числе с практической точки зрения) представляет проблема многолетних колебаний уровня Танганьики, неоднократно рассматривавшаяся в литературе [30; 40; 42; 47 и др.]. Хотя систематические наблюдения за уровнем озера ведутся лишь с 1909 г., последовательность изменений уровня с достаточной достоверностью установлена для значительно более длительного периода (по наблюдениям отдельных путешественников и рассказам местных жителей). Согласно Э. Деврею [40], обобщившему все имеющиеся сведения о колебаниях уровня Танганьики в XIX в. и первые десятилетия XX в., начиная по крайней мере с 1846 г. уровень озера постепенно повышался. Причиной этого явления было образование в долине Лукуги, вблизи места ее выхода из озера, естественной плотины (в результате землетрясения или обвала), преградившей путь водам Танганьики. В 1878 г., когда уровень озера достиг отметки приблизительно 784 *м* над уровнем моря (т. е. на 10 *м* выше его современного среднего положения), озерные воды прорвали запруду и вновь стали стекать по долине Лукуги в Луалабу. Вода

Колебания уровня оз. Танганьика с 1846 по 1948 г. (средние годовые отметки уровня) [42, стр. 10]

в озере начала быстро убывать: с 1879 по 1884 г. уровень понижался в среднем более чем на 1 м в год, затем его падение несколько замедлилось, но все же продолжалось вплоть до 1894 г., когда была достигнута минимальная отметка — около 772,5 м над уровнем моря (что соответствует абсолютной высоте истока Лукуги). В последующие годы уровень снова несколько повысился и в начале XX в. занял в общем свое современное положение [40, стр. 30—39]. В дальнейшем его колебания обнаруживают более или менее четко выраженные циклы с полным периодом около 13 лет [30, стр. 1245].

Поскольку после 1878 г. сток озера не прекращался, современные многолетние колебания его уровня, по единодушному мнению исследователей, обусловлены многолетними колебаниями количества осадков; последние в свою очередь иногда связывают с 11-летними солнечными циклами [42, стр. 19]. Самый высокий уровень озера, наблюдавшийся в Альбертвиле с 1918 по 1959 г., соответствовал отметке 775,5 м (5 мая 1938 г.), самый низкий — 772,8 м (23 октября 1950 г.) [43, стр. 430]. Таким образом, амплитуда многолетних колебаний уровня составила 2,7 м.

Очень резким подъемом воды в озере ознаменовалось начало 60-х годов XX в., отличавшееся в Центральной Африке повышенной дождливостью. Так, по Камю, в 1960 г. в ряде пунктов в бассейне Танганьики, характеризующихся средней многолетней нормой осадков немногим более 1100 мм, выпало 1600 мм осадков [30, стр. 1248]. По данным того же автора, с 1961 по 1964 г. уровень Танганьики поднялся на 2,7 м, достигнув отметки 777 м [30, стр. 1245] — более высокой, чем когда-либо после прорыва запруды в долине Лукуги в прошлом веке (соответственно указанная выше цифра абсолютной амплитуды колебаний уровня озера в Альбертвиле с 1918 г. должна быть увеличена примерно до 4 м). Интересно, что отметка 777 м была указана Э. Девреем в 1938 г. как наивысший, теоретически возможный уровень озера в современных условиях [40, стр. 73].

Подъем уровня Танганьики в начале 60-х годов нынешнего столетия

причинил большой ущерб народному хозяйству прилегающих к озеру территорий. Особенно сильно пострадал Альбертвиль, где вода покрыла портовые причалы, затопила склады, мастерские, электростанцию, подъездные железнодорожные пути и проникла в деловые кварталы города. Затоплены были и другие озерные порты — Кигома, Бужумбура, Увира, равно как и многочисленные прибрежные деревни, дороги, плантации и т. п. В конце 1964 г. наметилось ослабление дождей и подъем уровня замедлился; ожидалось (по сообщениям 1965 г.), что в дальнейшем он сменится спадом и уровень озера займет свое нормальное положение [30, стр. 1249].

Крайне отрицательный экономический эффект оказывают не только наводнения, подобные только что описанному или даже менее сильные, но и резкие спады воды (наблюдавшиеся, например, в 1923 и 1950 гг.), во время которых затрудняется доступ судов к причалам озерных портов.

ПОВЕРХНОСТНЫЕ ДВИЖЕНИЯ ВОДЫ В ОЗЕРЕ

В Танганьике отсутствуют постоянные течения, которые в озерах обычно бывают обусловлены впадающими в них или вытекающими из них реками. Как известно, отсутствие таких непрерывных поступательных движений воды вообще свойственно озерам, объем которых весьма велик по сравнению с объемом воды, втекающей и вытекающей из них. [3, стр. 379]. Вместе с тем для озер этой категории, к числу которых принадлежит и Танганьика, характерны временные сгонно-нагонные течения, возникающие под действием ветра. Наибольшей регулярностью на Танганьике отличаются течения, вызываемые в сухой сезон юго-восточными пассатами и направленные в общем из южной части озера в северную. Менее выражено движение воды в противоположном направлении в сезон дождей, вызываемое преобладающими в это время года слабыми и средней силы ветрами северных румбов. Известны также локальные сгонно-нагонные течения, возникающие под действием бризов и горно-долинных ветров.

«Чудная прозрачная светло-голубая вода этого озера, — писал о Танганьике русский путешественник В. В. Троицкий, — иногда бывает ровной, как поверхность небольшого пруда... Но часто на нем поднимается сильное волнение, и тогда озеро темнеет, становится почти черным, громадные волны, пенясь, выбрасываются на берег, и горе тому, кого эта буря захватит на лодке» [18, стр. 57—58]. Устойчивое интенсивное волнение при ясной погоде, порождающее сильный прибой, характерно для сухого сезона, когда оно вызывается пассатами. Что касается внезапных бурь, то они наблюдаются в сезон дождей, при прохождении над озером мощных грозовых фронтов, так называемых «линий шквалов».

Из прочих поверхностных движений воды в озере заслуживают упоминания сейши — стоячие волны, возникновение которых связано с резкими перепадами атмосферного давления; они проявляются в виде очень кратковременных (порядка нескольких минут, иногда часа) подъемов и спадов воды с амплитудой до 10 см [40, стр. 51—52].

ТЕРМИЧЕСКИЙ РЕЖИМ И ЕГО СЛЕДСТВИЯ

Для Танганьики, как и для всех тропических озер (за исключением высокогорных), характерны высокие, мало изменяющиеся в течение года температуры воды, отражающие общие особенности термических

условий низких широт. Вместе с тем существенным отличием Танганьики от большинства других тропических озер является исключительно стабильная температурная стратификация водной массы. Напомним, что в озерах тропиков термическая стратификация обычно либо весьма неустойчива (в силу небольших различий температур по вертикали), либо, если и выражена достаточно хорошо, носит периодический характер, регулярно сменяясь процессами конвективного перемешивания воды и выравнивания температуры во всей массе. Чередование периодов стратификации и циркуляции в определенной мере свойственно и Танганьике; однако же тогда, когда циркуляционные процессы достигают максимального развития, они захватывают только верхние слои озера, глубинные же воды остаются устойчиво стратифицированными. Танганьика, таким образом, относится к озерам меромиктического типа, т. е. таким, в которых ежегодное перемешивание воды идет лишь до определенной глубины. К тому же типу принадлежит и второе по глубине озеро Западного рифта — Киву, в то время как более мелководные озера Альберт и Эдуард являются представителями озер голомиктического типа, воды которых по меньшей мере один раз в год подвергаются полному перемешиванию.

По данным Р. Бьючэмпа [24, стр. 93], температуры в эпилимнионе — поверхностном слое озера, непосредственно нагреваемом солнечной радиацией и испытывающем суточное перемешивание, колеблются в течение года от $+23,8^{\circ}$ до $+26,5^{\circ}$ в северном бассейне Танганьики и от $+23,6^{\circ}$ до $+26,5^{\circ}$ — в южном бассейне. Расположенный ниже эпилимниона слой температурного скачка, обычно хорошо выраженный, варьирует по глубине в северном бассейне от 40 м в наиболее жаркие месяцы до 100 м в более холодное время года; в южном бассейне колебания его положения несколько более значительны. Ниже слоя скачка, в гиполимнионе, температуры, уже практически не обнаруживающие сезонных изменений, медленно понижаются по мере приближения ко дну. На больших глубинах в северном бассейне круглый год сохраняется температура $+23,1^{\circ}$, в южном $+23,0^{\circ}$.

Причины устойчивой стратификации вод Танганьики еще не вполне ясны. Аналогичное явление в оз. Киву объясняется более высокой минерализацией и соответственно большей плотностью воды в глубинных слоях. В случае Танганьики, однако, химические анализы не обнаруживают заметных различий в валовом содержании растворенных солей в поверхностных слоях и на больших глубинах. По предположению Р. Бьючэмпа, одним из факторов, обуславливающих термическую стабильность Танганьики, может быть влияние вод ее притоков, более холодных, чем поверхностные слои озерных вод (так как многие из впадающих в озеро рек, в особенности Рузизи, берут начало в возвышенных районах с менее жарким климатом). Эти относительно холодные воды стекают по крутым подводным откосам ниже слоя скачка и тем самым поддерживают более низкую температуру глубинных вод озера [23, стр. 183—184]. Все же этот фактор вряд ли может считаться главным. Как признает сам автор изложенной гипотезы, маловероятно, чтобы сток притоков Танганьики, годовой объем которого равен всего $1/1500$ общего объема озера, мог производить столь значительный эффект. Более правдоподобным представляется другое объяснение, предложенное Дж. Толлингом [64] для оз. Альберт и, по мнению Р. Бьючэмпа [24, стр. 94], подходящее к условиям Танганьики. Согласно этой гипотезе, понижению температуры глубинных вод способствует происходящее у берегов опускание ниже слоя скачка поверхностных вод озера, охлажденных в ночные часы.

Циркуляционные процессы в озере активизируются только в относительно холодное время года, совпадающее с сухим сезоном (с мая — июня по сентябрь — октябрь), когда температуры эпилимниона понижаются и термические различия между поверхностными и глубинными водами становятся менее выраженными. Понижение температуры поверхностных вод начинается с южной оконечности озера (как более удаленной от экватора) и постепенно распространяется к северу. Согласно Дж. Коултеру [38], в самой южной части озера, характеризующейся сравнительно небольшими глубинами, в это время происходит полное перемешивание воды от поверхности до дна и устанавливается гомотермия. Перемешиванию способствуют господствующие в рассматриваемый период года юго-восточные пассаты, усиленные местными холодными южными ветрами с высоких плоскогорий; наблюдается сгон поверхностных вод на север и непосредственно у берегов — подъем глубинных вод, богатых биогенными элементами. В результате обогащения эпилимниона питательными веществами вблизи южных берегов озера уже в начале сухого сезона (в июне) отмечается обильное развитие фитопланктона. В дальнейшем эти более продуктивные воды сгоняются южными ветрами к северу. Северных берегов озера они достигают только к концу сухого сезона, и соответствующая вспышка развития фитопланктона происходит здесь в сентябре. Смена направлений ветров — с южного на северное — в начале дождливого сезона способствует дальнейшему перемешиванию озерных вод, после чего восстанавливается стабильная стратификация. Добавим, что в первые месяцы сезона дождей (ноябрь — декабрь), уже в условиях устойчивой стратификации, в прибрежной зоне наблюдается новый максимум количества фитопланктона, связанный с усиленным поступлением в озеро обогащенных биогенными элементами вод притоков, расходы которых в это время возрастают.

Необходимо еще раз подчеркнуть, что полное перемешивание водной массы от поверхности до дна происходит только на относительно мелководных участках; в глубоководных зонах описанные выше циркуляционные процессы захватывают лишь верхнюю часть гипolimниона, тогда как в глубинных слоях круглый год господствуют условия стагнации. Ввиду этого растворенным кислородом обогащены и, следовательно, пригодны для жизни только верхние слои озера. Как указывает Р. Бьючэмп, ниже слоя температурного скачка кислород в озерных водах обычно уже не обнаруживается [23, стр. 183]. По подсчетам того же автора, постоянно лишены кислорода и, таким образом, полностью безжизненны $\frac{9}{10}$ всего объема водной массы Танганьики [24, стр. 93].

В лишенных кислорода глубинных водах Танганьики должны, по-видимому, развиваться процессы анаэробного разложения отмерших планктонных организмов, оседающих с поверхности озера в придонные слои. Мы уже имели случай упоминать о том, что в оз. Киву подобные процессы привели к формированию значительных запасов метана, растворенного в озерных водах. Накопление этого природного горючего газа, образующего в Киву месторождение промышленного значения, связано с наличием в глубине озера «мертвого слоя», не участвующего в циркуляции. Аналогичная ситуация, очевидно, может быть и в Танганьике, где существует такой же застойный глубинный слой. Определенных данных о присутствии или отсутствии сколько-нибудь значительных количеств метана в глубинных водах Танганьики не имеется, но во всяком случае, по мнению Р. Бьючэмпа, возможность его накопления не исключена [24, стр. 94].

Всем крупным озерам Западного рифта свойственна повышенная минерализация. Так, среднее содержание растворенных солей в оз. Альберт составляет 0,6 г/л, в оз. Эдуард — 0,8 г/л. Особенно высока концентрация солей в водах оз. Киву: уже в поверхностном слое она составляет 1 г/л (т. е. вода уже может считаться солоноватой), в глубине же доходит до 3,9 г/л [32, стр. 60—61].

Повышенная минерализация рифтовых озер объясняется двумя главными причинами. Первой из них является непрерывное поступление в озера большого количества минеральных соединений, высвобождающихся в ходе вулканической и поствулканической деятельности. Действительно, горная цепь Вирунга — район активного современного вулканизма — в силу своего водораздельного положения входит той или иной своей частью в состав водосборных бассейнов всех больших озер Западного рифта. Что касается поствулканических явлений (термальные и минеральные источники), то они встречаются практически на всем протяжении рифта. Вполне естественно, что наибольшей соленостью среди рифтовых озер отличается Киву, находящееся в непосредственном контакте с действующими вулканами (известны даже случаи подводных извержений в пределах самой озерной акватории).

Второй фактор — интенсивное испарение с поверхности озер в условиях жаркого и более или менее засушливого климата тектонических впадин, лежащих в «дождевой тени» обрамляющих их горных поднятий. Значение этого фактора, очевидно, наиболее велико в случае оз. Танганьика, в водном балансе которого, как мы видели выше, испарение играет особенно важную роль.

Тем не менее общая концентрация растворенных солей в водах Танганьики ниже, чем в других больших озерах Западного рифта. Р. Бьючэмп [23, стр. 183] определяет ее в 420 мг/л. Сходные данные получены и бельгийской гидробиологической экспедицией 1946—1947 гг. Несколько бо́льшая цифра — 598,4 мг/л — указана (без ссылки на источник) в Физико-географическом атласе мира. Однако, даже если исходить из этой величины, Танганьика остается на последнем месте по солености среди крупных рифтовых озер. Можно, по-видимому, согласиться с Р. Бьючэмпом, объясняющим умеренную концентрацию солей в водах Танганьики преимущественной ролью атмосферных осадков в питании озера, низкой минерализацией воды притоков (за исключением Рузизи) и в особенности биологической седиментацией, в результате которой минеральные вещества аккумулируются в донных отложениях и выключаются из общей циркуляции. Если бы не влияние последнего фактора, концентрация солей в озере, по мнению Бьючэмпа, должна была бы к настоящему времени достигнуть насыщения.

Как уже указывалось, этот исследователь считает, что содержание растворенных солей в водах Танганьики в прошлом было меньше, чем сейчас, и повысилось до современного уровня лишь после того, как в озеро начали поступать через Рузизи сильно минерализованные воды Киву. Рузизи действительно очень резко отличается по степени минерализации воды от прочих притоков Танганьики. По данным Ж. Дюбуа, изучившего химический состав воды северных притоков Танганьики (общим числом 51), содержание растворенных солей в водах Рузизи составляет 550—600 мг/л, в то время как во всех остальных обследованных реках оно ниже 100 мг/л (в том числе в 37 реках — ниже 50 мг/л) [44, стр. 1229].

В табл. 2 приведены данные о химическом составе воды Танганьики,

а также о среднем химическом составе воды девяти притоков озера (включая Рузизи). Как видно из этой таблицы, воды Танганьики принадлежат к карбонатному типу (что вообще характерно для пресных озер). С точки зрения классификации озер по ионному составу воды, принятой в Физико-географическом атласе мира, вода Танганьики должна быть отнесена к типу, характеризующемуся избыточным содержанием щелочных катионов ($\text{Na}^+ + \text{K}^+$) по сравнению с суммой ионов сильных кислот ($\text{Cl}^- + \text{SO}_4^{2-}$).

Таблица 2

**Химический состав воды озера Танганьика
и его притоков*,
мг/л**

	В притоках	В озере на глубине 700 м
Натрий Na^+	25,0	64,2
Калий K^+	9,0	33,5
Литий Li^+	0,28	0,8
Кальций Ca^{++}	19,0	15,2
Магний Mg^{++}	17,2	43,7
Железо Fe	<0,1	<0,1
Алюминий Al	0,3	0,3
Хлориды Cl^-	14,0	28,0
Сульфаты SO_4^{--}	8,2	4,0
Нитраты NO_3^-	1,5	1,8
Нитриты NO_2^-	0,003	0,006
Фосфаты PO_4^{--}	0,06	0,6
Силикаты SiO_2	26,0	13,5
Карбонаты CO_3	100,0	207,6
Всего	220,6	413,3

* Источник: [23, стр. 183].

В высшей степени любопытной особенностью химического состава воды Танганьики является необычно высокие для пресной воды отношения хлоридов к сульфатам и магния к кальцию, равные соответственно 7 и 2,9; они близки к значениям тех же отношений в морской воде (7,17 и 3,19). Между тем величины рассматриваемых отношений в воде притоков Танганьики (в среднем) вполне нормальны для пресных вод (1,7 и 0,9). Р. Бьючэмп считает, что причина столь своеобразного состава воды Танганьики заключается все в той же биологической седиментации, выводящей из циркуляции часть ионов [23, стр. 183]. Следует заметить, что высоким содержанием магниезных солей отличается и оз. Киву, а соответственно и р. Рузизи, которая и в этом отношении резко выделяется среди остальных притоков Танганьики (как показывают результаты химических анализов Ж. Дюбуа, отношение магния к кальцию в водах этой реки равно 11,9, т. е. еще выше, чем в Танганьике) [44, стр. 1230].

ГИДРОБИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ И ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ФАУНЫ ТАНГАНЬИКИ

Гидробиологические особенности Танганьики во многом определяются стабильной стратификацией озерных вод. Важнейшим следствием этого является тот факт, что жизнь в озере сосредоточена лишь в верх-

них слоях и полностью отсутствует (за исключением, возможно, анаэробных микроорганизмов) в глубине, где нет кислорода. По данным, полученным бельгийской гидробиологической экспедицией 1946—1947 гг., мощность поверхностного слоя озера, пригодного для обитания рыб, составляет всего 100—230 м [51, стр. 653].

Между тем именно в глубинных слоях озера концентрируются в основном биогенные элементы (азот, фосфор и т. д.). Выше мы уже видели, как частичное выведение вод гипolimниона на поверхность при активизации процессов перемешивания в сухой сезон приводит к бурному развитию фитопланктона. Однако основная масса богатых питательными веществами глубинных вод в циркуляции не участвует и остается неиспользуемой. Таким образом, гидрологические условия сильно лимитируют биологическую продуктивность озера, которая при менее устойчивой стратификации могла бы быть, несомненно, гораздо более значительной. Открытые части озера, расположенные над большими глубинами, носят олиготрофный характер (о чем можно судить уже по весьма высокой в большинстве случаев прозрачности воды), и только узкая, зачастую сходящая на нет полоса прибрежного мелководья, более богатая фитопланктоном и местами отмеченная значительным развитием литоральной растительности, обнаруживает скорее эвтрофные признаки.

Согласно описаниям Ж. Сеймунса [63], фитопланктон пелагической зоны Танганьики образован в основном диатомовыми водорослями, но встречаются и синезеленые водоросли, вызывающие цветение воды. В составе зоопланктона доминируют веслоногие рачки (Copepoda); характерна также медуза *Limnocyda tanganycae*. Зоопланктон Танганьики отличается светобоязнью, и поэтому ему свойственны значительные вертикальные миграции в течение суток, имеющие следствием соответствующие миграции пелагических рыб; в дневные часы на поверхности озера не наблюдается почти никаких признаков жизни, и только с наступлением темноты озерные воды «оживают». В числе пелагических рыб Танганьики заслуживают упоминания в первую очередь планктоноядные ндагала, или дагаа (*Stolothrissa tanganycae* и *Limnothrissa miodon*), из семейства сельдевых, близкие к сардинам. Весьма типичны также питающиеся ндагалой хищные рыбы родов *Lates* и *Luciolates* (в частности, *Luciolates stappersii*) из центропомид и т. д. В литоральной зоне распространены яркоокрашенные хромисы (Cichlidae), приуроченные к биотопам скалистых берегов. К зарослям водных растений тяготеют представители рода *Tilapia* из того же семейства; там же водятся двоякодышащие протоптерусы (*Protopterus aethiopicus*). Из прочих позвоночных в озере встречаются крокодилы, гиппопотамы; многочисленны рыбоядные птицы: пестрые зимородки, бакланы, змеешейки (анхинги) и др.

В целом фауна Танганьики, как уже говорилось, отличается большим видовым богатством и оригинальностью, что связано с древностью озера и особенностями его геологической эволюции. Не задаваясь целью анализа систематического состава танганьикской фауны (такой анализ читатель может найти в неоднократно цитированной нами работе Л. С. Берга, которая, хотя и базируется на материалах полувековой давности, в основе своей сохраняет ценность и в настоящее время), приведем лишь несколько цифр, иллюстрирующих ее крайнее своеобразие. По данным на 1953 г., в составе чрезвычайно богатой ихтиофауны озера (234 вида) насчитывалось 176 эндемиков; в настоящее время известно уже около 250 видов рыб, в том числе 190 эндемичных [21, стр. 356]. Как указывает Ж. Сеймунс, на долю эндемиков приходится в общей сложности около 75% всего состава водной фауны Танганьики. Пелаги-

ческие рыбы эндемичны на 100%, хромисы — на 97, из беспозвоночных: креветки эндемичны на 100, остракоды — на 91, десятиногие раки и веслоногие рачки — на 78, брюхоногие моллюски и губки — на 67% и т. д.

Замечательной чертой танганьикской фауны является сходство многих населяющих озеро животных (в особенности брюхоногих моллюсков) с морскими формами. Это явление объясняется биологической конвергенцией, вызванной «известным сходством обстановки озера с морской, большой глубиной, значительным количеством солей магния» [2, стр. 68].

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОЗЕРА И СВЯЗАННЫЕ С НИМ ПРОБЛЕМЫ

Основными направлениями современного хозяйственного использования вод Танганьики являются судоходство и рыболовство, причем трудно говорить о явном преобладании одного из этих направлений над другим. В рамках экономико-географической классификации внутренних вод Африки, предложенной Ю. Д. Дмитриевским, Танганьика должна занять, по-видимому, промежуточное положение между «водоемами — путями сообщения» и «рыболовными водоемами». Правильнее всего определить Танганьику как «рыболовно-транспортный водоем» (о возможной целесообразности выделения такого промежуточного типа говорит и сам автор упомянутой классификации) [5, стр. 357].

Танганьика образует важное звено международного водно-железнодорожного пути, соединяющего бассейн Конго с Восточноафриканским побережьем. Узловыми пунктами этой транспортной системы, в которых осуществляется перевалка грузов с железной дороги на суда и обратно, служат озерные порты Альбертвиль на западном, конголезском берегу Танганьики, связанный с железнодорожной сетью восточных районов Конго и Катанги, и Кигома на восточном, танзанийском берегу — конечный пункт железнодорожной линии, отходящей от порта Дар-эс-Салам на Индийском океане. Важным транспортным узлом является также расположенный вблизи северной оконечности озера порт Бужумбура, через который проходит подавляющая часть внешнеторгового оборота Бурунди и соседней Руанды, не имеющих выхода к морю; со своим хинтерландом Бужумбура связана автомобильным сообщением. Прочие озерные порты и пристани (Увира, Барака, Пала, Моба, Молиро в Конго, Карема и Кибвеса в Танзании, Мпулунгу в Замбии) менее значительны.

Большинство озерных портов соединено между собой регулярными пароходными линиями, контролируемые действующей в Конго транспортной организацией «Компани де шмен де фер дю Конго сюперьер о Гран Лак африкэн» и восточноафриканской межгосударственной (Танзания, Кения, Уганда) транспортной организацией «Ист африкэн рэйлуэйз». Наиболее видное место в грузообороте озерного транспорта занимают экспортные и импортные перевозки восточных районов Конго, Бурунди и Руанды, ориентирующихся в своих внешнеэкономических связях на морской порт Дар-эс-Салам. Все эти перевозки проходят через Кигому, определяя тем самым ее функции важного транзитного порта. Удельный вес внутренних перевозок также весьма значителен. Во всяком случае, Ю. Д. Дмитриевский в своей классификации водно-транспортных районов Африки считает возможным относить район Танганьики к типу, характеризующемуся примерно одинаковой ролью водного транспорта в обеспечении внутренних и внешних экономических связей [6, стр. 31; 7, стр. 360].

Немаловажное значение имеет и рыбохозяйственное использование вод Танганьики. Главным объектом промысла является ндагала (дагаа); наряду с ней вылавливаются и некоторые другие рыбы, в особенности различные виды *Lates* и *Luciolates*. Специфическая особенность лова ндагалы заключается в том, что он производится ночью, так как только в это время суток рыбные косяки поднимаются к поверхности озера (днем они держатся на глубине более 50 м).

Как и другие большие озера Восточной Африки, Танганьика принадлежит к числу водоемов, в которых «старые местные способы добычи рыбы стоят бок о бок с современными методами» [8, стр. 508—510]. Промышленный лов с применением современной техники получил развитие на Танганьике лишь недавно, начиная с 50-х годов, причем только в Конго и Бурунди. Главными центрами промышленного рыболовства являются Бужумбура, Барака и Альбертвиль. Эта отрасль хозяйства находится в руках европейцев, в особенности греческих колонистов, обосновавшихся в Бужумбуре. Последние перенесли на Танганьiku среднеземноморские методы рабодобычи, отличающиеся высокой продуктивностью, но требующие значительных капиталовложений и поэтому практически недоступные для рыбаков-африканцев. Коренное население берегов озера продолжает практиковать традиционные способы лова, но при этом технические средства его за последнее время несколько усовершенствованы: долбленные деревянные лодки заменяются металлическими; все большее распространение получают нейлоновые сети; вместо разжигания костров для привлечения рыбы во время ночного лова начинают применять керосиновые фонари и т. д. Кустарный рыбный промысел распространен в большей или меньшей степени вдоль всего побережья озера, достигая наибольшего развития в районе Кигомы — Уджиджи в Танзании. Следует заметить, что в большинстве приозерных африканских хозяйств рыболовство играет подсобную роль, сочетаясь с земледелием как главным занятием, и только в некоторых районах (в частности, в Уджиджи) рыбный промысел и торговля рыбой служат основным источником доходов значительной части населения [50, стр. 63]⁴.

В последние годы перед провозглашением независимости Конго общий улов рыбы в конголезской и бурундийской частях озера превышал 30 тыс. т в год (в 1958 г. — 23,4 тыс. в Конго и 9,9 тыс. в Бурунди) [22, стр. 1670]. Размеры улова в танзанийских и замбийских водах менее значительны. В целом, несмотря на заметный рост рабодобычи за послевоенный период (в связи с развитием европейского сектора рыболовства и улучшением техники лова в африканском секторе), потенциальные возможности рыболовства в водах Танганьики используются еще далеко не полностью. Как указывает А. Коллар [36, стр. 1194], этот потенциал может быть определен для всего озера приблизительно в 100 тыс. т рыбы в год. Имеются и более высокие оценки. Так, А. Капар считает, что современные размеры улова в одной только конголезской части озера (порядка 25 тыс. т в год) могут быть увеличены в 10 раз [34, стр. 120].

Основная масса вылавливаемой в озерных водах рыбы расходуется на внутренних рынках соответствующих стран преимущественно в сушеном виде (кроме того, греческими предпринимателями, эксплуатирующими рыбные ресурсы северной части Танганьики, налажена в периоды лова ежедневная отправка автотранспортом свежей рыбы на рынки

⁴ В цитированной работе [50] рассматривается главным образом состояние рыбного промысла в танзанийской части озера. Подробная характеристика кустарного и промышленного рыболовства в конголезских и бурундийских водах дана А. Колларом [36].

Букаву и Бужумбуры). Некоторую часть улова (в африканском секторе) потребляют сами производители. До середины 50-х годов значительная часть (в 1955 г. около $\frac{1}{3}$) улова дагаа в водах Танзании (в то время — британской подопечной территории Танганьики) вывозилась в Конго, но с развитием промышленного рыболовства в конголезских водах размеры экспорта уменьшились [50, стр. 62].

Все сказанное выше подтверждает правильность отнесения Танганьики Ю. Д. Дмитриевским (в разработанной им схеме классификации рыбохозяйственных районов Африки) к числу районов товарно-потребительского рыболовства с заметными элементами современной техники и поглощением товарной продукции внутри рыбодобывающих стран [8, стр. 509].

В заключение уместно упомянуть о некоторых проблемах технического порядка, связанных с хозяйственным использованием вод Танганьики.

Первой и наиболее актуальной из них является проблема стабилизации уровня озера, резкие колебания которого, как мы видели, могут приводить к весьма пагубным для хозяйства последствиям, в частности к полной дезорганизации работы озерных портов. Эта проблема может быть решена путем регулирования сбросов озерных вод через Лукугу, для чего необходимо проведение дноуглубительных работ в русле реки и сооружение плотины. Помимо уменьшения амплитуды колебаний уровня Танганьики эти гидротехнические мероприятия способствовали бы улучшению условий судоходства на Луалабе. Подобные предложения высказывались уже не раз (в частности, в цитированных нами выше трудах видного бельгийского инженера-гидролога Э. Деврея), но до сих пор в этом направлении практически ничего не сделано, если не считать проведенных в 1937—1941 гг. работ по расчистке русла Лукуги от наносов и водной растительности, давших благоприятные результаты, но в дальнейшем прекращенных.

Разрушительный эффект катастрофических наводнений 1961—1964 гг. привлек, однако, к «проблеме Танганьики» более пристальное внимание, и в апреле 1964 г. в Бужумбуре состоялась специальная международная конференция по Танганьике, в которой приняли участие Бурунди, Конго (Киншаса), Танганьика (ныне Танзания) и Северная Родезия (ныне Замбия). Конференция высказала рекомендацию заинтересованным странам об учреждении постоянной международной комиссии по оз. Танганьика. Была признана отвечающей интересам всех прилегающих к озеру стран стабилизация уровней (благодаря регулированию стока Лукуги) на отметках 773,5—775 м (по шкале водомерного поста Альбертвиля). Проведению соответствующих работ должны предшествовать углубленные и дорогостоящие технические изыскания, для чего в первую очередь необходимо решение финансовой стороны вопроса [30, стр. 1253—1254].

Вторая проблема заключается в изыскании возможностей увеличения биологической продуктивности озера. Она еще не приобрела остроты, поскольку, как подчеркивалось выше, даже те рыбные ресурсы, которыми Танганьика располагает в существующих условиях, используются пока что недостаточно. Тем не менее интерес к этой проблеме проявляется исследователями довольно давно, и некоторые пути повышения биологической продуктивности озерных вод уже намечены. Так, по мнению Р. Бьючэмпа, увеличению продуктивности Танганьики могло бы способствовать проведенное в широких масштабах ирригационное использование впадающих в озеро рек: в оросительных каналах с медленным течением вода притоков должна была бы постепенно нагреваться, и

в дальнейшем, при сбросе этой воды в озеро, она не опускалась бы в глубину, а смешивалась с поверхностными водами Танганьики, обогащая их питательными веществами (особую ценность в этом отношении представляют высокоминерализованные воды Рузизи). С другой стороны, прекращение притока относительно холодных речных вод в придонные слои озера могло бы в некоторой степени ослабить устойчивость термической стратификации водной массы Танганьики и тем самым привести к дополнительному повышению биологической продуктивности [23, стр. 184; 24, стр. 97].

Совершенно новые перспективы использования вод Танганьики могут открыться в случае обнаружения в глубинных слоях озера промышленных запасов метана. Сравнительная несложность добычи газа с технической точки зрения доказана бельгийскими инженерами, изучавшими метановое месторождение оз. Киву [26, см. также: 15]. Эксплуатация ресурсов метана не только имела бы важное экономическое значение сама по себе, но, как отмечает тот же Р. Бьючэмп [24, стр. 97—98], могла бы оказать в высшей степени благоприятное влияние на биологическую продуктивность озера, поскольку в ходе добычи газа на поверхность в больших количествах выводились бы глубинные воды, богатые биогенными элементами.

ЛИТЕРАТУРА

1. «Африка. Энциклопедический справочник», т. 2, М., 1963.
2. Берг Л. С., Сравнение озер Байкала и Танганьики, — «Известия Географического института», Пг., 1922, вып. 3.
3. Великанов М. А., Гидрология суши, Л., 1964.
4. Дикси Ф., Великие африканские разломы, перев. с англ., М., 1959.
5. Дмитриевский Ю. Д., Об экономико-географической классификации внутренних водоемов Африки, — «Известия Всесоюзного географического общества», Л., 1957, т. 89, вып. 4.
6. Дмитриевский Ю. Д., Некоторые аспекты использования водных ресурсов Африки, — «Известия АН СССР», серия географическая, М., 1962, № 3.
7. Дмитриевский Ю. Д., Внутренний водный транспорт Африки (общая характеристика), — «Ученые записки Вологодского пединститута», Вологда, 1962, т. 27.
8. Дмитриевский Ю. Д., Некоторые вопросы географии ихтиофауны и рыболовства во внутренних водах Африки, — «Известия Всесоюзного географического общества», Л., 1963, т. 95, вып. 6.
9. Каэн Л., Геология Бельгийского Конго, перев. с франц., М., 1958.
10. Келлер Р., Воды и водный баланс суши, перев. с нем., М., 1965.
11. Колотухина С. Е., Основные черты тектонического развития Африки в докембрии, — «Известия АН СССР», серия геологическая, М., 1964, № 4.
12. «Краткая географическая энциклопедия», т. 5, М., 1966.
13. Моретт Ф., Экваториальная, Восточная и Южная Африка, перев. с франц., М., 1951.
14. Олейников И. Н., Озеро Киву, — «Доклады Восточной комиссии Географического общества СССР», Л., 1966, вып. 3.
15. Олейников И. Н., Метановое месторождение озера Киву, — «Геология нефти и газа», М., 1966, № 2.
16. Семенович Н. И., Гидрология озера Танганьика, — «Природа», М., 1948, № 3.
17. Троицкий В. В., Поездка в Центральную Африку с 21 февраля 1912 г. до 27 марта 1914 г., — «Ежегодник Зоомузея Академии наук», Пг., 1915, т. 20.
18. Троицкий В. В., Путешествие в страну чернокожих, М.—Л., 1928.
19. Физико-географический атлас мира, М., 1964.
20. Херст Г., Нил, перев. с англ., М., 1954.
21. «A Review of the Natural Resources of the African Continent», UNESCO, Paris, 1963.
22. «Aperçu sur la pêche lacustre et fluviale au Congo belge et au Ruanda-Urundi», — «Bulletin agricole du Congo Belge et du Ruanda-Urundi», Bruxelles, 1959, vol. 50, № 6.
23. Beauchamp R. S. A., Lake Tanganyika, — «Nature», London, 1946, vol. 157, № 3981.

24. Beauchamp R. S. A., The Rift Valley Lakes of Africa, — «Verhandlungen der Internationalen Vereinigung der theoretischen und angewandten Limnologie», Stuttgart, 1954, 15, № 1.
25. Bishop W., Quaternary Geology and Geomorphology in the Albertine Rift Valley, Uganda, — «Geological Society of America. Special Papers», Baltimore, 1965, № 84.
26. Borgnietz G., Données pour la mise en valeur du gisement de méthane du lac Kivu, — «Mémoires. Académie royale des sciences d'outre-mer. Classe des sciences techniques, nouvelle série» (MARSO), Bruxelles, 1960, t. 13, fasc. 3.
27. Boutakoff N., Une nouvelle considération confirmant l'écoulement primitif du lac Kivu vers le nord, — «Bulletin de la Société belge de géologie, de paléontologie et d'hydrologie», Bruxelles, 1933, t. 43, fasc. 1.
28. Boutakoff N., Sur l'écoulement vers le nord du lac Tanganika au Pléistocène, — «Bulletin de la classe des sciences. Académie royale de Belgique», Bruxelles, 1937, t. 23, № 7.
29. Bultot F., A propos de l'évaporation du lac Tanganika, — «Bulletin des séances. Académie royale des sciences d'outre-mer», Bruxelles, 1965, t. 11, fasc. 4.
30. Camus C., Fluctuations du niveau du lac Tanganika, — там же.
31. Capart A., Sondages et carte bathymétrique, — «Exploration hydrobiologique du lac Tanganika (1946—1947)», vol. 2, fasc. 2, Bruxelles, 1949.
32. Capart A., La mission belge d'exploration aux lacs Kivu, Edouard et Albert, Congo Belge, 1952—1954, — «Association Internationale d'hydrologie scientifique. Assemblée générale de Rome 1954», t. 3.
33. Capart A., Les déplacements récents de l'estuaire de la Ruzizi, affluent du lac Tanganika, — «Bulletin des séances. Académie royale des sciences coloniales» (BSARSC), Bruxelles, 1955, t. 1, fasc. 6.
34. Capart A., Le potentiel biologique des lacs du Congo, — «Bulletin mensuel. Centre belge d'étude et de documentation des eaux», 1959, № 100.
35. Clark J. D., Carbon 14 Chronology in Africa South of the Sahara, — «Annales. Musée royal de l'Afrique Centrale, série in-8°, Sciences humaines», Tervuren, 1962, № 40.
36. Collart A., Pêche artisanale et pêche industrielle au lac Tanganika, — «Bulletin agricole du Congo Belge», Bruxelles, 1958, vol. 49, № 5.
37. Cooke H. B. S., Observations Relating to Quaternary Environments in East and Southern Africa, — «Transactions of the Geological Society of South Africa», Johannesburg, 1957, annex. to vol. 60.
38. Coulter G. W., Hydrological Changes in Relation to Biological Production in Southern Lake Tanganyika, — «Limnology and Oceanography», Washington, 1963, vol. 8, № 4.
39. Cunningham W. A., The Fauna of the African Lakes. A Study in Comparative Limnology with Special Reference to Tanganyika, — «Proceedings of the Zoological Society of London», 1920.
40. Devroey E., Le problème de la Lukuga, exutoire du lac Tanganika, — «Mémoires. Institut royal colonial belge. Section des sciences techniques» (MIRCB), Bruxelles, 1938, t. 1, fasc. 3.
41. Devroey E., Le bassin hydrographique congolais, spécialement celui du bief maritime, — MIRCB, 1941, t. 3, fasc. 3.
42. Devroey E., A propos de la stabilisation du niveau du lac Tanganika et de l'amélioration de la navigabilité du fleuve Congo (bief moyen du Lualaba, Kindu — Ponthierville), — MIRCB, 1949, t. 5, fasc. 3.
43. Devroey E., Annuaire hydrologique du Congo et du Ruanda-Urundi, 1959, — MARSO, 1961, t. 14, fasc. 1.
44. Dubois J. Th., Composition chimique des affluents du nord du lac Tanganika, — BSARSC, 1958, t. 4, fasc. 6.
45. Dubois J. Th., Evolution de la température, de l'oxygène dissous et de la transparence dans la baie nord du lac Tanganika, — «Hydrobiologia», Haag, 1958, vol. 10.
46. Gillman C., Hydrology of Lake Tanganyika, — «Geological Survey Department of Tanganyika Territory. Bulletin № 5», Dar-es-Salam, 1933.
47. Heinrichs G., Les fluctuations du niveau du lac Tanganika, — «Bulletin des séances. Institut royal colonial belge», Bruxelles, 1936, t. 7, fasc. 2.
48. Heinzelin J. de, Les formations du Western Rift et de la cuvette congolaise, — «Annales. Musée royal de l'Afrique Centrale, série in-8°, sciences humaines», 1962, № 40.
49. Heinzelin J. de, Observations on the Absolute Geochronology of the Upper Pleistocene, — in: «African Ecology and Human Evolution», Chicago, 1963.
50. Livingstone J., The Fishing Industry of Lake Tanganyika, — «South African Journal of Economics», Pretoria, 1962, t. 30, № 1.
51. «Livre blanc. Apport scientifique de la Belgique au développement de l'Afrique Centrale», t. 2. Bruxelles, 1962.
52. Marlier G., Reflexions sur l'origine probable du lac Kivu, — BSARSC, 1958, t. 4, fasc. 4.

53. Maurette F., Les variations du niveau du Tanganika et la vallée de la Loukouga, — «Annales de géographie», Paris, 1921, t. 30, № 164.
54. Moore J. E. S., The Tanganyika Problem, London, 1903.
55. Peeters L., Contribution à l'étude de la genèse du lac Kivu, — «Bulletin de la Société belge d'études géographiques», Bruxelles, 1957, t. 26, № 1.
56. Robert M., Le Congo physique, Liège, 1946.
57. Robert M., Géologie et géographie du Katanga y compris l'étude des ressources et de la mise en valeur, Bruxelles, 1956.
58. Salée A., Le détournement du lac Tanganika, — «Annales de la Société scientifique de Bruxelles», 1927, t. 47, série B, fasc. 4.
59. Salée A., Le Kivu et le fossé des Grands Lacs africains, — «Revue des questions scientifiques», Louvain, 1930, t. 49.
60. Schmitz D. M., Kufferath J., Problèmes posés par la présence de gaz dissous dans les eaux profondes du lac Kivu, — BSARSC, 1955, t. 1, fasc. 2.
61. Sluys M., Une liaison du Tanganika vers le Kivu a-t-elle jamais existé? Le cours de la Ruzizi a-t-il été inversé? — BSARSC, 1958, t. 4, fasc. 7.
62. Stappers L., Sondages dans le lac Tanganyika, — «La Revue congolaise», 4-e année, Bruxelles, 1913—1914.
63. Symoens J. J., Le Lac Tanganika, — «Naturalistes belges», 1956, t. 37, № 11—12.
64. Talling J. F., Origin of Stratification in an African Rift Lake, — «Limnology and Oceanography», Washington, 1963, vol. 8, № 1.
65. Weis G., Le pays d'Uvira. Étude de géographie régionale sur la bordure occidentale du lac Tanganika, — «Mémoires. Académie royale des sciences coloniales. Classe des sciences naturelles et médicales, nouvelle série», Bruxelles, 1959, t. 8, fasc. 5.
66. Willis B., East African Plateaus and Rift Valleys, Washington, 1936.

М. Б. Рабинович

**МОНОПОЛИСТИЧЕСКИЙ КАПИТАЛ В ЮЖНОЙ АФРИКЕ
И АКТИВИЗАЦИЯ БРИТАНСКОЙ КОЛОНИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ
В КОНЦЕ XIX ВЕКА**

На рубеже двух столетий на юге Африканского материка началась борьба огромной Британской империи против двух маленьких бурских республик. Трагическая цепь событий, приведших к кровавой развязке, включает и долголетнюю борьбу буров за свое национальное самоопределение, и британскую политику окружения бурских республик, и историю развития англо-германских противоречий, и многое другое.

В предысторию англо-бурской войны входят также возникновение и рост на южноафриканской территории (после открытия алмазных и золотых месторождений) сильных капиталистических монополий, которые толкали правительство Великобритании на политические авантюры и неумолимо приближали момент столкновения. В настоящей статье внимание фиксируется именно на этом вопросе, без которого немисливо понять причины кровавой схватки в Южной Африке, названной В. И. Лениным (наряду с испано-американской) первой империалистической войной.

Ко второй половине XIX в. хозяйственный строй Южной Африки, казалось, установился надолго. Ничто не предвещало больших перемен.

Скотоводство было основным занятием южноафриканских колонистов. Климат, неблагоприятный для полеводства, огромные, очищенные от коренного населения земельные пространства, возможность быстрого увеличения стада за счет прямого ограбления туземцев — все это создало благоприятные условия для животноводческого хозяйства, притом крупного. Эти же причины определили и экстенсивный характер южноафриканского скотоводства.

Земледелие играло сугубо вспомогательную роль. Климатические условия, отсутствие средств у первых эмигрантов, узкий внутренний рынок (солдаты, колониальная администрация, ремесленники и нищие негры), бездорожье — все это препятствовало развитию крупного товарного земледелия.

Юг «черного континента» словно был осужден на прозябание. К тому же с предстоящим открытием Суэцкого канала путь в Индию должен был пройти в стороне от мыса Доброй Надежды, и Кейптауну, а с ним всему хинтерланду грозило превращение в отдаленную, захолуст-

ную окраину Британской империи. И в это время неожиданно произошло то, что многие впоследствии называли вторичным открытием Южной Африки для европейцев. Это — находка алмазов в Западном Грикваленде и немного позднее — золота в Трансваале.

Жарким летом 1867 г. внимание странствующего торговца привлекло несколько блестящих камешков, которыми играл ребенок бурского фермера. Он нашел их, бродя со стадом овец и быков в районе фермы Поля Дютуа. Один из камней оказался великолепным алмазом более чем в 21 карат. Его продали за 500 ф. ст. Вскоре нашли еще несколько уникальных камней, в том числе и знаменитый бриллиант «Солнце Южной Африки».

«Это то основание, на котором будет воздвигнуто будущее Южной Африки», — сказал один из английских государственных деятелей при виде первого камня, привезенного в Кейптаун.

Начались лихорадочные поиски алмазов. Фермеры из соседних, а затем из более отдаленных районов хлынули на север, в Грикваленд, не смущаясь трудностями и длительностью пути. Жажда наживы поборолла все.

Одним из первых тронулся из Наталя отряд под командой капитана Ролльстона. Это было в начале 1870 г. С отрядом шел и Герберт Родс, старший брат будущего алмазного короля. За легким богатством двинулись не только англичане (их было, конечно, большинство). Алмазная лихорадка охватила представителей самых различных национальностей: немцев, голландцев, русских, евреев, португальцев, бельгийцев. Сравнительно немного было французов: помешали франко-прусская война [16, стр. 41—42]¹ и последовавшие за ней события. Позднее французские финансисты были поглощены займовыми операциями в связи с наложенной на страну контрибуцией, а промышленники — от крупных до мелких — восстановлением послевоенных разрушений.

Очень скоро стало ясно, что находка камней не случайность, что алмазносная почва сулит огромные перспективы. Алмазы содержала не только земля фермы Дютуа, они оказались и на ферме Де Беерс и на других участках. Одним из богатейших явилось место, где впоследствии была сооружена шахта Кимберли².

Быстро возросла стоимость земли в этих районах. Если прежде земля шла по 3—6 пенсов за акр (причем было мало надежды, что покупатель найдется), то к началу 1871 г. лучшие участки стоили уже до 4 тыс. ф. ст. И это не было пределом. Спекуляция земельными участками возрастала пропорционально добыче алмазов.

Появились бесчисленные мелкие шахты. Вокруг месторождений выросли населенные пункты — в будущем г. Кимберли.

Небольшая территория в Западном Грикваленде неожиданно получила колоссальную ценность.

Раньше никто не оспаривал принадлежность этих земель к Оранжевой Республике. Теперь же Британия предъявила свои права. Из сейфов британского министерства колоний были извлечены на свет божий и предъявлены «неоспоримые права» на эту территорию африканского вождя Уотербура, который заявил при этом, что он находится под анг-

¹ Нельзя, конечно, согласиться с автором, полностью отрицающим какое бы то ни было участие французов и французских капиталов в алмазной промышленности Южной Африки.

² С 1872 г. до этого времени место называлось Vooruitzicht, но лорд Кимберли объявил это название неудобным для произношения и в течение некоторого времени участок называли New Rush. Потом снова, и на этот раз окончательно, переименовали в честь бывшего министра колоний в Кимберли.

лийским протекторатом. Бурские колонисты тоже нашли своих туземных статистов. Президент Трансвааля Преториус заявил протест, ссылаясь на то, что алмазоносная территория принадлежала «кафрским вождям», владения которых были включены в пределы Южно-Африканской Республики [7, стр. 22; 13, стр. 119—122]³. Президент Оранжевой Республики также отстаивал свои права. По настоянию британского правительства вопрос был передан на третейское разбирательство. Арбитр — губернатор Наталя Кит, понятно, решил дело в пользу Уотербура, иными словами, в пользу Англии. В октябре 1871 г. губернатор Капской колонии сэр Генри Беркли официально объявил об аннексии «бриллиантовых полей». Протесты Трансвааля ни к чему не привели. В 1876 г. после шестилетней волокиты Оранжевая Республика получила денежную компенсацию в 90 тыс. ф. ст., т. е. в размере недельной стоимости добычи алмазов. Таким образом, Англия сделалась владельницей крупнейших в мире алмазных месторождений.

Открытые в самом конце 60-х годов XIX в. и начавшие эксплуатироваться еще позднее «алмазные поля» проделали за какие-нибудь 15 лет всю эволюцию капитализма — от свободной конкуренции многочисленных предпринимателей до монополии, до финансового капитала. На небольшом клочке южноафриканской земли как в зеркале отразились все этапы капиталистического развития, притом в чрезвычайно чистом, почти классическом виде. Неизбежная при капитализме «неравномерность и скачкообразность в развитии отдельных предприятий, отдельных отраслей промышленности, отдельных стран» [1, стр. 359] проявилась и здесь. Концентрация алмазной промышленности, возникшей позже, чем другие отрасли английской индустрии, закончилась в наикратчайший срок образованием одной из наиболее ранних и прочных монополий не только среди британских, но и мировых. Монополизация алмазной промышленности сказалась и на возникшей позднее южноафриканской золотопромышленности, а следовательно, и на всей тесно связанной с этим золотом истории Южной Африки, на всех событиях вплоть до 1899 г., когда раздалась выстрелы, возвестившие начало одной из первых схваток за передел мира — англо-бурской войны.

История монополизации добычи алмазов в районе Кимберли неотделима от биографии крупнейшего британского империалиста и колонизатора Сесилия Родса, и поэтому нельзя, говоря об алмазах, не писать о Родсе.

Сесиль Родс — капский Наполеон, Колосс Родосский, африканский Клайв, созидатель империи, новый Кортес и Писарро — как только ни называли, с кем только ни сравнивали эту действительно колоритную среди английских империалистов фигуру. «Мы живем еще в веке, когда возможны герои. Один из наиболее славных героев живет среди нас. Наши внуки с завистью будут говорить про вас: как они счастливы; они были современниками великого Сесилия Родса!» [2, 1899, № 10, стр. 79].

20 лет спустя не менее восторженный отзыв оставил об этом сыне пуританского пастора, которого «только географические карты могли приводить в своего рода поэтический экстаз», прагматист Освальд Шпенглер. Он писал со свойственным для него смешением прошедших и сочинением новых, надуманных эпох, что «Родс — это первый пред-

³ Президент Трансвааля Крюгер, отстаивая трансваальские «права», забывает, что речь, собственно говоря, идет о территории, не принадлежащей ни бурам, ни англичанам, и что вопрос касается лишь первенства захвата.

шественник типа западного Цезаря», стоящий где-то «посредине между Наполеоном и людьми насилия ближайшего столетия, подобно тому, как между Александром и Цезарем стоял... Фламиний» [5, стр. 36—38]. Г. Ферреро, Э. Майер также сравнивали Родса с Юлнем Цезарем.

Но нельзя ограничиться отзывами лиц, разделявших взгляды Родса и содействовавших проведению их в жизнь, или кликами джингоистской толпы, обманутой и увлеченной империалистическими призывами. Не должны мешать нашему пониманию облика Родса его действительно огромные способности, таланты, энергия, ум и смелость. Он выделяется из толпы биржевых спекулянтов, к которым сам принадлежал, промышленников, крупнейшим представителем которых он являлся, колониальных политиков, далеко уступавших ему в размахе, последовательности, с какими он проводил свои взгляды.

Родс всегда говорил, что кроме стремления к вящей славе Англии (о чем не без доли истины пишут его биографы) им двигали еще и другие причины — решение социального вопроса: захват колоний, создание гигантской империи, поглощающей избыточное население британских островов, постепенное подчинение всего мира сначала экономическому, а затем и политическому главенству англичан, этой, по его выражению, «первой расы» на земле. А поскольку англичане — лучшие люди на земле, то, делает своеобразный вывод Родс, чем большую часть земного шара будут они заселять, тем будет лучше для человечества. «Я буду работать для того, — говорил сам Родс, — чтобы способствовать Британской империи подчинить английскому правительству весь нецивилизованный мир и воссоединить Англию и Соединенные Штаты, чтобы слить англосаксонскую расу в одну империю» [7, стр. 51].

Эта империалистическая идея находила настойчивое отражение в многочисленных завещаниях Родса, которые сделались формой изложения его колонизаторских планов. Уже в первом своем завещании (1877 г.) он оставил поистине незабываемые строки, продиктованные стремлением к империалистическим захватам, к безграничному расширению («расширение — это все!»), соединенному с пылким темпераментом. Деньги и энергия, писал Родс, «должны быть направлены... для основания, развития и движения секретного общества, истинным намерением и целью которого должно быть распространение британского владычества в мире, усовершенствование системы эмиграции из Соединенного Королевства и колонизация британскими подданными всех стран, где средства существования благоприятны для их энергии, труда и предприимчивости, а особенно для занятия британскими поселенцами». И далее следует детальное перечисление будущих районов английской колонизации. Это внутренний континент Африки, Палестина, долина Евфрата, острова Кипр и Крит, вся Южная Америка, все острова Тихого океана («не занятые еще Великобританией», оговаривается Родс), а также Малайский архипелаг и береговые полосы Китая и Японии. В конечном счете и Соединенные Штаты Америки должны стать составной частью Британской империи, которая, следовательно, превратится в такую могущественную державу, «которая сделает в дальнейшем войны невозможными и будет способствовать развитию лучших интересов человечества» [17, стр. 68—69].

Любопытно заметить, что эта программа, вышедшая из-под пера «империалиста-романтика», явилась путеводной звездой для английских реальных политиков (к которым, кстати сказать, несмотря на свой романтизм, принадлежал и Родс), чем-то вроде английского «плана Танака». Уже через год был захвачен о-в Кипр, позднее Британия делала и другие захваты (долину Евфрата, Палестину и т. д.). Но слишком гроз-

ными были препятствия на этом пути, поэтому значительная доля «родсовского плана» осталась на бумаге и лишь в виде недостижимой мечты тревожила английских правителей как до, так, тем более, после войны 1914—1918 гг.

Осуществление своих планов Родс считал наилучшим путем разрешения социального вопроса и спасения 40 млн. англичан при помощи порабощения и истребления миллионов представителей других народов. В. И. Ленин в работе «Империализм, как высшая стадия капитализма» отметил эту черту родсовского империализма. Ленин напомнил разговор Родса с журналистом Стэдом, которому Родс сказал: «Я был вчера в лондонском Ист-Энде (рабочий квартал) и посетил одно собрание безработных. Когда я послушал там дикие речи, которые были сплошным криком: хлеба, хлеба, я, идя домой и размышляя о виденном, убедился более, чем прежде, в важности империализма... Моя заветная идея есть решение социального вопроса, именно: чтобы спасти сорок миллионов жителей Соединенного Королевства от убийственной гражданской войны, мы, колониальные политики, должны завладеть новыми землями для помещения избытка населения, для приобретения новых областей сбыта товаров, производимых на фабриках и в рудниках. Империя, я всегда говорил это, есть вопрос желудка. Если вы не хотите гражданской войны, вы должны стать империалистами» [1, стр. 376]. Такова циничная в своей откровенности защита империализма Родсом.

Но вернемся к тому времени, когда Сесиль Родс 17-летним юношей прибыл в Африку. Он высадился 1 сентября 1870 г. в порту Дурбан, где жил его старший брат Герберт. Состояние здоровья заставило Родса переменить английский климат на сухой, целительный, южноафриканский. Полезным оказалось длительное морское путешествие, а сельские работы на свежем воздухе окончательно укрепили его организм. Вскоре Сесиль Родс остался один. Его брат, увлеченный общим потоком, отправился за алмазами. Весь Наталь умчался на запад за драгоценными камнями, а Сесиль Родс продолжал заниматься сельским хозяйством. Он пытался выращивать хлопок, входил в детали хлопководства, хозяйства зулусов, севооборота, цен на рынке; он покупал небольшие участки земли в выгодных местах. Уже с первых шагов юноши Родса виден будущий делец, умеющий смотреть далеко вперед. Любопытно отметить, что Родс давал деньги африканцам взаймы, когда тем требовалось платить за аренду. Им руководил не альтруизм. «Если дать им деньги, — говорил Родс, — то они придут и отработают... Кафры более безопасны, чем Английский банк» [7, стр. 41]⁴.

Спустя несколько месяцев, собрав урожай хлопка, Сесиль Родс отправился к брату. Его запряженная быками повозка медленно двигалась на северо-запад через Колензо, Драконовые горы, Гаррисмит и Блумфонтейн, пока наконец (на исходе ноября 1871 г.) он не добрался до алмазных полей.

Герберт Родс купил небольшой участок в районе Кимберлийской шахты. Будучи по натуре скитальцем, он передал участок младшему брату, а сам отправился в глубь Африки, на север, в поисках золота и новых впечатлений⁵. Молодой Сесиль Родс снова остался один. Он работал на участке брата и присматривался к окружающей обстановке. Иногда отлучался в более или менее далекие поездки. Во время этих странствий Родс поближе познакомился с той огромной территорией,

⁴ В этом корни того «хорошего отношения» Родса к туземцам, о котором пишут его многочисленные биографы-апологеты.

⁵ Он умер в 1879 г. во время одного из своих странствований.

которая лежала в глубине «черного материка» и которой суждено было сделаться полем его деятельности. В середине 1872 г. Сесиль Родс покупает у брата участок, ставший вскоре исходной точкой его богатства и карьеры.

Добыча алмазов переживала тогда свою начальную стадию. Тысячи «диких» искателей, стремясь обогатиться, бессистемно рылись в «голубой глине». Больше одного участка размером около 100 кв. м иметь не разрешалось. В действительности участки были еще меньше: надо было оставлять полосу земли для прохода. Часто они дробились на половины, четверти, восьмые и даже на шестнадцатые величиною не более 4 кв. м. Только одна кимберлийская копь — наиболее богатая и тщательно разрабатывавшаяся — имела 1600 владельцев [3, стр. 199]. Родс как-то в письме к матери сравнил изрытую поверхность алмазных полей с сыром. Чем дальше тысячи мелких владельцев врезались в глубь почвы, тем труднее становилось не затрагивать собственность соседа. Такое дробление не могло долго продолжаться. По мере углубления работ дороги между участками превратились в узкие высокие и опасные стены. Обвалы стали частым явлением. Это иногда заставляло владельцев участков объединяться. Кризис 1873 г. (вернее, депрессия, которая последовала за ней) сказался на сбыте, а следовательно, и добыче алмазов и ускорил процесс укрупнения участков. В июле 1874 г. разрешили одному лицу владеть десятью участками. Еще через два года, 25 ноября 1875 г., были отменены всякие ограничения и открылось свободное поле для самых различных комбинаций.

Родс, деливший время между Южной Африкой и Оксфордским университетом, незадолго до этого организовал свою первую компанию. В разгар кризиса 1873 г. он соединяет свой участок с участком Чарлза Радда, потом компаньоны прикупают кусок Роберта Грахама, а также участки некоторых других алмазоискателей. Так в 1874 г. возникла компания, названная Родс, Радд и Андерсон. Подобных объединений было много; все они были слабы в финансовом отношении.

Сам Родс пользовался малейшей возможностью для увеличения своего капитала. Он покупал небольшие участки или арендовал их на условии предоставления половины добычи алмазов их владельцам. Из Оксфорда он писал своему поверенному письмом, в которых просил купить те фермы, где есть каменный уголь. Он сам скупал железнодорожные акции. Запасаясь несколькими старыми помпами и прикупив потом новые, Родс заключал выгодные договоры на откачку воды из шахт. Так шли месяцы и годы, заполненные то лихорадочной деятельностью в Южной Африке, то лекциями и экзаменами в Оксфордском университете.

В 1880 г. пришел первый крупный успех. Постепенно накапливая силы, Родс к этому времени добился слияния своих участков с долями Радда, Грахама, Стоу, Комптона и Инглиша. Это были все владельцы участков в месторождениях, расположенных на территории бывшей фермы Де Беерс, сохранившей это голландское название. Компаньоны поставили себе целью объединить в своих руках все участки этого богатого месторождения, для чего 1 апреля 1880 г. была основана «Компания Де Беерс» (De Beers Mining Company) с капиталом в 200 тыс. ф. ст. Обязанности учредителей были строго определены. Они должны были, пользуясь всяким случаем, экономя каждый пенни, скупать участки или пай в участках в первую очередь на территории Де Беерс.

Обвалы породы как следствие беспорядочной, хаотической добычи алмазов продолжались. Так, в 1878 г. почти 1/4 поверхности Кимберлийской шахты была покрыта провалившимися участками. Тогда началась

подземная эксплуатация при помощи колодцев, вырытых в обвалах на дне рудников. Но, так как некоторые владельцы продолжали еще рыть под открытым небом, скоро произошел общий обвал и в 1883—1884 гг. из 350—400 хороших кимберлийских участков могло разрабатываться не более 50. В начале 1885 г. в Де Беерс тоже произошли огромные обвалы, что возбудило беспокойство среди лиц, поддерживавших «Компанию Де Беерс».

Хотя вскоре открытая эксплуатация была вовсе оставлена, подземные работы на разделенных участках приводили к росту издержек производства и к беспрестанным недоразумениям. В копиях Кимберли и Де Беерса вырыли шахт в два раза больше, чем надо, подземные галереи различных компаний перепутывались, пересекались, и часто все заканчивалось обвалом. Это толкало на укрупнение компаний, уменьшение числа владений. Свою роль сыграли не только технические затруднения, но и вопрос сбыта алмазов. Рост добычи камней, несмотря на обвалы, приводил к падению стоимости алмазов и кризису сбыта. Последний еще не наступил, но угроза перепроизводства становилась все более реальной. И хотя Родс шутиливо заметил, что «никто не знает женщины, которая сказала бы, что ей довольно алмазов» [17, стр. 179], казалось, что рынок близок к насыщению. Банки, финансировавшие держателей участков, настаивали на объединении мелких в крупные. А по мере укрупнений компаний еще больше росла добыча алмазов, еще ожесточенней становилась борьба конкурирующих групп.

К 1885 г. концентрация владений стала довольно значительной. Об этом свидетельствуют данные таблицы.

Т а б л и ц а
Количество алмазоносных участков в 70—80-х годах
по четырем основным шахтам*

	Количество владений (прежнее)	К 1885 г.	
		акционер-ных компаний	частных компаний
„Кимберли“	470	11	—
„Де Беерс“	622	7	2
„Булфонтейн“	1067	8	24
„Дютуа“	1441	16	21
Всего	3600	42	47

* Источник: [7, гл. V; 3, стр. 200].

Эта концентрация явилась только первым этапом. Почти сотня собственников продолжала конкурировать и хаотически разрабатывать свои участки, заполняя рынок южноафриканскими алмазами. Угроза насыщения рынка (при интенсивной добыче это могла сделать одна шахта) толкала на дальнейшую концентрацию владений.

В 1885 г. в руках Родса и его компании была вся территория Де Беерс. Капитал компании вырос до 841 тыс. ф. ст. Это была победа, но не окончательная. Впереди предстояла упорная борьба.

Родс добивался сосредоточения наибольшего количества акций «Компании Де Беерс» в своих руках. С помощью финансиста Альфреда Бейта⁶ он добился этого. Они тайно скупали акции других компаний.

⁶ Альфред Бейт прибыл в Южную Африку в 1875 г. как агент по закупке для гамбургской фирмы «Липперт». Но вскоре он стал действовать самостоятельно и соста-

стремясь не возбудить подозрений. Например, они приобрели в Лондоне по наивыгоднейшей цене 6 тыс. акций «Виктория компани» и при соответствующих обстоятельствах неожиданно объявились как крупнейшие держатели акций этой компании. В 1887 г. «Компания Де Беерс» фактически находилась под контролем одного человека.

В те же годы, когда Родс объединял участки вокруг «Компании Де Беерс», аналогичный процесс проводился на Кимберлийской шахте «Компанией братьев Барнато» (Barnato Diamond Mining Company). Обе компании действовали до поры до времени рядом. Но раньше или позже должен был наступить конец этому мирному сосуществованию, и тогда Барнато и Родсу предстояло встретиться как основными соперниками. Этот момент наступил в 1887 г.

Сын мелкого лондонского лавочника Барнетт Исаакс, как и Сесиль Родс, юношей прибыл в Южную Африку по следам своего старшего брата. Он был не силен в грамоте (его образование закончилось на 14-м году жизни), но ловок, пронырлив, обладал незаурядной коммерческой смекалкой, энергией, стремлением к наживе и умением сходитьсь с людьми, иногда забавляя их, как делал это на подмостках и улицах лондонского Уайтчепеля. С прибытием в Африку все это осталось позади, он начинал жить по-новому. Первое, что он сделал, ступив на африканскую почву, — переименовал имя. Барнетт Исаакс превратился в Барнея Барнато. Вслед за ним это звучное имя принял и его брат. В самый год прибытия (1873) новоиспеченный Барней Барнато начинает свою деятельность. Соединенный капитал «фирмы» Коэн и Барнато состоял из 30 ф. ст. и четырех ящиков скверных сигар. Но Барнато обнаружил инстинкт дельца, и через три года, в 1876 г., у братьев было уже 3 тыс. ф. ст., которые они поместили в кимберлийские разработки. Вскоре их участки стали приносить до 1800 ф. ст. прибыли в неделю. Барнато постепенно прикупал новые участки, заводил деловые связи.

В 1880 г. он съездил в Лондон и, добившись необходимой на первых порах финансовой поддержки, учредил ставшую вскоре известной «Компанию братьев Барнато» с капиталом в 115 тыс. ф. ст. В первые же годы эта компания стала приносить учредителям и акционерам до 36% дивиденда [15, гл. VIII].

Барнато скупал алмазонасные участки Кимберли, а также пай в различных компаниях и спустя несколько лет контролировал большую часть кимберлийских месторождений, точно так же как Родс — находящиеся в нескольких километрах разработки Де Беерс. Соперники стояли друг против друга. Началась и вскоре приняла ожесточенный характер борьба между Барнато и Родсом, между компаниями «Барнато» и «Де Беерс» за преобладающее влияние в алмазной промышленности. Силы противников были приблизительно равны.

Если в Барнато воплотился финансист, денежный магнат, стремящийся к наживе и не имеющий никаких интересов, кроме интереса «голого чистогана», то в Родсе слились две натуры — биржевого спекулянта и активного политика. Барнато заявлял позднее, что он приехал в Трансвааль только для того, «чтобы делать деньги. Право голоса стоило бы крови и денег и ни на грош не увеличило бы заработка» [15, стр. 165]. У Родса же была еще заветная цель — сделать Африку английской. «Это все должно принадлежать Британии», — повторял он, накладывая свою руку на карту «черного континента», от Каира до Кейптауна. Для этого, говорил Родс, необходимо сначала экономическое проникновение, а

впл. себе состояние. В дальнейшем он тесно был связан с Родсом, являясь его ближайшим другом и деловым помощником. Бейт обладал незаурядными финансовыми способностями.

оно — в силу ряда несчастливых обстоятельств, мешающих Англии сразу захватить Африку, — должно служить предтечей политического завоевания. Железные дороги, телеграфные линии, таможенные договоры и т. п. — вот первоначальные орудия британского проникновения. «Рельсы достигают дальше, чем пули, и стоят дешевле», — любил говорить Сесиль Родс.

Он попытался мирным путем договориться с Барнато, но тот не пошел на добровольное объединение, считая, что «Кимберли в три раза богаче Де Беерс» и успех останется за ним [12, стр. 226; 18, стр. 749]. Барней Барнато чувствовал свою силу. Но если Барнато был сильнее Родса в финансовом отношении, то зато Родс, соединяя в себе дельца и прожженного политика, умело пользовался своим положением и добивался в случае необходимости поддержки не только в Капской колонии, членом парламента которой он с 1881 г. являлся, но и в Лондоне. Кроме того, в биржевых делах у него был такой бесценный помощник, как Альфред Бейт.

Родс ловко воспользовался своим преимуществом. В Кимберли, почти целиком контролировавшемся Барнато, ряд крупных участков, проходивших с севера на юг, принадлежал «Французской компании» (*Compagnie Française*). Барнато не придавал большого значения этому обстоятельству. Родс же решил завладеть участками «Французской компании», чтобы пробраться внутрь неприятельского лагеря и стать совладельцем кимберлийских разработок. Но для этого нужны были средства значительно большие тех, которыми располагал Родс.

6 июля 1887 г. Сесиль Родс отправился в Англию искать финансовой поддержки. Еще до этого он переписывался с Ротшильдом и знал, что последний внимательно следит за добычей алмазов и заинтересован в ее консолидации. В Лондоне произошла личная встреча Родса и банкира. Ротшильду понравились планы его собеседника. «Он знал, чего хотел», — сказал потом Ротшильд [7, стр. 75]. Сесиль Родс понял, что если ему удастся добиться согласия на продажу участков «Французской компании», то контора Ротшильда субсидирует его необходимой суммой. На следующий день после беседы с Ротшильдом Родс отправился в Париж. Ему удалось договориться о покупке участков «Французской компании» (от поверхностных до самых глубоких, считавшихся тогда мало доходными) за 1400 тыс. ф. ст. Ротшильд немедленно перевел в распоряжение Родса аванс в 750 тыс. ф. ст.

Это был удар по Барнато [8; 15, стр. 158—159; 17, стр. 182—183]. Теперь Родс стал владеть значительной долей кимберлийских месторождений. Там же ряд участков принадлежал Бейту. Предстояла борьба в условиях уже невыгодных для Барнато.

Изо дня в день росла добыча алмазов. Во-первых, оттого что на большой глубине копь оказалась богаче, во-вторых, благодаря лучшей обработке породы — прямому последствию укрупнения компании (имея большие денежные средства, компания могла давать глине больше выветриваться). Но наряду с ростом добычи падали мировые цены на алмазы. За пять лет (с 1882 г.) цена на них упала на 30% [3, стр. 201; 12, стр. 225]. После того как начался поединок между Родсом и Барнато, все эти особенности проявились еще ярче. Обе борющиеся компании втайне скупали акции, искусственно повышали добычу, снижали цены, — словом, широко пользовались этим обычным, но обоюдоострым оружием⁷. В конечном счете после нескольких месяцев напряженной борь-

⁷ Между 1873 и 1880 гг. ежегодно добывалась от 1 млн. до 1,5 млн. каратов. в 1883 г. — добыто 2 319 234 карата, в 1886 г. — 3 047 640 каратов, и Родс грозил эту добычу удвоить [см.: 12, стр. 226; 18, стр. 748].

бы Родс (и стоявший за ним Ротшильд) вышел победителем. В один прекрасный день, когда Родс добыл у себя 12 тыс. каратов алмазов и убедил Барнато, что это не предел, последний сдался перед этой реальной угрозой переполнения рынка и неизбежного за этим катастрофического падения цен [7, стр. 75—76]. Так закончилась борьба, о которой лондонские биржевики много лет спустя рассказывали «с таким же упоением, с каким солдаты наполеоновской гвардии рассказывали своим внукам об Аустерлице, Иене и Ваграме» [4, стр. 267].

Обе компании слились. В марте 1888 г. была зарегистрирована Объединенная компания «Де Беерс» (De Beers Consolidated Mines Ltd). Актив старых компаний был перенесен в новую, консолидированную. Управление этой компанией было вверено пяти пожизненным директорам. Среди них были Родс, Барнато и Бейт.

После этого слияния приобретение остальных алмазных участков было более легкой задачей. В течение последовавших за объединением полутора лет «Де Беерс» удалось купить все важнейшие участки. 31 марта 1891 г. административный совет компании объявил акционерам, что цель достигнута и четыре алмазные копи («Де Беерс», «Кимберли», «Дютуа» и «Булфонтейн») фактически подвластны «Де Беерс». Так, в руках одной частной компании сосредоточилась южноафриканская добыча алмазов⁸. В первый же год ее прибыль поднялась до 448 тыс. ф. ст. [15, стр. 159]. В 1890 г. собственность «Де Беерс» оценивалась в 14,5 млн. ф. ст. и она фактически монополизировала мировую добычу алмазов [14, стр. 116].

Производство было искусственно ограничено (его стоимость не должна была превышать 4 млн. ф. ст. в год), чтобы поддерживать мировые цены на алмазы на высоком уровне и обеспечить монополию максимальной прибыли [12, стр. 227; 17, стр. 275—276]⁹. Для этого ряд шахт был закрыт, число рабочих сокращено. Город Кимберли не только перестал расти, его население даже уменьшилось. Рабочие в большинстве своем были негры, частью из приговоренных за различные реальные и мнимые преступления, частью «свободные», жившие в так называемых «компаундах». Это были учрежденные по идее Родса¹⁰ общежития, обнесенные двойной оградой и проволокой, за которую рабочий не мог выйти в продолжение всего срока найма. В компаунде нет окон, а вместо крыши густая сетка, чтобы нельзя было выбросить похищенные алмазы. По этой же причине рабочий мог разговаривать со своими родными, знакомыми только через двойную решетку, которая позволяла ему видеть их, но не давала возможности дотрагиваться до собеседника [19, стр. 51]. Так Родс, политик, член парламента, оградил Родса, алмазного короля, от возможности воровства алмазов, от слишком высокой заработной платы и короткого рабочего дня. Не мудрено, что на сессии капского парламента Родс резко протестовал против «глупого предложения дать избирательное право туземцам» [17, стр. 214].

В то время когда шла борьба вокруг алмазных полей и обе стороны — Родс и Барнато — собирали силы для решительного поединка, произошло событие, сыгравшее огромную роль в будущем Южной Африки. Это — открытие золота в Трансваале.

Издавна было известно, что недра Южной Африки хранят всевоз-

⁸ Оставшиеся немногие независимые предприятия были впоследствии поглощены компанией «Де Беерс» или же были такими незначительными, что не интересовали ее.

⁹ Единственную опасность для монополии представляли отныне открытия новых месторождений, но это не угрожало в течение нескольких десятилетий.

¹⁰ Внесено Родсом на сессии парламента Капской колонии 8 июня 1886 г.

можные богатства, в частности драгоценные камни и металлы. Случайные находки золота в разных районах Южной Африки оживляли как древние легенды, так и новые надежды искателей, которые большей частью не оправдывались.

Но 80-е годы XIX в. изменили положение. Были открыты золотые жилы Шеба близ трансваальского городка Барбертона. Эти рудники начали разрабатываться с 1884 г. 15 шахтовладельцев образовали акционерное общество (Sheba Reef Mining Company) с капиталом в 15 тыс. ф. ст. Через несколько месяцев покупная стоимость рудников Шеба равнялась 1,5 млн. ф. ст. [15, стр. 168].

Район Барбертона привлек внимание многочисленных золотоискателей. На этот раз оживленная разведка не осталась безуспешной. Братья Томас открыли жилу, вскоре ставшую носить их имя, и продали ее за 60 тыс. ф. ст. Повезло, хотя и меньше, еще нескольким разведчикам золота. Все это оказалось только началом. Настоящее эльдорадо было открыто в центре Трансвааля, в районе Витватерсранд (Хребет белой воды). Скалистый гребень, вытянувшийся на 30 английских миль с востока на запад и поднимающийся на высоту 200—300 футов над бесконечным африканским «вельдом», — вот чем был знаменитый Ранд, безлюдный и пустынный еще летом 1886 г. «Бурский фермер, посылавший сюда негритянских мальчишек следить за стадом, бродящим по равнине и разыскивающим меж камней себе пищу, был бы рад, если бы ему удалось продать за сто фунтов землю, на которой сейчас стоит Йоганнесбург и под которой находятся богатейшие золотые рудники» [6, стр. 296].

Не будем касаться споров о том, кто первый нашел там золото — Фрэд Струбен или Джордж Уолкер. Важен факт, что к концу 1886 г. о нем уже знали и в район Ранда хлынули любители быстрой и легкой наживы. Их ждало разочарование. Добыча золота, залегавшего в твердых породах, требовала много сил и, главное, средств, которых у большинства золотоискателей не было. Кроме того, когда толпы золотоискателей прибыли сначала со всех концов Африки, а затем и из других стран, то они увидели, что почти все участки уже захвачены крупными капиталистами.

Среди последних бесспорно первое место заняли те, которых называли «людьми Кимберли». Это они, использовав все благоприятные условия (территориальную близость и наличие средств), прибыли прежде других в «золотой район» и скупили землю, содержащую в себе драгоценный металл¹¹. Знакомые нам по своей деятельности в связи с добычей алмазов лица прибыли в сопровождении экспертов в район Ранда. Одним из первых был, конечно, Сесиль Родс, который не мог упустить такой возможности увеличить свои капиталы. А возможности действительно открылись блестящие. Например, находившаяся рядом с будущим Йоганнесбургом ферма Доорнфонтейн, купленная за 250 ф. ст., вскоре оценивалась в 3 млн. ф. ст. Несколько позднее прибыл в Ранд и Барнато, уполномоченные которого ранее скупили там ряд участков. Барнато, предвидя рост Йоганнесбурга, скупал большие куски земли в центре будущего города одновременно с золотоносными участками. Вско-

¹¹ Конечно, надо решительно отбросить утверждение, что «люди Кимберли», прибыв в Ранд, купили земли, фактически не зная, чего они стоят, лишь по страсти к авантюрной жизни, к новому и т. п. [см.: 16, стр. 45—46]. Люди склада Барнато, Родса, Бейта никогда не делали ничего без достаточных на то данных, и они предварительно хорошо ознакомились с районом Ранда и его возможностями. Сам Мерме буквально через несколько строк [16, стр. 47] описывает, как «люди Кимберли» изучали недра, как они нанимали геологов, инженеров, зная, что эти предварительные затраты в конце концов окупятся.

ре Барнато основывает свое первое общество в Ранде (New Primrose Golding Company). Еще раньше Родс основал свою компанию (Goldfields of South Africa). Возникали и другие общества одно за другим, и вскоре их оказалось сотни.

Плохие пути сообщения (ближайшая железная дорога за сотни километров), трудности добычи, требовавшие сразу вложения значительных капиталов и делавшей, казалось, проблематичными предполагавшиеся немедленные огромные прибыли,—все это приводило многие слабые компании к краху, которым пользовались те общества, чьи финансовые возможности позволяли им дольше собирать силы и выжидать более благоприятного времени. Родс, Барнато, Экштейн, Бейт и др. скупали участки земель, акции компаний, находившихся на краю банкротства, основывали новые общества. К концу сентября 1889 г. Барнато основал шесть компаний, из которых пять были на пути к успеху. Родс также объединил несколько компаний (Consolidated Goldfields of South Africa). По их следам шли и другие крупные владельцы золотоносных участков. С каждым годом росли вкладываемые в золотопромышленность Ранда капиталы, главным образом английские. Все большее значение приобретало основанное на лондонской бирже отделение трансваальских бумаг (Kaffir Market) [15, стр. 160].

С 1887 г. началась регулярная добыча. В этом году 56 рудодробилками было переработано 25 тыс. т породы и добыто золота на 81 045 ф. ст., а через три года, в 1890 г., работало уже 1895 рудодробилок и было добыто золота больше чем на 2,5 млн. ф. ст. Добыча росла систематически, из года в год. Об этом свидетельствуют следующие цифры годовой добычи золота, начиная с 1887 г. (в унциях) ¹² [9, № 2681, стр. 41]:

Год		Год	
1887	23 125	1892	1 210 868
1888	208 122	1893	1 478 473
1889	369 557	1894	2 024 159
1890	494 869	1895	2 277 635
1891	729 278		

Это был огромный успех для индустрии, насчитывавшей всего семь-восемь лет жизни. Успех тем более блестящий, что содержание золота в кварце (особенно после 1889 г.) было относительно невелико. В среднем (в начале 1895 г.) — от 16 до 45 г на 1 т породы.

Открытие золота изменило обстановку в Южной Африке. Стал быстрыми темпами расти импорт, преимущественно через порты Капской колонии и Наталья, а немного позднее и через португальский Мозамбик ¹³. Большие средства стали вкладываться в строительство железных дорог ¹⁴, в различного рода подсобные предприятия, в частности в каменноугольную промышленность. Когда говорят об африканском золоте, то обычно забывают об угле. А ведь расположившиеся рядом угольные залежи во много раз ускорили и облегчили развитие золотопромышленности ¹⁵.

На пустынном месте, отдаленном сотнями километров от моря, возник город. Быстрота роста этого города превзошла американские и

¹² 1 унция = 28,3 г.

¹³ Ввезено через капские порты в 1885 г. на сумму 4772 тыс. ф. ст., а в 1890 г. — на 9346 тыс.; через порты Наталья — соответственно на 1518 тыс. и 4417 тыс. ф. ст.

¹⁴ Правительство Капской колонии вложило в строительство железных дорог в 1874 г. 1008 тыс. ф. ст., в 1879 г. — 7146 тыс., в 1884 г. — 12 407 тыс., в 1889 г. — 14 282 тыс. и в 1894 г. — 20 092 тыс. ф. ст.

¹⁵ В 1890 г. добыто угля 81 тыс. т, в 1899 г. — 387 тыс. т.

австралийские «города-грибы». Его назвали Иоганнесбургом, по имени бурского чиновника Иоганна Риссика [11, стр. 49].

«Самое удивительное в этом городе то, что он возник и развивался до конца 1892 года, не имея ни одного из современных способов сообщения. Все приходилось перевозить на быках из Наталя или Кимберли, где оканчивалась капская железная дорога и до которых не менее 500 километров» [3, стр. 210].

Путешественники, подъезжавшие в 1895 или 1896 г. к Иоганнесбургу, неизменно отмечали солидный, прочный характер зданий «золотого города»; благодаря отсутствию леса в окрестностях он быстро утратил характер чего-то временного. Среди кирпичных и каменных домов лишь изредка, на окраинах попадались уцелевшие домики из волнистой жести, в которых жили иоганнесбургские пионеры. А ведь за десять лет до этого здесь было возвышавшееся на 500 м над уровнем моря плато, обычно лишенное растительности и лишь в сезон дождей покрывавшееся травой, на которой паслись стада бурских фермеров, оберегаемые негритянскими пастухами. Зимой, т. е. с июня по ноябрь, ветер гнал тучи пыли по этой унылой равнине, оживляемой только камнями и огромными красными муравейниками.

В начале 1887 г. прибыли первые горняки. Вскоре число жителей города достигло 3 тыс. А в 1890 г. в 5230 домах Иоганнесбурга жило около 20 тыс. человек. Еще через десять лет число жителей стало приближаться к 120 тыс., из которых до половины было белых, а остальные негры-рабочие, индийцы, малайцы и др. [10]¹⁶. Но население Иоганнесбурга делилось не только по цвету кожи. Среди белых лишь меньшинство являлись коренными жителями Трансвааля — остальные прибыли в Южную Африку в погоне за золотом и не думали там надолго задерживаться. Среди этих, как их называли, уитлендеров были представители самых различных национальностей: англичане, немцы, американцы, русские, евреи, бельгийцы, итальянцы, голландцы. Преобладали английские подданные, главным образом не из метрополии, а из обширных британских владений. С 1894 по 1895 г. сильно увеличилось количество австралийцев — следствие мельбурнского кризиса, начавшегося в 1893 г. Австралийцы вместе с иммигрантами корнуэльских оловянных рудников являлись обычно надсмотрщиками за негритянскими рабочими. Многие променяли Кимберли, в особенности после того как закончилась консолидация алмазных копей и искусственно была ограничена добыча драгоценных камней, на Иоганнесбург. «Управляющие больших торговых домов, эксплуатирующих богатства Витватерсранда, служили сначала почти все на алмазных коях» [3, стр. 212].

Как мы уже упоминали, близость Кимберли привела к тому, что алмазные магнаты, обладавшие необходимыми капиталами, захватили главные участки золотодобывающего Ранда. Имена Родса и Барнато, Бейта и Экштейна, Робинсона и Вернера и многих других «людей Кимберли» стали именами крупнейших золотопромышленников Иоганнесбурга. Они сделали настоящими хозяевами «золотого города» и стремились стать хозяевами страны, в которой умножили свои капиталы. Они были тесно связаны с лондонскими и парижскими (в меньшей степени) банками и биржами.

Обстоятельства благоприятствовали применению в первую очередь крупных капиталов в африканской золотой промышленности. Золото Витватерсранда — кварцевое, требующее значительных усилий для добычи.

¹⁶ Приводятся данные от 1885 г., когда в Иоганнесбурге было 50 жителей, до 1931 г., когда их стало 377 203.

Кроме того, существенные особенности золотоносной породы Ранда состоят в правильности ее расположения и незначительном количестве содержащегося в ней металла. Таким образом, сразу же потребовались применение машин, значительные затраты на постоянный капитал, что исключало индивидуальную старательскую добычу. Уже в 1896 г. прииски Витватерсранда по сравнению с другими отличались наиболее усовершенствованными способами добычи и обработки золотоносной породы. «Нигде добывание золота не было поставлено на такую широкую ногу, и за девять лет своего существования южно-африканская золото-промышленность сильно подвинула металлургию» [3, стр. 245].

Сразу же после открытия золота были основаны десятки, а затем сотни акционерных компаний и начался бешеный ажиотаж вокруг «золотых» акций, принесших счастливые дни для биржевых спекулянтов. Правда, вскоре вслед за первым подъемом, первым бумом, в 1889 г., началась депрессия, продолжавшаяся в течение всего так называемого «кризиса Баринга» [14, стр. 291]. Эта депрессия не отразилась на добыче золота, а скорее на курсе акций да на снижении грондерской волны. Сказалась боязнь истощения золотых запасов Ранда. У всех были в памяти примеры калифорнийских и ряда австралийских разработок. Обычно в местностях, где золото встречается в виде россыпей и богатых кварцевых жил, удобных для отдельных золотоискателей и мелких компаний, добыча золота достигала своего апогея вскоре после его открытия. В Калифорнии это было через пять лет, в Виктории — через два года. А через 10—12 лет добыча там уже упала на $\frac{1}{3}$ и в дальнейшем еще более снизилась. Вообще прииски недолговечны, и богатство золотоносного округа скорее поддерживается открытием новых жил, рассеянных в различных частях округа, чем продолжительностью разработки прежних.

Все эти вопросы на всякие лады дебатировались в связи с эксплуатацией приисков Ранда. Это способствовало осторожности. Хотя добыча золота в Витватерсранде не только не уменьшалась, но даже росла, спекуляция, основание новых компаний почти прекратились. В итоге число акционерных обществ несколько стабилизировалось. Их стало немногим более 400.

Но если пристальней взглянуть на эти многочисленные акционерные общества, то их окажется не так уж много. Большинство этих компаний контролировалось более крупными, а те в свою очередь зависели от нескольких магнатов, захвативших в свои руки южноафриканскую золотую индустрию. Так, в 1895 г. 12 больших компаний фактически контролировали всю добычу Ранда, а из этих 12 можно было выделить еще меньшее число настоящих хозяев золотопромышленности. К этим, как их называли, «большим домам» относились компания, главой которой был Сесиль Родс, тесно с ней связанная компания Экштейна, где руководящую роль играли Вернер и Бейт, а также компании братьев Барнато, «Фаррар», братьев Окс, Неймана, Берней и Деттельбаха, Герц и Албу, Льюис и Маркс, Робинсона, Гендерсона и Вуллана. Вот имена настоящих «золотых королей» Южной Африки¹⁷.

В ноябре 1893 г. богатство жил Витватерсранда было оценено в 315 млн. ф. ст. [14, стр. 291], но вскоре и эту цифру пришлось увеличить, так как выяснился ряд благоприятных особенностей золотоносных плато Ранда. Оказалось, что чем дальше углубляется в землю золотоносный пласт, тем меньше становится угол, образуемый им с горизонтальной

¹⁷ Компания Родса объединяла 29 компаний, Экштейна — 33, Фаррара — 16, братьев Барнато — 26, остальные — от 4 до 16 компаний; иногда одни и те же компании фигурировали в активе различных «больших домов».

линией. Пласт как бы растягивается в длину, а не уходит вниз. Это позволяло лучше эксплуатировать жилы, извлекая из них большее количество золота. Правда, разработки уже надо было начинать на гораздо большей глубине.

Результатом этого понижения золотоносного пласта явилось то, что на различной глубине он часто выходил за пределы старого участка или даже за пределы территории компании. Следовательно, земли, расположенные в сторону наклона золотоносного пласта, т. е. к югу от старых разработок, приобретали особую ценность. Они обещали, хотя, возможно, и на значительной глубине, выгодную добычу золота. Американский инженер Джон Хейс Гаммонд, теснейшим образом связанный с самим Родсом и с его компаниями, одним из первых открыл особенности Ранда и сделал из этого соответствующие выводы. Так появилась идея глубокой разработки золотоносных пластов (*deep levees*), идея, в первые месяцы 1894 г. начавшая осуществляться.

Компаний Родса, Экштейна втихомолку скупали участки земли, идущие к югу от главных рудников (в то время как большинство старалось приобрести участки, расположенные на восток и на запад). Основывались новые общества для извлечения золота, залегающего на большой глубине (так называемые компании глубокого залегания); закладывались шахты. Очень скоро практически была доказана правильность теории глубоких пластов. Правда, для извлечения золота из больших глубин требовались и большие затраты, которые не скоро окупались. В конце 1895 г. на основании уже не только теоретического, но и практического опыта подсчитывалось, что если золотой пласт находится на глубине 3 тыс. футов, то, прежде чем получить прибыль, нужно в течение четырех-шести лет затратить 650 тыс. ф. ст. Эти затраты окупались при 5% дивиденда в среднем за 16 лет, т. е. через 20—22 года (считая первые несколько лет, когда делались предварительные затраты [9, № 2723, стр. 1427]. Конечно, такие расходы были под силу только крупному капиталу. И в конце концов владельцами новых участков оказались те же лица, которые и прежде захватывали золотоносные участки Ранда. Например, во главе с Родсом возникла новая компания (*Goldfields Дээр*).

Первое время новые компании поглощали большие суммы и не приносили дивидендов. Посланный крупнейшими финансовыми домами (в частности, Ротшильдом) в Йоганнесбург в качестве эксперта Гамильтон Смит в течение более четырех месяцев (август — декабрь 1894 г.) ознакомился с новыми разработками и дал о них благоприятный, но все же сдержанный отзыв [9, № 2687, стр. 255—256]. Все это, вместе взятое, — трудность работ, большие предварительные затраты, неопределенность будущих прибылей — приводило часто даже к падению курса акций компаний глубокого залегания, котирувавшихся на лондонской и других биржах¹⁸.

Необходимо разделять два момента: добычу золота и биржевые спекуляции вокруг этой добычи. Первая, как мы видели, довольно ровно шла вверх, из года в год. Курсы же акций часто колебались в зависимости от различных финансовых махинаций.

Родс, Барнато, Бейт, Робинсон и другие захватили господствующее положение в золотой промышленности, закрепив его приобретением участков глубокого залегания. Как уже упоминалось, новые глубокие разработки в первое время требовали только затрат. Но биржевые спекуляции вокруг акций компаний глубокого залегания принесли «золо-

¹⁸ Например, в конце января и начале февраля 1895 г. курс акций упал с 23,5 до 20 [см.: 9, № 2685].

тым королям» гигантские барыши, с лихвой покрывавшие расходы по эксплуатации глубоких шахт. Бум вокруг золотых акций, вызванный афишированием успехов компаний глубокого залегания и достигший высшей точки в 1895 г., явился прямым следствием биржевых спекуляций и не был связан с добычей золота Ранда. Он обогатил крупных спекулянтов, разорил ряд мелких компаний и способствовал дальнейшему сосредоточению золотой индустрии Южной Африки в руках немногих. Бум закончился в тот момент, когда глубокие шахты стали приносить дивиденды. Это лишний раз доказывает, что главную роль в повышении курса африканских «золотых акций» сыграла не добыча драгоценного металла, а биржевые спекуляции вокруг этой добычи. Любопытно отметить, что даже во время катастрофического падения «кафрских» бумаг на бирже в Ранде добыча золота почти не уменьшилась.

Падение добычи до декабря 1895 г. было незначительным (в абсолютных цифрах она даже превышала добычу соответствующих месяцев 1894 г.) [9, № 2690, 2694, 2698, 2703, 2707, 2712, 2716, 2720, 2725, 2729, 2734, 2748]. Лишь в декабре падение добычи было более резким, а еще заметнее она упала в январе 1896 г. (до 148 178 унций). Но это было вызвано отнюдь не биржевой депрессией (которая, повторяем, только обогатила владельцев Ранда), а политическими причинами. В декабре 1895 г. в Йоганнесбурге готовилось вооруженное выступление уитлендеров, а в самом конце месяца в Трансвааль вторгается банда Джемсона. В итоге прииски в течение ряда дней в декабре и январе вовсе не работали и добыча пала.

Чтобы яснее стала обстановка, в которой назревали известные трансваальские события конца 1895 г., надо осветить вопросы, связанные с лондонской биржей вообще и спекуляциями «кафрскими» бумагами в частности. Нельзя не рассказать об одной из тех закулисных пружин, действие которых привело в конечном итоге к войне и аннексии бурских республик.

Еще до открытия кимберлийских алмазов в Лондоне возникали различные общества по эксплуатации золотых приисков в Южной Африке, но это были лишь первые робкие шаги. Перелом произошел в конце 80-х годов. Открытие Витватерсранда — вот что коренным образом изменило положение и явилось, в частности, толчком для биржевых спекуляций. К 1890 г., когда ряд трудностей, связанных с добычей золота в Ранде, был преодолен, интерес к южноафриканскому золоту возрос и вместе с этим выросло и значение созданного на лондонской бирже отделения трансваальских ценных бумаг.

Правда, все это пришло не сразу. Сначала были только отдельные выгодные сделки с бумагами первых золотых рудников. Давали себя чувствовать последствия большого финансового кризиса — краха Баринга (1890 г.). На два-три года были убиты всякие спекуляции. «Те, кто пострадал тогда, залечивал свои раны, но, как всегда бывает, когда накапливаются деньги и представляется новый случай для спекуляции, прошлые неудачи забываются, дорогостоящие уроки последнего бума не учитываются, и игра возобновляется, для того чтобы лишний раз привести к неминуемому результату» [15, стр. 159—160].

Итак, впечатления тяжкого кризиса 1890 г. постепенно сглаживались. К тому же добыча рудников Ранда непрерывно росла, показывая, что до истощения запасов — чего опасались — еще далеко. В 1895 г. добыча золота Ранда почти в четыре раза превысила 494 869 унций, добытых в 1890 г. Это был большой успех, и вполне естественно, что курсы

ценных бумаг, связанных с южноафриканской золотой промышленностью, пошли вверх. Особенно заметный подъем курсов начался, когда выяснилась возможность и выгодность добычи золота, находящегося на значительной глубине. Росли курсы всех бумаг, в том числе и тех, которые пока не давали дивидендов, а лишь сулили барыши в более или менее отдаленном будущем (компании глубокого залегания).

Конечно, это не был непрерывный, плавный взлет. Иногда он замедлялся, иногда падение курсов, казалось, предсказывало крах, но в целом, особенно с конца 1893 г., котировка всех бумаг «Kaffir Market» была на редкость благоприятной. А к 1894 г. начался так называемый кафрский бум, продолжавшийся почти год. «Старейшие члены биржи не запомнят такого движения акций, — писал „Экономист“, — которое могло бы сравниться с так называемым „Kaffir boom“, продолжавшимся почти без перерыва 12 месяцев» [9, № 2710, 2711, 2712]. Сделки с южноафриканскими бумагами оказались в центре всех операций лондонской биржи.

Кроме упоминавшейся выше добычи золота на больших глубинах, давшей толчок к подъему курсов акций, был еще ряд причин, поддерживавших спрос на южноафриканские бумаги. В частности, это были успехи возглавляемой Родсом Британской Южноафриканской привилегированной компании — захват ею земли машона и матабеле и те перспективы, какие, казалось, сулила добыча золота в этих областях. Возник повод для самых разнообразных спекуляций, для биржевой игры, которая была затеяна золотыми магнатами и различными связанными с ними банками.

К тому же, как справедливо замечает один из историков лондонской фондовой биржи, начавшийся в 1894 г. бум с трансваальскими бумагами в значительной степени был обязан своим размахом и результатами парижскому спросу. В 1895 г. считали, что французские капиталисты поглощают акций южноафриканских рудников более чем на 100 млн. ф. ст. [15, стр. 169]. Иностранные закупки, главным образом французские, явились решающим фактором при возникновении «кафрского» бума [9, № 2690, стр. 354, 364; № 2692, стр. 44]. Маклеры лондонской биржи, связанные с отделением южноафриканских бумаг, носились взад и вперед между Парижем и английской столицей. Каждый день приносил новое, порою значительное, повышение курсов.

Чрезвычайно быстро рос капитал акционерных обществ Ранда. Так, в 1893 г. он составлял менее 18 млн. ф. ст., спустя только год — достиг 55 млн., а в 1895 г. — приблизился к 300 млн. ф. ст. [15, стр. 169—170]. Акции этих обществ пользовались огромным успехом не только в Лондоне, но и в провинции и, как мы уже указывали, на континенте. Банкирские конторы в лондонском Сити не вмещали желающих купить бумаги. Банкирский дом Брокера удвоил персонал служащих и держал контору открытой день и ночь. Толпы людей, заполнявшие площадь перед биржей и улицу, были так велики, что полиция останавливала движение. Акции старых и новых компаний всячески рекламировались. В клубах, салонах, будуарах, омнибусах, поездах только и было разговору, что о золотых залежах. Все набросились на сулившее барыши предприятие, и каждый новый выпуск акций расхватывался с жадностью. Основывались общества по скупке старых шахт в надежде найти на глубине новые залежи. Биржевые спекулянты потеряли голову.

В различных, особенно современных источниках признают, что косвенной причиной этого азарта было наличие свободных капиталов в Англии. К этому времени сказались первые удары иностранной конкуренции, главным образом германской, что явилось одной из причин за-

медленного темпа развития британской промышленности. А это обстоятельство в соединении с золотым потоком, идущим из обширных колоний, и привело к наличию значительных свободных капиталов в Англии.

Мы знаем, что в биржевую игру, идущую вокруг южноафриканских золотых залежей, вмешались крупные спекулянты и учредители акционерных обществ. Последние деятельно играли на понижение. Искусственно уронив биржевую ценность своих акций, они по дешевке скупали их и делались таким образом полными хозяевами тех предприятий, которые начали с помощью акционеров. Из-за цифр, говорящих о курсе акций, из-за списков с названиями новых и старых компаний выглядывали знакомые имена: Барнато, Родс, Бейт, Вернер, Робинсон и др.

Акции основных компаний Витватерсранда, номинальный капитал которых равнялся 16 млн. ф. ст., шли за 86 млн. ф. ст. и ни разу (с марта 1894 г.) не падали ниже 60 млн. ф. ст. Возникали новые общества, многие из которых основывали курс своих акций лишь на громком имени и богатстве своих учредителей и на различных слухах (так называемые «Blind Pools»). Такова, например, основанная Барнато Consolidated Investment Company (капитал 650 тыс. ф. ст.), про которую рядовые акционеры знали лишь, что она через первые полгода принесла им 130 тыс. ф. ст. дивиденда (20%) и что 400 тыс. ф. ст. были перечислены в резервный фонд. По сведениям же лиц, знакомых с делами этой компании, она в первые полгода «заработала» не менее 1 млн. ф. ст. [9, № 2712, стр. 1075], т. е. 0,5 млн. ф. ст. застряли в карманах учредителей компании, в частности Барнато.

Барней Барнато к этому времени сделался одним из влиятельнейших финансистов Англии. «Наш Барней», вчерашний фигляр из Уайтчеппеля, стал законодателем биржи и едва ли не самым почитаемым лицом в Лондоне. Великолепный дворец южноафриканского миллионера близ Грин Парка наполняли не только биржевые маклеры, но и представители лучших английских фамилий. Он сам стал желанным гостем в аристократических домах.

«Каждое слово Барнея ловилось, как мудрейшее изречение оракула. Ему прощали все: и грубую, циничную речь, пересыпанную ругательствами на самом низкопробном slang (жаргоне), и провалившийся нос, и то, что африканский миллионер при разговоре обдавал собеседника потоком вонючих слюней. Ведь это был царь биржи, обладатель сотен миллионов...» [2, 1897, № 8, стр. 61].

Но вскоре появились грозные признаки, предвещающие падение курсов и конец бума. Сигналом к понижению курсов явилось прекращение закупок на иностранных биржах, главным образом на парижской. Французские закупки открыли бум, возбудили огромные надежды. Прекращение же этих французских закупок ознаменовало и начало конца бума. Первое заметное падение было на второй неделе мая 1895 г., причем акции компаний глубокого залегания, выше всех подскочившие, ниже других и упали¹⁹. Но это еще была только заминка. Лишь к осени 1895 г. бум действительно достиг своей высшей точки. Почти год продолжался ажиотаж с трансваальскими бумагами. Своими размерами и длительностью бум был обязан, в частности, следующим обстоятельствам. Крупнейшие банкирские дома, которые владели большей частью акций, лишь медленно удовлетворяли спрос на них. Они, таким образом, не выпустили из своих рук контроля над рынком и договорились под-

¹⁹ См. таблицы, приведенные в [9, № 2699, стр. 645—646]. Из сопоставления цифр видно, что падение акций не означало падения добычи золота. Иными словами, оно было в значительной степени делом рук спекулянтов, игравших на понижение.

держивать курс все время, пока требования публики на акции не уменьшатся [15, стр. 170].

Руководители этих банкирских домов составили себе колоссальные состояния. Это понятно, если вспомнить, что продажная цена рудников за время бума возросла почти в 100 раз!

В середине сентября 1895 г. можно было сказать, что «высшая точка спекуляций с африканскими акциями достигнута» [9, № 2716, стр. 1204]. Вслед за этим началось неизбежное падение курсов, и, хотя многие бумаги остались на высоком уровне, падение было все же значительным. Так, за восемь дней октября (с 1-го по 9-е) стоимость акций 12 крупных компаний понизилась на 22 617 тыс. ф. ст., т. е. на 22% [9, 1895 г., № 2720, стр. 1333]. Правда, серьезные потери имели главным образом те, кто только в последнее время приобрел акции по высокой цене [9, 1895 г., № 2720, стр. 1333].

В течение октября 1895 г. понижение курсов африканских бумаг продолжалось. Искусственные меры, принятые некоторыми финансистами, несколько задержали падение тех бумаг, в которых они были заинтересованы [9, № 2721, 2722]. И все же, хотя курсы шли вниз, они были много выше котировок 1894 г. и продажная цена большинства африканских акций была в несколько раз выше номинальной. Например, акции родсовской консолидированной компании, выпущенные по 1 ф. ст. и котировавшиеся до бума по 7 ф. ст., дошли одно время до 20 ф. ст., а к концу октября продавались по 17 ф. ст. [9, № 2730]. Одна из ноябрьских суббот 1895 г. была днем наибольшего падения акций («черная суббота»), но и после этого курс южноафриканских бумаг продолжал держаться на довольно высоком уровне. Эта же ноябрьская суббота оказалась высшей точкой кризиса, после которой падение акций замедлилось и на бирже восстановилось спокойствие [9, № 2725, 2726, 2727].

Биржевые обозреватели могли уже, подводя итоги, писать, что «приближающийся к концу год будет памятен в анналах биржи как год сенсационного роста цен южноафриканских акций и почти такого же сенсационного падения» [9, № 2730]. Правда, эти итоги оказались несколько преждевременными. В самом конце декабря 1895 — январе 1896 г. произошло новое падение южноафриканских бумаг. Но оно было вызвано уже политическими причинами: посланием Кливленда, набегом Джемсона, телеграммой императора Вильгельма II трансваальскому президенту и обострением англо-германских противоречий.

Таким образом, еще теснее, чем ранее, экономическое влияние и цели английского капитала в Южной Африке переплелись с политическими притязаниями Великобритании. И за спиною южноафриканских «алмазных и золотых королей» все отчетливее вставала мрачная тень британского империализма, готовящегося силой оружия решить вопрос о своем преобладании в этой части земного шара.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ленин В. И., Империализм, как высшая стадия капитализма, — Полное собрание сочинений, т. 27.
2. Дионезо, Письма из Англии, — «Русское богатство», СПб.
3. Леруа-Болье П., Новые англо-саксонские общества СПб., 1898.
4. Стамбулов, Именем Джинго, — «Красная новь», М., 1940, № 5—7.
5. Шпенглер О., Закат Европы, т. 1. Образ и действительность, М.—Пг., 1923.

6. Bryce J., Impression of South Africa, London, 1899.

7. Colvin J., The Life of sir Leander Starr Jameson, vol. 1, London, 1922.

8. Corti E. C., *La Maison Rothschild*, t. II, *L'Apogée (1830—1871)*, ch. *Les Rothschild a la fin du XIX siècle et dans le premier quart du XX*.
9. «Economist», London, 1895.
10. «The Financial Times. South Africa Supplement», London, 22.X.1933.
11. Fitzpatrick J. P., *The Transvaal from Within*, London, 1900.
12. Knowles L. C. M. and C. M., *The economic Development of the British Empire*, vol. 3. *The Union of South Africa*, London, 1936.
13. Krüger S. J. P., *The memoirs of Paul Krüger... told by himself*, London — Leipzig, 1902.
14. Lovell R., *The Struggle for South Africa, 1875—1899*. New York, 1934.
15. Meredith H. A., «Stock Exchange». *Les drames de l'argent à la bourse de Londres*, ch. VIII. *Barney Barnato (1873—1897)*, Paris, 1932.
16. Mermeix, *La Transvaal et la Chartered*, Paris, 1897.
17. Mishell L., *The Life and Times of C. J. Rhodes*, vol. 1, London, 1910.
18. Vindex, *Cecil Rhodes. His political Life and Speeches, 1881—1900*, London, 1900.
19. Volkonsky, prince Grégoire, *Pour les Boer contre Imperialism*. Préface de Léon Tolstoi, Genève, 1900.

М. Б. Рабинович

АНГЛО-ГЕРМАНСКИЙ КОНФЛИКТ В ЮЖНОЙ АФРИКЕ В 1896 ГОДУ

В конце декабря 1895 г. мир был взволнован известиями из Южной Африки. Отряд во главе с доктором Джемсоном, администратором Британской Южно-Африканской привилегированной компании, перешел границу Трансвааля и двинулся к Йоганнесбургу с целью поддержать готовившееся там выступление уитлендеров. Для английского правительства создалось сложное положение. С одной стороны, международная обстановка, в особенности англо-германские отношения, диктовала сугубую осторожность. С другой стороны, надеялись, что набег Джемсона станет исходным пунктом для давно желаемой ликвидации независимости Трансвааля. Исходя из этого, британское правительство неторопливо дезавуировало действия Джемсона и послало ему вдогонку запоздалые приказания о немедленном возвращении. Джемсон не повернул обратно, и последующие дни стали днями острого политического кризиса, значение которого вышло за пределы Южной Африки. В дальнейшем многое зависело от того, как сложится судьба джемсоновского отряда.

Лондонский кабинет придерживался выжидательной тактики, проявляя при этом нарочитую медлительность в решениях. Джозефу Чемберлену понадобилось, например, почти двое суток, чтобы отправить верховному комиссару Капской колонии Геркулесу Робинсону следующую депешу:

«...Телеграфируйте издателям газет в Йоганнесбурге, Претории и Блумфонтейне, что Вы, я и Родс осуждаем действия Джемсона и что Вам предписано запретить всем подданным ее величества в Южно-Африканской Республике¹ помогать Джемсону... Правительство ее величества здесь также публично осудит Джемсона» [15, стр. 93].

Телеграмма эта была отправлена 1 января 1896 г., в 12 час. 30 мин., хотя о переходе Джемсоном трансваальской границы министерство колоний знало уже 30 декабря 1895 г., и не из одного источника. Во-первых, об этом телеграфировал верховный комиссар Капской колонии Г. Робинсон; во-вторых, мисс Шоу (корреспондент газеты «Таймс») днем 30 декабря 1895 г. видела в конторе Бейта телеграмму, извещавшую, что «Джемсон перешел границу с 400 людьми», и немедленно сообщила об этом в министерство колоний [22, стр. 71].

¹ Южно-Африканская Республика (Трансвааль) существовала как независимое государство до окончания англо-бурской войны.

На Даунинг-стрит не торопились. Там ждали известий из Кейптауна и Претории, Йоганнесбурга и Булавайо, из Парижа и Петербурга, Вашингтона и Вены. Но главное внимание было приковано к Берлину, так как с первых же дней стало ясно, что южноафриканский инцидент явился ярким выражением англо-германских противоречий. Об этом английскому правительству настойчиво напоминали многочисленные меморандумы, требования, протесты, прибывавшие с берлинской почтой. Новый, 1896 год начинался под знаком серьезного ухудшения англо-германских взаимоотношений.

Вскоре, казалось, пришла развязка. 2 января 1896 г. в половине седьмого вечера министру колоний Джозефу Чемберлену донесли, что Джемсон с остатками своего отряда сдался бурам. «Дело кончено» («So this is the end!»), — с удовлетворением заметил в письме к своей жене Чемберлен [15, стр. 92]. На этот раз «старый Джо» ошибся. Он причаял начало событий за их окончание. Через сутки после получения известия о капитуляции доктора Джемсона, утром 3 января 1896 г., в печати появилась телеграмма германского императора Вильгельма II президенту Южно-Африканской Республики Паулю Крюгеру. Вот текст этой памятной делешки: «Примите мои искренние поздравления, в связи с тем что без обращения за помощью к дружественной державе Вам вместе с Вашим народом удалось своими собственными силами отразить вооруженные банды, которые вторглись в Вашу страну, восстановить мир и отстоять независимость страны от иностранной агрессии» [3, XI, № 2610, стр. 31—32].

С опубликованием этой телеграммы, демонстративно антибританской по содержанию, трансваальский конфликт потерял свой локальный характер. Англо-германские противоречия выступили на первый план.

Противоречия между Англией и Германией были и до пресловутого рейда Джемсона и вильгельмовской телеграммы, но в более скрытом виде. Телеграмма кайзера явилась лакмусовой бумажкой, сделавшей тайное явным.

Южная Африка, куда Берлин давно уже направлял свои алчные взоры, являлась одним из основных узлов, где переплелись англо-германские интересы. Германская активность в Южной Африке в основном сосредоточивалась на Трансваале. Сначала это были мечтания отдельных колониальных прожектеров о создании второй заморской колониальной империи. Буры, эти «нижненемецкие братья», казались подходящим косяком для «второй Индии под германским контролем» [18, стр. 31].

От мечтаний и слов к действиям, и притом активным, Германия перешла в 80-х годах XIX в.

В 1883 г. бременский торговец А. Людериц приобретает бухту Ангра-Пекена с прилегающей областью размером около 150 кв. миль. Несколько месяцев спустя (тем временем Людериц значительно расширил свои владения) все эти территории были объявлены первым немецким колониальным владением (24 апреля 1884 г.). Попытки Британии, главным образом Капской колонии, оспорить германское приобретение ни к чему не привели. Германия закрепилась на западном берегу Южной Африки. Угроза, что Германия, идя на восток, достигнет Трансвааля, становилась весьма реальной. Немецкие владения приближались к земле бечуанов, а за нею лежала территория бурской республики. «Больше всего Англия опасалась, что Германия, пройдя Бечуаналенд, соединится с трансваальцами или, двинувшись чуть северо-восточнее, — с португальцами, или же с немецкими агентами, подвизающимися в Восточной

Африке. Во всех случаях Капская колония была бы отрезана от Внутренней Африки» [26, стр. 405]².

И на первые же попытки немцев установить прямую связь с бурами (они были предприняты почти сразу после занятия Ангра-Пекена) британское правительство ответило аннексией земли бечуанов. Это преградило путь германскому движению на восток. Одновременно английское правительство заключило Лондонскую конвенцию (1884 г.), признавшую, хотя и в допускавших разноречивые толки выражениях, независимое существование Южно-Африканской Республики.

Вторая попытка достигнуть Трансвааля была предпринята Германией в том же 1884 г., но уже с востока. В ноябре этого года А. Люде-риц через своих агентов получил концессию от зулусского вождя Денизулу — 60 тыс. акров земли, что позволяло проложить дорогу от бухты Санта-Лючия до Трансвааля. В ответ на это британское правительство предъявило договор с зулусским вождем Панда (1843 г.), утверждавший английские «права» на бухту Санта-Лючия, а затем — для большей убедительности — отправило к спорной территории военный корабль. Германские протесты в Лондоне, а также миссия Герберта Бисмарка ни к чему не привели. Члены британского кабинета встретили немецких дипломатов очень гостеприимно, но в отношении Санта-Люции оказались тверды как сталь [3. IV, № 760, стр. 103]. В конечном итоге инцидент закончился соглашением: Германия за концессии на Гвинейском берегу брала назад свой протест и отказывалась от притязаний на территорию между Наталем и зал. Делагоа.

Это был двойной успех британской политики. Во-первых, Германия была отброшена от Трансвааля, а, во-вторых, вся территория между Мозамбиком и Наталем стала английской и буры были отрезаны от моря. Таким образом, Британии, казалось, удалось воздвигнуть стену между немецкими землями и бурскими республиками. Но вскоре в этой стене возникла лазейка — железная дорога от португальского порта Лоренсу-Маркиш к Претории (см.: [9, стр. 88—91; 10, стр. 24—26]). Потерпев неудачу при попытке прямого захвата территории в Южной Африке, Германия пытается компенсировать это экономическими успехами: растет приток германских капиталов, товаров и переселенцев в Южную Африку, главным образом в Трансвааль.

Германский капитал вкладывался в железнодорожное строительство, в особенности после того как открытие золота в Трансваале сделало стальной путь необходимостью. Образованная в 1887 г. в Амстердаме Нидерландская железнодорожная компания была с момента своего возникновения в значительной степени немецкой, а к 90-м годам можно было говорить о том, что «Нидерландской железнодорожной компанией управляет почти исключительно Берлин» [18, стр. 48]³. В руках этой компании оказался самый короткий путь от моря к трансваальскому золоту. Попытка Англии помешать соединению португальского участка дороги с трансваальским не увенчалась успехом, и «Претория получила прямой выход к морю через Делагоа, а это означало, что англичанам не удалось окружить Трансвааль полностью» [9, стр. 89].

Германская экономическая экспансия в Южную Африку в 90-х годах XIX в. стала довольно значительной. За четыре года перед рейдом Джемсона (1892—1895) английский импорт в Южно-Африканскую Рес-

² «Если мы допустим германское вмешательство в Претории и Иоганнесбурге, — писал позднее, 25 ноября 1894 г., лорд Рипон Кимберли, — то это может оказаться роковым для нашего положения и влияния в Южной Африке [см.: 27, стр. 232].

³ Из 2 тыс. первоначальных акций этой компании немцам принадлежало 819, голландцам — 581, Южно-Африканской Республике — 600 [см.: 25, стр. 114].

публику вырос на 62%, в то время как германский — почти в 4,5 раза [18, стр. 39]⁴. Правда, в абсолютных цифрах германский ввоз еще сильно отставал от английского. Так, например, в 1896 г. через Делагоа прошли 238 британских и 42 немецких судна (грузооборот — соответственно 430 813 и 61 944 т) [18, стр. 39—40]. При этом следует иметь в виду, что почти весь германский ввоз шел через Делагоа, а английский — и через другие порты (Наталь, Кейптаун)⁵.

Трансваальская золотая промышленность явилась прекрасным рынком сбыта немецких машин. В 1896 г. берлинская фирма «Сименс и Гальске» заняла даже ведущее место в электропромышленности Ранда. Германские капиталисты получали от трансваальского правительства различные привилегии и концессии (вроде, например, полученного в 1888 г. права на производство взрывчатых веществ для золотой промышленности Ранда, водочной монополии и др.). Ряд привилегий был предоставлен немецким банкам.

Свои успехи немцы склонны были преувеличивать. Так, например, по информации торгового дома А. Герца (Берлин), которой пользовались германское посольство в Лондоне и министерство иностранных дел, немецкие капиталы в Трансваале достигли (к концу 1895 г.) 500 млн. марок, а число немцев, проживавших только в Йоганнесбурге, составило 15 тыс. Это явное преувеличение. Немецких резидентов в Йоганнесбурге было менее 3 тыс. (2262), а в общую сумму капиталов включены были и капиталы таких инвесторов, как Бейт, Экштейн, Вернер и др., большинство которых являлось фактически представителями британского капитала [3, XI, № 2613, стр. 33; 18, стр. 44]⁶.

И все же нельзя не признать, что германское проникновение в Южную Африку угрожало английской гегемонии в этом районе, тем более что трансваальское правительство, противодействуя английскому влиянию, охотно шло навстречу немецким промышленникам, финансистам и торговцам.

90-е годы принесли с собой ряд политических трений между Англией и Германией, значительная часть которых в той или иной степени касалась африканских дел. Так, правительству Гладстона в 1894 г. под давлением иностранных держав, главным образом Германии, пришлось аннулировать свой договор с Бельгией относительно Конго, по которому Англия «отдавала Бахр-эль-Газаль в обмен на территорию, соединяющую ее южноафриканские владения с Угандой» [19, стр. 54], что позволяло приблизить сроки осуществления прямой связи Кейптауна с Каиром.

Впечатление, которое произвело в Англии германское противодействие договору о Конго, можно сравнить лишь с тем, какое позднее произвела депеша Вильгельма II Крюгеру, с той только, пожалуй, разницей, что «германскую ноту 1894 г. неприязненно встретило лишь британское министерство иностранных дел, а в 1896 г. немецкое вмешательство неприязненно было встречено всем английским обществом» [4, стр. 516—517].

⁴ За это же время импорт из США в Трансвааль вырос еще больше (почти в пять раз).

⁵ Поэтому нам кажется несколько преувеличенным утверждение, что «После открытия железной дороги Претория — Делагоа они (германские фирмы. — М. Р.) быстро сумели забрать в свои руки всю внешнюю торговлю Трансвааля» [см.: 9, стр. 90].

⁶ Проф. А. Ерусалимский в своей работе [9] справедливо, хотя в слишком осторожных выражениях, сомневался в истинности указанной германским послом в Англии фон Гатцфельдом цифры — 500 млн. и приводит одновременно другую цифру — 300 млн. (стр. 93). В то же время (стр. 92) он почему-то не подвергает сомнению другие данные того же донесения — 15 тыс. немцев в Йоганнесбурге, хотя цензовые данные говорят другое.

Итак, к 90-м годам XIX в. Южная Африка бесспорно являлась центром столкновения англо-германских интересов. Смелее становился и тон буров, подстрекаемых Германией к сопротивлению. Все это в свою очередь активизировало и английскую политику в отношении Трансвааля.

Две речи, произнесенные в январе 1895 г., чрезвычайно характерны для сложившейся к тому времени обстановки. Одну речь произнес 28 января в Лондоне доктор Джемсон во время своего триумфального пребывания в столице после войны с матабеле. Он рисовал заманчивые для английских промышленников картины из будущего Южной Африки, когда она объединится под британским флагом [24; 12, стр. 17]. Это совпало и с откровенными заявлениями Сесилия Родса, сделанными в том же январе 1895 г. Другую речь произнес (27 января) в Претории, в германском клубе, президент Южно-Африканской Республики Крюгер по случаю дня рождения императора Вильгельма II: в ней он выразил надежды на помощь Германии в будущем [18, стр. 50; 25, стр. 150]⁷.

Речь Крюгера произвела неблагоприятное впечатление в Англии, что отразилось на тоне печати и вызвало к жизни несколько дипломатических представлений. Так, в начале 1895 г. (1 февраля) английский посол в Берлине сэр Эдуард Мэлет, протестуя по поручению своего правительства против германского вмешательства в трансваальские дела, заметил, что поведение берлинского правительства возбуждает надежды Южно-Африканской Республики, несовместимые с международным положением последней, и угрожает статус-кво в Южной Африке. Флирт Германии с Трансваалем становится темным местом («point noir») в англо-германских отношениях. В заключение сэр Мэлет сказал, что для Англии вопрос о Трансваале не менее важен, чем вопрос о Египте [3, XI, № 2577, стр. 4].

Германский министр иностранных дел барон Маршалль возразил, что немцы столь же чувствительно относятся к южноафриканским делам, как и англичане, что они также заинтересованы в сохранении статус-кво (т. е. в независимости Трансвааля, по толкованию Вильгельмштрассе).

После прихода к власти унионистского правительства (1895 г.) Эдуард Мэлет был отозван. При прощальном визите он снова указал на те серьезные последствия, к которым может привести поддержка Германией враждебных чувств буров по отношению к Англии. С другой стороны, Маршалль с полного одобрения кайзера высказал ряд упреков по адресу англичан, намекнув, между прочим, на изоляцию Британии, у которой, мол, не так уж много друзей, чтобы она могла столь легко порвать с Германией, и закончил достаточно ясными колониальными требованиями [3, XI, № 2578, стр. 5—7]. Об этом же разговоре, как обычно, сгущая краски и искажая действительность, писал император Вильгельм царю Николаю II:

«Мэлет во время своего прощального визита в наше министерство иностранных дел говорил в очень хвастливом тоне о том, что Германия в Африке плохо ведет себя по отношению к Англии, что дальше так продолжаться не может и что, подкупив Францию уступками в Египте, Англия может обратить свое внимание на нас. У него даже хватило бестактности употребить слово „война“. Он сказал, что Англия не остановится перед войной против меня, если мы не сократимся в Африке» [11, стр. 15].

Все это произошло в середине октября 1895 г. Вильгельм II, носясь со своими химерическими планами, преувеличивая значение и степень английской изоляции после дальневосточного и армянского казусов в

⁷ В работе [25] речь Крюгера расценивается как прямой призыв к союзу с Германией.

1895 г., несколько раз касался этого, по его мнению, слабейшего пункта британской политики.

Так, через десять дней после прощальной аудиенции Мэлета кайзер встретил английского военного атташе Свайна. В разговоре с ним Вильгельм дал волю своему бурному темпераменту, напав на Свайна с обвинениями против Англии. Он заявил, что ряд британских завоеваний, в частности Египет, Англия удерживает будто бы лишь благодаря германской поддержке. Император вновь вернулся к разговору с Мэлетом, который де «так далеко зашел, что произнес невероятное слово „война“». Англия, продолжал с лицемерным сокрушением Вильгельм, осмеливалась угрожать войной «своему единственному и настоящему другу, внуку ее величества королевы Великобритании и Ирландии», и все это из-за «нескольких квадратных миль с пальмами и неграми». Вильгельм закончил свои упреки неожиданным выводом, что Соединенное Королевство может выйти из своего тяжелого положения лишь открытым и безоговорочным присоединением к Тройственному Союзу либо таким же безоговорочным переходом на сторону Франции и России [3, XI, № 2559, стр. 8—11; 19, стр. 59—60]⁸.

В день разговора Вильгельма со Свайном от фон Гатцфельдта было получено сообщение, которого, собственно, следовало ожидать: премьер-министр Солсбери дезавуировал заявление Мэлета, расцененное кайзером как угроза войны, и извещил, что он вообще не давал подобных инструкций Мэлету, но что тот, возможно, выполнял поручение предыдущего правительства [3, XI, № 2580, стр. 12].

Никогда еще до этого Германия не обращалась к Англии в таком угрожающем тоне, который можно отнести частью за счет темперамента императора, сочетавшего красноречие «с потребностью пользоваться им чаще, чем следует» [5, стр. 100—101], частью же за счет надежд германских экспансионистских кругов (интересы которых были близки сердцу кайзера) на участие в прибыльных южноафриканских делах.

Несколько раз угрожал Вильгельм II Англии континентальным союзом. Его советники, особенно барон Гольштейн, работали над осуществлением этой цели. Но угрозы только тогда полезны, когда за ними могут последовать действия. У Вильгельма же не было серьезных оснований угрожать континентальным антибританским союзом. Его взгляды основывались на некоторых совместных шагах, предпринятых Германией, Францией и Россией на Дальнем и Ближнем Востоке, да на тех противоречиях, которые были между Англией, с одной стороны, и Россией и Францией — с другой, в различных точках земного шара. Но как раз в 1895 г. переговоры с Францией относительно Сиамы и соглашение с Россией о сферах влияния в районе Памира говорили об отсутствии абсолютной непримиримости англо-русских и англо-французских интересов и о возможности их сближения в будущем⁹.

И все же набег Джемсона на Трансвааль казался германскому правительству наиболее благоприятным случаем для достижения своих далеко идущих целей.

⁸ Эдуард Мэлет отрицал приписываемые ему Вильгельмом выражения, как доносил из Лондона 2 ноября 1895 г. немецкий посол граф Гатцфельдт [3, XI, № 2583, стр. 14]; другие документы показывают, что вопрос не был поставлен сэром Мэлетом так остро, как это изображает кайзер (*tatsächliches ultimatum*) в письме к Николаю II и своем меморандуме от 25 октября [там же, стр. 9, 12]; подробно этот инцидент рассмотрен в работе А. Ерусалимского [9] и как иллюстрация к приемам буржуазной дипломатии в статье акад. Е. В. Тарле («Приемы и методы работы, организационные формы и техника современной дипломатии», — «История дипломатии», т. III, М., 1945, стр. 744—749).

⁹ Подробно этот вопрос разработан проф. А. Ерусалимским [9, гл. II].

В своих воспоминаниях барон фон Маршалль сообщает, что первое известие о волнениях в Йоганнесбурге он получил 31 декабря 1895 г. и что оно его встревожило. Сообщение же о набеге Джемсона он получил уже 1 января нового года в 13 час. 15 мин. и немедленно телеграфировал императору об этой сенсационной новости. Оба эти утверждения не отвечают истине. Во-первых, известия эти не были и не могли быть неожиданными, как это говорит Маршалль. Сведения об южноафриканских делах регулярно поступали на Вильгельмштрассе из Йоганнесбурга и Претории, Лоренсу-Маркиша и Кейптауна.

Еще 24 декабря 1895 г. германский консул в Претории фон Герфф послал своему правительству телеграмму, информирующую о возросшей активности английской партии в столице Ранда и готовящемся там в ближайшие дни выступлении. «Правительство Южно-Африканской Республики со своей стороны принимает меры», — заканчивает эту телеграмму германский консул [3, XI, № 2585, стр. 15]. В Потсдаме казались обеспокоенными. Английского посла в Берлине ознакомили с содержанием этой депеши и предупредили о последствиях, которые повлечет за собой нарушение статус-кво в Южной Африке [3, XI, № 2586, стр. 15—16]. 30 декабря консул в Претории получил ответ на свою информацию. «Я категорически заявил Англии, — писал барон фон Маршалль, — что Германия признает Трансвааль согласно конвенции 1884 г. независимым и будет строго придерживаться этой точки зрения. Прошу устно и конфиденциально сообщить тамошнему правительству об этом и вместе с тем внушить ему, чтобы оно для сохранения благорасположения Германии избегало всяких провокаций» [3, XI, № 2587, стр. 16].

Таким образом, обеспокоившее барона известие из Йоганнесбурга не могло явиться для него такой уж неожиданностью, как он изображает в своих воспоминаниях. К тому же Маршалль неправ, когда пишет, что весть о переходе отрядом Джемсона трансваальской границы была получена им днем 1 января 1896 г. Телеграмма фон Герффа прибыла в министерство иностранных дел 31 декабря, т. е. достаточно рано, для того чтобы в министерстве успели развить в этот же день бурную дипломатическую переписку.

Копия телеграммы преторийского консула была переслана в Лондон германскому послу с лаконической припиской: «Инструкции следуют». Затем министр иностранных дел Германии пригласил к себе английского посла сэра Франка Лешелса, довел до его сведения содержание преторийской телеграммы и сделал в связи с этим ряд заявлений. Фон Маршалль говорил о напряженном положении в Трансваале, грозящем вооруженным конфликтом, о якобы умеренной позиции германского правительства, осуждающего насильственную политику как с той, так и с другой стороны. «Я считаю своим долгом снова разъяснить... — говорил Маршалль, — что имперское правительство не может принять такой развязки событий (т. е. аннексии Трансваала правительством Капской колонии. — *М. Р.*) и должно тем более настаивать на сохранении статус-кво, установленного соглашением 1884 г. Эта позиция диктуется как нашими коммерческими и хозяйственными интересами, так и нашим общественным мнением, не терпящим никаких уступок в этом вопросе» [2, стр. 326—327; 3, XI, № 2589, стр. 17—19].

В заключение немецкий министр снова угрожал созданием континентальной коалиции, которая может попытаться разрешить спорные вопросы за счет Британской империи. В этих угрожающих словах опять отражались ошибочные представления берлинского правительства как о степени затруднений, переживаемых английским кабинетом, так и о степени сближения между двумя основными континентальными группами.

ровками держав [2, стр. 327; 3, XI, стр. 18; 15, стр. 94]. Одновременно с одобрения советника кайзера Гольштейна Маршалль послал в Лондон инструкции, по которым германский посол должен был немедленно и официально запросить британское правительство об его отношении к переходу трансваальской границы войсками Британской Южно-Африканской привилегированной компании, и если выяснится, что лондонский кабинет поддерживает Джемсона, то Гатцфельдт должен потребовать свои паспорта. В случае же отрицательного отношения Лондона к набегу послу поручалось запросить, какими средствами британское правительство думает устранить подобное нарушение права [3, XI, № 2590, стр. 19; 17, стр. 364].

Таково содержание этого, так называемого первого, ультиматума.

В тот же день, когда было получено известие о набеге Джемсона, Маршалль с разрешения кайзера и после обсуждения этого вопроса с адмиралом фон Кнорром, капитаном фон Геррингером и доктором Лейдсом, представлявшим Трансвааль и находившимся тогда в Берлине, послал телеграммы в Преторию и Лиссабон [17, стр. 365]. В одной из них у португальского правительства испрашивалось разрешение на высадку отряда германских моряков с военного корабля, стоявшего в бухте Делагоа, и на проход этого десанта через Мозамбик. Другая телеграмма, адресованная немецкому консулу фон Герффу, предписывала последнему немедленно договориться с Крюгером о том же и использовать команду моряков (которую уже предупредил адмирал фон Кнорр) «для защиты во время беспорядков... жизни и имущества имперских подданных» [3, XI, № 2591, стр. 19—20].

Германские домогательства натолкнулись на противодействие трансваальского правительства. Крюгер, используя преимущества, которые ему давала немецкая протекция, в вежливой, но твердой форме отклонил назойливые германские предложения, которые безусловно привели бы к ухудшению англо-германских отношений, а следовательно, осложнили бы положение Трансвааля.

Одновременно берлинское правительство запросило губернатора германской Восточной Африки Виссмана, сможет ли он без ущерба для себя отправить в Трансвааль 400—600 человек через бухту Делагоа [3, XI, № 2591, стр. 20].

Однако до высадки отрядов дело не дошло. Португальское правительство, помедлив несколько дней, разрешило высадку с немецкого военного судна 50 человек, но это было уже 5 января 1896 г., когда провал джемсоновской авантюры сделал высадку ненужной.

1 января 1896 г. английский посол в Берлине сэр Франк Лешелс передал Маршаллю ноту от Солсбери. Это был ответ на запросы германского правительства по поводу беспорядков в Трансваале. Солсбери согласился с замечаниями Маршалля и извещал последнего об усилиях Чемберлена, который принимает все меры, чтобы восстановить спокойствие [3, XI, № 259, стр. 23].

Ответ и заверения Солсбери прибыли тогда, когда на Вильгельмштрассе было уже донесение из Претории. Фон Герфф сообщал, что «верховный комиссар Капской колонии официально дезавуировал действия Британской Южно-Африканской компании и приказал ее отрядам отступить. Однако этот приказ не был выполнен начальником отряда Джемсоном. Здесь не верят в искренность дезавуирования и убеждены, что английское правительство знало об этих действиях» [3, XI, № 2593, стр. 21].

Первый день января не принес значительных изменений и новостей. Лишь яснее стала позиция Великобритании, внешне чрезвычайно лояль-

ная, идущая как будто бы навстречу желаниям и требованиям Берлина, а в действительности рассчитанная на то, чтобы по мере возможности помешать своим противникам действовать и выиграть время. С другой стороны, обнаруживается и некоторая нерешительность германского правительства. Оно заявляет протесты в Лондоне и Берлине: угрожает коллективным выступлением держав против Англии; встречаясь с успокоительными заявлениями Даунинг-стрит, отказывается верить им, но все же вынуждено ждать результатов как самого «рейда», так и предпринятых английским правительством шагов.

В те же дни германское правительство встретилось с несколько неожиданным для него противодействием Трансвааля. Крюгер прекрасно понимал, что германские империалисты, оказывая поддержку Южно-Африканской Республике, руководствуются политическими расчетами, что бурское государство явилось лишь местом, где столкнулись противоречивые англо-германские интересы, и что германский протекторат явился бы для независимости буров не менее гибельным, чем британский¹⁰. И старый президент убеждал германского консула отложить высадку немецких моряков, что неизбежно привело бы к обострению конфликта.

Нарочитая неторопливость португальцев в вопросе о разрешении высадки германскому отряду в бухте Делагоа раздражала берлинское правительство, но в то же время и сдерживала его. Наконец, создание антианглийского единого фронта, которым угрожали Лондону, оказалось трудной, если не безнадежной задачей. Французский посол в Берлине Эрбетт, с которым барон фон Маршалль 1 января обсуждал возможность континентального блока, хотя и одобрительно встретил германский проект, но дал понять, что до соглашения еще очень далеко [17, стр. 367].

День 2 января не принес благоприятных известий, и обстановка оставалась еще достаточно напряженной. Барон фон Маршалль обсуждал южноафриканский вопрос с Лейдсом, Блокландом (официальным представителем Трансвааля) и другими лицами.

Полученная вскоре из Претории телеграмма извещала о сражении у Крюгерсдорпа, результат которого еще не был известен.

Положение обострялось. «Если столкновение закончится неблагоприятно для буров, то трансваальское правительство вынуждено будет сделать ряд уступок в избирательном праве», — сообщал из Претории консул фон Герфф [3, XI, № 2801, стр. 28].

После того как произошло столкновение, исход которого мог изменить любезное Германии статус-кво в Трансваале, фон Маршалль решил действовать энергично. В тот же день министр иностранных дел Германии телеграфировал в Лондон текст новой, одобренной императором ноты, в которой английское правительство обвинялось в потворстве Джемсону. Вот текст этого так называемого второго ультиматума, который графу Гатцфельдту предстояло передать Солсбери:

«На сделанное мною 1 января от имени императорского правительства представление в связи с вторжением в Трансвааль вооруженных банд с территории, находящейся под английским протекторатом, и на мой запрос о шагах, которое королевское великобританское правитель-

¹⁰ Почти за год до описываемых событий, на банкете по поводу дня рождения Вильгельма II, Крюгер среди фраз о германо-трансваальской дружбе произнес в заключение и такую: «Наша маленькая республика еще только ползает между великими державами, и мы чувствуем, что, когда одна из них хочет наступить нам на ногу, другая старается этому воспрепятствовать» [8, стр. 132]; см. также замечание Гогенлоу в его письме к Вильгельму (7 января 1896 г.) о том, что Лейдс (статс-секретарь Трансвааля) хочет извлечь пользу из конвенции 1884 г. и т. д. [3, XI, № 2618, стр. 37—38].

ство намерено предпринять, Ваше Превосходительство любезно ответили, что лондонское центральное правительство послало приказ немедленно отозвать интервентов. Как только сейчас императорскому правительству стало известно, этому приказу не был дан ход. Более того, все это привело к кровавому столкновению между наемниками Британской Южно-Африканской компании и бурами.

В соответствии с данными мне инструкциями я вынужден объявить, что императорское правительство заявляет против этих действий протест и что оно не намерено признавать никаких изменений в установленном договорами международном положении» [3, XI, № 2600, стр. 27].

Депеша была послана. Получив ее, граф Гатцфельдт немедленно передал ноту в запечатанном конверте в Форин оффис. Лорда Солсбери в Лондоне не было. Он был за городом и его ожидали в министерстве не ранее трех часов дня [3, XI, № 2605, стр. 29].

Император Вильгельм был доволен направлением, какое приняли события. «Я заговорил в Лондоне очень суровым языком»¹¹, — самодовольно писал он в этот день Николаю II [11, стр. 16].

Но вечером 2 января все вдруг изменилось. Стало известно о поражении и сдаче Джемсона. Об этом сообщали германский консул из Претории и трансваальский посол в Берлине. Наконец, аналогичная телеграмма прибыла из Лондона от Гатцфельдта [3, XI, № 2602, 2603, 2604, стр. 28—29].

Немецкому послу в Лондоне немедленно было передано приказание не передавать «ультиматума». К счастью, Солсбери еще не возвратился в город, и нота утром 3 января была получена обратно нераспечатанной, о чем Гатцфельдт сразу же сообщил в Берлин [3, XI, № 2600 стр. 27, 2603, стр. 28].

В тот же день, следуя полученной инструкции, германский посол выразил лорду Солсбери свою радость по поводу развязки южноафриканских событий, избавившей его от тяжелой обязанности передать ноту протеста [3, XI, № 2611, стр. 32].

Политический горизонт, казалось, прояснился. Но поражение Джемсона хотя немного и разогнало грозовые тучи, однако не смогло уничтожить основных разногласий между Англией и Германией.

Мы видели, что германское правительство открыто выступило с поддержкой буров, подстрекая их к сопротивлению, помогая советами, оказывая полезное Крюгеру давление в Лондоне и... попутно пытаясь ввести своих солдат на территорию Трансвааля. Когда же предприятие Джемсона потерпело крах, берлинский кабинет воспользовался затруднительным положением Великобритании, чтобы поставить «вопрос о пересмотре конвенции 1884 г., которая в известной степени ограничивает права Трансвааля в отношении заключения договоров» [3, XI, № 2609, стр. 31].

И прежде в беседах, происходивших между официальными представителями Англии и Германии, несколько раз поднимался этот вопрос, и немецкие требования статус-кво в Южной Африке исходили из априорного положения о независимости Трансвааля.

3 января 1896 г. Маршалль обратился к Герффу в Преторию с распоряжением «конфиденциально переговорить с президентом Крюгером», довести до сведения последнего мнение германского правительст-

¹¹ Письмо от 2 января. Лоуэлл в своей работе [17], приводя текст этого письма, неверно датирует его 5 января (стр. 375—376). Из текста письма видно, что оно написано до 3 января, более того, до получения известия о поражении Джемсона. В других работах, где фигурирует это письмо [например: 15], оно правильно помечается 2 января 1896 г.

ва, что конвенция 1884 г. хотя и ограничивает в известной степени права Трансвааля в отношении заключения договоров, но это вовсе не исключает того, что республика может обращаться к державам и просить их обсудить на соответствующей конференции положение в Трансваале. «Германия поддержала бы подобное предложение Трансвааля. Императорское правительство не хочет брать на себя инициативы, так как президент лучше знает положение и интересы своей страны и так как мы не желаем, чтобы нас подозревали в преследовании собственных целей»¹².

Среди документов, опубликованных в [3], это, пожалуй, наиболее откровенный, показывающий, что за спиной Крюгера стояло германское правительство, поддержка которого хотя временами и делала «дядюшку Поля» более решительным в своих действиях, но все же не бросала его целиком в объятия Германии.

Однако, каков бы ни был этот документ, он оставался тайным для публики и не мог оказать значительного влияния на англо-германские взаимоотношения. Экспансионистские круги Германии настаивали на более решительных и откровенных действиях. Они оказывали давление на правительство, в котором были и лица, старавшиеся не делать опрометчивого шага. Например, Гольштейн писал (4 января) в Лондон графу Гатцфельдту: «Будьте уверены, что здесь, несмотря на колониальные и иные нажимы, не будут действовать по настроению или капризу» [3, XI, № 2612, стр. 33]. Но «колониальные и иные нажимы» оказались сильнее. Тем более что к «иным» относился и сам император, торопившийся действовать, считавший момент чрезвычайно подходящим для выступления. Так родилась мысль сделать явным то, что до сих пор было прикрыто дипломатической тайной: в голове Вильгельма II родилась мысль о телеграмме трансваальскому президенту. Эта идея сначала материализировалась в проекте телеграммы, датированной 2 января и составленной императором еще до получения известия о сдаче Джемсона. В этом проекте Крюгеру предлагался германский протекторат [17, стр. 369].

Лишь имея в виду эту закулисную сторону событий, можно понять те цели, которым должна была служить поздравительная телеграмма Вильгельма Крюгеру. Эта телеграмма была открытым, демонстративным выражением германской точки зрения на трансваальский вопрос. Подчеркивая в тексте телеграммы полную независимость бурской республики, она тем самым отрицала английские права на Трансвааль, определенные конвенцией 1884 г., отрицала британский взгляд на Англию как на преобладающую державу в Южной Африке. Германский империализм на миг приподнял забрало. Этим в значительной степени объясняется тот взрыв негодования, которым в Соединенном Королевстве встретили злополучную вильгельмовскую телеграмму.

Обратимся сейчас к этой депеше и ее составлению.

Мы видели, что первые дни 1896 г. были заполнены разного рода дипломатической перепиской, затрагивающей тот же круг вопросов, что и депеша, посланная 3 января в 11 час. 20 мин. в Преторию. Телеграмму подписал «Вильгельм, император и король». Впоследствии он всячески пытался доказать, что его участие в составлении знаменитой, связанной

¹² На эту телеграмму Герфф ответил 4 января, что он переговорил с Крюгером и что тот, поддерживая предложение о созыве конференции, рассчитывает официально поставить этот вопрос, когда английское правительство отклонит трансваальские требования [3, XI, № 2609, стр. 31].

с его именем телеграммы ограничилось разве лишь подписью, что он всячески старался удержать своих министров от этого неверного шага.

Предоставим слово кайзеру. В своих небольших по размеру, но переполненных тенденциозными неточностями воспоминаниях Вильгем II считал необходимым посвятить несколько страниц своей телеграмме.

После короткого вступления о том волнении, какое произвел в Германии набег Джемсона, о возмущении немецкого народа насилием, произведенным «над маленькой нацией нидерландского, следовательно, саксонско-немецкого происхождения», и о том, как это возбуждение распространилось на высшие круги общества и принесло императору много забот, так как он не желал осложнения с Англией, хотя симпатизировал бурам и т. д. и т. п., — после всего этого император Вильгельм написал: «Однажды, когда я обсуждал какой-то вопрос с моим дядей-канцлером, у него в доме в присутствии... адмирала Хольмана, появился очень взволнованный статс-секретарь Фридрих Маршалль с листом бумаги в руке¹³. Он объяснил, что возбуждение в обществе и даже в рейхстаге настолько возросло, что ему надо дать какой-нибудь выход и что лучше всего этого можно будет достигнуть, послав Крюгеру телеграмму, черновик которой и был у него в руках. Я протестовал, и адмирал Хольман меня поддерживал. Канцлер отнесся к вопросу довольно пассивно¹⁴. Но Маршалля нельзя было убедить» [7, стр. 45—46]. Далее «высочайший автор» писал о том, как ему, Вильгельму после напоминания, что он де конституционный монарх и не может идти «против сознания народа» (sic!) и «законных советников», скрепя сердце пришлось послать телеграмму за своей подписью.

Такова версия кайзера Вильгельма II, которая, по мягкому замечанию канцлера Бернгарда Бюлова, «не вполне соответствует истине» [6, стр. 203], хотя после печально-знаменитого интервью Вильгельма с корреспондентом «Дейли телеграф» в ноябре 1908 г. император, громко жалуясь на несправедливое отношение к нему немецкого народа, снова уверял всех, что телеграмму Крюгеру «его заставили отправить Маршалль, Гогенлоэ и бывший директор колониального отдела Кайзер».

С другой стороны, пишет далее Бюлов, «Маршалль неоднократно уверял меня, что он дал свое согласие на отправку телеграммы только потому, что иначе император „натворил бы гораздо худшие глупости“. Желания и намерения императора сводились тогда к тому, чтобы локализовать конфликт, превратив его в спор между бурскими республиками и английской Капской колонией. Его величеству в то время рисовалась фантастическая мысль заключить с бурами оборонительный и наступательный союз и воевать на их стороне против англичан, но при этом в Европе он хотел сохранить мир с Англией» [6, стр. 203].

Кроме ряда позднейших воспоминаний об этом событии (их много появилось в 1908—1909 гг.), когда скандал с императорским интервью в «Дейли телеграф» вновь пробудил интерес к англо-германским отношениям времен бурской войны, есть еще непосредственные свидетельства очевидцев. К ним можно отнести запись в дневнике одного из главных действующих лиц — барона фон Маршалля. Эта запись, относящаяся к

¹³ Несколько раньше, в 1909 г., Вильгельм, вспоминая об этом инциденте, писал, что Маршалль появился с проектом телеграммы еще до прихода императора, в то время когда канцлер Гогенлоэ и Хольман ожидали его [3, XI, № 2611, стр. 32].

¹⁴ Буквально несколькими строчками выше император пишет о Гогенлоэ, что, «посылая известную депешу Крюгеру, он, по-видимому, потерял осмотрительность и ясный взгляд, иначе нельзя объяснить той настойчивости (!), которую он проявил при этом». Это одно из многочисленных противоречий в путаных и лживых мемуарах Вильгельма II.

факту происхождения телеграммы, тем более ценна, что была сделана в тот же день. По воспоминанию Маршалля, 3 января 1896 г., в 10 час. утра, на дому у рейхсканцлера в присутствии императора происходило совещание. Кроме кайзера, канцлера Гогенлоэ и самого Маршалля в комнате присутствовали адмирал Хольман, адмирал фон Кнорр и лейтенант Селден (тогда военный атташе в Константинополе). В соседней комнате находился Гольштейн [2, стр. 327; 15, стр. 93; 17, стр. 362]. «Его величество, — записал тогда же после заседания Маршалль, — выдвинул удивительные планы. Протекторат над Трансваалем, от которого я его сразу отговорил. Мобилизация флота. Посылка войск в Трансвааль. На замечание канцлера, что это была бы война с Англией, его величество сказал: „Да, но только на суше“. В заключение его величество, по моему предложению, обратился с поздравительной телеграммой к президенту Крюгеру» [23, стр. 201].

Версия, преподнесенная в дневнике Маршалля, более близка к истине. Планы императора Вильгельма шли чересчур далеко и были поистине фантастическими (сухопутная война с Англией в Южной Африке при сохранении мирных отношений с той же Англией в Европе и на море!).

Планы кайзера являлись настолько бредовыми, что его советники, преувеличивавшие до беспредельности затруднений Англии в эти дни, умерили пыл своего монарха. И напрасны усилия Вильгельма опровергнуть это.

Мысль о посылке Крюгеру просто поздравительной телеграммы, поданная бароном Маршаллем, была принята в конце концов Вильгельмом. Авторство этой телеграммы приписывалось самым различным лицам: и самому императору, и Маршаллю, и барону Гольштейну. Но после опубликования дневника Маршалля не может быть сомнений в том, что инициатором посылки телеграммы явился он. Первый проект, составленный еще ранее Вильгельмом, был отвергнут. Новый вариант написал директор колониального отдела министерства доктор Кайзер, который, по словам Бисмарка, был «толковым юристом и умным человеком и умел писать в каком угодно направлении, в зависимости от того, что требовалось в высших сферах» [6, стр. 204].

Не мудрено, что проект телеграммы, написанной Кайзером, был выдержан в духе требований императора Вильгельма, т. е. был чересчур резким. Окружающие, главным образом Маршалль, изменили этот текст, несколько смягчив его [3, XI, № 2610, стр. 32].

Такова канва событий, и прав Бюлов, когда в своих воспоминаниях замечает: «Я полагаю, что к телеграмме, отправленной Крюгеру, были причастны все руководящие факторы того времени. Вильгельм II под влиянием настроения, которое владело им в то время, хотел „дать по физиономии“ Англии, в частности своему дяде Эдуарду. Маршалль надеялся, что эта телеграмма, которую он с жаром защищал в рейхстаге, обеспечит ему популярность, ибо он страдал от своей непопулярности, вызванной личной враждой к нему семьи Бисмарка. Престарелый канцлер Гогенлоэ был усталым человеком, который предоставлял все своему течению» [6, стр. 203].

В посылке телеграммы был сильный элемент блефа. Ни Маршалль, ни Гогенлоэ, несмотря на давление, оказываемое в особенности на первого колониальными кругами, не желали в то время риска войны с Англией. Не желал этого и Вильгельм, шедший, самое большое, на фантастическое локализованное столкновение в Южной Африке. Было решено воспользоваться затруднительным положением Великобритании, чтобы добиться ряда уступок, главным образом в южноафриканском вопросе.

Телеграмма должна была перед всем миром показать, что Германия

заинтересована в сохранении статус-кво в Трансваале, которое понималось как полная независимость Южно-Африканской Республики, и что Германия намерена даже сражаться за это. Деша кайзера должна была сделать Англию более покладистой в ее тогдашних переговорах с бурами, а германо-трансваальские отношения — более тесными. Помимо этого, телеграмма и вызванные ею последствия, каковы бы они ни были, должны были послужить средством для агитации в пользу строительства большого военно-морского флота. «Монарх был полностью захвачен этой идеей после первого отклика на телеграмму в Германии и за границей» [15, стр. 93].

Но эффект от телеграммы был совсем не тот, какого ожидали в Берлине. Британская империя оказалась прочнее, чем предполагали немцы, а надежды на создание континентальной коалиции — достаточно эфемерными. Деша Вильгельма II явилась в итоге «одной из величайших глупостей далеко не бедной ошибками германской политики от 1890 до 1914 года» [8, стр. 134].

Телеграмма Вильгельма Крюгеру усилила стремление британских империалистов к захвату бурских республик и в то же время способствовала дальнейшему ухудшению англо-германских отношений. «Телеграмма германского императора, — вспоминал позднее лорд Грей, — несомненно вызвала в Англии удивление и раздражение. Оно прошло, однако, без инцидентов, так как рейд сделал Англию виновной, а Крюгера правым» [16, стр. 36]. Это замечание можно отнести к моменту самого конфликта, завершившегося благополучно. В действительности значенные телеграммы более велико. Конечно, не одна она виновна в ухудшении англо-германских отношений, но она сильно способствовала зарождению в Англии обоснованного недоверия к целям германской политики и усилению там антинемецких настроений.

Английское правительство приняло меры. 8 января был опубликован приказ о формировании специальной эскадры из шести кораблей, которым было предписано направиться в Делагоа. Были усилены гарнизоны в Южной Африке. К концу 1896 г. они выросли в полтора раза и затем уж продолжали расти до начала англо-бурской войны [16, стр. 36; 21, стр. 30—32].

Свое веское слово сказала и лондонская биржа. Германские бумаги понизились в цене [14, стр. 44].

Деша Вильгельма Крюгеру была встречена единодушным взрывом протеста не только в самой Англии, но и в ее южноафриканских владениях. В редакции газет самых различных направлений пришло много писем, протестующих статей, требований разрыва отношений с Германией. Вот, например, отрывок из статьи в лондонском «Экономисте» под характерным названием: «Нападение германского императора на Великобританию»: «Никогда не было более незаслуженного и преднамеренного оскорбления великой державы. Британское правительство могло бы, если бы отряд прусских мародеров вторгся в Баварию, также поздравить баварского короля с тем, что он защитил независимость своего государства от германского императора. Вильгельм II ответил бы на это объявлением войны, и, хотя Англия не так бурна в своих действиях, он не должен удивляться, если события пойдут по этому пути» [14, стр. 34].

Везде осуждение германского императора тесно переплелось с джингоистскими демонстрациями и восхвалением Джемсона. Это были разные стороны одного и того же события. Вильгельмовская телеграмма сделала Джемсона героем джингоистской толпы. Его сравнивали с Клайвом, Вильгельмом Оранским, Гарибальди, его портреты выставлялись

в окнах, его имя звучало с трибун Гайд-парка, со сцен лондонских театров и мюзик-холлов.

Антигерманские выступления не ограничивались только лондонскими доками, где произошли столкновения с немецкими моряками, или театральными залами. Они происходили и в деловых сферах. Известна сцена на банкете в Гард-Соммершите, где мэр поднял бокал за здоровье и благополучие всех членов королевской семьи, кроме одного внука ее величества. На заседании одного из биржевых комитетов на входящих в зал представителей крупных немецких фирм шикали почтенные биржевики и спекулянты. Правда, у них были на это основания: ведь прежде всего их задевала растущая германская конкуренция, в частности в Южной Африке, где импорт германских товаров все возрастал.

Словом, везде, от верхних до низших слоев общества, от биржи до лондонских доков, звучали слова старой джингоистской песни:

We don't want to fight, but by Jingo if we do
We have the ships, we have the men, we have
the money too!

Не только в Англии и ее колониях, но и в других странах телеграмму Вильгельма встретили совсем не так, как рассчитывали император и его правительство.

Русский кабинет показал мало желания поддержать германские домогательства. Небольшая заинтересованность Российской империи в южноафриканских делах, некоторое смягчение англо-русских противоречий в Центральной Азии, горькие отзвуки экономической борьбы с Германией, закончившейся к неудовольствию русских промышленных кругов торговым договором 1894 г., недавнее оформление франко-русского союза, являвшееся в конечном счете ответом на австро-германо-итальянский блок, — все это определило позицию Петербурга.

Не оправдались расчеты германского правительства на англо-французский антагонизм. В Париже, где сначала печать более или менее одобрительно отнеслась к действиям кайзера и не скрывала своего удовольствия по поводу затруднительного положения Англии, вскоре стали раздаваться совершенно противоположные голоса. Как заметил Гогенлоз, уже через 24 часа «первые движения сердца испарились» и французские газеты снова заговорили об Эльзасе и Лотарингии [3, XI. № 2618, стр. 38]. Все германские предложения были не только неодобрительно приняты на Кэ д'Орсей, но и содержание их было немедленно передано в Лондон с заверением, что Франция знает только одного врага — Германию [19, стр. 52].

Еще более благоприятной для Великобритании была позиция Японии, сближение с которой наметилось в предшествующие годы.

Очень сдержанный прием встретили германские предложения даже у ее союзников. Италия в связи со своими затруднениями на Красном море нуждалась в английской поддержке. Вена холодно отнеслась к немецким предложениям, расценив их как «опрометчивые и неоправданные» [2, стр. 328].

Не мудрено, что в конце концов германские затеи относительно антибританского континентального блока не вышли из стен берлинской канцелярии [подробно см.: 9, гл. II].

Прошло немного времени, и Вильгельма охватило беспокойное стремление сгладить произведенное телеграммой впечатление. Резонанс был слишком громким, что и вызвало тревогу у не отличавшегося храбростью императора, хотя позднее он и заявлял хвастливо в письме (от

20 января 1896 г.) к Николаю II, что «отношение их (т. е. англичан. — М. Р.) ко мне было очень непристойным, но меня это оставляет совершенно равнодушным» [11, стр. 18].

Берлинский кабинет старался смягчить провокационный выпад своего монарха. Германским империалистам приходилось бить отбой. С другой стороны, и английское правительство также считало в то время обстановку неблагоприятной для развязывания конфликта.

В 1898 г. Солсбери, вспоминая о тревожных неделях 1896 г.; писал Эккардштейну: «Война была бы неизбежна с того момента, когда первый немецкий солдат вступил бы на трансваальскую землю... А если бы дело дошло до войны между нами, то последняя неизбежно бы превратилась во всеобщую европейскую войну. Французский посол в Лондоне Курсель уже сообщил мне, что в случае англо-германской войны Франция будет соблюдать самый благожелательный для нас нейтралитет и даже, возможно, в конце концов примет активное участие в войне. Далее Петербург дал нам понять, что в случае войны с Германией Англии не нужно будет опасаться России ни в Центральной Азии, ни где бы то ни было. И всякий человек, находящийся в здравом уме, должен был видеть, что Германия в такой войне должна была потерять все и не выиграть ничего» [20].

Провокация германских империалистов потерпела неудачу. Политический горизонт вскоре несколько прояснился, но впечатление, произведенное в Англии вильгельмовской депешей, так и не сгладилось в последующие годы, как заявил в 1913 г. английский посол в Берлине сэр Эдуард Гошен одному бельгийскому дипломату [13, стр. 97—98].

Инцидент с телеграммой, посланной Вильгельмом Крюгеру, — один из первых колониальных конфликтов империалистических держав, которые привели в конечном счете к кровавой грозе 1914 г.

Вот почему и ныне, когда рушится всемирная система «колониального угнетения и финансового удушения горстью „передовых“ стран гигантского большинства населения земли» [1, стр. 305], когда в порядок дня поставлен вопрос о полной ликвидации позорной системы колониализма, уместно вспомнить о тревожных январских днях 1896 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ленин В. И., Империализм, как высшая стадия капитализма, — Полное собрание сочинений, т. 27.
2. «British Document on the Origin of the War 1898—1914», vol. 1, London, 1926.
3. «Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette, 1871—1914», IV, XI, Berlin.
4. Temperley H. and Penson L. M., Foundation of British Foreign Policy from Pitt (1792) to Salisbury (1902), Cambridge, 1938.
5. Бисмарк О., Мысли и воспоминания, т. III, М., 1941.
6. Бюлов Б., Воспоминания, М.—Л., 1935.
7. Гогенцоллерн Вильгельм, Мемуары 1878—1918, Пг., 1923.
8. Дармштеттер, История раздела Африки, М., 1924.
9. Ерусалимский А. С., Внешняя политика германского империализма в конце XIX века, М., 1951.
10. Ерусалимский А. С., Трансваальский кризис 1896 г. и германские планы «Континентальной Лиги», — «Труды по новой и новейшей истории», т. I, М., 1948.
11. «Переписка Вильгельма II с Николаем II (1894—1914)», Пг., 1923.
12. Colvin J. D., The Life of Sir Leander Starr Jameson, vol. 1, London, 1922.
13. Churchill W., A Roving Commission.

14. «Economist», London, 1896, № 2733.
15. Garvin J. L., The Life of Joseph Chamberlain, vol. III, London, 1932—1933.
16. Grey E., Twenty Five Years, 1892—1916, vol. 1—3, London, 1928.
17. Lovell R., The Struggle for South Africa, 1875—1899, New York, 1934.
18. Penner C. D., Germany and Transvaal before 1896, — «The Journal of Modern History», 1940, XII.
19. Pribam England and the International Policy of European Great Powers, 1871—1914, Oxford, 1931.
20. Sidney, Life of King Edward VII, vol. 1.
21. Stead W. T., How Britain goes to war, London, 1903.
22. Stead W. T., The Scandal of South African Committee, — «Review of Reviews», London, 1899.
23. Tiemme Friedrich, Die Krügers Depesche, — «Europäische Geschichte», 1924, № 3.
24. «The Times», 29.I.1895.
25. «The Times' History of the War in South Africa», vol. 1, London, 1900.
26. Walker E. A., A History of South Africa, London, 1928.
27. Wolf L., Life of Lord Ripon, vol. 2, London, 1921.

И. В. Рябикова

ЗАХВАТ И КОЛОНИАЛЬНОЕ ПОРАБОЩЕНИЕ КАНАРСКИХ ОСТРОВОВ ПО ДАННЫМ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ХРОНИК XV—XVI ВЕКОВ

Канарские острова расположены в Атлантическом океане у северо-западных берегов Африки. Острова эти, лежащие на морских путях из Европы к Центральной и Южной Америке (бассейн Карибского моря) и к Экваториальной и Южной Африке, издавна имели важное стратегическое значение. Архипелаг состоит из семи крупных и ряда мелких островов и скал, представляющих собою огромную дугу длиной более 550 км. Восточную часть дуги составляют острова Лансароте и Фуэрте-вентура, южную — крупнейшие острова Гран-Канария и Тенерифе, западную — Пальма и Гомера, а к юго-западу от Гомеры лежит о-в Иерро. Кроме перечисленных к архипелагу относится также шесть мелких островков и утесов: Грасьоса, Алагранса, Монтанья-Клара, Лобос, Рокке-дель-Эсте, Рокке-дель-Оэсте.

Все острова Канарского архипелага очень красивы. Климат приятный, теплый. Земли необыкновенно плодородны, и на некоторых островах урожай можно собирать два раза в год. Вероятно, это да к тому же богатая фауна и разнообразная флора явились причиной плотного заселения островов.

Разделение островов на западную и восточную группы основывается прежде всего на своеобразии растительного мира.

Лансароте и Фуэртевентура отличаются от своих западных соседей отсутствием лесов. Здесь много фруктовых деревьев. Растет и так называемое драконовое дерево. На плодородной земле выращивают овес, из которого делают хлеб. На этих островах есть очень ценное растение орсель (*Roccella tinctoria*), используемое для изготовления краски.

Острова западной части архипелага покрыты лесами из сосны, ели, лавра, драконовых деревьев. В большом количестве произрастают фруктовые деревья. В гористой части о-ва Иерро растут деревья с вкусным и чистым соком, употребляемым вместо питьевой воды. Рек с питьевой водой немного.

Тенерифе — самый плодородный из всех семи островов архипелага. «И нет фактически места в мире, где был бы лучше воздух, нет страны, которая была бы прекрасней этой равнины, очень плодородной благодаря большому количеству воды, текущей маленькими ручейками из расщелин скал; они сливаются в одну реку и бегут по равнине в море» [11, стр. 29]. Природа наделила остров всем, что может привлечь глаз человека. В различных зонах острова растительность очень разнообразна. На холмах и в долинах по берегам растут фиговые пальмы, бананы, драконово дерево, множество цветов и папоротников. Повыше, на склонах

гор, раскинулись вечнозеленые леса с тенистыми ущельями. Здесь множество видов папоротников, цветут лавры и кустообразная цинерария. Далее начинаются сосновые леса, затем вплоть до вечных снегов тянутся прекрасные пастбища.

Иерро несколько отдален от других островов. Он живописен, покрыт лесами из сосны и лавра. Почва хороша для земледелия.

Фауна Канарских островов тоже богата и разнообразна. К моменту их завоевания в большом количестве водились млекопитающие: козы, овцы, свиньи, небольшие собаки, которых туземцы держали как домашних животных и использовали для еды. Здесь множество красивых птиц: попугаев, ласточек, перепелок, ястребов и др. На о-ве Иерро — огромные ящерицы, а на Лансароте было много тюленей.

В эпоху античности и раннего средневековья Канарские острова называли «Счастливыми» или «Канарией».

Одни полагают, что первое название было дано им благодаря чудесному климату; другие склонны верить, что какие-то древние мореплаватели были спасены от гибели тем, что во время шторма им удалось пристать к этим островам.

Что касается «Канарии» (*canis* — лат. «собака»), то почти все исследователи единодушны и считают, что это название было дано благодаря огромным собакам, некогда жившим на островах. Так, мавританский царь Юба II, посетивший острова в конце I в. до н. э., привез оттуда в дар римскому императору Августу таких собак. Есть и такая версия, будто эти острова получили свое название «Канария» от растения *canes* — лат. «тростник». Из этого растения выдавливается мутный сок, являющийся сильным ядом, которым были отравлены многие «завоеватели» [11, стр. 3—4].

По данным различных источников, первые сведения о Канарах были получены во II—I вв. до н. э. [10, т. I, стр. 62, 66]. Вторичное открытие этих земель произошло в средние века, в первой половине XIV в. [10, т. III, стр. 241]. Но только к концу XIV в. были сделаны попытки подробнее познакомиться с архипелагом. Главную роль в этом сыграли французские рыцари, состоявшие на службе у короля Кастилии. Так, в начале XV в. Жан де Бетанкур и Гадифер де Ла Саль завоевали три острова Канарского архипелага. Попыткам Кастилии укрепиться на островах долго сопротивлялась Португалия, которая к середине XV в. утвердила свое господство на других островных группах в этой области Атлантики (Азорские острова, о-в Мадейра). По договору 1479 г. португальский король Афонсу V признал наконец права Испании на этот архипелаг.

Кастильцам были предоставлены права дальнейшего покорения остальных островов. Коренных жителей островов — гуанчей — лишали земель, чтобы отдать их конкистадорам. Пропаганда веры провозглашалась одним из главных мотивов покорения, а католическая церковь стала очень важным фактором, способствовавшим быстрой испанизации островов. Испанские епископы, духовные ордена и духовные миссии принимали активное участие в управлении и эксплуатации местного населения, причем львиная доля церковных доходов поступала в королевскую казну.

В результате жесточайшего угнетения число аборигенов неуклонно уменьшалось. Большая часть погибла от мечей испанцев, тысячи продавались на рынках Африки и Испании [29, стр. 55]. Многие были позднее истреблены инквизицией. «Так погиб один из первобытных народов, своеобразный язык и история которого могли бы многое разъяснить нам из истории финикийян и карфагенян» [9, стр. 193].

Таким образом, завоевание Канарских островов явилось первым актом заморской экспансии, предпринятым Кастилией, и одновременно

начальным этапом европейских колониальных захватов в Африке, первым шагом к завершённому много столетий спустя разделу этой части света европейскими поработителями. Вместе с тем Канарским островам суждено было стать как бы плацдармом для завоевания Америки и своего рода «опытным полем», где колонизаторы впервые применили кровавые, бесчеловечные методы порабощения и истребления коренного населения.

Поэтому изучение истории захвата Канарского архипелага представляет немалую важность для понимания истоков европейского колониализма и актуально в наши дни, когда бьёт последний час колониального господства империализма в Африке.

Между тем в советской историографии этот вопрос до настоящего времени специально рассмотрению не подвергался, да и, вообще, на русском языке, по существу, нет работ, посвящённых истории Канар. Известное внимание интересующему нас событию уделяется лишь в некоторых обобщающих трудах — оригинальных и переводных — по истории географических открытий [9, стр. 192—193; 8, стр. 33—42; 7, стр. 38, 57—58, 95—98, 103]. Сведения о Канарских островах и их коренном населении спорадически встречаются также в книгах, посвящённых проблеме Атлантиды (в том числе в ряде новейших работ по этому вопросу [3—5]); обычно сведения эти, однако, настолько незначительны, что особой ценности не имеют.

В зарубежной исторической и историко-этнографической литературе немало работ о Канарах [28]. В большинстве из тех, которые оказались доступны нам, острова рассматриваются как составная часть испанской колониальной империи, и только в отдельных главах содержатся сведения по истории архипелага. Таковы, например, работы Кампфа, Мак-Грегора, Шретера и др. [23; 25; 27].

Из работ, посвящённых завоеванию островов, описанию коренных жителей, некоторый интерес представляют работы Бори де Сен-Венсана и английского историка Глэса [15; 20]. Глэс побывал на островах в середине XVIII в. и дал их описание. Его работа представляет собой перевод сочинения испанца Абрео де Галиндо, написанного в 1632 г. Галиндо в свою очередь многое заимствовал из хроники Эспиносы, посетившего Канары в конце XVI в.

Почти все работы, использованные нами, носят описательный характер. Авторы или просто сообщают сведения об островах, известные им из других источников, или ограничиваются описанием своих путешествий, страны и реже — народа, не делая при этом никаких выводов и обобщений.

Предпринимая попытку воссоздать историю захвата и колониально-го порабощения Канарского архипелага, необходимо обратиться к непосредственному анализу источников. В настоящей статье рассматриваются в основном два нарративных источника: хроника Пьера Бонтье и Жана Ле Веррье и хроника Эспиносы. Пьер Бонтье и Жан ле Веррье принимали участие в экспедиции Жана де Бетанкура. Они оставили подробное описание этого предприятия с момента его начала и до смерти Бетанкура. Об авторах работы известно только то, что они были францисканскими монахами. После отъезда Бетанкура во Францию в 1406 г. Бонтье остался на островах священником в церкви Рубикон, а Ле Веррье возвратился во Францию, где и дописал последние главы хроники. Рукопись хранилась в доме Бетанкуров. В 1625 г. она была подготовлена к печати потомком Жана де Бетанкура Гильеном де Бетанкуром и вышла

в свет в 1630 г. [14]. В 1872 г. книга была переведена на английский язык и издана в Лондоне в серии Хаклэйтского общества [13]. Книга Бонтье и Ле Веррье — единственный источник, дающий наиболее полное представление о завоевании островов, в то время как другие хроники, написанные через 100 лет и более после завоевания, содержат в себе множество ошибок и неточностей.

Книга Бонтье и Ле Веррье состоит из 97 глав. Повествование ведется в хронологической последовательности. Основное внимание уделяется истории завоевания островов. Монахи очень подробно пишут о том, сколько канарцев было захвачено в плен, сколько убито. При этом канарцев они называют не иначе, как врагами. Например, гл. XXVIII называется «Как они (завоеватели. — *И. Р.*) встретили врагов», а следующая глава — «Как те, которых они встретили, напали на кастильцев». И нигде в книге не говорится о том, что кастильцы напали на кого-либо: зачинщиками всех войн монахи считают канарцев.

Много места монахи отводят бесконечным ссорам среди членов экспедиции. Разногласия начались еще в Ла-Рош-Шале, где возник спор между гасконцами и нормандцами. В Севилье некоторые матросы подстрекали всю команду поднять бунт против Бетанкура, и к моменту отплытия на острова из 80 матросов остались 53 [13, гл. III]. Заговоры продолжались и после прибытия на острова. Вся экспедиция разбилась как бы на два лагеря. Ссоры задержали покорение островов, так как туземцы, воспользовавшись раздорами среди европейцев, разбили несколько отрядов завоевателей и даже разрушили ряд крепостей [13, гл. XXIII]. Описанию островов и их жителей посвящено всего 20 глав; 5 глав хроники занимает инструкция, которую по распоряжению Бетанкура составили хронисты как для уже окрещенных, так и для собирающихся креститься туземцев. Инструкция состоит из обработок библейских легенд о сотворении мира, о новом ковчеге, о разделении мира и языков и т. д. Несколько последних глав, написанных Ле Веррье, посвящены непосредственно Бетанкуру — возвращению в Нормандию, семейным делам и, наконец, его смерти.

В английском издании книги имеется предисловие (написанное, по всей вероятности, редактором английского издания), где как бы резюмируется все, что было прежде известно о Канарских островах.

Автор второй хроники — доминиканский священник Алонсо де Эспиноса жил на о-ве Тенерифе в 1580—1590 гг. Его сочинение было опубликовано в Севилье в 1594 г. [18], затем переиздано в 1848 г. в Санта-Крус в серии «Библиотека острова» и, наконец, в 1907 г. было переведено на английский язык и издано, как и первая хроника, в серии Хаклэйтского общества [17].

О самом Эспиносе известно очень немного. Он был священником в Центральной Америке. Станные известия привели его на о-в Тенерифе. Он узнал, что у гуанчей еще за 100 лет до их завоевания было священное изображение девственницы и ребенка. Появление этого изображения было таинственным, и слава о «чуде» распространилась по всему свету, дойдя и до Эспиносы. Он решил провести исследования и написать историю образа, что и составило основную цель его работы. Эспиноса был поражен обстоятельствами появления образа у язычников задолго до того, как они стали христианами, и это заставило его провести тщательное исследование всего, что касалось местных жителей.

Благодаря Эспиносе мы располагаем наряду со сведениями Бонтье и Ле Веррье другим комплексом сведений о гуанчах, относящихся уже к концу XVI в. Часть своей работы Эспиноса посвятил завоеванию Тенерифе испанцами.

Работа Эспиносы состоит из четырех книг. Первая книга — «Описание Тенерифе и его населения». Она начинается с описания острова и его ранней истории. Затем Эспиноса переходит к истории гуанчей, к их обычаям и т. д. Заканчивается книга перечислением выдающихся людей, принадлежащих к племени гуанчей.

Вторая книга — «Происхождение образа Канделярии» — содержит историю образа мадонны с момента его появления на острове до времен Эспиносы. По ходу повествования автор сообщает кое-какие дополнительные сведения о гуанчах.

Третья книга посвящена завоеванию Тенерифе испанцами. Здесь описывается героическое сопротивление гуанчей, во время которого благородные качества народа проявились во всей своей полноте, и показано, что покорение острова произошло в результате эпидемии чумы, а не благодаря доблести испанцев. Заключительные главы книги рассказывают о заселении острова испанцами. Эспиноса заявляет, что «как по божественным, так и по человеческим правилам эти войны были несправедливыми и нет оснований оправдывать их. Туземцы не причинили зла испанцам, не захватывали их земель. Если же говорить, что испанцы принесли евангелие, то ведь это должно было быть сделано увещаниями, проповедями, а не барабаном и знаменем, убеждением, а не силой» [17, стр. IX—X].

Что касается четвертой книги, то о ее существовании мы знаем лишь из предисловия к английскому изданию. Так как четвертая книга содержит перечень 60 случаев излечения и других «чудес», совершенных образом, то она особого интереса для исследования истории и этнографии гуанчей не представляет и на английский язык переведена не была [17, стр. X].

Не случайно, что завоевание островов начали именно нормандцы. Еще в XIV столетии «нормандцы находились в тесной связи с африканским побережьем; вероятно, они тогда же посещали соседние острова Канарской группы» [23, стр. 8]. Несколько позднее Франсиско Лопес из Севильи был прибит бурей к Канарским островам. Сведения об этом попали в руки людей Бетанкура [23, стр. 8]. Кроме того, в официальных документах упоминается, что Жан де Бетанкур знал уже о Канарских островах благодаря рассказу французского моряка, который там высаживался вместе с испанцем Бесерра [24, стр. 128].

Обычно колонизаторами были частные лица (в большинстве своем дворяне), которые, как правило, сами финансировали и снаряжали свои предприятия [23, стр. 10]. Бетанкур принадлежал к богатой части дворянства и поэтому мог позволить себе организовать такую экспедицию, тем более что покорение Канарских островов сулило очень большую выгоду. Он предложил предпринять завоевание Канар на собственные средства, если ему разрешат управлять ими на правах вассала Кастилии. Адмирал Франции Рубин де Бракамонте ходатайствовал об этом перед кастильской короной и получил согласие [1, стр. 251].

1 мая 1402 г. в сопровождении рыцаря Гадифера де Ла Салья и моряков из Нормандии, Гаскони, Пуату и Анжу Бетанкур покинул г. Ла-Рош-Шале и, преодолев многочисленные трудности, высадился в июле на Лансароте [13, гл. III]. По прибытии на остров моряки пытались захватить несколько канарцев, но без успеха. Было решено разбиться на группы и рассеяться по стране в поисках туземцев. Вскоре Бетанкур и его спутники заметили нескольких канарцев, спускавшихся с горы. Среди этой группы находился и глава острова. С ним Бетанкур в присутствии Гадифера и других знатных лиц заключил соглашение о мире и дружбе. Вождь приветствовал Бетанкура и его спутников как друзей.

Бетанкур же обещал туземцам свою защиту от всех, кто попытается причинить им зло [13, гл. IV].

Вскоре моряки построили на острове замок Рубикон. Там Бетанкур оставил часть команды во главе с Бертином де Берневалем, а сам вместе с Гадифером и другими моряками переправился на о-в Фуэртевентура, или Эрбания [13, гл. IV]. Пробыв там восемь дней, моряки из-за недостатка продовольствия были вынуждены возвратиться в Рубикон, где приняли решение не покидать страну, пока ее не завоюют. Так как на личных средств и сил было мало, Бетанкур возвратился в Севилью и принес феодальную присягу королю Кастилии и Леона Энрике III. Король принял присягу и отдал Бетанкуру Канарские острова в лен, пожаловав одновременно $\frac{1}{5}$ доходов с островов, а также право чеканки на Канарах собственной монеты. Кроме того, Бетанкур получил деньги (20 тыс. мараведи) и корабль с 80 воинами и припасами.

Пока Бетанкур находился в Испании, Бертин де Берневаль, оставленный в качестве коменданта Рубикона, предпринял попытку захватить канарцев. Обманом ему удалось схватить и связать вождей и верховного правителя острова вместе с его свитой — всего 24 человека. Верховному правителю и еще одному канарцу удалось бежать, остальные 22 пленника были проданы Бертином в рабство [13, гл. XIII—XIV].

Подобное поведение пришельцев, конечно, не могло не вызвать недовольства жителей Лансароте, которые дружелюбно встретили Бетанкура и его людей и поверили их обещаниям. Вскоре канарцы убили нескольких испанцев. Гадифер, который в отсутствие Бетанкура побывал на о-ве Лобос и затем возвратился в Рубикон, потребовал выдать убийц, грозя истребить всех жителей острова. Один из туземцев острова, некто Ашэ, который хотел занять место правителя, повел переговоры с Гадифером. Он сообщил Гадиферу, что правитель ненавидит христиан и что убийство было совершено по его приказу. Вскоре Гадифер с 19 спутниками с помощью Ашэ захватил правителя и на цепи привел его в Рубикон. Правитель острова пообещал выдать убийц [13, гл. XX, XXI]. Еще до того как был захвачен правитель острова, Ашэ договорился с Гадифером, что тот его сделает вождем острова, если Ашэ со своими сторонниками примут христианство.

Несколько слов о предателе Ашэ. Монахи сообщают, что Ашэ с самого начала был готов принять крещение, так как кроме желания стать правителем острова он хотел побывать в стране, о которой много слышал от своих соплеменников, прибывших с экспедицией. Дело в том, что из Франции Бетанкур привез в качестве переводчиков племянника Ашэ и еще двух канарцев, неких Альфонсо и Изабеллу. Каким образом все трое попали во Францию, неизвестно. По-видимому, они были из тех пленных, которых привезли во Францию предыдущие экспедиции [13, гл. XII, XXX].

Но Гадифер и не думал выполнять свое обещание или просто забыл о нем. Во всяком случае монахи сообщают о том, что сторонники Ашэ, недовольные пришельцами, напали на них и одного ранили. Гарнизон замка казнил канарцев за нападение на их людей и начал против туземцев войну [13, гл. XXXII—XXXIII].

Таким образом, пришельцы, дав жителям Лансароте обещание защищать их от врагов, не собирались его выполнять. К тому же они поклялись не покидать страну, пока ее не завоюют. А для достижения этой цели они не гнушались ничем: использовали свое преимущество в оружии, ложь и обман, шли на соглашение с предателями.

Война привела к тому, что почти все мужчины острова были убиты, а 80 женщин и детей крещены. Монахи, чтобы как-то оправдать убийство

туземцев, пишут, что господь не велел продавать пленников [13, гл. XXXIV]. И, видимо, чтобы избавиться от непокорных, захватчики предпочитали их убивать.

Когда Бетанкур приехал из Испании, он был восторженно встречен гарнизоном и канарцами-христианами. Правитель острова обратился к Бетанкуру с просьбой о помиловании и обещал принять крещение. Это было в четверг 20 февраля 1404 г. перед великим постом. И он и его дом были крещены в первый день поста; вождь получил имя Луи. Вслед за ним было крещено все население о-ва Лансароте [13, гл. XLV—XLVI].

Таким образом, несмотря на то что завоеватели превосходили жителей острова и вооружением и военным опытом, им понадобились примерно два года, чтобы покорить остров с населением 5 тыс. человек.

Подробности покорения остальных островов монахи нам не сообщают. Они пишут только, что испанцы несколько раз высаживались на островах Иерро, Пальма и Гомера, где уничтожили и захватили в плен большое количество людей.

Часть населения Иерро была уничтожена, часть продана в рабство, и остров был заселен людьми, которых Бетанкур привез из Нормандии в 1404 г. [13, гл. LXXXVI]. Захват жителей этого маленького острова тоже не обошелся без предательства. Монахи сообщают, что Бетанкур послал на Иерро брата вождя, который уговорил последнего поехать к Бетанкуру. Вместе с вождем к Бетанкуру прибыли 12 человек, остальные жители острова были убиты [13, гл. LXXXVI]. Причина такой жестокости заключается в том, что, во-первых, Бетанкур хотел угодить компаньонам, которые считали его слишком либеральным, во-вторых, ему было необходимо обеспечить жилищем привезенных [13, гл. LXXXVI].

Острова Пальма и Гомера Бетанкуром покорены не были: в отчете 1406 г. оба острова упоминаются среди островов, населенных язычниками. Но уже в отчете испанского путешественника Алонсо де Кадамосто от 1455 г. Гомера находится в числе островов, заселенных христианами [26, стр. 76—77]. Таким образом, точная дата завоевания этих двух островов пока не установлена. Известно лишь, что в 1496 г. был завоеван последний остров Канарского архипелага — Тенерифе [17, стр. 88]. Об этом речь пойдет ниже.

Несколько больше, чем об островах Иерро, Гомера и Пальма, хронисты сообщают нам об о-ве Фуэртевентура. Он богат орселью, финиками. Колонизаторы неоднократно высаживались на этом острове, каждый раз встречая ожесточенное сопротивление. Наконец, в октябре 1404 г. канарцы напали на гарнизон незадолго перед этим построенной крепости, уничтожили его, сожгли крепость и церковь, захватили запасы продовольствия, оружие. Хотя в столкновениях туземцы побеждали, часть их все-таки удалось захватить и переправить на Лансароте [13, гл. LXXIII]. Бетанкур прислал на остров большой отряд испанцев. К 1 ноября 1404 г. крепость была восстановлена, а к началу 1405 г. сопротивление жителей Фуэртевентуры сломлено. 18 и 25 января 1405 г. оба вождя — севера и юга острова — были крещены [13, гл. LXXVIII—LXXX].

Самые крупные острова архипелага, Гран-Канария и Тенерифе, Бетанкуром завоеваны не были. Когда, при каких обстоятельствах и кем был завоеван Гран-Канария, мы не знаем. По некоторым данным, это произошло в 1455—1457 гг., но сведения эти неточны и нуждаются в дальнейшем подтверждении [25, стр. X—XI].

Теперь вернемся к дальнейшему рассмотрению хода экспедиции Бетанкура.

Параллельно с исследованием и покорением островов Бетанкур ис-

следовал также побережье Африки от Марокко до широты Канар. «Так как господин Бетанкур очень хотел узнать положение всех соседних земель, островов и материка, он приложил много труда и старания к тому, чтобы как можно обстоятельнее познакомиться с этими местностями» [10, стр. 409—410]. Кастилия, Португалия, Арагон поддерживали завоевателей деньгами и кораблями. Бетанкур пришел к выводу, что Канарские острова являются плацдармом для завоевания Марокко. В начале 1405 г. Бетанкур покинул архипелаг и отправился в Нормандию с целью нанять людей для поселения на островах. Количество привезенных им людей точно не известно, и в литературе нет единого мнения на этот счет [8, стр. 40; 10, стр. 410]. Бонтье и Ле Веррье пишут, что Бетанкур вербовал людей разных профессий, как женатых, так и неженатых [13, гл. LXXXII], и что Бетанкур поселил на о-ве Иерро 120 семейств, а другие остались на ФуэртеVENTуре [13, гл. LXXXLII].

Поселив нормандцев на островах Иерро и ФуэртеVENTура, Бетанкур дал каждой семье участок земли. Кроме того, он издал законы, по которым эти семьи в течение девяти лет освобождались от уплаты налогов, и назначил своего племянника Масиота генерал-губернатором покоренных островов. Отдав все распоряжения, Бетанкур еще раз объехал все покоренные острова и, как пишут монахи, «нежно говорил с туземцами» [13, гл. LXXXLIII]. Затем в Рубиконе был устроен большой прощальный пир, на котором присутствовали и люди Бетанкура и туземцы. После этого Бетанкур отправился в Нормандию (1406 г.), чтобы больше никогда не возвращаться на архипелаг¹. По пути он заехал в Рим и был принят папой, который по его просьбе учредил на Канарах епископство, названное Рубиконским по наименованию центра епархии [13, гл. XCI—XCIII]. Первым епископом Канарских островов стал испанец, уроженец Севильи, Альберт де Лас Касас [19, стр. 474].

Так закончилась продолжавшаяся почти четыре года экспедиция нормандского дворянина Жана де Бетанкура, во время которой все острова Канарского архипелага были исследованы и три из них завоеваны. Эта экспедиция положила начало испанским колониальным захватам, которые в конце XV в. продолжил Христофор Колумб.

Теперь несколько слов о завоевании острова Тенерифе, самого крупного из всей Канарской группы. Как уже говорилось выше, Тенерифе не был завоеван Бетанкуром. Монахи называют Тенерифе «островом ада» и говорят, что «он населен суровой расой; они никогда не были покорены и не попадали в рабство» [13, гл. LXVIII].

Из хроник мы узнаем, что остров был завоеван в 1496 г. испанцем Алонсо де Луго. Подробности завоевания даны в хронике Эспиносы, написанной спустя 100 лет после завоевания острова.

После отъезда Бетанкура губернатор Канар много раз пытался завоевать Тенерифе, но «предприятие на Тенерифе было связано с большими трудностями, так как остров был заселен большой и воинственной ветвью гуанчей» [23, стр. 9].

В 1464 г. Санто де Гереро, губернатор островов, с небольшим отрядом высадился на Тенерифе, в районе Санта-Крус. Здесь они построили башню и заключили с туземцами соглашение о мире и дружбе. Спустя некоторое время Гереро издал указ, по которому испанец, совершивший какое-либо злодеяние против туземцев, передавался на суд последних, и наоборот. Был, например, такой случай. По приказу губернатора несколько испанцев, укравших коз у гуанчей, были отданы последним. Но по распоряжению вождя туземцев их отпустили. Когда же какой-то

¹ В 1522 г. он умер в Нормандии, в своем замке Гренвиль.

проступок совершили гуанчи, то по приказу Гереро они были повешены. Такая несправедливость возмутила туземцев. Они напали на укрепление испанцев и убили несколько человек. Остальные во главе с Гереро бежали [17, гл. I]. Несколько раз после этого испанцы пытались высадиться на Тенерифе, но каждый раз встречали решительное сопротивление местных жителей.

«Рыцарем, желающим получить славу завоевателя и власть над страной, был Алонсо де Луго» [17, стр. 87], который прибыл на Канарские острова в 1494 г. Он предпринял несколько попыток захватить Тенерифе, но безуспешно. Только в 1496 г. Алонсо де Луго хитростью и силой удалось наконец захватить остров и создать там испанское поселение.

Теперь, когда выяснен общий ход экспедиции Бетанкура и завоевания о-ва Тенерифе, можно перейти к рассмотрению некоторых отдельных вопросов, касающихся как населения завоеванной страны, так и завоевателей.

Остановимся на вопросе, что представляло собой, по данным хроник, население архипелага к моменту прибытия европейцев.

Всех жителей Канарских островов называли гуанчами. Это не совсем правильно. Слово «гуанч» (вероятно, берберского происхождения) имело значение «уроженец», или «сын». Значит, оно не являлось этнонимом — названием какого-то определенного народа. Первоначально испанцы познакомились с типичными гуанчами на Тенерифе, жители которого называли себя «гуанчтенерф» — «уроженец» или «сын Тенерифе» [17, стр. 4—5].

Исследования ряда ученых привели к выводу о неоднородности коренного населения Канар. Острова были заселены по крайней мере четырьмя различными этническими группами.

К первой группе принадлежат собственно гуанчи. Их антропологический тип оказался очень сходным с кроманьонцами — людьми эпохи позднего палеолита, относящимися к европеоидной расе современного вида человека.

Кроманьонцы Канарских островов были рослыми людьми (свыше 180 см). В легендах и в записях испанских хронистов упоминаются настоящие гиганты ростом более 2 м. У гуанчей этой группы было широкое лицо с треугольным подбородком, с большими глазными орбитами и резко очерченными надбровными дугами. Среди них часто встречались голубоглазые блондины и даже рыжеватые особи. Гуанчи очень красивы и привлекательны. Они любили музыку, песни и танцы. Наиболее красивы были женщины Гран-Канарии. Кроманьонцы-гуанчи составляли основную массу населения островов Тенерифе и Гран-Канария.

Вторая этническая группа, названная семитической, представляла собой смесь различных близких между собой этнических групп. Это менее рослые люди, черноволосые, с длинным овальным лицом, тонким носом. Представители этой группы встречались на островах Гран-Канария, частично на Иерро и реже на Тенерифе.

Третья группа, по-видимому, также является смесью различных этнических групп (в том числе и негроидной). Люди этой группы низкорослые, с коротким и толстым телом; лицо широкое, нос большой и плоский.

Наконец, Гомера был заселен низкорослыми берберами [5, стр. 210—211].

Неизвестно, когда и при каких обстоятельствах попали на острова эти люди. Немецкий исследователь Гумбольдт, например, считает, что

гуанчи осели на Канарских островах с давних пор [22, стр. 131—132]. Другие ученые полагают, что они могли быть занесены туда еще в III в. до н. э. мощным потоком северян, который докатился до Северной Африки [10, т. III, стр. 165]. Возможно также, что мы имеем дело с потомками готов, вандалов или германских племен, занесенных на Канарские острова только во время переселения народов в начале средневековья [10, т. III, стр. 166].

На Тенерифе существовал ряд передававшихся от отца к сыну легенд о предках гуанчей. В некоторых из них говорится, что гуанчи — потомки римлян, хотя и не упоминается, откуда и каким образом они пришли. Другие легенды говорят, что они — потомки африканских племен, восставших против римлян. В наказание, как гласит легенда, им вырвали языки, чтобы они не могли рассказать о восстании, посадили в лодки без весел и пустили в океан. Штормом лодки прибило к островам. Из легенд мы узнаем, что в древности острова были ближе к Африке [17, стр. 26—28]. Вполне возможно, что острова смыкались с континентом, но в результате ряда геологических катастроф отделились от африканского побережья [9, стр. 193].

Гуанчи, антропологические признаки которых еще и теперь часто обнаруживают у жителей островов, вероятно, когда-то находились «на более высоком уровне культурного развития», чем теперь, «когда их общество в результате длительной изоляции деградировало до убожества диких племен» [10, т. III, стр. 167]. «Гуанчи являлись как бы остатком даровитого племени, обладавшего когда-то высшими бытовыми формами, пока вследствие продолжительного обособления оно не принизилось до скудности дикарей» [8, стр. 39].

Обратимся к нашим источникам. Все хронисты говорят о том, что аборигены не были знакомы даже с самыми примитивными способами мореплавания: у них не было ни лодок, ни плотов. Значит, если мы попробуем ответить на вопрос, как древние кроманьонцы попали на острова, морской путь надо исключить². Остается предполагать, что Канары имели сухопутную связь с материком.

В 1926 г. советский историк Б. Л. Богаевский выдвинул гипотезу о связи Канарских островов с Африкой. Для доказательства он привлек данные геологии, биологии и других наук. Наука подтверждает его вывод о том, что Сахара стала пустыней сравнительно недавно. Раньше там текли реки, росли леса, было много берберских селений. Затем в результате нескольких геологических изменений эта равнина, расположенная ниже уровня океана, была залита водой. Жизнь продолжалась только на возвышенных местах и на гористом западном берегу Африки, с которым тогда смыкались Канарские острова и о-ва Зеленого Мыса. Свои доводы Богаевский подкреплял и собранными биологами фактами, которые подтверждают относительную «молодость» Канарских островов и прежнюю связь их с Африкой. Катастрофа, в результате которой наступавшая в океан часть Африки оторвалась от материка, произошла, по мнению Богаевского, в раннем неолите [2, стр. 231—232, 239, 247].

Не вызывает почти никаких сомнений тот факт, что гуанчи были потомками африканских племен, так как существует очень много общего между языками и обычаями тех и других.

Хотя от языка аборигенов Канар сохранилось некоторое количество слов, установить его грамматический строй не удалось. По-видимому, первоначальный язык был берберского происхождения, а позже к нему

² Хотя Пешель пишет, что у «туземцев не было ни железа, ни судов. Последние, вероятно, были утрачены ими, т. к. только на кораблях люди могли попасть на острова» [8, стр. 38].

прибавились арабские элементы. Диалекты островов развивались столь обособленно, что жители разных островов не всегда понимали друг друга. На о-ве Гомера и до настоящего времени сохранился язык свиста, который не понимают на других островах [13, гл. LXVII].

Дома гуанчей напоминали жилища обитателей Северной Африки. Ячменное зерно канарцы растирали на ручных мельницах и пекли лепешки, как до сих пор делают туареги.

Как и жители Сахары, островитяне в магических или религиозных целях расписывали свои тела, пользуясь особыми глиняными и каменными печатками — специальными штампами из камня или других материалов для нанесения рисунков при помощи краски на кожу человека [2, стр. 241].

Испанские и португальские хронисты отрицали существование письменности у канарских туземцев. Однако [5, стр. 212] на о-ве Пальма в пещере у одного из вождей было найдено много иероглифических надписей, особенно на одном камне в форме надгробия [5, стр. 212]. На всех островах были обнаружены наскальные надписи [10, т. 3, рис. 9], которые могут быть разделены на три типа. К первому относятся иероглифы, подобные тем, которые находили в Европе, и принадлежащие к древним временам; они являются, видимо, не настоящим письмом, а символическими религиозными или магическими знаками. Второй тип — настоящие иероглифы, которые, как теперь считают, имеют прямую связь с иероглифическим письмом Крита. Такого типа письменность была распространена на западных островах — Пальме и особенно на Иерро. Третий тип — обычное письмо, знаки которого частично палеонумидийского, частично неизвестного происхождения. Кроме того, на восточных островах были распространены надписи полностью палеонумидийского происхождения, вероятно, происшедшие от карфагенского алфавита. До сих пор ни одна из надписей, обнаруженных на Канарских островах, еще не прочитана [5, стр. 212].

К моменту завоевания наиболее «цивилизованным» было население Гран-Канарии. Все жители считали себя «благородными» и поэтому носили бороду и длинные волосы, которые завязывали сзади. Брились они острыми камнями [13, гл. LXIX]. На острове находились 33 местечка и 2 главных «городов», которые составляли два государства; каждое из них управлялось правителем и верховным жрецом. Государства эти постоянно враждовали друг с другом. Власть правителя была ограничена собранием «рыцарей» (190—200 человек), количество которых пополнялось из числа знатнейших [8, стр. 37].

Подобное же положение было и на о-ве Фуэртевентура, во главе которого стояли вечно враждовавшие друг с другом два правителя, а сам остров от одного берега до другого был разделен большой стеной на две части [8, стр. 37].

«Население Тенерифа в течение многих лет подчинялось одному вождю, у которого было восемь сыновей. После его смерти сыновья поделили остров на восемь частей, и каждый назвал себя правителем, но все они подчинялись старшему брату, у которого было 6 тыс. воинов» [17, стр. 36]. Цифра эта, по всей вероятности, сильно преувеличена, так как на Тенерифе в то время жили всего 14—15 тыс. человек. По сведениям Бонтье и Ле Веррье, на всем острове к 1406 г. было 6 тыс. боеспособных мужчин [13, стр. XXXIII]. Вся земля принадлежала вождю, который делил и раздавал ее [117, стр. 34].

Жители острова почитали своего вождя. Когда он переезжал (летом жил в горах, зимой — на берегу моря), перед ним несли копье как символ власти. Если кто-нибудь встречал вождя по дороге, он падал

перед ним ниц, целовал его ноги и вытирал их краем своей одежды. Эспиноса пишет о том, что среди народа Тенерифе были «знатные», «рыцари» и «крестьяне». По-видимому, здесь речь идет о племенных вождях, старейшинах и рядовых общинниках [17, стр. 37].

Во главе жителей островов Пальма и Гомера стояли вожди, которых хронисты тоже называют правителями [13, стр. XXXII—XXXIII].

Таким образом, на каждом крупном острове Канарского архипелага жило по два племени и более, во главе которых стояли вожди. Так как земли и пастбищ не хватало, племена часто воевали друг с другом. Состояние войны провозглашалось дымовыми сигналами и свистом. Туземцы были вооружены дротиками с острыми роговыми наконечниками, копьями из ели, очень острыми и закаленными на огне пиками, которыми они дрались на близком расстоянии, нанося удар так, чтобы острие пика оставалось в ране, и метательными снарядами из закругленных камней, которые запускали с огромной силой. На Гран-Канарии туземцы пользовались также короткими дубинками. Оборонительным оружием были небольшие щиты из драконова дерева. На бой воины выходили голыми, женщины шли сзади и несли пищу. Победители не обижали женщин, детей и престарелых. Они разрешали им забирать убитых и раненых и отпускали домой. На время сбора урожая, после которого обычно устраивался большой праздник, все войны прекращались, а пленных отпускали домой [17, стр. 38—39].

Островитяне занимались земледелием и разведением мелкого скота — коз, овец, свиней.

Жители Гран-Канарии питались мясом, молоком, фруктами. Они сеяли пшеницу, но хлеб не делали [13, стр. XXXI—XXXII]. Рыболовство пользовалось большой популярностью. Рыбу ловили сетями в прибрежных водах [13, стр. XXXII—XXXIII].

Основной пищей гуанчей Тенерифе были овес и бобы. Землю вспахивали орудием, сделанным из дерева и костей животных. Это делали мужчины, они же и сеяли овес. Все остальное, вплоть до уборки урожая, было делом женщин [17, стр. 34—35]. На острове не было пшеницы и никаких овощей, кроме бобов. Из молотого овса, молока и жира гуанчи делали лепешки, которые употребляли вместо хлеба. Кроме того, туземцы ели полужареное мясо овец, коз и свиней, но в небольших количествах. Они также питались медом и фруктами, которых на острове было очень много. На Тенерифе росли ягоды величиной с горох, называемые мокано. До созревания они ярко-зеленые, затем — красные, а когда созреют — черные. Гуанчи собирали мокано совсем зрелыми, раскладывали и в течение трех-четырех дней держали на солнце, затем мяли и варили в воде до состояния сиропа. Эти ягоды использовались как лекарство от болей в спине и боку [17, стр. 32—34].

На островах Пальма, Гомера и Иерро преобладала преимущественно мясная пища (баранина) и молочная. На Гомере ели также травы, корни и крыс [13, стр. XXXII—XXXIII]. Жители Фуэртевентуры в отличие от других островитян совершенно не употребляли соли. Они ели мясо, которое сушили в хижинах, отчего там всегда был неприятный запах. Туземцы Иерро употребляли в пищу много сала и приготавливали из козьего молока вкусные сыры [13, гл. LXX]. Жители Пальмы совершенно не ели рыбу.

Алкогольные напитки до прибытия европейцев не были известны. Островитяне пили только чистую воду и молоко. Огонь добывали трением деревянных палочек.

Тип жилища на разных островах был различен. Так, на Гомере и Тенерифе население обитало в основном в естественных или вырублен-

ных в скалах пещерах, но иногда жители Тенерифе строили себе круглые или овальные дома из грубых камней. Вход был оформлен двумя крупными каменными плитами, на которых как крыша лежала третья плита [2, стр. 241]. Перед жилищем была небольшая ровная площадка, посреди которой лежал камень. Если кто-либо приходил в гости к соседу, то он садился на камень и молча ждал, пока его не заметит хозяин и не пригласит в дом. Около жилища гуанчи держали скот и строго следили за тем, чтобы козы или овцы не зашли на соседний участок [17, стр. 48—49].

На Пальме и Иерро основным типом жилища были хижины, а на Гран-Канарии островитяне строили каменные дома. Эти искусно построенные дома состояли из четырехугольных камней, покрытых большими деревянными досками. Двери домов закрывались [26, стр. 11]. Гран-Канария — единственный остров, где существовали небольшие города; наиболее крупным из них был Аргинегин (400 домов) [12].

Каменные жилища строили также на ФуэртеVENTуре и Лансароте. В основном все жители островов ходили обнаженными. Только некоторые (очевидно, вожди и их родственники) носили искусно сшитые платья из желтых и красных шкур коз или овец и передники из пальмовых листьев [13, гл. LXXIX, стр. XXXII—XXXIII]. Известно, что женщины Тенерифе под платьем носили рубашку из кожи, которая доходила до пят [17, стр. 32].

Для понимания степени социального развития аборигенов островов значительный интерес представляют формы брака и система наследования.

Вообще господствовала моногамия, но на Иерро существовала полигамия. Женщины были общественной собственностью, и считалось негостеприимным не предложить гостю свою жену [8, стр. 37]. На островах ФуэртеVENTура, Лансароте и Гомера сохранились элементы матриархата, в том числе и полиандрия. Женщина могла иметь до трех мужей [13, стр. XXXIX—XL]. На Тенерифе мы сталкиваемся с пережитками группового брака, сохранившимися у гуанчей довольно долго.

В хронике Эспиносы мы находим довольно подробное описание обряда бракосочетания гуанчей Тенерифе. Если мужчина выражал желание жениться, он спрашивал согласия родителей понравившейся ему женщины. Если родители не возражали, то молодые без всяких церемоний женились. Брак легко было расторгнуть. Если мужу надоедала жена, он отсылал ее домой, где она снова могла выйти замуж. С подобным же обрядом бракосочетания и развода мы встречаемся у ирокезов Северной Америки [6, стр. 33—34]. Дети после расторгнутых браков считались у гуанчей незаконными [17, стр. 35.] Из половых отношений на Тенерифе исключали только мать и сестру. Хотя если не находилось той, на которой вождь мог бы жениться, не запятнав свой род, допускался брак между братом и сестрой [17, стр. 37].

На Тенерифе с большим уважением относились к женщинам. Если мужчина встречал женщину в уединенном месте, он под страхом смерти не смел приблизиться к ней или первым заговорить [17, стр. 48].

Право наследования на разных островах было различным. Там, где сохранились элементы матриархата (Гран-Канария, Пальма и Гомера), это право было за племянниками (сыновьями сестер) [8, стр. 37]. На Тенерифе оно закреплялось за братьями. Если старший умирал, ему наследовал его брат, когда же умирал последний брат, наследником становился старший сын первого брата и т. д. [17, стр. 36]. На восточных островах (ФуэртеVENTура и Лансароте) право наследования было иным [13, стр. XXXVI, гл. LXX].

Теперь несколько слов о религии и обычаях гуанчей. Почти все хронисты пишут о том, что туземцы верили в бога. «Все население острова (Фуэртевентура. — *И. Р.*) религиозно; у них есть храмы, в которых приносятся жертвы» [13, гл. LXX].

На о-ве Гран-Канария имелась хорошо организованная каста жрецов; во главе ее стояли два верховных жреца. Был там также институт дев-монахинь, подобный институту в Вавилоне. Хотя туземцы Гран-Канарии верили в бога, который награждает и наказывает, в храмах, где служили жрицы, почитали женское божество и поклонялись деревянному образу богини, признавая ее созидующую силу. На острове были обнаружены каменные и деревянные статуэтки людей и животных, очень сходные с обнаруженными на территории Европы. Имеется указание Боккаччо, что в 1341 г. при посещении Гран-Канарии португальцами было обнаружено здание, в котором находилась каменная статуя обнаженного человека, прикрытого передником из пальмовых листьев и держащего в руке каменный шар. Никаких рисунков, изображений, орнаментов или надписей в этом здании не было. Статуя якобы была увезена в Лиссабон; дальнейшая судьба ее неизвестна [26, стр. 11—12].

Больше всего сведений у нас имеется о религии и обычаях гуанчей Тенерифе. Жители этого острова поклонялись духу неба и земли, называя его различными именами, но никаких обрядов и церемоний у них не было. Правда, когда долго не было дождей и не хватало корма для скота, они в определенном месте вбивали в землю шест и сгоняли туда овец. Гуанчи считали, что богу нравится эта церемония и он пошлет им дождь [17, стр. 31].

Эспиноса пишет, что хотя туземцы имели представление о духе, который создал и охраняет мир, но ничего не знали о бессмертии души и загробном мире. Они думали, что есть ад, и «помещали» его на вершине горы Тейде [17, стр. 29—30]. Однако у гуанчей был довольно странный обычай, о котором упоминали еще монахи Бетанкура и который наводит на мысль, что представление о загробном мире все же у них существовало. «Каждое племя имело двух вождей: одного живого и одного мертвого. Когда вождь умирал, его труп обмывали и ставили в пещеру. В руки ему давали посох, а рядом с ним ставили ведро молока и ведро вина, чтобы у него было все необходимое в его путешествии» [11, стр. 5].

«Хотя у гуанчей не было законов, они жили не в беззаконии. Они заключали супружеские контракты, различали законных и незаконных детей. Когда рождался ребенок, родители призывали женщину, обязанностью которой было выливать воду на голову новорожденного. Эта женщина как бы становилась родственницей родителей ребенка, и ее очень уважали в этом доме» [17, стр. 30—31]. Откуда пришел этот обычай, никто не знал, но он существовал у них давно. Вполне вероятно, что этот своеобразный обряд крещения появился в XIV в., когда на островах поповедали 13 монахов [13, гл. XL].

У туземцев Тенерифе было даже свое объяснение того, как на острове возникло социальное неравенство. Они считали, что «господь создал из земли человека, а из воды скот, чтобы кормить человека. Позже он создал еще людей, но не дал стада. Когда они попросили еще стада, господь им сказал: служите тем, другим, и они вас накормят. Поэтому и получились вожди, воины и крестьяне» [17, стр. 38].

Нет на земле народа, который бы не уважал умерших и не отдавал бы им последние почести погребения. Как у египтян и у перуанцев, у гуанчей был религиозный обычай бальзамировать трупы и сохранять мумии знатных людей и вождей. На островах существовала своего рода

каста бальзамировщиков. Члены ее жили совершенно обособленно и женились только на своих сородичах. Когда пришли испанцы и началось истребление местного населения, искусство бальзамирования постепенно было забыто. Исключительно благодаря устным преданиям сохранились кое-какие сведения о способе бальзамирования. Гуанчи брали козье масло, смешивали его с салом и варили все это с разными сортами трав, которые росли на склонах гор. Сюда же добавляли шалфей и земляные яблоки. Затем они вынимали из тела внутренности и мыли его со щелоком, который добывали из золы сосны. Летом труп сушили на солнце, а зимой (в течение 15 дней) в печи.

На всех островах существовал такой обычай: в день провозглашения нового правителя устраивался пир для народа. На пиру молодежь состязалась в беге, прыжках, танцах. Все хронисты отмечали, что канарцы — проворные бегуны и прыгуны, самые ловкие и подвижные люди в мире, а камни бросают с большой силой, меткостью и проворством. В день, когда новый вождь вступал в сан, одному из соплеменников предлагалось умереть в его честь. Все шли в долину, а тот, кто изъявлял желание пожертвовать своей жизнью за вождя, бросался вниз со скалы, произнося священные клятвы. В течение всего времени правления вождь должен был оказывать великие почести и благодеяния родичам умершего [8, стр. 38; 16, стр. 156—157]. Этот обычай, в котором мы несомненно сталкиваемся со следами человеческих жертвоприношений, сохранялся у гуанчей довольно долго и всегда вызывал удивление христиан.

Интересен и тот факт, что гуанчи никогда не убивали пленных. На островах имелась так называемая «презренная каста», состоявшая главным образом из пленных, которые должны были резать и потрошить коз и овец. Сами жители питали отвращение к убийству животных (хотя мясом их питались охотно), и это занятие считалось у гуанчей самым позорным [13, стр. XXXIV].

Сделать из приведенных данных вывод о том, какая культура и какой строй были у гуанчей Канарского архипелага к моменту прихода завоевателей (к началу XV в.), нелегко, так как ни в хронике Бонтье и Ле Веррье, ни в хронике Эспиносы, ни в других известных нам хрониках того времени нет достаточных для этого сведений. Ведь монахов Бетанкура в первую очередь интересовали сами острова, их богатства и то, «какую выгоду из них можно извлечь» [13, гл. XLIV], а Эспиносу, как известно, привело на острова известие об образе мадонны, и он занимался изучением этого образа. И все другие хронисты XV—XVI вв. описывают большей частью те обычаи гуанчей, которые вызывали у них удивление и недоумение.

По немногим отрывочным данным этих источников можно сделать предварительный вывод, что культура канарцев неолитическая. К моменту прибытия европейцев островитяне жили в условиях, близких к каменному веку. Они пользовались каменными пилами и топорами, землю обрабатывали с помощью мотыг, сделанных из камня или костей животных. В обиходе пользовались глиняными, деревянными и плегеными сосудами простой формы. Большое распространение на островах получила керамика. Во многом она напоминает древние стадии керамики Крита. Гуанчи умели дубить кожу и изготавливали горшки без гончарного круга (сейчас так же делают на Гран-Канарии) [5, стр. 211]. Как уже говорилось выше, на Гран-Канарии были обнаружены статуэтки людей и животных, похожие на верхнепалеолитические и неолитические статуэтки древней Европы.

Что касается общественного строя гуанчей к моменту завоевания, то на этот вопрос ответить будет еще труднее.

Существование пережитков группового брака, гуманное обращение с пленными, которых не убивали, а использовали как рабов, следы человеческих жертвоприношений — все это дает основание предполагать, что у гуанчей был первобытнообщинный строй. Тот факт, что во главе племени стояли вождь и совет старейшин и вся земля принадлежала вождю, который распределял ее между общинниками, наводит на мысль, что первобытнообщинный строй к этому времени уже вступил в стадию разложения.

Такой вывод можно сделать для островов Гран-Канария и Тенерифе, которые находились на самой высокой ступени развития. Сведения об остальных островах настолько отрывочны и незначительны, что не могут ни подтвердить, ни опровергнуть сделанный нами вывод.

Дальнейшее изучение истории гуанчей несомненно даст ряд новых сведений об этом интересном народе и позволит сделать более четкие и определенные выводы как об этногенезе населения Канарских островов, так и об общественном строе и культуре гуанчей к началу XV в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Альтамира-и-Кревеар, История Испании, М., 1958.
2. Богаевский Б. Л., Атлантида и атлантическая культура, — «Новый Восток», 1926, № 15.
3. Зайдлер Л., Атлантида, М., 1966.
4. Жиров Н. Ф., Атлантида. Основные проблемы атлантологии, М., 1964.
5. Жиров Н. Ф., Атлантида, М., 1957.
6. Косвен М. О., Матриархат, М.—Л., 1948.
7. Магидович И. П., Очерки по истории географических открытий, М., 1957.
8. Пешель О., История эпохи открытий, М., 1884.
9. Риттер К., История землеведения и открытий по этому предмету, СПб., 1864.
10. Хенниг Р., Неведомые земли, т. I—IV, М., 1961—1963.
11. «Allgemeine Historie der Reisen zur Wasser und Lande», Bd 2, Leipzig, 1748.
12. Berthlot S., Antiquities canariennes, Paris, 1879.
13. Bontier P., Verrier Y. Le, The Canarian, or Book of the Conquest and Convesion of the Canarians in the Year 1402, by Messire Yean de Bethencourt, London, 1872.
14. Bontier P., Verrier Y. Le, Histoire de la premiere decouverte an conques des Canaries, Paris, 1630.
15. Bory de St-Vincent J. B. G. M., Essais sur les îles Fortunées, Paris, 1803.
16. Ehrman F., Geschichte der Reisen, Bd II, Frankfurt, 1791.
17. Espinosa A. de, The Guanches of Tenerife, the Holy Image of Our Ledy of Candelaria and the Spanish Conquest and Settelment, London, 1907.
18. Espinosa A. de, Del Origen y Milagros de la Santa Imagen de ruesra senora de Candelaria, que Apexecio en la Isla de Tenerife, con la description de esta Isla, Sevilla, 1594.
19. Gams P. B., Series episcoporum, Ratisbonae, 1873.
20. Glas G., The History of the Discovery and Conquest of the Canary Islands, London, 1764.
21. «Hakluyt's Collection of the Early Voyages Travels, and Discoveries, of the English Nation», vol. 5, London, 1812.
22. Humboldt A., Kritische Untersuchungen, Bd I, Berlin, 1852.
23. Kampf W., Die Eswerksquellen auf Kanarischen Inseln und ihre Wandlungen, Boon, 1894.
24. Kassok M., Markow W., Konspekt über das spanische Kolonialsystem, — «Wissenschaftliche Zeitschrift der Karl — Marx — Universität Leipzig, Ges- und Sprachwissenschaft Reihe», Jahrg. 5 (1955—1956), H. 2.
25. Mac-Gregor A., Die Canarischen Inseln nach ihrem gegenwärtigen Zustande und mit besonderer Beziehung auf Topograpie und Statistik, Gewerbfließ, Handel und Sitten, Hannover, 1831.
26. Prestage E., Die portugiesischen Entdecker, Leipzig, 1936.
27. Schröter K., Eine Exkursion nach den canarischen Inseln, Zürich, 1909.
28. Schütz J. F., Bausteine zu einer Bibliographie der Kanarischen, Madeirischen und kapverdischen Inseln und die Azoren, Graz, 1929.
29. Verlinden Ch., Lésclavage dans l'Europe médiévale, t. I, Brugge, 1955.

Н. Н. Кощевская

**В. МАРКОВ (В. И. МАТВЕЙ)
И ЕГО КНИГА «ИСКУССТВО НЕГРОВ»**

В 1919 г. в Петрограде издательство Народного комиссариата по просвещению выпустило в свет книгу «Искусство негров». Ее автор — художник Владимир Иванович Матвей, печатавший свои литературные труды под псевдонимом Владимир Марков, — умер пятью годами раньше. Книгу подготовила к печати его супруга.

За прошедшие с тех пор полвека объем знаний об африканском искусстве неизмеримо возрос. Наряду с прочими были открыты памятники, представляющие целые неведомые ранее культуры. Изменилось во многом и само отношение к искусству народов Африки. Если при жизни В. Маркова лишь единицы, в первую очередь художники, признавали за африканской скульптурой право называться искусством в полном смысле этого слова, то сейчас она — объект изучения целого ряда специалистов.

В наши дни интерес к произведениям африканской народной пластики необычайно высок. Потому и привлекает к себе внимание давно ставшая библиографической редкостью книга Маркова. Конечно, она, увидевшая свет в голодном Петрограде, выглядит скромно по сравнению с выходящими ныне во многих странах великолепно оформленными изданиями. Труд Владимира Маркова в свете современных данных, естественно, во многих отношениях легко уязвим. И все же своего значения он не утратил. Прежде всего это должно быть объяснено горячей заинтересованностью предметом, увлеченностью автора, страстно любившего искусство. Есть еще одно немаловажное обстоятельство, заставляющее отнести к «Искусству негров» с особым уважением, — это первая в истории работа, в которой предпринята попытка теоретически обосновать эстетическую значимость народного искусства Африки.

Чтобы понять, какими путями пришел Марков к углубленному изучению пластических принципов народного африканского искусства, необходимо обратиться к его личности, к его художественным пристрастиям. Он был хорошо знаком с новейшими западноевропейскими исканиями в области художественной формы и симпатизировал им. Академия художеств, студентом которой он являлся, отнюдь не поощряла увлечений такого рода. Марков неоднократно вступал в конфликт с профессорами. Дело дошло до того, что ставился вопрос об его отчислении. Будучи чуждым принципам Академии, Марков в то же время не был и по-

следовательным адептом какого-либо одного конкретного модернистского течения.

Марков мечтал об обновлении искусства, считая, что пути к нему лежат через познание общих непреложных закономерностей и принципов художественного творчества. Особенно привлекали его полузабытые, малоизвестные в те времена художественные памятники прошлых эпох. С 1909 г., несмотря на крайнюю ограниченность в средствах, каждое лето Марков регулярно проводит за границей. В этих поездках он последовательно открывает для себя и увлекается итальянским кваттроченто, Византией, ранней, преимущественно северной готикой. В России его внимание привлекают древнерусские и старообрядческие иконы, народное прикладное искусство.

Он был человеком довольно своеобразного склада. С одной стороны, как будто бы главным делом жизни своей считал практическую деятельность художника, с другой — обладал чрезвычайно развитой склонностью к теоретизированию. По свидетельству супруги Владимира Ивановича Маркова, он систематически вел записи своих мыслей и впечатлений и в то же время испытывал острую потребность в аудитории, перед которой мог бы излагать свои взгляды на искусство. Так, свое пребывание в Академии он, в частности, ценил за то, что она предоставляла очень восприимчивую аудиторию в лице студентов.

Потребность Маркова в широкой аудитории привела к тому, что он стал инициатором создания журнала «Союз молодежи» — печатного органа одноименного общества художников. Не будучи замкнутой организацией, это общество не имело четко выраженной платформы. В него входили художники, исповедовавшие принципы разных модернистских течений. Владимир Марков, конечно, был одним из активнейших членов «Союза», однако выставлял свои живописные работы и на выставках других обществ, например «Бубнового валета». Первый номер журнала «Союз молодежи» вышел в апреле 1912 г.; во втором, июньском номере публикуется манифест итальянских футуристов, который воспринимался в какой-то мере как кредо и самого журнала.

В подготовке и первого и второго номеров большое участие принимал Марков. В них, в частности, была помещена его статья «Принципы нового искусства». В самом начале этой статьи Марков обосновывал возможность логического выведения основных законов пластической красоты, что являлось для него как теоретика и художника основной задачей. Он пишет: «Обязанная своим происхождением интуитивным способностям духа, она (т. е. мировая красота) по своему осуществлению обнаруживает в себе наличность таких начал, которые могут быть возведены в непреложные истины, в основные принципы, на которых она зиждется» [4]. Так же как в изобразительном искусстве, и в поэзии и в музыке Марков искал те общие принципы, на основании которых можно было бы синтезировать нечто новое.

Он и другие активисты журнала пытаются создать единый фронт творческой молодежи — художников и поэтов. На страницы журнала были привлечены нашумевшие поэты: Велемир Хлебников, Давид и Николай Бурлюки, Борис Лившиц и др.

В этот же период Марков интересуется поэзией и изобразительным искусством Востока. В журнале печатаются переводы китайских стихов, выполненные Егорьевым. Подготавливается к изданию отдельный сборник под названием «Свирель Китая»¹. Причем Марков, не удовлетворенный качеством переводов Егорьева, правит их сам (переводы, разумеет-

¹ Сборник вышел в свет уже после смерти Маркова и Егорьева.

ся, выполнялись с европейских языков). В изобразительном искусстве Востока Марков особенно ценным считал то, что он называет «пластическим символом». Выработка подобных «символов», т. е. новых форм взамен иллюзорной изобразительности, по его мнению, является актуальнейшей задачей современных художников.

Обращается он и к искусству о-ва Пасхи [3]. Небольшая работа отличается тем, что почти не включает в себя аналогий проблемам современного искусства. В ней весьма обстоятельно излагается то, что могло быть почерпнуто из научных этнографических трудов.

Параллельно с «Искусством острова Пасхи» В. Марков писал еще «Фактуру» — работу, в которой анализируется роль этого средства художественной выразительности, ее связь с трактовкой объема и различное к ней отношение в искусстве разных народов. Уже в этой книге мы находим неоднократные ссылки на примеры из искусства африканских народов. Обращение Маркова к последнему было вполне закономерным. С одной стороны, оно было подготовлено предшествовавшими поисками малоизвестных памятников искусств разных стран, предпринимавшимися с целью расширить арсенал средств современного художника и выявить «вечные истины». С другой стороны, хотя Марков и не стал ортодоксальным кубистом, однако эксперименты Пикассо и Брака находили в нем живой отклик. Последнее обстоятельство, бесспорно, должно было обострить интерес Маркова к Африке. Оно же наложило известный отпечаток на его восприятие негритянского искусства.

К изучению искусства Африки Марков подошел с полной серьезностью. Он проделал большую подготовительную работу, причем в чрезвычайно короткий срок. Летом 1913 г. состоялась поездка в западноевропейские страны с единственной целью непосредственного ознакомления с африканской скульптурой. Он посещал музеи Копенгагена, Гамбурга, Лондона, Парижа, Кёльна, Брюсселя, Лейдена, Амстердама, Лейпцига, Берлина. Работает, разумеется, и в Этнографическом музее Петербурга. Во всех музеях он фотографировал заинтересовавшие его скульптуры. Таких снимков набралось много, в книге лишь часть из них.

Мимо некоторых скульптур, получивших уже известность благодаря трудам этнологов, Марков прошел. Бенинские бронзы, например, не задержали его внимания. «Что же делать! Я в нем большой красоты не вижу», — пишет он об искусстве Бенина [2, стр. 14].

Отношение Маркова к самобытным национальным искусствам очень своеобразно. Он горячо отстаивал их всемирную значимость, но, если какое-либо художественное направление, отдельный памятник казались ему слишком реалистическими, переставал замечать их самобытность. Так, например, еще в работе «Искусство острова Пасхи», говоря о скульптурном изображении женской руки, найденной Куком, он утверждает, что в художественном отношении последнее малоинтересно, так как «сделано очень реально». Критерии, которыми руководствовался Марков, выделяя или отвергая то или иное художественное произведение, определялись конструируемой им доктриной искусства будущего, в котором, по его мнению, не должно быть места традиционному европейскому или какому-либо иному реализму. Достаточно ясно высказался он по этому поводу в статье «Принципы нового искусства». «В греческом, а также в последовавшем за ним европейском искусстве все логично, рассудочно, все научно обосновано... словом — все конструктивно. Китай, Япония, Византия и другие страны уже давно потеряли свою остроту, все они в большей или меньшей мере прониклись идеалами итальянского Ренессанса, к вящему удовольствию историков и археологов, которые высшую точку даже этого, так чуждого им искусства видят в усвоении

эллинических канонов и в аналогичной их разработке и поэтому всегда рады отметить в нем появление первых признаков европейской конструктивности и ею узаконенной реальности. А между тем было бы гораздо разумнее, если бы они, вместо того чтобы с любовью искать и приветствовать засорение национальных искусств, старались бы выявить их самородные, строго национальные принципы, проследить их разработку, развитие и отметить, в чем и когда они достигли своего апогея, а также уяснить самостоятельную национальную разработку чуждых им принципов и кульминационные пункты ее развития» [4].

Как видно из многочисленных высказываний В. Маркова, он считал, что реализм не мог развиваться в самобытных национальных искусствах, что во всех случаях он свидетельствует об извращении местных традиций. Реалистичность попросту отпугивала Маркова, становилась труднопреодолимой преградой между ним и произведением.

Что же привлекало его в первую очередь в памятниках африканского искусства, или, иными словами, что находил он в них ценного для искусства современности и будущего? Марков отводил особое место таким категориям, как пластическая тяжесть, плоскость, пластический символ, фактура, динамизм, консонанс. Памятники африканского, как и любого другого, искусства оценивались им в зависимости от того, насколько ярко выражены в них указанные моменты.

По Маркову следовало, что внешняя форма предметов затемняет их сущность и поэтому деформация не только допустима, но и обязательна в искусстве. Естественно, что в африканской народной пластике Марков **усмотрел** в первую очередь свободную игру массами, почти независимыми от реальных форм. «Негр любит свободные и самостоятельные массы, связывая их, он получает символ человека. Он не гонится за реальностью; его истинный язык — игра масс, и выработал он его в совершенстве. Массы, которыми он оперирует, элементарны; это тяжести» [2, стр. 36].

Необходимо расшифровать, что понимается в данном случае под «тяжестями». Анализируя особенности восприятия человеком различных геометрических форм, Марков заключил, что одни из них, такие, как шар, куб, широкий в основании низкий конус, вызывают ассоциации с чем-то тяжелым, другие — вытянутый цилиндр, вытянутый конус — кажутся легкими. Сопоставленные, они контрастируют друг с другом. Подчеркивается тяжесть одних и легкость других. «Тяжести» и «нетяжести», говоря словами Маркова, «играют». Такая «игра», взятая в чистом виде, вне содержания и изобразительности, составляет формальную, «орнаментальную» сторону скульптуры. Однако, как ни много значения придает Марков этой стороне, важное место он отводит и той связи, которая существует между каждой отдельной формой и тем, что она изображает: «Очарование творчества Африки заключается в том, что массы здесь трактованы, с одной стороны, как абстрактные тяжести, подчиненные законам пластическим, т. е. законам отношений и пропорций величин, их ритмического расположения, а с другой стороны — как символы частей органического целого». Очарование этого искусства — в найденном «пластическом символе». Таким образом, под «пластическим символом» понимается тот эквивалент, который предлагает искусство взамен реальной жизненной формы. Марков подчеркивает, что отдельные формы — «тяжести», составляющие в сумме африканскую скульптуру, — связываются друг с другом на чисто пластической, «музыкальной» основе. Этот принцип интерпретации формы, принятый во многих африканских скульптурах, Марков назвал «расчленением единства на множество».

Конечно, он прекрасно понимал, что все многообразие стилей искусства африканских народов не может быть сведено лишь к одной

формуле. Художник указывает еще на два принципа, которые, как и первый, примененные в смешении друг с другом или в чистом виде, определяют стилистику африканских скульптур: это противоположный первому принцип, когда все или некоторые части тела сливаются в единую форму — «тяжесть», и последний, состоящий в упущении отдельных деталей.

Надо сказать, что в работах Маркова об африканском искусстве как известная дань кубизму наличествуют принятая теоретиками этого направления терминология и даже отдельные их положения. Вероятно, вначале и он рассматривал памятники африканского искусства через призму кубизма, но в процессе работы преодолел предвзятость первоначального подхода и увлекся памятниками как таковыми.

В этом, как, впрочем, и в других отношениях, интересно сопоставить с работами Маркова «Negerplastik» Карла Эйнштейна — книгу, также посвященную эстетике африканского искусства. Она вышла в свет в Лейпциге в 1915 г., четырьмя годами раньше «Искусства негров», но более чем год спустя после смерти Маркова. Даже при беглом ознакомлении бросается в глаза явная перекличка многих положений Эйнштейна и Маркова. Между тем оба они, скорее всего, и не слышали друг о друге.

Мы знаем, что кубизм — чисто европейское явление, следствие внутренних причин и противоречий, действовавших в европейском искусстве и обществе. Африканская скульптура в процессе выкристаллизовывания кубизма сыграла лишь роль своеобразного катализатора. Конечно, о каком-либо внутреннем родстве между кубизмом и народной африканской пластикой говорить не приходится.

И все же на первых порах те, кто был близок к новейшим течениям изобразительного искусства, стали рассматривать форму африканской пластики с точки зрения только что родившихся теорем кубизма. В таком виде и вводит ее в эстетическую литературу Эйнштейн. Этого нельзя сказать в полной мере о Маркове. Последнему удалось во многом преодолеть соблазн интерпретировать африканские скульптуры на кубистический лад.

Сходные, хотя и не тождественные позиции обоих авторов по отношению к современному искусству; необходимость для обоих ознакомить читающую публику с творчеством народов Африки, опровергнуть установившееся мнение о нем, доказать, что африканское искусство отнюдь не находится вне эстетики, а, напротив, обладает большими художественными достоинствами; общность литературных источников как по части этнологии, так и эстетики, — все это не могло не привести к некоторому сходству работ Маркова и Эйнштейна. Похожи они и по расположению материала: обе представляют собой альбомы фотографий с предпосланными им несколькими главами текста. Как один из ряда примеров может быть приведена и встречающаяся у обоих мысль, что в противовес европейскому искусству, в том числе и кубизму, своеобразная форма африканской скульптуры есть результат чувства, а не логических умозрительных построений. По мнению обоих, с точки зрения создателей африканских скульптур, последние глубоко реалистичны.

И все же не только в отношении к кубизму, но и в некоторых других весьма существенных моментах книги Маркова и Эйнштейна отличаются друг от друга. Хотя Марков в известной мере рассматривает форму африканской пластики изолированно, Эйнштейн в этом отношении идет еще дальше. Он полностью отрывает форму памятников от их назначения и содержания, выводя абсолютно все ее особенности из «интуитивно постигнутых» африканцами пластических закономерностей.

Реальная жизненная среда, в которой были созданы скульптуры, его совершенно не интересует. Он даже сознательно не приводит их атрибуцию.

Бесспорной заслугой Маркова должно быть признано то, что в ряде случаев он смог подняться над своими привязанностями в современном искусстве, утверждая как высшую ценность последовательное выявление в творчестве местного, самобытного начала. «Без любви, часто бессознательной, к какому-либо принципу, канону, религии нет национальной красоты» [4], — писал он. И пытался дать читателю представление об отдельных чертах африканских религий, особенностях быта, легендах, излагая материал, почерпнутый в трудах этнологов, в первую очередь Фробениуса. Эти сведения не ставились в непосредственную связь с публикуемыми памятниками, но Марков прямо указывал, что такие факторы, как условия быта, антропологические особенности и т. д., должны иметь отражение в форме произведений искусства. Где возможно, он приводит атрибуцию памятников и сетует, что «точно разделить искусства по провинциям, указать, какие черты принадлежат одной стране и какие другой — невозможно из-за скудности материала» [2, стр. 41].

Изучив труды Фробениуса и считая его большим авторитетом в своей области, Марков тем не менее не разделял целиком его теорий о происхождении африканской культуры. Как говорилось, он считал, что воспроизведение жизни в формах, близких к реальным, где бы оно ни встречалось, всегда является следствием европейского художественного влияния. Поэтому у него не вызывало никаких сомнений утверждение Фробениуса об определяющем для культуры народов Гвинейского побережья средиземноморском влиянии. Однако он не принимает предположение последнего о том, что и первичные культуры в Африке имеют иноземное происхождение: «Я вынужден считать представленное здесь искусство и его любовь к массам искусством, издавна присущим Африке, тем более что здесь оно так богато развилось и сохранилось, что трудно найти мало-мальски подобное и в количественном и в качественном отношении в других частях света» [2, стр. 37].

Работы Маркова об африканском искусстве обдумывались и писались в 1913—1914 гг., т. е. тогда, когда многие представители художественных модернистских течений в России, среди них Малевич и Кандинский, порвали с предметной изобразительностью. Кандинский уже написал свои первые абстрактные полотна, а Малевич перешел на позиции супрематизма. Оба они и в своих теоретических выступлениях доказывали, что в искусстве действуют лишь законы «чистой формы». Об этом весьма своеобразном периоде в русском искусстве так написал возвращавшийся в то время в самой гуще событий бывший редактор журнала «Аполлон» Сергей Маковский: «Нигде никогда подобной пестроты не знало художество по ту сторону Вержболова². Иностранцы еще пожалуют, что так мало интересовались культурой предреволюционной России... Вся шкала вкусов и притязаний, от „правизны“, переходящей в ремесленничество магазинное, до крайней „левизны“, не грезившейся заядлым футуристам, оказалась на виду... с одной стороны, этот неистощимый вкус к стилю и стилям, изысканные праздники театрального декораторства, возрождение старины, своей и чужеземной, народного кустарничества, религиозной живописи, итальянского Ренессанса и, с другой — упрямый эгоизм, какого не знал мир, безнадежное повторение задов! И рядом эта отсебятина, не признающая никаких преград, по-

² Пограничная станция на пути из Петербурга в Берлин и Париж.

цветистее до поудалее, и это слепое преклонение перед матиссами... и это восхищение древнерусской иконой, и это смешное подражание уличным лубочным вывескам...» [1, стр. 143—145].

Марков, конечно, являлся сыном своего времени. Его искания целиком вписываются в эту мятущуюся, пеструю картину. Тем рельефнее, значительнее выступают серьезность и трезвость художника — качества, наиболее полно проявившиеся в его теоретических работах об искусстве народов Африки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маковский Сергей, Силуэты русских художников, Прага, 1922.
2. Марков В., Искусство негров, Пг., 1919.
3. Марков В., Искусство острова Пасхи, — «Союз молодежи», 1914.
4. Марков В., Принципы нового искусства, — «Союз молодежи», 1912, № 1.

М. А. Толмачева

ВОСТОЧНОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ АФРИКИ В АРАБСКОЙ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В основном географическая литература арабов средневековья посвящена описанию стран, входивших в состав халифата, так же как и ближайших к нему сопредельных территорий. Другая, меньшая часть содержит сведения о тех странах и народах, с которыми арабские государства имели более или менее продолжительные торговые и культурные контакты. Эта часть арабской географической литературы, хотя и не всегда отличается должной достоверностью, обладает особой ценностью, так как на основании этих источников мы можем судить о широте географических представлений средневековых ученых мусульманского мира. Кроме того, эти источники дают нам наиболее ранние сведения географического, исторического и этнографического характера о странах и народах Азии и Африки, сообщения о которых в научной литературе на европейских языках появляются только со времени великих географических открытий.

Однако на пути исследования географической литературы арабов встречаются специфические трудности, из которых самой главной оказывается принадлежность этой литературы к культурному комплексу средневекового Востока. Практически это означает прежде всего настоятельную необходимость проникнуть в то содержание терминов, которое вкладывали в них ученые определенного культурного ареала с его специфическими представлениями, вызванными и уровнем социально-экономического развития и всем наследием предшествовавших мусульманскому периоду культурных традиций этого ареала. При этом нередко можно обнаружить неожиданную многослойность того или иного термина, включающего аспект географический, этнический, антропологический и даже религиозный. К тому же в разное время его употребления преобладающая роль одного из этих аспектов не оставалась постоянной. Кроме того, термины, в которых преобладал географический или этнический аспект, как выясняется, возникали не в связи со строго локализованной местностью или группой населения, а перемещались по мере расширения круга сведений, сужая или расширяя свое значение, давая, с одной стороны, более или менее точно локализованный термин, а с другой — широкое абстрагированное понятие с довольно свободным употреблением.

Наиболее специфической особенностью источников, связанных с восточным побережьем Африки, оказывается их зависимость прежде

всего от морской торговли арабов побережья Персидского залива и Аравии со странами Восточной Африки. В определенной мере это обстоятельство было вызвано географическими особенностями восточных областей материка. Сухопутные караванные пути — наиболее привычные арабам способы перемещения грузов — по этим местностям не могли быть проложены из-за неблагоприятных природных (в первую очередь климатических) условий, так же как и потому, что их протяженность и трудность в этом случае лишили бы торговлю необходимой безопасности и прибыльности. В то же время морским связям между Персидским заливом и Восточной Африкой чрезвычайно способствовали регулярно меняющиеся муссоны Индийского океана.

БЕРЕГОВАЯ ЛИНИЯ

Традиция морских торговых плаваний в этой части Индийского океана восходит по меньшей мере к началу нашей эры. Естественно, что наиболее точные данные арабских источников, почерпнутые в результате этих контактов, относились к местам, наиболее часто и даже систематически посещавшимся арабами. Это не означает, однако, что наиболее точные сведения касались самой близкой части африканского побережья. Ближе всего к южноаравийским берегам расположен восточноафриканский берег, начинающийся сразу за мысом Гвардафуй, но значительная часть его крайне неудобна для мореходства. Это объясняется отсутствием защищенных бухт и заливов, сравнительно быстрым течением, довольно сильными бризами, нарушающими постоянный характер муссонов, и, наконец, трудностью пополнения запасов свежей воды.

Географическая характеристика побережья меняется только неподалеку от Могадишо, и это обстоятельство в какой-то мере находит отражение в сочинениях арабских географов: начиная от Могадишо и до Момбасы располагается наиболее известная им часть побережья. Южнее Момбасы начинается берег, который нельзя исключить из района, посещавшегося арабскими мореплавателями, но сведения о нем обычно носят менее определенный характер.

Сообщения о восточноафриканском побережье большей частью разбросаны в различных сочинениях без какой-либо строгой последовательности. Иногда они расположены по алфавиту в зависимости от названия пункта или местности, к которым они относятся (как, например, у Йакута и ал-Казвини), иногда изложены в порядке описания маршрута, иногда могут быть подчинены региональному принципу [например: 12; 15; 20; 30]. Именно так (в последовательном делении с юга на север и с запада на восток) построено описание обитаемой части земли у ал-Идриси (ум. в 1165 г.) и Ибн Саида ал-Магриби (ум. в 1274 или 1286 г.), в сочинениях которых можно найти связанное, достаточно полное и последовательное описание восточноафриканского побережья. Районы побережья южнее Момбасы описываются ал-Идриси в составе первого климата (седьмая — девятая части) [2, стр. 304—308 (250—260)]¹, Ибн Саидом — в пятом — седьмом отрезках обитаемой части земли, расположенной к югу от экватора [23, т. IV, лл. 1080а — 1081б].

В целом побережье Восточной Африки с севера на юг делится

¹ Здесь и далее в круглых скобках указаны страницы арабского текста.

различными арабскими авторами на несколько районов следующим образом:

страна берберов, страна зинджей, Софала, Вак-Вак (ал-Масуди, ал-Идриси, Ибн ал-Барди);

страна берберов, страна зинджей, Софала (Ибн Саид);

страна берберов, Занджабар (страна зинджей), Софала, Дагута (ад-Димашки).

Основной особенностью описаний берега южнее Момбасы (Софалы у большинства авторов) оказывается то, что в отличие от северной части побережья, где можно устойчиво идентифицировать хотя бы несколько названий (Карфуна — Гвардафуй, Хафуна — Рас-Хафун, Макдашу — Могодишо, Марка, Брава, Джуба, Малинди), сравнительно многочисленные названия пунктов береговой линии южнее Момбасы в большинстве своем до сих пор не идентифицированы. Однако сведения источников дают некоторое представление о береговой линии в целом.

Так, по ал-Идриси, от Момбасы до деревни (или города) ал-Банас (البانس), расположенного в седьмой части первого климата, — шесть дней пути по суше или полтора перехода по морю. К г. ал-Банас «примыкает земля Софалат аз-захаб. От него до города, который называется Бутахна (بتهنة), по суше, вдоль берега моря, восемь дней [пути] и полтора перехода по морю... В море между этими двумя городами есть большая и высокая гора, которая называется Аджрад...» [2, стр. 305 (258)].

Остальная часть Софалы, по его словам, приходится на восьмую и девятую части первого климата. Здесь расположены два похожих на деревни города — Джантама (جنظمة) и Дандама (دندمة), между которыми — два перехода по морю и семь дней пути по суше. К «земле Софалы» примыкают три города: Дандама, Сайуна (صيونة), Бархата (برخنة)². Главный из них — Сайуна. Это город средних размеров, население которого происходит «из стран Индии, из зинджей и иных. Город этот расположен на берегу моря, и в нем живет глава этой страны». От Сайуны до Бархаты вдоль берега моря — три перехода. Столько же — от Сайуны до Дандамы: «три перехода по морю, а по суше около двадцати переходов, так как между ними расположен большой залив». От Бархаты до г. Джаста (جاستة), находящегося в девятой части первого климата, — один переход по морю, а по суше — четыре дня пути [2, стр. 306—307 (258—260)]. Отсюда три дня и три ночи пути морем до г. Дагута (دغوطة), расположенного на берегу большой бухты. Это последний город «в стране Софалат ат-тибр».

К земле Софала примыкает земля ал-Вак-Вак (الواق واق). В ней находятся два города — Даду (ددو) и Банхана (بنهنة). Неподалеку от них расположена большая деревня под названием Дагдага (دغدغة). Местные жители «черны, вид их гадок, наружность безобразна. Речь их представляет род свиста. Они голы и ничем не прикрываются. Посещают их немногие. Питаются они рыбой, [мясом] раковин и черепах. К их [территории] прилегают острова ал-Вак-Вак...» [2, стр. 307—308 (260)].

На карте ал-Идриси все описанные области помещены южнее экватора, т. е. вне первого климата [см.: 37]. Схематическое изображение этой части Африки по карте, изданной в 1951 г. в Багдаде, см. на рис. 1.

² Варианты чтения: Барха (برخة), Бұхта (بوخته), Бұха (بوخة).

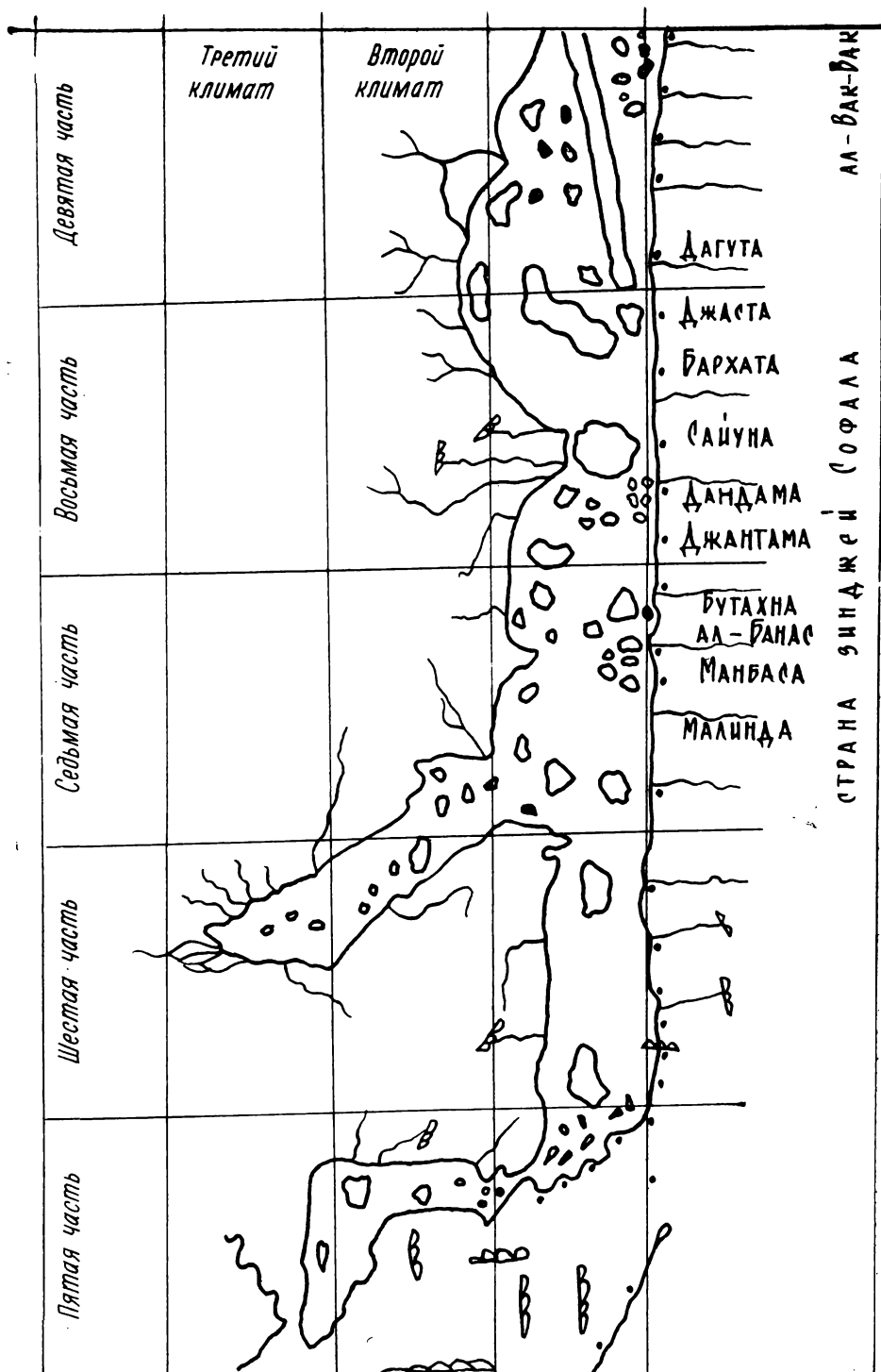

Рис. 1

В отличие от ал-Идриси Ибн Саид, в общем следующий его системе описания земли, устанавливает взаимное расположение пунктов, пользуясь не расстояниями, выраженными в днях пути, а географическими координатами. По его данным, в пятом отрезке (вне первого климата) на широте $2^{\circ}50'$ и на долготе $81^{\circ}30'$ находится Малинда (ملندة), на расстоянии градуса от нее — Момбаса (на той же параллели), а далее — пустыня, отделяющая страну зинджей от Софалы. Здесь находится один из городов Софалы — Батина (بتينة), координаты которого — $2^{\circ}30'$ ю. ³ ш. и 87° в. д. К северо-востоку от города находится гора Аджар, протяженность которой по берегу моря составляет около 100 миль. Город расположен близ большой бухты, в которую впадает река, стекающая с горы ал-Кумр (القمر).

Территория, включенная в шестой отрезок, населена «софалийцами». На побережье находится их столица — г. Сайуна (долгота 99° , широта — $2^{\circ}30'$). Город стоит на берегу большой бухты, к западу от которой в большой залив стекает река с горы ал-Кумр. К востоку от Сайуны лежат горы ал-Мултам, которые тянутся по берегу залива около 260 миль.

Начало седьмого отрезка совпадает с началом гор ан-Надама (الندامة) — в этом месте долгота равна $108^{\circ}1'$. Эти горы простираются от начала заселенной части земли на широте 16° на протяжении 20 дней пути, из них 14 дней — вдоль моря, и кончаются на долготу $117^{\circ}30'$. В северной части эти горы омываются проливом ал-Кумра, а с юго-востока — Окружающим морем (البحر المحيط). К северу от горной цепи, на берегу залива ал-Кумр, стоит г. Дагута (دغوة). Это последний город Софалы, знаменующий окончание заселенной части суши, омываемой этим морем. Координаты Дагуты — 109° долготы и 12° широты. Севернее города располагается бухта, в которую впадает река, берущая начало с горы ал-Кумр. Исток этой реки якобы связан с истоком реки г. Сайуна.

Следуя записи Ибн Саида и пользуясь градусной сеткой, можно схематично воспроизвести линию побережья Восточной Африки в том виде, как она представлялась этому автору (рис. 2).

Отсчет широты в северном полушарии особых трудностей не представлял, причем арабские авторы, как и сейчас, вели его от экватора, так что градусы широты, указываемые в географических сочинениях, должны совпадать с современной градусной сеткой. Что касается долготы, которая может отсчитываться только от какого-то условного меридиана, то по античной традиции отсчет ее велся от меридиана «Счастливых островов» Птолемея и арабских географов, отождествляемых с Канарскими островами современной карты.

На схеме начальной точкой выбран Могадишо, так как его координаты в отличие от многих других пунктов определены довольно точно: широта равна 2° , долгота — 72° . Долгота Могадишо по Гринвичу равна 46° , таким образом, разница ($72^{\circ} - 46^{\circ}$) = 26° соответствует градусному расстоянию от Гринвича до Азорских островов или островов Зеленого Мыса, но не Канарских, расположенных примерно на 10° восточнее. С Канарскими островами идентифицируются как Счастливые (جزائر السعادات والجزائر السعيدة), так и Вечные острова (جزائر الخالدات) арабских географов, действительно часто отождествляемые в арабских

³ Это подтверждается указанием Абу-л-Фиды, цитирующего Ибн Саида [см.: 28, стр. 156, 162].

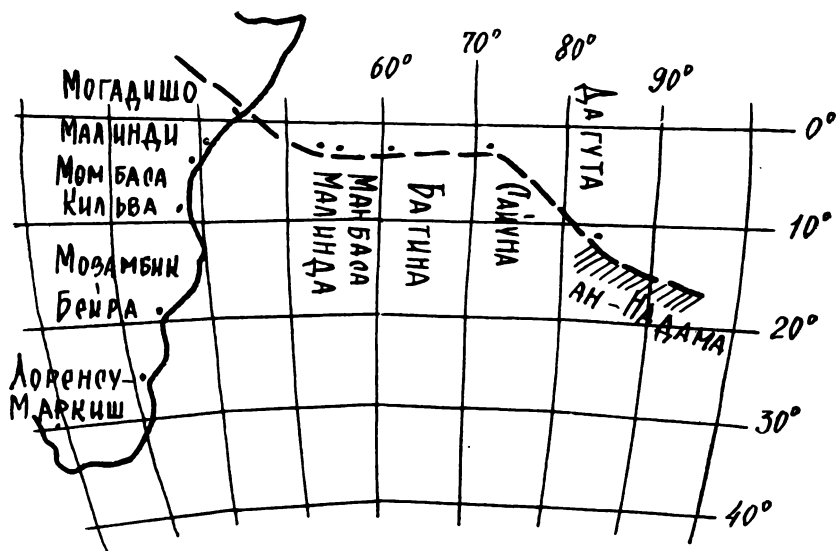

Рис. 2

сочинениях [см., например: 35, стр. 18]. Иногда, впрочем, некоторые авторы различают эти названия (хотя указания такого рода неполны и носят характер беглых замечаний). Так, Ахмед ибн Маджид в «софалийской» урджузе упоминает острова Саадат (السعادات), «которые предстают тебе восточнее Халидат (الخاليدات)» [10, стр. 37]. К сожалению, отсутствие достаточного количества материалов не позволяет говорить подробнее об идентификации этих двух топонимов, однако следует обратить внимание на то, что ошибки в измерениях долготы указывают на постоянное отклонение нулевого меридиана на запад, но не на восток (разница в сравнении с отсчетом долготы по Гринвичу колеблется от 25° до 37°).

Цифровые данные Ибн Саида и других авторов, касающиеся восточного берега Африки, выглядят очень своеобразно. Использование птолемеевой схемы, по которой Африка располагается напротив Индии, по-видимому, приводит к тому, что с определенного момента градусы широты оказываются переведенными в градусы долготы. Точнее, это наблюдается в тех случаях, когда речь идет о местностях, расположенных южнее экватора. Возможно, это связано с тем, что южнее экватора невозможно наблюдать Полярную звезду — наиболее точный ориентир, служивший для определения широты местности в северном полушарии.

Можно попытаться разместить на карте точки восточноафриканского побережья, исчисляя их координаты таким образом, чтобы широтное расстояние от Могадишо до того или иного пункта равнялось разнице их долгот. Долгота будет измеряться указанными в текстах градусами широты, отсчитываемыми к западу от меридиана Могадишо, принимаемого за нулевой. (Если полностью подчиниться этому правилу, наш «нулевой» меридиан пройдет через 2° «восточной» долготы — в соответствии с широтой Могадишо, — но два градуса не представляют в этом случае существенной разницы.) Полученная таким образом линия изображена на рис. 3.

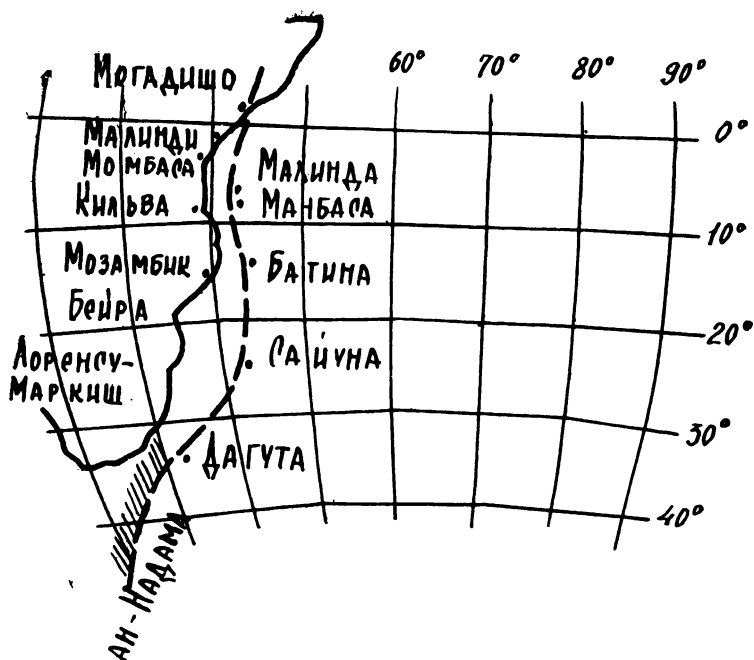

Рис. 3

Реальную долготу местности нельзя было определить до появления механических часов. Поэтому долгота, которая иногда указывается в источниках, по-видимому, определялась геометрически (по принципу треугольника) от какого-то пункта с условными, т. е. теоретическими, координатами при помощи счисления расстояния до определяемого пункта и направления пути по странам горизонта (в море — по компасному курсу).

В связи с этим можно предположить, что в арабских географических сочинениях градусные расстояния в их исходной форме иногда могли оказаться выражены в мерах длины, например в днях пути. Именно так могло случиться с данными, относящимися к восточноафриканскому побережью, которое в силу своей слабой расчлененности представлялось арабским ученым в виде почти прямой, лишь изредка плавно изогнутой линии.

Как уже говорилось, основным источником сведений о восточном побережье Африки были сообщения мореходов. Это в особенности относится к пунктам, расположенным в южном полушарии, где широту места можно определить, измеряя угол поднятия Канопуса (или Большой или Малой Медведицы) над горизонтом. Но такие измерения, по-видимому, применялись на практике только мореходами и не были использованы учеными-географами. Учитывая, что каждый градус равен 60 мин., а минута широты равна морской миле, можно попытаться вернуть градусным расстояниям между отдельными пунктами их исходное значение путевых расстояний. Результаты можно сопоставить с расстояниями, указанными ал-Идриси в днях пути, исходя из того, что обычно дневной переход по суше принимается равным 20 милям, а по морю — 100 милям.

от Малинди до Момбасы
 $1^{\circ}=60'=60$ милям мор-
 ского пути

от Момбасы до Батины
 $87^{\circ} - 81^{\circ}30' - 1^{\circ} =$
 $= 4^{\circ}30' = 270' = 270$ ми-
 лям морского пути

от Батины до Сайуны
 $99^{\circ} - 87^{\circ} = 12^{\circ} = 720' =$
 $= 720$ милям морского
 пути

от Сайуны до Дагуты
 $109^{\circ} - 99^{\circ} = 10^{\circ} = 600' =$
 $= 600$ милям морского
 пути

от Малинди до Момбасы
 $2 \text{ дня} \times 20 \text{ миль/день} = 40$ милям по суше

от Момбасы до ал-Банаса
 $6 \text{ дней} \times 20 \text{ миль/день} = 120$ милям по
 суше
 $1,5 \text{ дня} \times 100 \text{ миль/день} = 150$ милям по
 морю

от ал-Банаса до Бутахны
 $8 \text{ дней} \times 20 \text{ миль/день} = 160$ милям по
 суше
 $1,5 \text{ дня} \times 100 \text{ миль/день} = 150$ милям по
 морю

от Бутахны до Джантамы расстояние не-
 известно

от Джантамы до Дандамы
 $7 \text{ дней} \times 20 \text{ миль/день} = 140$ милям по
 суше
 $2 \text{ дня} \times 100 \text{ миль/день} = 200$ милям по
 морю

от Дандамы до Сайуны
 $20 \text{ дней} \times 20 \text{ миль/день} = 400$ милям по
 суше
 $3 \text{ дня} \times 100 \text{ миль/день} = 300$ милям по
 морю

от Сайуны до Бархаты
 $3 \text{ дня} \times 100 \text{ миль/день} = 300$ милям по
 морю

от Бархаты до Джасты
 $4 \text{ дня} \times 20 \text{ миль/день} = 80$ милям по
 суше

$1 \text{ день} \times 100 \text{ миль/день} = 100$ милям по
 морю

от Джасты до Дагуты
 $3 \text{ дня} \times 100 \text{ миль/день} = 300$ милям по
 морю

Приняв за точку отсчета Момбасу как последний известный на современной карте пункт, называемый арабскими географами, можно попытаться установить с возможной точностью положение относительно него других точек, пользуясь указанными в градусах или днях пути расстояниями, переведенными в мили. Отсчет 120 миль по суше определяет положение г. ал-Банас в районе г. Пангани (чуть южнее). Следует обратить внимание на то, что название ал-Банас — единственное из наименований прибрежных городов, включающее в себя определенный артикль. Между тем это нехарактерно для неарабских географических названий, обычно сохраняющих местную форму произношения. Нет также никаких оснований считать ал-Банас арабским поселением

на восточноафриканском побережье. Скорее можно предположить искаженную запись какого-либо африканского названия, например Пангани. По нормам суахилийской письменности [об этом см.: 6] оно могло быть записано в вариантах: بڤڤانى, بڤڤانى, بڤڤانى, بڤڤانى, которые при переписке могли превратиться в الباناس⁴.

Отсчет следующих 160 миль по суше в южном направлении укажет на местонахождение г. Бутахна в районе Кильвы. В целом расстояние от Момбасы до Бутахны, указываемое ал-Идриси ($120 + 160 = 280$ миль), соответствует расстоянию от Момбасы до г. Батина, указываемого Ибн Саидом (270 миль морского пути), и не противоречит приблизительному определению этого интервала в 300 миль морского пути (по ал-Идриси).

Название г. Кильва, возникшего еще в X в., в арабских источниках появляется впервые у Иакута (ум. в 1229 г.) в форме (كلوة) Килва [34, т. IV, стр. 302], которая становится обычной для более поздних источников. У Ибн Баттуты, впрочем, это название записано в форме (كلوا) Кулва [14, стр. 193], а у ад-Димашки (1325 г.) встречаются два написания: (كلبة) Килба и (كلية) Килита [25, стр. 112, 150]. Если принять во внимание возможность происхождения современного названия «Кильва» от суахилийского «Киримба» [5] (диалектная форма — Килимба), то два эти написания могут оказаться довольно точной записью старинного названия Кильвы. По нормам суахилийского письма, основанного на арабской графике, слово «Килимба» (Киримба) могло быть записано двояко: (كلبة) Kilba, Kili(m)ba и (كلية) Kilimba. В рукописном тексте كلمة легко может превратиться в كلمة, а при дальнейшем незначительном искажении — в كلمة, равно как и в كلمة⁵.

Отсчет от Кильвы (= Батина = Бутахна) 720 миль морского пути указывает на нахождение г. Сайуна близ устья Замбези (район Шинде — Келимане). По данным ал-Идриси, этот интервал окажется равным приблизительно $200 + 300 + x$ миль по морю или $140 + 400 + y$ миль по суше, где x и y — не определенное расстояние по морю и по суше между городами Бутахна и Джантама. Девик и Хартманн ассоциировали Сайуну с современным г. Сена (приблизительно в 50 милях от побережья вверх по течению Замбези) [15, стр. 84; 30, стр. 139]. Однако это чисто лексикологическое сопоставление в данном случае не кажется оправданным, так как до сих пор указания арабских авторов на приморское положение того или иного города соответствовали действительности. Г. Ферран видел в Сайуне Шиону, которую Ж. де Барруш помещал на побережье между Малинди и Момбасой [11, стр. 22; 18, стр. 491]. Это предположение также не подтверждается данными текста. Кроме того, надо иметь в виду возможность чтения Байуна (بيونة) [23, т. IV, л. 10926]⁶. Тогда открывается возможность отождествить Сайуну с известным по другим источникам (в частности, по данным Ахмеда ибн Маджида) пунктом Мульбайуни, находящимся на восточноафриканском побережье значительно южнее Кильвы. Морская эн-

⁴ Идентификацию ал-Банас — Пангани предлагал также К. Миллер [26, стр. 170].

⁵ По-видимому, это относится и к названию «Банхана», которое, хотя и упоминается в тексте как относящееся к другому городу, не сохранилось на карте. Вариант названия «Бутахна» — «Тухна» (تھنا) может быть искажением формы (كلبة) Килба.

⁶ صيونه может также оказаться искаженным написанием названия «Шинде» (вариант записи — صندء).

циклопедия Сиди Али Челеби устанавливает тождество Мульбайуни и Мозамбика [17, стр. 537], с которым, таким образом, можно отождествить Сайуну. Нахождение Мульбайуни значительно севернее расчетного положения Сайуны подтверждается также сообщением Ахмеда ибн Маджида: в его «софалийской» лоции широта Мульбайуни определяется в восемь «пальцев» по Большой Медведице, что соответствует приблизительно 15° ю. ш., т. е. широте Мозамбика.

Следующий крупный пункт на побережье — Дагута — располагается Ибн Саидом на расстоянии 600 миль морского пути от Сайуны. По указанию ал-Идриси, этот путь равен приблизительно $300 + 80 + 300 = 680$ или $300 + 100 + 300 = 700$ милям. В случае нахождения Сайуны близ Шинде или Келимане Дагута оказывается расположенной в районе залива Делагоа (по данным текста — «на берегу большой бухты»). Основываясь на сопоставлении текста и физико-географической характеристики местности, к такому заключению склонялся и Шторбек [30, стр. 141]. Если же принять отождествление Сайуны с Мозамбиком и доверять данным ал-Идриси о количестве дней пути между городами, приходится в данном случае значительно увеличить скорость морского путешествия, имея в виду, что расстояние между материком и о-вом Мадагаскар обычно указывается равным суткам пути. Возможно, следует также учитывать дополнительную скорость передвижения, сообщаемую сильным течением в Мозамбикском проливе.

Если все приведенные выше данные источников соотнести с береговой линией современной карты Африки, пункты, известные арабским авторам, разместятся, как показано на рис. 4.

Южнее Дагуты, по сообщению Ибн Саида, простираются горы ан-Надама — от 108° до 117° , т. е. на протяжении 540 миль. По его же данным, путешествие вдоль этой горной цепи занимает 20 дней (соответственно 400 миль). На современной карте предел известного арабам континента оказывается на южной оконечности материка, близ Ист-Лондона. Физическая характеристика местности, указываемая арабскими авторами, вполне соответствует действительности.

Несмотря на то что самая южная часть берега была арабам почти неизвестна, представление о том, что континент омывался с юга двумя океанами, было довольно устойчиво. Так, ал-Бируни в «Книге вразумления началам звездочетной науки» говорит, что после «Софалат аз-зиндж море (Индийский океан. — М. Т.) соединяется с западным морем-океаном» [2, стр. 114]. У него же в «Каноне Масуда» сказано, что плавающие в западной части Индийского океана «чаще всего достигают Софалат аз-зиндж» и дальше не заходят. Однако «абсолютной преграды для достижения моря-океана (Атлантический океан. — М. Т.)» за этими горами нет: «Я нашел признаки того, что эти два моря сообщаются, хотя мы и не видели этого воочию» [2, стр. 119].

По Ибн Саиду, на долготе о-ва ал-Кумр (Мадагаскар) море заполняет все пространство южнее гор ан-Надама; северной части этих гор противолежит пролив ал-Кумра, а с юга они омываются Окружающим морем (Атлантический океан), вдающимся с юго-востока.

Таким образом, основная часть сведений арабских авторов, в сущности, оказывается отнесена к линии берега, которая выступает вследствие этого наиболее четко. Картографическая точность этих сообщений неоднородна, что, по-видимому, определялось различиями в интенсивности торговых отношений и в устойчивости этой традиции. Данные арабской географической литературы о береговой линии Восточной Африки позволяют охарактеризовать и ареал географических представлений арабской науки и особенности арабской картографии, а также пред-

ставляют определенный материал для исследования развития некоторых специфических терминов, в частности «савахил», «зандж», «софала».

Расположение Софалы определяется арабскими авторами по-разному. Сама Софала называется то страной (у большинства авторов), то городом (у Йакута и ал-Казвини). Координаты Софалы впервые указывает ал-Бируни (ум. в 1050 г.). По его данным, Софала расположена на 10° ю. ш. и 55° в. д. [2, стр. 126]. Абу-л-Фида, ссылающийся на ал-Бируни, называет 2° ю. ш. и 58° в. д. [28, стр. 156]. По ал-Идриси, Софала начинается несколько севернее г. Бутахны, т. е. севернее Кильвы. Софала Ибн Саида располагается между 87° и 99° в. д., т. е. занимает прибрежное пространство на протяжении 720 миль к югу от Кильвы. У Йакута Кильва названа уже городом в стране зинджей [34, т. IV, стр. 302]. Веком позже Ибн Баттута сообщает, что Софала находилась в двух неделях пути к югу от Кильвы, т. е. несколько севернее г. Мозамбик [14, стр. 192]. В конце XV в. Ахмад ибн Маджид определяет положение Софалы примерно между 16° и 20° ю. ш., помещая г. Софала примерно на 18-й параллели (шесть «пальцев» по Большой Медведице) [10, стр. 38—39].

Все эти сообщения о границах Софалы свидетельствуют, что термин, обозначавший вначале часть побережья к югу от Момбасы, постепенно перемещается еще южнее: в XVII в. О. Даппер называет Софалой прибрежную полосу, заключенную между устьями рек Замбези и Лимпопо [13, стр. 394]⁷. В конечном итоге это название закрепляется только за городом, который ко времени позднего средневековья, очевидно, стал играть роль торгового центра прилегающего одноименного района.

Можно отметить аналогичные превращения названия «Дагута». Дагута, «крайний из городов Софалы» (ср. Софала — «последний город страны зинджей»), в «Космографии» ад-Димашки оказывается страной. Более того, прилегающая часть океана получает у ад-Димашки название «моря Дагуты». По-видимому, последовательное изменение содержания этих терминов отражает процесс ознакомления арабов с этой частью Африки.

Несколько иной характер носит история развития термина «савахил».

САВАХИЛ

В настоящее время арабский термин «савахил» сохранился в названии одного из самых распространенных африканских языков *kiswahili*. Место возникновения языка суахили в современной науке определяется довольно точно. Это прибрежная полоса и прилегающие острова Восточной Африки от архипелага Ламу на севере до границы с Мозамбиком на юге. Население этого района называют суахилийцами (*waswahili*).

Вопрос о происхождении этнонима «*waswahili*» и названия языка «*kiswahili*» не вызывал у исследователей сомнения: его решение сводилось к простому сопоставлению этнонима и арабского слова (ساحل) сахил (мн. ч. (سواحل) савахил) в самом общем значении «берег».

В связи с тем что процент заимствованных арабских слов в языке суахили очень велик, казалось простым и естественным назвать бе-

⁷ Следует отметить, что О. Даппер помещает столицу Софалы г. Софала на одном из островов Кувамы (р. Замбези).

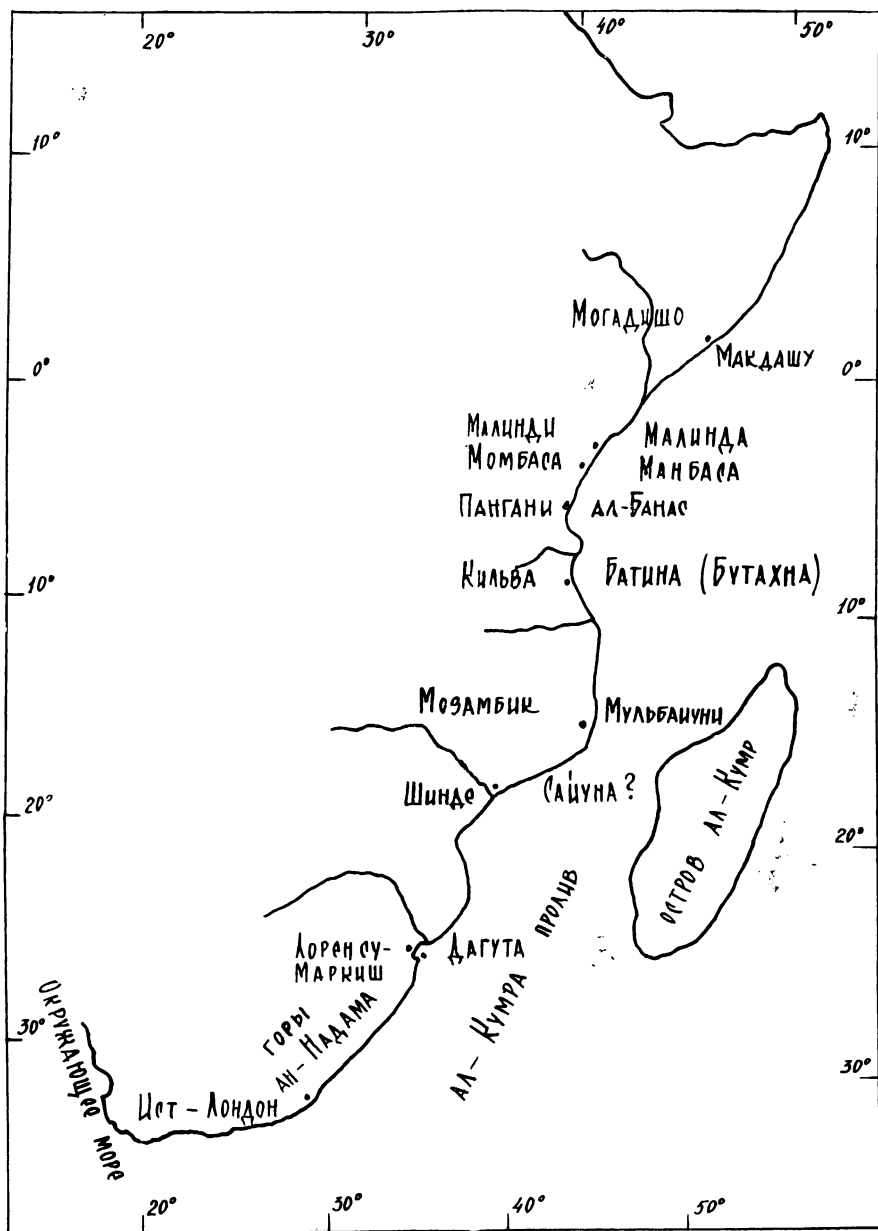

Рис. 4

реговых жителей словом, производным от арабского, тем более что слово ساحل имеет не менее двух случаев сходного употребления — это названия пограничных районов Сахары: Атласский Сахель и Суданский Сахель. Однако следует обратить внимание на то, что в данном случае исходной послужила форма множественного числа: пользуясь суахилийскими источниками, можно установить, что форме «waswahili» исторически последовательно предшествовали «sawahil», «wasawahil», «wasawahili», причем суахилийские хроники фиксируют арабскую форму слова — سواحِل, т. е. сохраняют долготу в середине слова, что не диктуется требованиями суахилийской письменности.

Если происхождение термина имеет в основе форму множественного числа, то предположение о простом переводе слова «берег» («берега») на другой язык или о замене местного слова заимствованным еще не может объяснить это явление. Примеры с сахарскими сахелями убедительно показывают, что и в этом случае скорее всего была бы употреблена форма единственного числа. Для ответа на этот вопрос, по-видимому, лучше всего обратиться к исследованию арабских источников, обратив при этом особое внимание на формы и употребление слова «сахил» («савахил») в арабских текстах и на применение этих слов в связи с восточноафриканским побережьем.

Можно сразу заметить, что слово «сахил» встречается как в единственном, так и во множественном числе уже в самых ранних географических сочинениях, но при этом не содержит ни этнического, ни регионального значения. Форма множественного числа обозначает обычно либо просто «берега», либо «берег большой протяженности». Это же обстоятельство сохраняется и в тех случаях, когда речь идет об Африке. Например, у ал-Джахиза (середина IX в.) можно прочесть:

وانتم لم تروا الزنج الذين هم الزنج قط انما رأيتم السبي يجي من سواحِل قنبله...
وانتم لم تروا من اهل لنجويه احدا قط لا من السواحِل ولا من اهل الجوف...

«Вы никогда не видели настоящих зинджей. Вы видели только пленников с берегов („ас-савахил“) Канбалы... Вы никогда не видели ни одного из жителей Ланджуйн, ни с побережья („ас-савахил“), ни из внутренних областей...» [31, стр. 67].

Пример аналогичного употребления слова سواحِل можно найти у Йакута:

بحر الزنج... ومن سواحِلهم يلتقط العنبر ولا يوجد في غير سواحِلهم...

«Море зинджей... на их берегах собирают амбру, и, кроме их побережья, она нигде не встречается» [34, т. I, стр. 501].

В этих текстах слово سواحِل практически равнозначно ساحل в его обычном значении. Ср. у ан-Нувайри:

ويلي هذه القطعة قطعة تسمى بحر الزنج، وبحر بربرا، ويسمى ساحله الزنجبار...

«К этой части [моря Индии] примыкает часть, называемая морем зинджей, и море Барбары, а берег его называется аз-Занджабар» [42, т. I, стр. 242].

С другой стороны, некоторые источники говорят об определенной области, к которой прилагается название «Савахил». Например, Ибн Баттута указывает, что «из ас-Савахила» привозят зерно в Момбасу. По его сообщению, можно приблизительно установить местонахождение этой области:

«Потом я поехал из города Макдашу в направлении („обратись лицом“ متوجها) страны ас-Савахил (بلاد السواحِل), стремясь к городу Кулва в стране зинджей. Мы прибыли к острову Манбаса... Это большой

остров. Между ним и землей ас-Савахил (ارض السواحل) — два дня пути по морю... У жителей острова нет зерна, и его привозят к ним из ас-Савахила (من السواحل)» [14, стр. 191].

Это известие относится к 40-м годам XIV в. Можно говорить о закреплении традицией этого названия за определенной местностью вплоть до XVI в. Так, в конце XV в. Ахмед ибн Маджид тоже говорит о районе ас-Савахил, расположенном к северу от Момбасы:

«При муссоне отправляется к Побережьям (يسافر السواحل), при Тире вступает на них входящий. А устье появляется за ними, и Момбаса показывается на их юге» [10, стр. 25].

По тексту этой же лоции можно определить и северную границу области ас-Савахил:

«...Эта урджуга называется софалийской. Ее смысл заключается в ознакомлении с течениями и [астрономическими] измерениями от Ма-лайбара, Кабалана, Гузерата, Синда и Атваха до Долгого Берега, а от него — к областям Побережий (نواحي السواحل), Занджа, земли Суфал, Кумра и его островов...» [10, стр. 13].

Выдерживаемая автором последовательность перечисления свидетельствует о том, что область ас-Савахил должна была находиться между Долгим Берегом и страной зинджей (Занджем). Долгий Берег к концу XIX в. ограничивался пространством сомалийского побережья приблизительно между 3° и 5° с. ш. Таким образом, район ас-Савахил должен был находиться в южной части побережья Сомали, причем южная его граница, по указанию Ибн Баттуты (два дня морского пути от Момбасы), проходила несколько севернее архипелага Ламу или южнее устья р. Джубы.

Эта местность сейчас называется Бенадирским берегом или Бенадиром. Можно отметить любопытное совпадение: так же как ас-Савахил, это название использует форму множественного числа (персидское بندر — «порт», «гавань», вошедшее в арабский язык; мн. ч. بنادر).

Это двойное совпадение — географическое и совпадение грамматической формы названия (بنادر—سواحل), — по-видимому, не случайно. Оба эти названия можно рассматривать как определяющие приблизительно одну и ту же область, но различные как по начальной принадлежности к языкам, так, вероятно, и по времени преимущественного употребления. Это тем более интересно, что в арабском языке значение этих двух слов — арабского ساحل и заимствованного بنادر, как и значение их форм множественного числа, в определенных случаях употребления совпадает. Например, Ибн ал-Муджавир (ок. 1231 г.) употребляет оба эти слова при описании о-ва Сокотра:

وفي اطراف الجزيرة سواحل كثيرة مثل بندر موسى

«По берегам острова много гаваней, например Бендер-Муса (буквально: Порт Моисея)» [24, т. II, стр. 268].

Употребление слова ساحل наряду с другим термином, обозначающим гавань или порт (فرضة), встречается у ан-Нувайри (ум. в 1332 г.) в описании Красного моря:

«Приблизившись к ал-Мандабу, оно проходит по северной стороне мимо Галафики и ал-Ахваба, а это — гавани Забида (وهما ساحلا زبيد)... от ал-Кулзума поворачивает на юг и проходит мимо ал-Кусайра — это гавань (فرضة) Куса, затем идет к Айзабу — это гавань (فرضة) страны ал-буджа, простирается к Зейле, а это — порт (ساحل) страны ал-хабаша, и доходит до Берберы...» [42, т. I, стр. 243].

О том, что слово ساحل может обозначать «гавань», «порт», просто «прибрежное поселение», говорят и словари арабского языка [16, стр. 636; 41, т. XI, стр. 328]. Это позволяет объяснить, почему названия Савахил и Бенадир появляются в форме множественного числа и закрепляются за определенным районом побережья.

Именно этот район можно назвать пограничной областью или местом соприкосновения двух ареалов морской торговли. Оживленные торговые связи между мусульманскими странами Ближнего Востока и Восточной Африкой ставили в особое положение города, расположенные на этом участке побережья. Кроме того, именно на этом отрезке берега после значительного перерыва, объясняющегося природными условиями [20, стр. 98], было сосредоточено несколько портовых городов и множество мелких гаваней, давших всему району на каждом из связанных с торговлей крупных языков обобщенное название «гавани». Основные языки, участвовавшие в этом комплексе, — арабский, персидский, «язык зинджей» (т. е., в сущности, язык суахили). На этих языках и появляются соответствующие названия, т. е. арабское «Савахил», персидское «Банадир» (заимствовано арабским), суахилийское (на заимствованной основе) «banadiri».

Оба эти названия зафиксированы и в суахилийских источниках. Хроника Ламу относит название «Савахил» к району побережья близ архипелага Ламу:

Awali ya watu wa Lamu ni Waarabu walitoka Dameski as-Sham. Alowaeta ni Abdu-l-Malik bin Marwan. Ndiye alowaeta Sawahili alipokuya kutaka makamkin an-nahasi...

«Начало благодородным людям Ламу дали арабы, которые пришли из Дамаска в Сирии. Их послал Абду-л-Малик бин Марван. Именно он послал их к Савахилию, пожелав медной руды» [22, стр. 8].

Хроника Пате называет суахилийскими города на пространстве от Пате до Кильвы:

Akapata nguvu sana akapija jumla ya miji ya sawahili: Uziwa na Malindi na Kiwayu na Kitau na Miya na Imizi na Watamu hatta akafika Kirimba. Miji yote [a]kaitamalaki tangu Pate hatta Kirimba kul[i]a muji [a]kaweka mtu wake [ili] kuhukumu, ndiyo asli ya hao majumbe waliyo[ko] [katika] m[i]grima zote...

«И получил он большую силу, и завоевал множество суахилийских городов: Узиву и Малинди, Кивайю и Китау, Мийю, Имизи и Ватаму, до самой Кирибмы. С этого времени всеми этими городами он управлял от Пате до Кирибмы, в каждом городе он поставил своего человека управлять от его имени — вот происхождение тех маджумбе, которые есть на всем берегу Мрима» [21, стр. 151]⁸.

Как видно из текста, в более позднее время (хроника повествует о событиях XIV в.) название «sawahili» относится не столько к области, сколько к населению обширного района, в который входит не только отрезок берега от Пате до Малинди⁹, но и значительные пространства к югу от них. Вместе с тем термин «banadiri», хотя и не имеет еще чисто географического содержания, применяется по отношению к ограниченной области сомалийского побережья:

Na janibu ya huku akatamalaki hatta Warshehi kwa vita alikuwanza kupija tangu Kiwayu na Tula na Tuwala na Shungaya na Banadiri zote Barawa Marka Mukdishu. Napo Mukdishu [a]kaweka luwali hukmu ya

⁸ Эта и следующая за ней цитата даны в переводе В. М. Мисюгина [8].

⁹ А. Вернер указывает, что суахили считают своей прародиной именно этот небольшой участок побережья [см.: 32, стр. 626].

Banadiri zote zikawa Mukdishu, aka'ishi na nti hizo zote zi katika ta'a yake illa Unguja hakutawala...

«Вскоре после этого его власть распространилась вследствие войн до Варшейха. Вначале он завоевал Кивайю и Тулу, Тувалу и Шунгвайю, затем все гавани (весь Бенадир): Бараву, Марку, Мукдишу. Там, в Мукдишу, он поставил наместника, чтобы тот управлял всеми гаванями, которые относились к Мукдишу. И были под властью его все эти страны (города), кроме Унгуджи, где он не правил» [21, стр. 151].

На основании арабских источников можно судить о пестроте этнического состава населения городов этого участка побережья. Сообщения эти иногда противоречивы: одни и те же города могут быть отнесены арабскими авторами то к стране зинджей, то к стране ал-хабаша, то к стране берберов. Например, Мерку ал-Идриси относит к стране берберов [2, стр. 302 (254)], а Йакут называет ее «городом в аз-Занджабаре» [34, т. IV, стр. 502]. Браву у ал-Идриси помещена в стране «неверных, которые ни во что не верят... Часть этой страны [находится] в подчинении у царя барбара, а другая часть — в подчинении ал-хабаша» [2, стр. 304 (256—257)]. У Йакута же Бавари (Браву) и Малинди — «два близких города из страны зинджей» [34, т. I, стр. 485].

Могадиси, по сообщению Абу-л-Фиды, населяют представители зинджей и ал-хабаша (من الزنج والخشة) [28, стр. 161], а Йакут определяет его как «город в начале страны зинджей, к югу от Йемена, на берегу ал-барбар, посреди их земли». Причем все жители города, по его указанию, «чужеземцы, не черные» [34, т. IV, стр. 602].

В этих сообщениях все прибрежные города так или иначе соотносятся со страной зинджей или самими зинджами, хотя территориально могут принадлежать стране берберов. По-видимому, в суахильской традиции арабский термин «савахил» недолго сохранял географическое содержание: через название смешанного, негроидного в своей основе населения торговых центров небольшой части побережья он превратился в этноним «waswahili», обозначавший всех, кто говорил на главном из языков побережья группы банту, который в свою очередь получил название «kiswahili» (буквально: «говорить так, как говорят в савахилиях», т. е. в портовых районах, прибрежных городах и поселениях). В местной традиции закрепляется свое деление побережья: от района севернее Могадиси приблизительно до устья р. Джубы — Бенадир, далее до Малинди — Баджун, от Малинди до Кильвы — Мрима. Внешняя традиция не учитывает превращения топонима «Савахил» в этноним и перемещения его к югу (что, по-видимому, было связано с перемещением на юг центров развития языка и культуры суахили), поэтому в сочинениях арабских авторов для обозначения населения областей Восточной Тропической Африки сохраняется старинное название «зиндж».

ЗИНДЖИ

Слово «зиндж»¹⁰, по-видимому, неарабского происхождения и возникло довольно давно. Достаточно вспомнить название местности Зенгис Ζήγγισα (Ζηγγίσα) ἄκρα, расположенной недалеко от мыса Ароматов, в

¹⁰ Собираательное الزنج аз-зиндж; ед. ч. زنجى зинджи, ж. р. زنجية зинджийа, мн. ч. زنج زунудж, мн. ч. ж. р. زنجيات зинджийат. Как топоним чаще употребляется форма الزنج аз-Зандж.

«Географии» Птолемея (середина II в.) [27, стр. 276] или страну Зинггион *Zīγγiōn* Космы Индоплавателя (VI в.) [33, стр. 62].

В сохранившихся сочинениях античных авторов зинджи не упоминаются, но в арабских источниках встречаются посвященные им отрывки, приписываемые античным ученым. Например, Ибн ал-Факих ал-Хамадани пишет в «Китаб ал-булдан» («Книге о странах»): «Сказал Ифлатун (Платон. — М. Т.), что среди турок неизвестна верность, а среди румов — великодушие, среди хазар — стыд, среди зинджей — печаль, среди славян — храбрость, среди жителей ас-Синда — воздержание» [1, стр. 86 (68)]. Позднее Закарийя ал-Казвини ссылается на известного римского врача и ученого Клавдия Галена (II в.), перечисляя характерные признаки зинджей: «Джалинус (Гален. — М. Т.) говорит: „Зинджей выделяют по десяти признакам: черному цвету кожи, курчавым волосам, приплюснутому носу, толстым губам, тонким рукам и лодыжкам, зловонному дыханию, веселому характеру, недостатку ума и тому, что они поедают друг друга...“» [35, стр. 14].

Трудно судить, были ли приведенные отрывки произвольно приписаны названным авторам или представляют собой перевод или пересказ существовавших в действительности текстов. Недостаточное количество подобных текстов не дает возможности с полной уверенностью восстановить употребленный в оригинале термин, которому в арабском языке соответствует слово «зиндж».

Существует предположение о персидском происхождении этого слова. В персидских текстах (например, в поэзии) оно встречается в форме (زنګ) занг, (زنگي) занги в общем значении «черный», «чернокожий». Самый ранний новоперсидский источник в этом случае — анонимное географическое сочинение «Худуд ал-алем», датированное 982—983 гг. Здесь слово زنگ встречается в составе географического названия زنگبار (Зангибар) [3, стр. 26, 3а, 13а, 39а]. Слово «Зангибар» встречается также в персидских вариантах «Китаб ал-масалик ва-л-мамалик» («Книга о путях и о государствах») ал-Истахри (ок. 340/951 г.), где оно служит эквивалентом арабского «земля зинджей». Немного позже, в середине XI в., находим название «Зангибар» у Насир-и-Хусрау. Например, он пишет:

واكر از عدن سوى جنوب رود كه ميل سوى مغرب شود بزنگبار وحشه رود

«Если от Адена направиться на юг, отклоняясь к западу, [можно] попасть в Зангибар и Хабашат» [29, стр. 42].

Интересно отметить, что у этого же автора в персидском тексте встречается слово (زنوج) зунудж — «зинджи», т. е. арабская форма множественного числа, употребленная вместо соответствующей персидской [29, стр. 47]. Возможно, это объясняется тем, что речь идет о Египте: текст упоминает отряды зинджей в составе дворцовой стражи, — в таком случае употребление арабского названия кажется оправданным.

Судя по той форме, в которой это слово было зафиксировано персидскими авторами, первоначально оно произносилось «занг» или «зенг». Очевидно, надо иметь в виду, что «джим» (ج) мог произноситься как «г» (ср. Гиркания — Гурган — Джурджан) и послужить поэтому эквивалентом «гафа» (ـ) в арабском написании заимствованного слова. Окончательно же решить вопрос, было ли оно заимствовано именно из персидского языка, в настоящее время, по-видимому, невозможно из-за отсутствия более ранних письменных источников на персидском языке, так как арабские произведения исторического и географического характера называют зинджей уже в VIII в. Наиболее подробные из ран-

них сообщений о зинджах сохранились в сочинениях ал-Джахиза. В произведениях более поздних авторов становится ощутима неоднородность этого термина.

Зинджи — средневековый этноним

Упомянутый ал-Джахиз (ум. в 869 г.) был потомком черного раба. Крупный литератор и ученый, он посвятил специальное сочинение темнокожему населению земли. Это — уже цитированная выше «Китаб фахр ас-судан ала-л-бидан» («Книга о превосходстве черных перед белыми»). Кроме того, упоминания о зинджах не раз встречаются в его знаменитой «Китаб ал-хайаван» («Книге о животных»). В отличие от более поздних арабских авторов он совершенно не касается вопроса о расположении страны зинджей, но довольно подробно говорит об их нравах и обычаях. Интересно, что уже у него встречаются указания на неоднородный состав зинджей: «Говорят, что существуют два вида зинджей и одно зинджское племя держит верх над другим. Их два вида: „муравьи“ (التمل) и „собаки“ (الكلاب), одно племя — „собаки“, а другое — „муравьи“. Эти последние гордятся числом, а те — силой. Эти два названия они сами себе выбрали, они не были им навязаны» [38, т. II, стр. 66].

В «Книге о превосходстве черных перед белыми» ал-Джахиз опять говорит о делении зинджей. В этом случае он не определяет строго границы их расселения, но можно найти косвенные указания на районы их распространения: «Вы никогда не видели настоящих зинджей. Вы видели только пленников с берегов Канбалы, из зарослей и долин, из числа наших слуг, низких людей и рабов. А ведь у жителей Канбалы (قنبلة) ни красоты, ни ума. Канбала — это название местности в гавани которой пристают ваши корабли. А дело в том, что зинджи бывают двух родов: канбала и ланджуйа (النجوية), так же как существуют два вида арабов: Кахтан и Аднан. Вы никогда не видели ни одного из жителей Ланджуйи, ни с побережья, ни из внутренних областей» [31, стр. 76—77].

Следующим по времени автором, говорящим о зинджах, оказывается ал-Йакуби (ум. в 897 г.). В его сочинении «Тарих» («История») сказано: «Последнее государство ал-хабаша — аз-Зиндж... Зинджи же — народ, отличающийся расчетливостью и единством сердец» [1, стр. 40 (38)].

Позднее краткое сообщение о зинджах приведено у Ибн Русте (начало X в.): «Что касается моря ал-Хинда, то, когда едущий пересекает это море возле залива Адена, первой землей, в которую он направится, будет остров, называемый Барбар, а он обитаем, и на нем [живет] племя зинджей, связанных со странами черных» [1, стр. 89 (88)]. В словах «племя зинджей» (جنس من الزنج), очевидно, следует видеть указание на известное автору этническое деление зинджей.

Любопытно хронологически близкое к этому сообщению (ок. 951—952 гг.) упоминание ал-Истахри еще об одном виде зинджей — «белых» зинджах. Он пишет в «Книге о путях и государствах»: «А до меня дошло, что в некоторых частях [страны] зинджей находятся холодные области, в которых есть белые зинджи (زنج بيض)» [1, стр. 148 (145)].

Это сообщение повторяется затем у Ибн Хаукаля в «Китаб сувар ал-акалим» (ок. 977 г.) [2, стр. 62 (59)].

Ал-Масуди (ум. в 965 г.) не только говорит об этническом делении зинджей, но и указывает на существование у них отдельных государственных образований: «Зинджи составляют многочисленные роды, и у

них есть царства» [1, стр. 259 (254)]. Он называет несколько видов зинджей: ал-макир (المكير), ал-машкар (المشكر), барбара (بربرا) [1, стр. 236 (229)]. Его сообщение частично повторяет затем Ибн Васиф-шах в «Китаб ал-аджаиб ал-кабир» (1211 г.): «Зинджи — это множество народов. Зинджей много племен, а есть у них и царства» [39, стр. 41а, б].

«Разного рода зинджей» (اصناف الزنج) упоминает и Ибн ан-Надим [2, стр. 84 (83)] (первая редакция его труда «Китаб ал-фихрист» относится к 987—988 гг.). Ал-Бируни в начале XI в. говорит о том, что «на берегах моря и на островах живут различные племена зинджей» [2, стр. 117 (115)].

Новые названия — «зинджи ан-нуба» (زنج النوبة) и «зинджи ал-ха-баша» (زنج الحبشة) появляются в последней трети XIII в. в «Китаб джуграфийа фи-л-акалим ас-саба» Ибн Саида ал-Магриби [23, т. IV, л. 1082а]¹¹. В 20-х годах XIV в. ад-Димашки пишет: «Из числа племен черных — зинджи. Это аз-загун (الزاغون) и аз-загу (الزغو) из потомков Кифта ибн Масра ибн Хама. Их два вида: каблийа (قبليّة) и канджуйа (كنجوية). Каблийа — название муравьев (اسم للنمل), а канджуйа — название собак (اسم للكلاب)» [25, стр. 269]. Вторая часть цитаты, очевидно, представляет собой искаженный и сильно сокращенный пересказ фрагмента «Книги о животных» ал-Джахиза, по которому тем не менее можно установить соотношение между четырьмя названиями зинджей, приведенными у ал-Джахиза, и делением их на два вида. «Каблийа» и «канджуйа» ад-Димашки — безусловно искаженное «канбала» (قنبلة) и «ланджуйа» (لنجوية) ал-Джахиза. В другом случае ад-Димашки упоминает «зинджей ламлам» (للمم الزنوج), говоря об областях, расположенных вблизи оз. Кура [25, стр. 111].

По существу приведенные выше в хронологическом порядке цитаты представляют собой весь материал, содержащий указания на деление зинджей по их названиям. По традиции многие авторы возводят происхождение зинджей к библейскому Ною. При этом они указывают на определенную общность, родство зинджей с другими группами, населяющими Восточную Африку, — нубийцами (ан-нуба), эфиопами (ал-хабаша), беджа, отличая их от негроидного населения Западной Африки, именуемого «черными» (ас-судан السودان). Самое раннее высказывание такого рода принадлежит ал-Йакуби: «Дети же Куша ибн Хама, — а это ал-хабаша и черные, — когда переправились через Нил Египта, разделились на две части. И одна часть из них направилась вправо, между востоком и западом, и это — нубийцы, ал-буджа, ал-хабаша и зинджи, а другая часть направилась на запад» [1, стр. 39 (37)].

О родстве зинджей с ал-хабаша говорит и ал-Масуди: «Зинджи помимо прочих ал-ахабиш (الزنج دون سائر الاحابيش) пересекли пролив, отделяющийся от верхнего течения Нила и впадающий в море зинджей» [1, стр. 236 (229)]. Надо, впрочем, отметить, что термин «ал-ахабиш» употребляется у ал-Масуди в более широком, чем обычно, смысле. Так, у него же встречаются «ал-ахабиш из числа нубийцев» (الاحابيش من النوبة). В приведенном несколько ранее отрывке, принадлежащем этому же автору, можно видеть указание на родство зинджей

¹¹ Йакут, говоря о «зинджских» бербера (بربر الزنج), по-видимому, имеет в виду не особую этническую общность, а бербера, живущих близ аз-Занджа (страны зинджей) [см.: 34, т. IV, стр. 762].

и берберов. Если остальные авторы и не подтверждают это мнение, то все же иногда считают страну берберов составной частью страны зинджей¹².

Страна зинджей

Расположение страны зинджей, ее протяженность и границы определяются арабскими географами различно. В середине X в. ал-Истахри считает, что страна зинджей «не граничит ни с каким государством, кроме ал-хабаша; она расположена против Йемена, Фарса и Кирмана, так что противостоит ал-Хинду» [1, стр. 147 (144)]. Северной границей страны зинджей, основываясь главным образом на сообщении ал-Масуди, считают р. Джуба [подробнее см.: 4]. Ал-Идриси в середине XII в. пишет в «Китаб нузхат ал-муштак», что с севера «со страной зинджей на берегу соленого моря» граничат «два города — Базуна (بدونة) и Каркуна (قرقونة), жители которых неверные» [2, стр. 302 (255)]. В краткой редакции ал-Идриси повторяется, что Базуна «является границей между странами барбара и зинджей» [2, стр. 336 (334)]¹³, тогда как Ибн Саид относит начало страны зинджей к г. Малинда [34, т. III, стр. 96].

Относительно расположения страны зинджей Иакут (до 1229 г.) говорит: «Море зинджей и есть море Индии, а страна зинджей лежит в южной его части под Канопусом (سهييل)... Зинджи видят южный полюс высоко, почти посреди неба, примерно там же Канопус, и совсем не видят ни Полярной звезды (الجدى), ни северного полюса, ни Большой Медведицы (بنات النش)» [34, т. I, стр. 502].

Насир ад-Дин ат-Туси (1201—1274 гг.) считает, что «края зинджей, ал-хабаша и прочих» могут быть расположены южнее экватора, «однако их широты не превышают немногих градусов» [23, т. III, л. 1044].

Южной границей страны зинджей арабские авторы называют Софалу (سفالة): Софала зинджей (سفالة الزنج), Софала золота (سفالة الذهب), Софала золотого песка (سفالة التبر). Обычно Софала — область, расположенная в не определяемой точно местности к югу от страны зинджей, но у Иакута в первой трети XIII в. и позднее у повторяющего его ал-Казвини это — последний город, известный в стране зинджей (آخر مدينة تعرف بارض الزنج) [34, т. II, стр. 96; 35, стр. 29]. Ал-Бируни помещает Софалу зинджей на 10° ю. ш., «напротив Александрии и Египта» [2, стр. 126 (122)] (см. выше).

Можно встретить косвенные указания на значительное протяжение страны зинджей в глубь континента. Правда, ал-Масуди в «Ахбар аз-заман» пишет, что зинджи живут «на берегу соленого моря» [1, стр. 259 (254)], но у него же есть высказывания об обилии слонов в стране зинджей, об охоте на них [1, стр. 237 (230)], наконец, рассказ о египетской экспедиции против зинджей и ан-нуба, которая достигла «земли слонов в стране зинджей» и пригнала пойманных слонов в Египет [36, стр. 186].

При описании Нила часто говорится, что он течет сначала по стране зинджей, потом пересекает страну ал-хабаша и достигает страны

¹² Например, у Абу-л-Фиды по Ибн Саиду: «Берберийский залив... доходит до Берберы из страны зинджей» يتصل ببربرا من بلاد الزنج [28, стр. 25].

¹³ Если, следуя указаниям ал-Идриси, принять расстояние от Марки до Базуны равным десяти дням пути, то ее следует расположить на сомалийском побережье, несколько южнее устья р. Джуба.

нубийцев, а затем уже течет по Египту. Например, — у Ибн Хаукала [2, стр. 69 (51)]. У Йакута — в одном случае именно в связи с Нилом — впервые в арабской географической литературе появляется термин (الزنجبار) «аз-Зандж(а)бар». На этот раз автор имеет в виду внутренние области континента: «Что касается разлива Нила летом, то причина этого в том, что в земле аз-Занджабар выпадет много дождей» [34, т. IV, стр. 864]. Эту же причину летнего разлива Нила указывает Страбон, основываясь на данных Эратосфена: «Древние писатели основывались главным образом на догадках, но позднейшие, став очевидцами, установили, что Нил наполняется от летних дождей, когда происходит наводнение в Верхней Эфиопии, особенно в ее самой отдаленной области» [9, стр. 729]. Исходя из безусловного сходства этих текстов, можно предположить, что в тексте Йакута, передающего сведения античных ученых, термин «аз-Занджабар» выступает эквивалентом греческого *ἠθιοπία*. Возможно, следовательно, что на каком-то этапе развития арабской географической литературы в какой-то определенной ее части (заимствованной) термин «зиндж» может быть равнозначен греческому *Αἰθιοπός*.

В другом случае Йакут называет аз-Занджабаром часть восточно-африканского побережья Индийского океана: «Марка — город в аз-Занджабаре, принадлежащий черным бербера» [34, т. IV, стр. 502]. Вероятно, к этому времени термин еще не определился достаточно строго и иногда просто заменяет выражения «земля зинджей» или «страна зинджей» (ср. в первом случае: *بارض الزنجبار*, т. е. буквально «в земле страны зинджей»). Веком позже, у ан-Нувайри (ум. в 1332 г.), он категорически отнесен к прибрежным районам. Здесь аз-Занджабаром назван берег Моря зинджей и Моря бербера (*يسمى ساحله الزنجبار*) [42, т. I, стр. 242]. Ад-Димашки (1327 г.) также связывает его с побережьем: он упоминает «побережье аз-Занджабара» (*ساحل الزنجبار*) и «прибрежный Занджабар» (*زنجبار الساحل*) [25, стр. 111, 151]. Этот автор относит западные пределы страны зинджей далеко на запад. По его словам, р. ад-Дамдам «вытекает из озера Кура (оз. Чад. — М. Т.) и проходит по местам расселения черных дамдам (*دمدم السودان*) и зинджей ламлам (*للمم الزنوج*)» [25, стр. 111].

Некоторые сообщения, вероятно, могут указывать на расположенные в глубине материка районы распространения мухи цеце. Так, ал-Идриси говорит, что у зинджей «нет верховых животных, потому что те не живут в их земле» [2, стр. 305 (257)]. Еще раньше ал-Масуди, которого повторяет затем ал-Казвини, утверждает, что скот зинджей — «коровы и быки, нет в их земле ни лошадей, ни мулов, ни верблюдов, и они их не знают» [1, стр. 237 (230); 35, стр. 14]. Далее он говорит, что царь зинджей «выступает в поход во главе трехсот тысяч всадников». И разъясняет: «Мы сообщали об их скоте, что это коровы, и зинджи сражаются на них, вместо [того чтобы сражаться на] верблюдах и лошадях. И эти коровы бегут подобно коням с седлами и поводьями» [1, стр. 237 (231)]. Коровы же служат, по его словам, вьючным скотом (ср. у ал-Идриси: «вьючных животных у зинджей нет, поэтому они сами занимаются переноской грузов») [2, стр. 305 (258)]. Разнородный характер этих сообщений был отмечен уже Ибн Саидом. Он пишет о стране зинджей: «Кони у них не водятся, и войско зинджей — пехотинцы. Ал-Масуди же рассказывает, будто зинджи сражаются [верхом] на коровах» [23, т. IV, л. 10816]. Интересен и другой отрывок, приведенный Ибн Саидом со слов Ибн Фатимы: «Цари ал-Канема и Таджувы бежа-

ли со своими столицами от Нила из-за комаров (البغوض). Ибо... по соседству с Нилом много комаров, и вред от них для людей и лошадей был велик» [23, т. IV, л. 1082a].

Облик зинджей

Антропологические признаки зинджей отмечаются несколькими авторами. Обычно это наиболее очевидные признаки негроидности: темный цвет кожи, курчавые волосы, приплюснутый нос. Именно эти черты внешности зинджей перечислены у ал-Мутаххара ал-Макдиси (966 г.) [2, стр. 17 (14)]. Ал-Бируни считает цвет кожи зинджей подобным цвету жженого серебра [2, стр. 119 (116)]. Тахир ал-Марвази (до 1120 г.) указывает, что ал-хабаша и зинджам присущи «пучеглазие, приплюснутые носы, широкие ноздри, отвислые губы». В отдаленных областях, на берегу моря, «есть народ из зинджей... Они имеют неприятные черты и очень высоки. У них отвислые губы, отвислые уши, широкие ушные отверстия и ноздри» [2, стр. 207 (205), 208 (206)].

Наиболее полную антропологическую характеристику зинджей находим у ал-Масуди и ал-Казвини (по Галену — см. выше). Эти авторы говорят о черной от рождения коже, курчавых волосах, широком, приплюснутом носе, толстых губах, тонких длинных руках и ногах, редких бровях [12, стр. 10]¹⁴.

То, что у всех авторов, так или иначе говорящих о внешнем виде зинджей, непременно упоминается темный, черный цвет кожи, возможно, означает, что для арабов того времени само по себе слово «зиндж» не равнялось понятию «черный». Тогда естественно, что зинджей постоянно относят к «черным» в широком смысле слова, не имея в виду «черных» — жителей Западного Судана. Например, в «Китаб фахр ас-судан» ал-Джахиза при перечислении «черных» народов названы зинджи, ал-хабаша, феззан, берберы, копты, нубийцы, загава, мероз, ас-синд, ал-хинд, ал-кимар, ад-дибала, ас-син и масин [31, стр. 79]. Абу Хамид ал-Андалуси (1080—1160 гг.), говоря об особенностях людей и животных различных стран, называет «черноту зинджей» (سود الزنج) [19, стр. 214] как одно из наиболее характерных свойств, присущих зинджам, а не как эквивалент слова «зиндж». Можно вспомнить и «белых зинджей» ал-Истахри и определение цвета кожи зинджей у ал-Бируни (цвет жженого серебра لون السيمسختج, т. е. иссиня-черный). Правда, судя по фрагменту «Минералогии» ал-Бируни, эпитет «зинджи» (زنجي) мог означать не только «зинджский», но и «черный»: «Лучший вид гематита — зинджи, очень черный... Рудник гематита находится в горе ал-Мукаттам и ее окрестностях, в земле Египта. Если это так, то он назван „зинджи“ только из-за цвета» [2, стр. 135 (130)]. Для автора, видимо, название «зинджи» еще не говорит о цвете: «зинджи, очень черный». Вероятно, в этом случае имело место последовательное переосмысление термина: поскольку слово «зиндж» означает чернокожего человека из Восточной Африки, то «зинджи» (зинджский) иногда может быть равнозначно эпитету «черный».

Ислам зинджей

Имел ли термин «зиндж» значение «язычник», «неверный»? Относительно времени, для которого мы располагаем письменными источниками, на этот вопрос нельзя ответить утвердительно. О существовании местных культов, известных арабам, можно говорить, уже основываясь

¹⁴ Соответствующий текст у Галена не сохранился.

на словах ал-Джахиза: «Какой-нибудь человек из них проповедует в присутствии царя зинджей от восхода до заката, не прибегая к жестам и не останавливаясь, пока не закончит речь» [31, стр. 67].

Первое сообщение о существовании в среде зинджей наряду с анимистическими верованиями ислама встречается у ал-Масуди. В «Мурдж аз-захаб» он пишет: «Кому из них понравится что-либо из растений, зверей или минералов, тому он и поклоняется... Среди прочих островов есть остров, между которым и берегом зинджей — около дня или двух дней пути; на нем живут люди из мусульман, и из числа мусульман их цари. Он называется Канбалу (قنبلو)» [1, стр. 238 (231)]. Несколько раньше об о-ве Канбалу сказано: «Это населенный остров, на нем живут мусульмане, хотя язык их зинджский. Они овладели этим островом и пленили тех, кто на нем из зинджей... Владельцы кораблей из жителей Омана пересекают это море до острова Канбалу, расположенного в море зинджей, а в этом городе — мусульмане вперемежку с неверующими из числа зинджей» [1, стр. 224—225 (221)].

У Бузурга ибн Шахрийара (953 г.) в сборнике «Китаб аджаиб ал-Хинд» («Чудеса Индии») есть рассказ о похищении приезжими купцами царя зинджей и о возвращении его затем в свою страну обращенным в ислам [1, стр. 207—211 (193—197)]. У себя на родине он оказывается первым мусульманином: «Я узнал то, чего не знал никто в стране зинджей».

В первой половине XI в. в «Масудовых таблицах» ал-Бируни в числе стран, находящихся за экватором, названа Софала зинджей, населенная мусульманами [2, стр. 126 (122)]. У ал-Идриси жители г. ал-Банас, последнего города в стране зинджей (в полутора переходах по морю к югу от Момбасы), «поклоняются ар-рахиму. Ар-рахимом они называют большой, похожий на бочку барабан, с одной стороны которого натянута кожа» [2, стр. 305 (257—258)]. Но у него же отмечено, что среди жителей г. ал-Унфуджа, столицы одного из островов зинджей, «преобладают в наше время мусульмане» [40, стр. 33]¹⁵.

В «Тухфат ал-албаб» Абу Хамида ал-Андалуси приведена притча о зинджском гуляме, который, будучи отпущен на волю хозяином, египетским портным Аффаном, вернулся в свое царство и уверовал в Аллаха всевышнего [19, стр. 140—142].

В XIII в. Йакут также называет мусульманами жителей о-ва Занзибар: «Ланджуйа (لنجوية) тождественно انقوجة)... — большой остров в земле зинджей... Жители острова — мусульмане» [34, т. IV, стр. 336]. Это сообщение повторяет ал-Казвини в «Китаб асар ал-билад», в главе «Ланджуйа» [35, стр. 39], а в главе «Страна зинджей» можно усмотреть намек на существование у зинджей каких-то астральных культов: «Зинджа не увидишь опечаленным, и веселье захватывает их всех. Некоторые ученые говорят, что причина этого — в соразмерности крови и сердца; а другие говорят, что, напротив, причина этого — в восхождении над ними каждую ночь звезды Канопус, так как она вызывает радость» [35, стр. 14]¹⁶.

¹⁵ Следует читать «ал-Унфуджа» (الانقوجة). Унфуджа — название о-ва Занзибар на языке суахили.

¹⁶ О существовании у зинджей верховного божества сообщают Ибн ал-Факих, ал-Масуди, ал-Мутаххар ал-Макдиси. Они приводят его название у зинджей в вариантах «ламаклуджулу» (لمكولوجلو), «маканджулу» (ملكنجلو), «малакуи джалуи» (ملكوى جلولي) [см.: 1, стр. 81 (62), 238 (231); 2, стр. 20 (18)]. Это слово ассоциируют с зулусским unkulunkulu [см., например: 12, стр. 14—15].

Примерно в это же время Ибн Саид пишет, что жители Софалы и зинджи поклоняются идолам и камням, которые поливают жиром больших рыб [23, т. IV, л. 10816]. Но это сообщение, по-видимому, восходит к более раннему времени и относилось первоначально к более северным областям; ср. у ал-Идриси: «На берегу этого, то есть Индийского, моря расположен город Брава (بروة). Это последний город неверных, которые ни во что не верят. Они берут большие камни, мажут их рыбьим жиром и им поклоняются. Они поклоняются подобным и иным в этом роде нелепым вещам, и, несмотря на то что верование их гадко, они стойко его придерживаются» [2, стр. 304 (256)].

К востоку от Марки Ибн Саид помещает «прославленный город ислама», лежащий на берегу моря Индии, — Макдашу (Могадишо) [23, т. IV, л. 1080a]. Ранее о мусульманстве жителей города сообщает Йакут. Он же относит Макдашу к началу страны зинджей (مدينة في اول بلاد الزنج) [34, т. IV, стр. 602]¹⁷.

У Ибн ал-Муджавира встречается сообщение о том, что Кильва, которую Йакут называет городом в стране зинджей [34, т. IV, стр. 302], «обратилась от шафиитства к хариджитству». Жители ее, пишет он, «придерживаются этого толка до сих пор (ок. 1231 г. — М. Т.)» [24, т. I, стр. 278]. В XIV в. Ибн Баттута рассказывает, что жители Кильвы ведут священную войну (اهل الجهاد), потому что их земли соприкасаются с «неверными зинджами» (كفار الزنج), а большинство из них исповедуют истинную веру, причем «придерживаются шафиитского толка» [14, стр. 193]. По ад-Димашки, этот город принадлежит зинджам-мусульманам (زنج المسلمين), тогда как расположенные к югу земли Дагуты заселены «настоящими», или «коренными», зинджами (زنج الزنج) [25, стр. 150]. Ад-Димашки не раз упоминает «зинджских» зинджей (الزنج), относя их преимущественно к областям Дагуты: (وطائفة دغوطه), «А в Дагута живут настоящие зинджи» (زنج الزنج) [25, стр. 16, 161], но только отрывок, цитированный выше, позволяет увидеть в этом определении противопоставление зинджам-мусульманам.

И в этом и в других случаях можно заметить сосуществование у различных авторов одного времени, а иногда и у одного и того же автора данных разного характера и содержания, которые довольно легко делятся на две группы. Одни говорят о существовании в стране зинджей различных местных культов, другие свидетельствуют о распространении ислама, причем в основном на островах и в прибрежных городах. Распространение ислама в первую очередь в этих районах объясняется более высоким их развитием по сравнению с глубинными районами материка: более интенсивная (в силу выгодного расположения) морская торговля влекла за собой более интенсивное развитие культуры и углубление классового расслоения [об этом см.: 7]. О значительной роли ислама говорит также фраза ал-Масуди «и из числа мусульман их цари», относимая к жителям о-ва Канбалу (см. выше). В главе «Зеленый остров»¹⁸ географического словаря Йакута правители двух городов названы султанами; этот титул, очевидно, уже сам по себе может обозначать именно мусульманского правителя: «Остров ал-Хадра... большой остров у земли зинджей в море Индии... На нем есть два города, один называется Мтамби (متبى), а другой — Мкумбулу (مكبلو). В каждом из них свой султан, который не имеет

¹⁷ Повторяется у ал-Казвини: [35, стр. 40].

¹⁸ «Ал-Джазират ал-Хадра» (الجزيرة الخضراء) арабских географов идентифицируется с о-вом Пемба.

власти над другим. На нем много деревень и селений. Их султан утверждает, что он араб и происходит от [людей], переселившихся на остров из Куфы. Об этом мне рассказал достойный шейх Абд ал-Малик ал-Халлави ал-Басри; он видел все это и знал его, а он человек, заслуживающий доверия» [34, т. II, стр. 75—76].

Это первое сообщение, которое как-то перекликается с данными суахилийских легенд и хроник, обычно возводящих происхождение различных правящих династий к переселенцам из Халифата [о социальной природе этого явления см.: 8]. Особенно интересно, что с подобным высказыванием выступает не араб-путешественник, «заслуживающий доверия» шейх Абд ал-Малик, видевший султана, а сам султан.

Культура зинджей

О культурной жизни зинджей арабские источники дают очень мало сведений. Пожалуй, самым существенным в этих сообщениях являются упоминания о городах зинджей. Начиная с X в. они встречаются примерно в следующем порядке: Канбало (قنبلة, Канбала قنبلة, Канбала قنبلة, Канбалу قنبلو), Малинди (Малинда ملندة, Малинди ملندی), Момбаса (Манбаса منبسة), ал-Банас (البانس), Бутахна (بتهنة), Кильва (Килва كلوة, Кулва كلوا, Килба или Кили(м)ба كلبه), Мкумбуу (Мкумбулу مكنبلو), Мтамбве (Мтамби متنبى), Мogaдишо (Макдашу مقدشو, Макдашау مقدشو), Ламу (لامو).

Перечень включает города, располагавшиеся на самом побережье Индийского океана или на близлежащих островах. Этот факт сам по себе объясняет происхождение этих городов: оно несомненно связано с торговлей, с морем, следовательно, имеется достаточно оснований считать, что по тому времени эти города были не только портами, но и центрами экономической и культурной жизни. То, что арабские авторы описывают их как зинджские города, показывает, что основным населением их были те, кого называли «зинджами». Это, однако, не исключает предположения о том, что население их было пестрым в этническом и языковом отношении. Тем не менее особо следует отметить сам факт причисления их к стране зинджей или к самим зинджам.

Город Канбало расположен на острове того же названия¹⁹; упоминается впервые почти одновременно у ал-Масуди и Бузурга ибн Шахрийара. По словам ал-Масуди, здесь находится престол царя зинджей. Население говорит на «зинджском» языке и в основном исповедует ислам. Можно судить и о довольно оживленных торговых связях острова с бассейном Персидского залива, зафиксированных уже в IX в. ал-Джахизом и позднее ал-Масуди: «Владельцы кораблей из жителей Омана пересекают это море до острова Канбалу, расположенного в море зинджей» [1, стр. 225].

В середине XII в. у ал-Идриси появляются новые названия: Унгуджа (ал-Унфуджа), Малинди (Малинда) и Момбаса (Манбаса). Город Малинда расположен «на берегу моря, в бухте с пресной водой. Малинда — большой город. Жители его занимаются охотой на земле и рыбной ловлей в море. На земле они охотятся на леопардов и волков, в море ловят разную рыбу, которую вывозят на продажу. У них есть месторождение железа, которое они раскапывают и разрабатывают. Железо является главным источником их доходов и основным предметом торговли. Жители Малинды утверждают, что они умеют околдовывать вредных

¹⁹ Идентификация этого названия очень спорна. Его относят то к о-ву Занзибар, то к Б. Коморо, то к г. Мкумбуу на о-ве Пемба, что, по-видимому, наиболее верно.

животных, так что те не причиняют вреда (разве только тем, кому сами жители желают причинить вред и отомстить), что львы и леопарды не нападают на них, так как они их околдовывают. Чародей у них, на их языке, называется ал-мканка.

От этого города до города Манбаса по берегу [моря] расстояние в два дня [пути]. Манбаса — это небольшой город, принадлежащий зинджам. Жители его занимаются добычей железа на месторождении, которое там есть, и охотой на леопардов. Собаки их красного цвета [и настолько сильны], что одолевают волков и львов. Этот город [расположен] на море, на берегу большой бухты, в которую входят корабли... В этом городе находится резиденция царя зинджей» [2, стр. 304—305 (257)].

О той же Момбасе у Йакута уже говорится: «Большой город в земле зинджей. В нем останавливаются суда» [34, т. IV, стр. 656]. У Йакута же впервые появляются Кильва и Могадишо. Ибн ал-Муджавир указывает Макдашу и Кильву в качестве остановок на пути к ал-Кумру [24, т. I, стр. 117]. Возможно, это говорит о том, что Кильва была уже достаточно известным в то время портовым городом. Во времена Ибн Баттуты городом правил султан, который часто совершал набеги «на земли зинджей» (ارض الزنوج). Имя султана чисто арабское: Абу-л-Музаффар Хасан, прозвище — Абу-л-Мавахиб [14, стр. 193].

Немного подробнее сообщения о Могадишо: «Макдашу... город в начале страны зинджей к югу от Йемена... Все его жители чужеземцы, не черные. У них нет царя, а всеми их делами ведают в их интересах старейшины. Если туда приезжает купец, ему приходится остановиться у одного из них и просить его покровительства, а тот берется за его дело» [34, т. IV, стр. 602]. Йакут называет Могадишо «славнейшим» (احل) из городов побережья страны зинджей, отмечая, что город населен арабами, которые «обосновались в этой стране». Это мусульмане, живущие «отдельными группами. Султана у них нет, а у каждой группы свой старейшина, которому они повинуются» [34, т. I, стр. 502]. Ад-Димашки называет Могадишо самым большим городом зинджей (ومدينتهم العظمى مقدشو) [25, стр. 269]. Ибн Баттута называет правителя города султаном, но оговаривает, что местные жители «называют его шейхом. Его зовут Абу Бекр ибн аш-шейх Омар. По происхождению он из бербера, говорит на языке макдиши (بالمقدشي) и знает арабский язык» [14, стр. 183].

Чрезвычайно любопытно здесь упоминание о языке Могадишо. Сейчас известно, что уже с XII—XIII вв. в районе Могадишо был распространен один из диалектов языка суахили — ки-бенадири. На этом диалекте до сего времени говорит население этой части побережья, хотя по антропологической принадлежности оно не относится к тем негроидным группам, которые говорят на других диалектах языка суахили.

Существование собственного языка у зинджей подтверждается краткими, но вполне определенными высказываниями. Например, ал-Джахиз, говоря о зинджах вообще, сообщает: «Нет на земле наречия более легкого для языка, чем их язык» [31, стр. 67]. Ал-Джахиз не только указывает на существование развитого языка у зинджей, но и неоднократно отмечает присущее им красноречие. У него же сохранился чрезвычайно интересный отрывок следующего содержания: «Зинджей — два вида. Одни из них гордятся числом, они зовутся муравьями, а другие гордятся выносливостью и крупным телосложением, их называют собаками. Один вид называется йа-кибва (يكبو), другой — йа-мбва

(تينبو), „собаки“ — та-кибва (تكبو), „муравьи“ — та-мбва (تينبو)» [38, т. IV, стр. 11].

По-видимому, слова «йа-кибва», «та-кибва», «йа-мбва», «та-мбва» происходят из языков банту. Так, «йа-мбва» по нормам языка суахили представляет собой посессивную форму от слова «mbwa» (собака), т. е. означает «нечто, относящееся к собаке», «собачье» (например, ngozi ya mbwa — шкура собаки). «Йа-кибва» и «та-кибва» — также посессив от «kibwa» (собачка). Согласно суахилийской грамматике, эти посессивные форманты «йа-» и «та-» соотнесены с определенными классами имен существительных:

«та-» (ta-, cha-) относится к ед. ч. класса вещей (ki-, vi-), при этом ta- — форма некоторых северных диалектов;

«йа-» (ya-) может быть формантом ед. ч. класса животных (n-) или множественным посессивным формантом класса li-, ma-.

В связи с формой ta- можно заметить, что эти слова могли попасть в арабский текст, будучи записаны на языке суахили, где для раннего времени ta- и cha- изображаются одним знаком [6]²⁰.

Что касается арабских сообщений относительно существования у зинджей письменности, то прямых сведений об этом нет. Следует, однако, помнить, что арабские авторы с известным высокомерием относились к культуре народов, с которыми у них не было достаточно близких контактов. Естественно поэтому, что Ибн ан-Надим в конце X в. отрицает существование письменной культуры у многих африканских народов: «Что касается различных племен черных, таких, как нубийцы, ал-буджа, аз-загава, ал-маррава (мероэ), ал-истан, берберы и разного рода зинджи, не считая [жителей] ас-Синда, которые пишут по-индийски из-за соседства [с индийцами], то у них нет ни известной письменности, ни письменной литературы. Единственное, что ал-Джахиз упоминает в [своей книге] „Китаб ал-байан“ — это существование у зинджей своего рода самобытной риторики и красноречия на их собственном языке» [2, стр. 84 (83)]²¹.

С определенного времени арабские авторы различают группы или слои зинджей по степени культурного развития в соответствии со своими представлениями и в сравнении со своей культурой. Наиболее культурными считаются жители городов или по крайней мере часть их. Так, во второй половине XI в. Абу-л-Касим ал-Андалуси говорит следующее: «...Ими овладело легкомыслие, среди них распространились глупость и безрассудство, как у тех чернокожих, что живут в дальних [областях] стран ал-хабаша, нубийцев, зинджей и иных... всем им причастно то, что они не размышляют о мудрости и не услаждают свои души изучением философии, разве что [за исключением] какой-то группы их — горожан... Лишь некоторые из жителей пустыни и обитателей степей, подобных местам [где живут] ал-буджа, варвары гана и мусор зинджей и им подобные, отходят от этого человеческого порядка и превосходят этот привычный им склад ума» [2, стр. 194 (194)]. Ад-Димашки особо подчеркивает, что искусство риторики и красноречие присущи «северным зинджам» (الزنج الشماليون) [25, стр. 269], а последнее место отводится обитателям «дальних областей». По-видимому, когда

²⁰ Все другие «зинджские» слова, сообщаемые более поздними авторами, также находят соответствие в языках банту, например: «инпила» انبيلا — pera (единогор), «мквadžо» مكوجو — mkwajo (тамаринд), «ал-мканка» المقانقا — mganga (колдун, знахарь).

²¹ Правда, существование письменности у ал-хабаша и нубийцев отмечено еще в первой половине X в. Саидом ибн ал-Батриком [см.: 1, стр. 111 (110)].

речь идет о мусульманах, вопрос об отнесении их к какой-то из этих категорий отпадает сам собой. И действительно, в то время всякий принявший ислам непременно соприкасался с большим комплексом духовной культуры мусульманства.

Данные арабских источников, рассмотренные выше, позволяют определить термин «зиндж» как внешнее, обобщенное название представителей негроидных групп, населявших пространства Восточной Африки. С другой стороны, этот термин обозначал и место обитания этих народов (преимущественно территории, тяготеющие к побережью).

Каково бы ни было происхождение слова, его употребление в таком плане не могло исходить от самого населения Восточной Африки, которое тогда было разделено этническими и языковыми границами в значительно большей мере, чем во времена начала европейского исследования. Трудно предположить для того времени саму необходимость столь общего самоназвания.

Этот термин, как правило, не включал в себя обозначение восточно-африканского населения, говорящего на кушитских языках. Таким образом, страна зинджей, по арабским источникам, представляется довольно определенно: ее северная (устойчивая) граница проходила по р. Джуба, южная — область, называемая Софалой, — по мере ознакомления с побережьем постепенно передвигалась от Кильвы на юг.

Содержание исследованных текстов показывает, что термин «зиндж» противопоставляется:

как этноним — другим этнонимам (ан-нуба, ал-хабаша и т. д.);

как топоним — названиям других стран (الزنج — страна зинджей, الحشة — страна ал-хабаша и т. п.).

Можно отметить внутренние противопоставления:

мусульманин — язычник (первоначально слово «зиндж» автоматически должно было содержать значение «язычник», но с распространением среди зинджей ислама название за ними сохранилось);

горожанин — негорожанин (в зависимости от культурной развитости).

В целом очевидно, что это один из свойственных арабской географической науке этнонимов со специфической характеристикой, включающей не только антропологические, языковые, религиозные и культурные признаки, но и меняющееся от эпохи к эпохе их соотношение внутри термина. Хотя за этим словом закрепляется представление о человеке с черной кожей, эта сторона не является определяющей и термин не имеет расового антропологического содержания в том виде, как оно заключается в современном термине «негроид».

В заключение надо отметить, что в работу практически не вошли данные географических и навигационных вычислений, опиравшиеся на астрономические знания средневековых арабов. Несмотря на безусловную принадлежность их результатов к географической науке, они составляют особую, самостоятельную область знаний, развитие которой шло путями, отличными от классической арабской географии. Если последняя все же в целом представляла собой в известной мере схоластическую науку и параллельно ей существовали и классическая арабская астрономия и астрология, то астрономия мореходная большую часть рассматриваемого исторического периода была наукой практической и в этом смысле — более конкретной и точной.

Несмотря на то что в работе не были рассмотрены более или менее полно данные мореходной астрономии арабов, отсутствие сведений такого рода не сказывается на характере сделанных выводов. Главным же результатом представляется обнаруженная многослойность исследованных терминов, а также та особенность их употребления, что поначалу они (как, например, термин «софала») оказываются отмечающими границу, за пределами которой лежат неизвестные или очень мало известные страны. Затем, по мере накопления знаний, они смещаются по направлению распространения связей, сохраняя за собой символ «границ известного», и наконец локализируются, утрачивая прежнюю способность обозначать не только определенную часть географического пространства, но и какую-то группу ее населения и даже основную характеристику его культурного уровня.

ЛИТЕРАТУРА

1. «Арабские источники VII—X веков по этнографии и истории Африки южнее Сахары», подготовка текстов и перев. Л. Е. Куббеля и В. В. Матвеева, М.—Л., 1960.
2. «Арабские источники X—XII веков по этнографии и истории южнее Сахары», подготовка текстов в пер. В. В. Матвеева и Л. Е. Куббеля, М.—Л., 1965.
3. [Бартольд В.], Худуд ал-'алем. Рукопись Туманского с введением и указателем В. Бартольда, Л., 1930.
4. Матвеев В. В., О северных пределах распространения восточных банту (зинджей) в X в. по арабским источникам, М., 1960.
5. Мисюгин В. М., Заметки о названиях суахилийских городов в хронике Пате (статья находится в печати).
6. Мисюгин В. М., Заметки о старосуахилийской письменности (статья находится в печати).
7. Мисюгин В. М., Происхождение городов восточноафриканского побережья, — «Вестник ЛГУ», серия истории, языка и литературы, 1958, № 20, вып. 4.
8. Мисюгин В. М., Суахилийская хроника средневекового города Пате, — «Труды Института этнографии АН СССР», М.—Л., 1966, т. XС.
9. Страбон, География в семнадцати книгах, перев., статьи и комментарии Г. А. Стратановского, М., 1964.
10. Шумовский Т. А., Три неизвестные лоции Ахмада ибн Маджида, М.—Л., 1957.
11. Barros J. de, Asia. Decada secunda, Lib. I (t. III), Lisboa, 1752.
12. Dammann E., Beiträge aus arabischen Quellen zur Kenntnis des negerischen Africa, Boldersholm, 1929.
13. Dapper O., Description de l'Afrique, Amsterdam, 1686.
14. [Deffrémery C., Sanguinetti B. R.], Voyages d'Ibn Batoutah, t. II, Paris, 1877.
15. Devic L.-M., Le pays des Zendjs, Paris, 1883.
16. Dozy R., Supplément aux dictionnaires arabes, t. I, Leyde, 1881.
17. [Ferrand G.], Relations de voyages et textes géographiques arabes, persans et turks relatifs à l'Extrême-Orient du VII-e au XVIII-e siècles, traduits, revus et annotés par G. Ferrand, t. II, Paris, 1913.
18. Ferrand G., Sofala, — «Encyclopédie de l'Islam», t. IV, Leyde — Paris, 1927.
19. [Ferrand G.], Le tuhfat al-albab de Abu Hamid al-Andalusī al-Garnati, édité... par G. Ferrand, — «Journal Asiatique», Paris, 1925, t. CCVII.
20. Guillaumin, Documents sur l'histoire, la géographie et le commerce de l'Afrique Orientale, t. I, Paris, 1856.
21. Heepe, M., Suaheli-Chronik von Pate. Mitteilungen des Seminars für orientalische Sprachen, 3. Abt., Bd XXXI, Berlin, 1928.
22. Hichens W., Habari Lamu, — «Bantu Studies», 1938, vol. XII, № 1.
23. [Kamal Youssouf], Monumenta cartographica Africae et Aegypti, t. III, fasc. IV, Leyde, 1935; t. IV, fasc. I, Leyde, 1936.
24. [Löfgren O.], Descriptio Arabiae Meridionalis... Ibn al-Muğawir, vol. I, II, Leiden, 1951—1954.
25. [Mehren A. F.], Cosmographie de Chems-ed-Din Abou Abdallah Mohammed ed-Dimichqi, St.-Petersbourg, 1866.
26. [Miller K.], Mappae arabicae. Arabische Welt- und Landkarten herausgegeben von K. Miller, Bd II, H. III, Stuttgart, 1927.

27. [Nobbe C. F. A.], Claudii Ptolemaei Geographia, t. I, Lipsiae, 1843.
28. [Reinaud], Géographie d'Abou'l-Féda, texte arabe, Paris, 1840.
29. [Schefer Ch.], Sefer Nameh, Relation du voyage de Nassiri Khosrau en Syrie, en Palestine, en Égypte, en Arabie et en Perse, pendant les années de l'hégire 437—444 (1035—1042) publiée, traduite et annotée par Charles Schefer, Paris, 1881.
30. Störbeck F., Die Berichte der arabischen Geographen des Mittelalters über Ostafrika, Mitteilungen des Seminars für Orientalische Sprachen, 2. Abt., Jg XIV.
31. [Vloten G. van], Tria opuscula auctore Abu Othman Amr ibn Bahr al-Djahir Basrensi, Lugduni Batavorum, 1903.
32. Werner A., Mombasa, — «Encyclopédie de l'Islam», t. III, 1932.
33. [Winstead F. O.], The Christian Topography of Cosmas Indicopleustes, Cambridge, 1909.
34. [Wüstenfeld F.], Jacut's geographisches Wörterbuch, Bd I—IV, Leipzig, 1866—1873.
35. [Wüstenfeld F.], Zakarija ben Muhammed ben Mahmud el-Cazwini's Kosmographie, Zweiter Theil, (كتاب اثار البلاد) Die Denkmäler der Länder, Göttingen, 1848.
36. اخبار الزمان لابي الحسن علي بن الحسين المسعودي. مصر، ١٩٣٨.
37. صورة الارض للشريف الادريسي المتوفى سنة ٥٦٠ هـ. بغداد، ١٣٨١/١٩٥١.
38. كتاب الحيوان لابي عثمان عمرو بن بحر الجاحظ. القاهرة، ١٩٣٨—١٩٤٥.
39. Рукопись В 613 ЛО ИВ АН СССР. كتاب العجائب الكبير لابراهيم بن وصيف شاه المصري.
40. [Рим, 1592]. كتاب نزهة المشتاق في ذكر الامصار والاقطار والبلدان والجزر
41. لسان العرب للامام العلامة ابي الفضل جمال الدين محمد بن مكرم بن منظور الافريقي المصري. بيروت، ١٩٥٥.
42. [6.г.] نهاية العرب في فنون الادب. تاليف شهاب الد بن احمد بن عبد الوهاب النويري. مصر.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Б. А. Вальская</i> , Вклад Русского географического общества в изучение Африки	5
<i>М. П. Забродская</i> , Некоторые вопросы агроклиматического районирования Африки	19
<i>Ю. Д. Дмитриевский</i> , Государственный сектор в странах Африки и освоение водных ресурсов	32
<i>В. Ф. Митенко</i> , Некоторые замечания о месте Атласской полупустыни в системе природных зон северного полушария	38
<i>В. Ф. Митенко</i> , Некоторые сведения о развитии природы Атласской полупустыни в четвертичное время	45
<i>Л. В. Максимова</i> , Медико-географические особенности Объединенной Арабской Республики	56
<i>Г. Л. Гальперин</i> , Кофе в Эфиопии	67
<i>Н. С. Бабинцева</i> , Кооперативы во Французской Западной Африке (колониальный период)	98
<i>Н. С. Бабинцева</i> , Государственно-монополистическое регулирование скупки и сбыта тропических продуктов в зоне франка (колониальный период)	108
<i>В. В. Анненков</i> , К характеристике структуры экономики Сенегала в конце колониального периода	117
<i>В. В. Анненков</i> , Особенности размещения населения в Сенегале	124
<i>М. М. Голубчик</i> , Железнодорожный транспорт и некоторые вопросы экономического развития стран Экваториальной Африки	136
<i>Н. С. Асоян</i> , Перспективы развития сельского хозяйства и промышленности Уганды	160
<i>Е. Л. Райх</i> , Некоторые медико-географические особенности Восточной Африки	167
<i>И. Н. Олейников</i> , Озеро Танганьика. Опыт физико-географической характеристики	182
<i>М. Б. Рабинович</i> , Монополистический капитал в Южной Африке и активизация британской колониальной политики в конце XIX века	208
<i>М. Б. Рабинович</i> , Англо-германский конфликт в Южной Африке в 1896 г.	228
<i>И. В. Рябикова</i> , Захват и колониальное порабощение Канарских островов по данным западноевропейских средневековых хроник XV—XVI веков	245
<i>Н. Н. Коцевская</i> , В. Марков (В. И. Матвей) и его книга «Искусство негров»	261
<i>М. А. Толмачева</i> , Восточное побережье Африки в арабской географической литературе	268

CONTENTS

<i>B. A. Valskaya</i> , Russian Geographic Society's Contribution to the African Studies	5
<i>M. P. Zabrodskaya</i> , Some Questions of the Agroclimatic Regionalisation of Africa	19
<i>Y. D. Dmitrevsky</i> , The State Sector in African Countries and Developing of Water Resources	32
<i>V. F. Mitenko</i> , Some Notes on the Role of the Atlas Semidesert in the System of Climatic Zones of Northern Hemisphere	38
<i>V. F. Mitenko</i> , Some Notices on the Development of the Nature of the Atlas Semidesert in the Quarternary Period	45
<i>L. V. Maksimova</i> , Medical-Geographical Peculiarities of the UAR	56
<i>G. L. Galperin</i> , Coffee in Ethiopia	67
<i>N. S. Babintseva</i> , Cooperatives in the French West Africa (Colonial Period)	98
<i>N. S. Babintseva</i> , State Monopoly Regulation of the Market of Tropical Products in the Franc Zone (Colonial Period)	108
<i>V. V. Annenkov</i> , On the Characteristics of the Economic Structure of Senegal at the End of Colonial Period	117
<i>V. V. Annenkov</i> , Peculiarities of the Distribution of the Population in Senegal	124
<i>M. M. Golubchik</i> , Railway Traffic and Some Questions of the Economic Development of the Equatorial African Countries	136
<i>N. S. Asoyan</i> , The Outlook of the Development of Uganda's Agriculture and Industry	160
<i>E. L. Reich</i> , Some Medical-Geographical Peculiarities of East Africa	167
<i>I. N. Oleinikov</i> , The Lake Tanganyika an Outline of Phisico-Geographical Characteristics	182
<i>M. B. Rabinovitch</i> , Monopolistic Capital in South Africa and Stirring-up of British Colonial Policy at the End of the XIX Century	208
<i>M. B. Rabinovitch</i> , Anglo-German Conflict in South Africa in 1896	228
<i>I. V. Ryabikova</i> , The Ceizure and Colonial Enslavement of the Canary Isles as Reported by West Europe Medieval Chronicles (XV—XVI Centuries)	245
<i>N. N. Koshtchevskaya</i> , V. Markov (V. I. Matvei) and his Book «The Art of the Negroes»	261
<i>M. A. Tolmatcheva</i> , East African Coast in Arabian Geographic Literature	268

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА,
вып. IX

*Утверждено к печати
Восточной комиссией Географического общества СССР
Академии наук СССР*

*

Редактор *А. А. Кожуховская*
Технический редактор *М. А. Полуян*
Корректор *М. З. Шафранская*

*

Сдано в набор 24/II 1969 г.
Подписано к печати 14/VIII 1969 г.
А-05249 Формат 70 × 108¹/₁₆. Бум. № 1
Печ. л. 18,75. Усл. п. л. 26,25. Уч.-изд. л. 24,69
Тираж 1700 экз. Изд. № 2273
Зак. № 243. Цена 1 р. 75 к.

*

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука».
Москва, Центр, Армянский пер., 2
3-я типография издательства «Наука».
Москва, К-45, Б. Кисельный пер., 4

